

Аркадий и Георгий Вайнеры

PREMIUM

Не потерять человека

Георгий Александрович Вайнер, Аркадий Александрович Вайнер

Аннотация
Аркадий и Георгий Вайнеры. Не потерять человека
Аркадий и Георгий Вайнеры. Карский рейд
Часть I. Бегство
Часть II. Поход
Часть III. Бой
Аркадий Вайнер. Нелюдь
Аркадий и Георгий Вайнеры. Не потерять человека
«Прошу дать мне учиться…»
«У меня есть увеличительное стекло. Правда, оно уменьшает…»
«…Я остался без внимания»
«Я ей прощаю…»
«Что ты, не мужчина, что ли?»
«Прекратите портить наших ребят…»

Аннотация

Братья Вайнеры – признанные мастера детектива, но с успехом работали и в других жанрах. Например, события повести «Карский рейд» разворачиваются в двадцатые годы XX века. Россия измучена потрясениями революции и кровопролитной Гражданской войной. Высока внешняя угроза. В европейской части страны голод, а в Сибири хлеб есть, и с избытком, но доставить его можно только Северным морским путем, и задача эта кажется почти невыполнимой…

Еще один образец нетрадиционного для Вайнеров творчества – художественно-документальные очерки, объединенные в книгу «Не потерять человека». В них авторы рассказывают о реальных судьбах подростков, преступивших закон.

Повесть Аркадия Вайнера «Нелюдь» легла в основу сценария одноименного фильма 1990 года. Главные роли в картине исполнили такие замечательные актеры, как Людмила Гурченко, Борис Невзоров, Сергей Никоненко.

Аркадий и Георгий Вайнеры
Не потерять человека

© А. А. Вайнер (наследники), 1990
© А. А. Вайнер, Г. А. Вайнер (наследники), 1978, 1983
© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Аркадий и Георгий Вайнеры. Карский рейд

Часть I. Бегство

Указка ползала по карте, как худая голодная пиявка, и главнокомандующему казалось, что там, где ее острый черный кончик задерживался, она глотала опорные пункты, укрепленные деревни, охраняемые разъезды.

— …Противник численностью до двух полков вышел через деревню Денисла́вская к узловой станции Плесецкая и после короткого кровопролитного боя захватил ее… — гудел где-то сбоку, над самым ухом, простуженный насморочный голос штаб-офицера.

Офицеру не хватало воздуха, его душили аденоиды, и главнокомандующему все время хотелось приказать ему высморкаться, но не было сил заговорить, и от этого Миллер плохо вникал в подробности доклада, их напрочь смывал гундосый сопливый голос штабиста. Да и в подробностях ли сейчас дело? Сейчас важна суть…

— …При содействии местных жителей-проводников красные обошли по брошенным лесным дорогам укрепленный населенный пункт Кочмас и захватили разъезд Четыреста шестнадцать, — бурлил тяжелым носом офицер. — Из-за угрозы

быть отрезанными от основных сил наш бронепоезд «Генерал Алексеев» вынужден был отступить без боя, взорвав при отходе мост через реку Емца…

— Где сейчас проходит линия обороны? — перебил штаб-офицера Миллер, слушать дальше было невыносимо. Хотя в этом тоже была страшная примета всеобщего разрушения и гибели: командующему победоносной армией ни при каких обстоятельствах не мог бы докладывать офицер с заложенным носом.

— …Нарушена связь… последние донесения недостоверны… части вышли из повиновения… — загугнил, забулькал штабист.

— Но где дислоцированы части, которые не вышли из повиновения и с которыми не нарушена связь? — зло выкрикнул главнокомандующий.

Начальник штаба генерал Марушевский горестно вздохнул, отодвинул насморочного дежурного, сипло сказал:

— Господин командующий, фронта больше не существует. Сегодня утром красные оседлали железную дорогу на Котлас, захватили Емец и Обозерскую, отрезали нас от броневых сил и стремительно катятся на Архангельск. На их сторону перешел Архангелогородский полк, гаубичный

дивизион, пулеметные роты «люисганов»…

— Вы хотите сказать, Виктор Васильевич, что у нас больше нет связи с войсками и вы не представляете, что происходит на фронте? — сердито поджал губы Миллер.

Вынырнувший из-за плеча Марушевского начальник контрразведки Чаплицкий неприятно засмеялся:

— Генерал Марушевский хочет сказать, что нет фронта…

У Чаплицкого были горячечные глаза фанатика. Или человека, не пренебрегающего кокаином. Или не остывшего после свалки драчуна. Неприятный субъект. У него на лице всегда написано желание сказать дерзость. Или подпустить шпильку. И лучше всего было бы сейчас прикрикнуть на него, одернуть, поставить на место.

Но состояние бессилия, наваждения, долгого кошмарного сна, лихорадки не покидало, сковывало волю нерешительностью, а тело немощью.

Рассеянно пощипывая бородку, Миллер прислушивался к стрекочущей в виске головной боли, пронзительно-злому и надоедливому сверчку, перфорацией высекающему дыры пустоты и забвения в мятой поверхности перепуганных и смятенных мыслей.

Наваждение, обман чувств, мираж. Удивительно долгий неимоверный сон. Не могла так быстро, так внезапно, так необъяснимо свернуться, истлеть, растаять вчера еще огромная империя. Свестись к задымленному, прокуренному, оторванному от всего мира уголку гостиной Архангельского коммерческого клуба, где доживает последние часы его ставка — резиденция главнокомандующего и генерал-губернатора Северного края.

Он смотрел в яростные сумасшедшие глаза Чаплицкого, и в его душе поднималась вялая ненависть. Но звонко тарахтящая боль в виске сразу смиряла ее, и он вновь погружался в зыбкую сумерь нерешительности, боязни, мистической надежды на какое-то чудо.

— Что же делать? — неожиданно для себя сказал он вслух. Громко.

И в этом крике души — сигнале полной потери воли, признании в своем бессилии и непонимании происходящего — было такое предречение гибели, распыла, исчезновения, что смолкла на миг обычная штабная суета. Даже телеграфный аппарат Бодо остановил свой беспрерывный щелк и неутомимое кружение бумажных лент.

И электрический ток ослаб в лампах — будто

сигнала ждал. Померк, пожелтел свет, яичным болтуном тревожно сгустился в прозрачных колбочках, накалил в них докрасна проводки и — погас совсем.

Забегали, зашаркали адъютанты, упал в темноте стул, кто-то зашибся и коротко, зло ругнулся, шелестели во мгле бумаги, и в темно-фиолетовых намерзших задышанных окнах стал все яснее и пугающе проступать багровый отсвет далекого пожара.

— Свет! Принесите лампы! К командующему свечей! — гукали, перекатывались по дому голоса.

Надсадно кричал в телефонный рожок кто-то из офицеров:

— Почему нет света? Что с электричеством? Дайте срочно свет!..

Золотистые дымящиеся овалы керосиновых ламп и выражение радостного облегчения на лицах у всех — как у перепуганных детей, выведенных из темноты. Брошенный на крюк телефонный наушник — электростанция забастовала, рабочие разбежались.

— Что же делать? — уже тихо, растерянно повторил Миллер, и было ясно, что он не ждет совета или помощи от присутствующих: ему

нужна была подсказка сверхъестественных сил, способных разрушить этот длящийся горячечный кошмар ухода в небытие.

Угревшийся у голландской печи лесопромышленник Зубов, единственный штатский в кабинете, терпеливо помалкивал. Но после слов Миллера он вдруг сварливо заметил:

— Это вы, господин губернатор, должны сказать — что нам делать! Вы так яростно настаивали на передаче вам диктаторских полномочий, что я пошел на неслыханную меру — как вице-премьер, я распустил демократическое правительство Северного края! А вы за девять дней неограниченных полномочий ничего не сделали, чтобы переломить обстановку на фронте! Мы, конституционные демократы…

— Замолчите! — свистящим тонким голосом закричал Миллер. Он вскочил с кресла, затопал ногами и закричал еще пронзительнее, и криком этим он душил в себе страх, отчаяние и тонкую свиристящую боль в виске: — Замолчите, презренный либерал! Вы, вы, вы! Сытые, праздные, тщеславные болтуны довели Россию до гибели! Это не большевики, а вы раскачали устои монархии! Вам была нужна конституция! Вы требовали Думы и Учредительного собрания!

Вам была невыносима династия Романовых! Вас не устраивали правительство и армия! Вы все получили теперь — все, чего добивались! Вы развратили народ неосуществимыми посулами и хотите, чтобы мы платили за ваши обещания! Так помалкивайте, по крайней мере! Иначе я сейчас же прикажу конвойному взводу расстрелять вас во дворе!..

Миллер обессиленно упал в кресло, и в наступившей тишине вдруг раздались одинокие отчетливые аплодисменты — это хлопал в ладоши, светил горячечными глазами, весело смеялся Чаплицкий:

— Браво! Прекрасно сказано! Если вы мне разрешите, господин командующий, я могу освободить от хлопот конвойный взвод. С удовольствием и очень умело я управлюсь в одиночку с этим ответственным и полезным делом! Разрешите приступить?..

Зубов испуганно нырнул в полумрак, подальше от этого сумасшедшего. А Миллер недовольно покосился на Чаплицкого, сглотнул несколько раз, умеривая дыхание, и негромко, но твердо скомандовал:

— Генерал Марушевский, приступайте к эвакуации на Мурманск. Абсолютно секретно. Нельзя

поднимать панику в остающихся частях…

И мгновенно возникший вал безудержной паники общего бегства неостановимо покатил к причалам торгового порта.

Красноармеец Тюряпин до войны жил в теплом южном городе Ростове. А работал грузчиком на хлебных ссыпках компании «Братья Вальяно». Любил он солнце, огромные сахарные арбузы и веселую жизнь портовой вольницы, не признававшей и не терпевшей над собою никакого начальства, кроме артельного старосты. И когда в августе четырнадцатого года околоточный надзиратель вручил ему мобилизационный лист, купил он на прибереженный для зубов золотой империал ведро водки, свиной задок, четыре пшеничных каравая и мешок — бездонный «ламтух» — с арбузами. Товарищи по грузчичьей артели чинно приняли угощение, степенно покалякали на прощанье, обняли крепко — до костного хруста — и дали твердое наставление: на фронт не ходить нипочем.

— Не твое и не наше дело, не, — заверил артельный батько. — Пущай Вильгельм с Николой сами разбираются, раз кашу заварили…

И покатил Тюряпин вверх по Дону до Калача, там перебрался на Волгу, на палубе парохода

общества «Самолет» поднялся до Нижнего Новгорода, а уж оттуда — на Урал, в Сибирь — дорога короткая. Два года бродяжничал, пока не сцапали в Чите, и сколько ни прикидывался дурачком без памяти, без имени, без разумения — укатали все-таки в маршевый батальон, направлявшийся на Западный фронт.

И открылся тут в нем талант разведчика: не было экспедиции за колючую проволоку, через линию фронта, чтобы не включили туда пластуна Тюряпина. Здоровое молодое тело, налитое хлебной силой, наловленное бесконечной беготней с шестипудовыми мешками по узким качающимся сходням, послушно и терпеливо подчинялось хитрой белобрысой голове вольного бродяги. За взятого в плен немецкого обер-лейтенанта дали Тюряпину погоны унтер-офицера, за притащенного на себе с той стороны раненого поручика Сестрорецкого полка Иоганна Федоровича Кизиветтера навесили «Георгия». «Я с этими немцами — ихними и нашими — скоро генералом стану!» — веселился Тюряпин. Но стать генералом не успел, потому что грохнула революция, развалилась армия, солдаты стали брататься, а генералов упразднили вовсе.

И к собственному удивлению, Тюряпин поехал

не в Ростов, где ждали его солнце, арбузы и портовая вольница, а вступил в Красную армию и третий год подряд голодал, холодал, мерз, мок, отступал, наступал, шагал через болота, тайгу, тундру, вместо тепла южного солнца терпел приполярную стылость, вместо сахаристой мякоти арбузов, которых в здешних краях никто и в глаза не видывал, пил морковный чай с сахарином и приучился даже соблюдать дисциплину.

Шестерым бородатым поморам, молчаливым, дремучим, как старый черный амбар на перекрестке дороги в порт, где они заняли позицию, Тюряпин пояснял:

— Ликвидируем белых, кончим капитализьм — жизнь станет вольная, теплая, сладкая. Как арбуз. Вот ты, дядя, хоть раз в жизни ты ел арбуз?

Заросший волосьем до самых глаз дядя в облезлой собачьей дохе арбуза не ел. Он думал о том, что если сегодня-завтра красные сюда поспеют, то, может, удастся скрыть от белой интендантской реквизиции коровенку Фросю, и тогда — с молочком, с картохой, с оладьями из отрубей — можно будет дотянуть всех пятерых ребятишек до весны. А там — рыба появится, летом вообще легче, клюква пойдет, а скорбут-цинга клюквы как огня боится.

Только бы красные подошли скорей! Вот этот разбитной веселый красноармеец, когда решил остаться с ними в засаде, отправил к своим двух других и сказал им: бежите, мол, без остановки, а сюда возвращайтесь с ротой по сожженному мосту, он всего на полметра притоплен, бежите быстрей, часа за три обернетесь коли, мы белых от порта отрежем…

— Ни разу в жизни арбуза не ел? — огорчался Тюряпин.

— А это што такое — мясо? Али дичь? — спросил неспешно другой бородач, внимательно всматриваясь в ночь сквозь узкие окошки-бойницы.

— «Дичь»! Скажешь тоже! Сам ты, дядя, дичь! Арбуз — это такой плод, либо, ежли по-научному, точнее говоря, — это ягода…

— Ягода! — удивился мальчишка со степенным именем Гервасий. — Вроде клюквы, што ли?

— Клю-ква! Клюква — тьфу, кислота одна и горечь! А арбуз — как сахар, и размера — во-от какого! — развел на всю ширину руки Тюряпин.

— Во врет служивый! — восхитился мужик в собачьей дохе. — Где же это растут ягоды с котел?

И Гервасий по-мальчишечьи заливисто засмеялся, за живот схватился, покатился от веселья и позавидовал: вот что значит городской человек

— чего хошь наврет, ресницей не вздрогнет.

Тюряпин тоже усмехнулся, головой покачал несердито, сказал душевно:

— Эх, мужики, мужики, вот для того и нужна позарез победа революции, чтобы вы темноту свою осознали, из берлог своих на белый свет повылазили.

А бородач у окна вдруг сказал тихо и сдавленно:

— Эй, вы, там! Угомонитесь! Едут, кажись…

И в разом наступившей тишине отчетливо зарокотал близкий гул моторов, и тоска подступила к сердцу, и Тюряпин досадливо крякнул:

— Эть, жалость-то какая! Не поспели, слышь, к нам ребята! Теперя самим придется…

Передернул затвор, загнал патрон и встал к темному проему в стене.

— А что, ваше высокопревосходительство, в Риме не бывает таких холодов? — дурашливо спросил Чаплицкий.

Миллеру послышалась насмешка в хриплом голосе офицера. Он растерянно заморгал, кашлянул, ответил без всякого проблеска иронии:

— В Италии, где я имел честь представлять военные интересы империи Российской…

— Империи… Пропили мы нашу империю…

Прогуляли… — перебил Чаплицкий. Длинно, с повизгиваньем, зевнул и добавил тихо, устало, без выражения: — Теперь двинемся в Италию… Представлять… самих себя.

Офицеры ехали в бронированном «роллс-ройсе» по окраинной, плохо мощенной улочке Архангельска. Мела сырая февральская поземка, ни одного окошка не светилось в старых покосившихся домах. Город испуганно затаился, замер, ожидал неведомых перемен.

Миллер сердито, по-петушиному, крикнул:

— Ну-ну-ну, не забывайтесь, господин капитан первого ранга! Есть Мурманский фронт, есть флот! Есть, наконец, союзники!

— Что же вы их не использовали здесь, в своей столице Архангельске? — со злым истеричным весельем спросил Чаплицкий. — Еще вчера ведь и здесь был фронт, и флот был, и союзники? А-а?..

— Извольте, милостивый государь, не перебивать меня! Вы знаете, что такое стратегия? Ценою малых потерь обретается победа в главном. Кутузова, когда он оставил Москву, обвиняли в трусости… да что в трусости — чуть ли не в предательстве!

— Вот это точно, — согласился Чаплицкий. —

Убедили. Вы — Кутузов. А кто Наполеон?

— Серьезность момента не позволяет примерно воздать вам за невоспитанность, — выдавил из себя Миллер, задыхаясь от возмущения. — Настоящий дворянин отличается от плебея умением и в трудной обстановке сохранять достоинство. Вы никогда над этим не задумывались?..

— Совершенно с вами согласен, господин генерал-лейтенант. — Чаплицкий едко усмехнулся. — Особенно, если учесть одно весьма существенное обстоятельство…

— Какое же? — высокомерно вскинул брови Миллер.

Чаплицкий прищурился:

— Когда мой прадед был министром двора у короля Августа, ваш предок варил пиво в Бадене…

Ответить Миллер не успел.

Когда Тюряпин увидел на полого спускавшейся к ним улице свет фар нескольких автомашин, он вдруг с удивительной ясностью понял, что с того самого момента, как он, пробравшись в город, разыскал партизан и они рассказали, что солдат-телефонист из миллеровского штаба успел шепнуть им об эвакуации, то и не надеялся он на подход подкрепления. За несколько часов им было не обернуться. Но и не задержать штаб — хоть

ненадолго — Тюряпин не мог не попробовать. И о том, что отбиться ему не удастся, старался Тюряпин не думать. До того мига, пока не засветили ярко в сизой черноте ночи слепящие плошки автомобильных огней, которые никому, кроме штаба, принадлежать не могли.

И пока наводил черный плавный пенек мушки между фар и чуть-чуть выше, чтобы вернее влепить в водителя, ущемила сердце коротко, но больно быстрая мысль о том, что на Дону уже синие широкие разводья, лед трескается и громко шуршит перед тем, как с гулким ревом сорваться разом и за одну ночь уйти в море, и над городом уже плывет соленый ветер близкой большой воды, и каштаны набухают толстыми почками, и закаты стали длинны, покойны и прозрачно-сиреневы. Эта весна была для кого-то. Тюряпину остался черный амбар на перекрестке пологой дороги в порт, медленно приближающиеся снопы света и черная черточка мушки, упершаяся наконец твердо между двумя огнями, только чуть-чуть повыше.

И осторожно спустил курок.

Еще не услышав хлопка выстрела, передернул затвор, достал следующий патрон из подсумка и снова плавно, ласково нажал спусковой крю-

чок…

Ответить Миллер не успел.

Ночь треснула неровным ружейным залпом, и пули заколотили по толстому кузову «роллс-ройса», как палкой по корыту. В машине горько запахло паленой обивкой, холодом, и сразу стало очень неуютно.

— Анчуков, полный газ! — крикнул Чаплицкий сидевшему за рулем поручику, но тот, как будто неожиданно и неодолимо устав, осел на руль, и машина, потеряв скорость, рыскливо покатилась из стороны в сторону по узкой ухабистой мостовой.

— Быстрее! Быстрее… — беззвучно зашептал онемевшими губами генерал, и Чаплицкий заметил, как в темноте нехорошо, мучительно забелело его лицо.

Чаплицкий всмотрелся в заднее стекло — было видно, как несколько человек в тулупах и шинелях перебежали улицу в проход за боковым домом. Он дотянулся с заднего сиденья до шофера, толкнул его в плечо:

— Анчуков, ты что? С ума сошел?.. Мать вашу, совсем от страха ополоумели!

Анчуков, не выпуская баранки из рук, послушно завалился на левый бок, ударился головой

о дверцу, она распахнулась, и поручик выпал из автомобиля. Последнее, что успел заметить Чаплицкий, была черная прямая струйка крови, разрезавшая щеку Анчукова, как удар сабли. Снова грохнул залп — нестройный, редкий, и Чаплицкий на слух определил, что стреляющих мало и стрелки они не ахти какие.

Неуправляемый автомобиль катился по узкой пологой улице, подпрыгивая на ямах и наледях.

— Конвой! Где конвой, я вас спрашиваю… — рыдающим голосом заныл Миллер.

— Да замолчите вы! — крикнул Чаплицкий. — Это наши же солдаты стреляют. Ложитесь на пол скорее, не то укокошат! Ну! Ку-ту-узов…

Перегнувшись через спинку переднего сиденья, Чаплицкий попытался удержать руль, но тяжелый автомобиль неудержимо катился в сторону домов.

— Кто же это мог напасть на нас? — под руку бормотал главнокомандующий.

«Какой же дурень наш генерал, Господи, спаси и помилуй!» — подумал Чаплицкий и бросил:

— Конница Мюрата…

Толкнул дверцу и выпрыгнул из машины.

Упал, тяжело ударился о мостовую. Глухая боль резко отдалась в груди и животе. Над голо-

вой взвизгнула пуля, а через секунду машина с надсадным грохотом и звоном врезалась в дом. Побежало, застелилось синими огоньками, белыми сполохами быстрое бензиновое пламя…

Чаплицкий приподнялся, и тотчас рядом звякнула пуля. Он прижался к мостовой и подумал: «Когда лежу — из-за сугроба меня не видать… А ведь дуралей этот сгорит там, в машине…»

Перекатился на другой бок и в конце улицы увидел быстро приближающийся грузовик с конвоем, покачал головой: пожалуй, не поспеют, но все-таки, лежа на снегу, стянул с себя шинель, сложил ее так, чтобы в свете разгорающегося пожара виден был золотой погон, потом приспособил на воротник офицерскую фуражку и выставил это сооружение из сугроба.

И прежде чем услышал выстрел, почувствовал, как дернулась в руках пробитая шинель. «Вот так и в меня когда-нибудь…» — подумал он равнодушно и, не оглядываясь на торчащее поверх сугроба-бруствера чучело, быстро отполз в сторону.

Прислушался, потом резко, рывком, вскочил и длинными петляющими бросками побежал к разбитому автомобилю.

Несколько запоздалых выстрелов ударили

вслед, но Чаплицкий был уже под укрытием машины и судорожно рванул на себя заклинившую дверцу.

Миллер, съежившись, лежал на полу машины. Чаплицкий потрогал его за плечо, дернул на себя — генерал зашевелился, поднял голову, судорожно выдохнул:

— Что?!

— Вылезайте, сгорите! — крикнул Чаплицкий, обхватил Миллера поперек корпуса, потянул из машины. Миллер суетливо задвигался, подался вперед, неловко перевалился через подножку.

Несколько метров проползли по-пластунски, а потом сзади загрохотал взрыв, яркое пламя взметнулось выше домов, их опалило горячим смрадным ветром — взорвался бензобак «роллс-ройса»...

Подкатил грузовик, с визгом тормознул, остановился, и из кузова ровно затрещали два «гочкиса». Личная охрана главнокомандующего — отделение из офицерского «батальона смерти» с черепами на рукавах — рассыпалась в цепь, но из проулка никто больше не стрелял.

Начальник конвоя прапорщик Севрюков крикнул Чаплицкому:

— Эт-та, оденьтесь, барин, застудитесь на-

смерть!

Чаплицкий криво усмехнулся, пошел к снежному брустверу. Остановившись рядом с ним, он с интересом посмотрел на свою шинель: прямо под правым погоном виднелось небольшое отверстие от пули.

Колупнул отверстие ногтем, пожал плечами, неторопливо надел сначала фуражку, потом шинель, аккуратно застегнул все пуговицы.

Тяжело вздохнул и вернулся к грузовику.

Миллер, невредимый, смертельно напуганный, срывающимся голосом командовал:

— Оцепите квартал, они никуда не могли уйти, там, впереди, — обрыв!

«Господи, какой же дурак!» — снова подумал Чаплицкий и сказал негромко:

— Ваше превосходительство, некогда их ловить… Штаб уже в порту… Ледокол ждет — мы еще до рассвета должны выйти из устья.

Миллер рассвирепел:

— Не давайте мне советов, господин Чаплицкий. Вы ведь руководите секретной службой? Поэтому займитесь своим делом — захватите террористов!

Чаплицкий поморщился:

— Разрешите доложить, ваше превосходи-

тельство: безграмотные мужики с обрезами называются бандитами… Или партизанами — как вам больше нравится…

— Не превращайте приказ в дискуссию, — закричал Миллер. — Исполняйте!

Чаплицкий взял под козырек:

— Слушаюсь, господин генерал-лейтенант. — И повернулся к начальнику конвоя: — Трех человек сопровождения господину главнокомандующему. Первый причал, ледокол «Минин». И сразу с грузовиком обратно — за нами…

К утру партизан вместе с Тюряпиным загнали в брошенную бревенчатую избу на откосе Двины. Их оставалось шестеро.

Разрозненной, но точной стрельбой они и близко не подпускали офицеров.

Севрюков пробормотал:

— Хорошо бы этих сволочей взять живьем.

— Зачем? — отозвался Чаплицкий. — Лучше погрейте их зажигательными…

Два пулемета располосовали серый сумрак очередями, из-под крыши начал стелиться грязный дымок, кое-где проглянули розоватые язычки пламени. Стреляли из дома одиночными, все реже и реже.

— Сейчас мы их вытурим оттуда, — пообещал

Севрюков.

Чаплицкий внимательно смотрел на его освещенное заревом лицо — сумасшедшие белые глаза наркомана, длинные прокуренные зубы, подергивающийся уголок рта, — и его трясло от холода, усталости и тоски.

Глядя на залегших цепью карателей, он процедил со злобой и горечью:

— Российское офицерство, цвет нации!.. В Бога, святителей и всех архистратигов…

Чернели глубокими провалами выбитые окна, время от времени в них призрачно мелькал силуэт, и тогда раздавались выстрелы, одиночные, кашляющие — винтовочные, и частая густая дробь пулемета.

Огонь занялся пуще, языки пламени поднимались выше кровли, но никто не выбегал из избы.

Рухнул потолок, до неба взметнулись искры…

Севрюков заухмылялся:

— Все. Счас жарковьем потянет… Эть, суки! Им лучше в огне сгореть, чем нам в лапы…

Уже направляясь к грузовику, Чаплицкий на мгновение остановился и спросил:

— А вы, Севрюков, что бы на их месте?..

— Застрелился бы небось, — пьяно захохотал прапорщик. — Мне ведь от большевиков — да и

от дворян иерусалимских — пощады ждать не приходится… — И добавил с каким-то мертвенным спокойствием: — Конечно, и я им пощады не давал. Никому… Так что на том свете сойдемся — посчитаемся…

Винтовочной стрельбы конвоя Тюряпин не боялся. А вот когда из подъехавшего грузовика избу стали поливать в два огненных хлыста пулеметы, понял Тюряпин, что пришел конец. И отступать было поздно, да и некуда — позади обрыв.

И конечно, хорошо бы еще хоть на полчасика задержать бегущих беляков — а вдруг наши поспеют обернуться!

Оглохший от грохота, со слезящимися глазами — дым все гуще заволакивал избу, — Тюряпин ровно, не спеша стрелял в черные, по-сорочьи скачущие на снегу фигурки конвоя и, когда захлебнулся, замолк ненадолго один из пулеметов, крякнул удовлетворенно.

И сразу же почувствовал острую режущую боль в щеке и сочащуюся за воротник горячую влагу.

«Убили!» — мелькнула всполошная мысль и сразу исчезла, потому что боль не проходила.

Тюряпин нащупал рукой и вытащил из щеки длинную гладкую щепку, отколотую пулей от бревна.

«Ничего, ничего», — бормотнул быстро и сердито, выглянул в окно-бойницу, но за спиной кто-то пронзительно-коротко вскрикнул, и углом глаза Тюряпин увидел, как завалился на середину избы мужик в собачьей дохе и посунулся к нему мальчонка Гервасий.

И, разряжая винтовку в торчащий из-за сугроба золотой офицерский погон, мутно поблескивавший во мгле, Тюряпин устало, равнодушно подумал, что так и не увидел, так и не попробовал мужик взаправду существующую ягоду чудесную, размером в обхват, — арбуз.

— Гервасий! Гервасий! Иди сюда, парень! — позвал он мальчишку и бросил ему свой подсумок. — Набивай-ка мне пока обоймы…

И сколько прошло времени, было ему неведомо, когда вдруг заросший черный мужик откинулся молча назад; во лбу у него виднелась маленькая дырочка аккуратная.

Потом страшно захрипел, забил ногами и смолк пропахший рыбой тихий помор из Лямцы.

И, схватившись за живот, сел на землю, харкнул кровью белобрысый здоровенный промысловик из Няндомы, отбросил в сторону винтовку и сказал отрешенно:

— Все! Мне кишки продырявило…

Завалилась прогоревшая крыша.

Тюряпин на ощупь, в кромешной мгле, в дыму и гари, отловил за плечо Гервасия, крикнул ему:

— Шабашим! Счас мы с тобой начнем наружу выходить, понял ты меня?

— Сдаваться? — спросил Гервасий.

— Нам с тобой сдавать нечего, — зло усмехнулся, блеснул в темноте зубами Тюряпин.

— А чего тогда?

— Слушай меня внимательно.

— Угу.

— Я выхожу в дверь первый. Ты считай до двадцати, опосля вылетай следом. И сразу направо, за угол. Сложись колобком и лети на заднице с обрыва. Даст бог, уцелеешь, не расшибешься…

— Подстрелят, кось, пока до обрыва-то добегу? — деловито поинтересовался Гервасий.

— Авось не поспеют… Делай, как говорю!

Тюряпин сдвинул на ремне за спину две гранаты и так же деловито добавил:

— Доберешься до наших, скажешь: так, мол, и так, погиб красный боец Константин Афанасьевич Тюряпин за будущую сладкую и вольную жизнь…

Отбросил ногой кол, подпиравший дверь, широко распахнул ее и вышел вон.

И задыхающийся от дыма и жары Гервасий видел в проем, как ровным шагом пошел Тюряпин, надев на винтовку шапку, и смолкли выстрелы.

Тюряпин, остановился, воткнул винтовку стволом в снег и стал вольно, сложив руки за спиной. Для полного шика только цигарки не хватало.

Поднялись в рост белые из-за сугробов и пошли к нему быстрым шагом, побежали. И Гервасий вынырнул в этот момент наружу.

Кто-то сипло крикнул:

— Вон еще один краснопузый вылез остудиться!

— Беги, беги, пацан! — громко заорал Тюряпин и бросил под ноги — между собою и подступившими почти вплотную белыми — две гранаты.

Ослепительный красно-синий шар вспух на этом месте, отбросил Гервасия к углу избы, вышиб дух.

Но в следующий миг он уже вскочил на ноги, промчался спасительные несколько метров и бросился, не глядя, в бездонный снежный провал…

«Может, это и есть конец света?» — подумал Миллер, когда машины въехали в порт. Тысячи людей обезумели. Ими владела одна страсть, одна всеобъемлющая цель гнала их по забитым при-

чалам в узких выщербленных проходах между складами, пакгаузами, мастерскими — прорваться любой ценой на уходящие суда.

Испуганные, дико всхрапывающие лошади, рвущиеся из постромков, перевернутые телеги, еще дымящие полевые кухни, разбитые снарядные ящики, брошенные орудия, валяющееся, уже никому не нужное оружие, разграбленные контейнеры, потерявшие хозяев собаки, растоптанные кофры и чемоданы, толпа с узлами, общий гам и крик, перекошенные в сумасшедшем ужасе лица.

И все это освещено багровым пляшущим светом пылающих на другой стороне Двины складов, дровяных бирж, лесопильных заводов.

И как знак окончательной всеобщей потери рассудка — висящий на стропах подъемного крана рояль. Черный концертный рояль.

— Майна! — закричали снизу, и крановщик, то ли по неопытности, а может быть, нарочно, освободил стропы, и рояль рухнул наземь, прямо в толпу, взметнув в низкое страшное небо столб хруста, звона и звериного жуткого вопля сотен несчастных…

У трапа ледокола «Минин» выстроилась в каре офицерская рота с направленными на толпу

штыками и расчехленным пулеметом.

— Нельзя!.. Нельзя!.. — хрипел сорвавший голос начальник охраны. — Никому нельзя, здесь только штаб!..

Женщина в белой медицинской косынке с красным крестом кричала:

— Хоть раненых заберите!.. И женщин… Что ж вы делаете, красные их всех перебьют!..

Женщину отпихнули, и сразу же унес ее куда-то в сторону поток других наседающих на цепь штыков людей в котелках, шубах, шинелях.

Миллер медленно, как тяжелобольной, прошел по трапу, тонко пружинившему под ногами, и услышал за спиной голос Марушевского:

— Поднимите трап над пристанью! Они сомнут оцепление и ворвутся сюда…

Палуба подрагивала от сдержанного усердия работавшей на холостых оборотах машины ледокола. В этом было что-то успокаивающее.

Капитан доложил десятиминутную готовность. Миллер устало кивнул и пошел вдоль юта, держась для уверенности за металлический леер. Он не мог оторвать взгляда от беснующейся, обреченно давящейся на пирсе толпы. Как же это случилось? Ведь еще недавно казалось, что до победы осталось совсем мало?..

Вернее сказать, полгода назад так совсем не казалось. Особенно когда союзники стали отзывать свои войска. Это была с их стороны первая ужасная, можно уверенно сказать — роковая, гадость. Это позорное малодушие западных людей, не привыкших к трудностям. Они привыкли взваливать на нас самое тяжелое.

Еще в прошлом сентябре они всячески уговаривали оставить Север и перебросить всю северную армию к Деникину, на юг России.

Но это же — с военной точки зрения — была совершеннейшая глупость!

И вообще, с какой стати ему было идти в подчинение к Деникину? Конечно, в отличие от тупого солдафона Юденича, можно считать Антона Ивановича вполне приличным человеком и даже военным неплохим. Но ни из чего не следует, что ему, генерального штаба генерал-лейтенанту Миллеру, интеллигенту, ученому, опытному стратегу, надо идти в подчинение к заурядному армейскому генералу только из-за слабодушия англичан, их неверности обязательствам и временных тактических просчетов на фронте.

И сколько он ни доказывал на срочно собранном совещании кадрового офицерства, что неразумно сворачивать северный театр военных

действий только для пополнения деникинской армии, — большинство все равно настаивало на эвакуации.

И, не имея ни в ком поддержки и опоры, вынужден был Миллер согласиться на отвод войск и переброску их на юг.

Все это было глупость и гадость.

Двух недель не прошло, как убедились в его правоте. Тяжело раскатываясь поначалу, двинулся вскоре стремительными прорывами Деникин на Москву — корпусами Мамонтова и Шкуро. Вновь заполоскался трехцветный флаг уже в Орле.

И этот противный бульдог Юденич круто обложил Петроград, будто клешнями сдавил.

Дни считаные до штурма остались.

Всего ничего, четыре месяца назад! Приказал твердо, без колебаний, ни с кем уже не совещаясь, командующий Северным фронтом Миллер развернуть вспять эвакуационные колонны — удар на железнодорожном направлении, взять узловую станцию Плесецкую, захватить Онегу, очистить от красной заразы весь Шуньгский полуостров.

В канун Покрова вошли первые разъезды в пустынный Петрозаводск.

И откатились красные, попрятались партизаны по глухим скитам, скрылись в заброшенных медвежьих углах, таежных поселениях.

И хоть ясно было — сочтены дни Совдепии, конец ей приходит, со всех четырех сторон сжали, не встать ей, не вздохнуть, не охнуть, — грызла сердце тайная досада, горьким налетом на губы садилась: не ему быть нареченну спасителем святой Руси.

И себе признаваться не хотел, а сдержать в душе зависть, укротить черное злое чувство никак не мог. Антон Иванович Деникин, толстомясый, косноязычный, мужиковатый, освободит колыбель российского самодержавия, белокаменную Москву.

И бульдог Юденич займет столицу великой империи — Петроград.

И верховному правителю Колчаку и так карты в руки.

А ему, Миллеру, будут отведены третьи роли.

Сейчас и вспоминать о тех горестных маленьких мыслях неохота. Деникин отброшен на юг, да и отстранен от дел, по существу, там теперь заправляет Врангель.

Юденич прячется среди чухны.

А Колчак арестован и две недели назад рас-

стрелян.

Расстрелян! Господи, твоя воля! Адмирал, верховный главнокомандующий! Когда-то Миллер не любил Колчака за английское высокомерие, спесь, любовь похвастаться своей славой путешественника, ученого и храброго военного. Но представить себе такое!..

Миллер поднялся на мостик, прислушался к нарастающему грохоту стрельбы у вокзала. Пронзительно завыл над головой снаряд, и сразу же недалеко от борта взметнулся султан воды и битого льда.

Оглушительно заголосила толпа на пристани, и из этого вопля отчетливо доносились слова:

— Красные!.. Кра-асные… В город входя-ят!.. В го-о-род!

Миллер повернулся к капитану, негромко скомандовал:

— Все. Отваливайте от причала.

Капитан смущенно прокашлялся:

— Господин Чаплицкий еще не прибыл, ваше высокопревосходительство…

Миллер аккуратно протер запотевшие стеклышки пенсне и строго сказал:

— Не превращайте временное отступление в бегство, милостивый государь. Господин Чап-

лицкий на своем посту. Отваливайте. И дайте в Мурманск радио, чтобы за арьергардом вышел миноносец «Юрасовский».

— На «Юрасовском» разбежалась почти вся команда. Остались одни офицеры, — мрачно доложил капитан. — Я ведь только вчера пришел из Мурманска…

— Молчать! — рявкнул командующий. — Прекратите сеять панику! Выполняйте приказ!

— Есть…

Капитан отошел к машинному телеграфу и со злостью рванул ручки: левой — малый назад, правой — малый вперед. Скомандовал:

— На баке! Отдать носовой! Руль — право, три четверти!..

Высокий нос ледокола стал медленно отползать от бревенчатого пирса. Гора коричневато-серой воды закипела под кормой, с шумом взлетела на пристань…

Грузовик замер у самой кромки причала, и офицеры, попрыгав из кузова, растерянно смотрели вслед выходящему на фарватер ледоколу.

Дым из труб ложился на битый лед, на воду в полыньях серыми мятыми кругами, стелился за кормой, и Чаплицкий болезненно-остро вспомнил дым из-под крыши избы и мелькающие тени

в черных провалах окон.

«Все это ужасно глупо, — вяло думал он. — Сумасшедший дом. А может быть, ничего этого и вовсе нет? Может быть, я давным-давно заболел, сошел с ума и мне все это видится в болезненных грезах воспаленного сознания?»

Но в памяти все еще стоял острый запах горелого человеческого мяса, и Севрюков рядом говорил с недоумением:

— Эть, суки!.. Бросили ведь, ась?.. Эт-та ж надо?! Чего же делать теперь, ась?..

Чаплицкий вымученно усмехнулся:

— Испробовать милосердие большевичков. И дворян иерусалимских…

— Ну-у, эт-та уж хрена им в сумку! — заорал, выпучив глаза, Севрюков. — Пробиваться надо, вот что, к своим. Вы с нами, господин каперанг?

Чаплицкий покачал головой:

— Да нет уж, господин Севрюков. Ступайте… с Богом. А я как-нибудь сам попробую…

Командарм Самойло вдел ногу в стремя и неожиданно легко бросил в седло крепкое, плотно сбитое тело. И, сильно сжав коленями спину заходившего под ним бойкого каурого жеребца, вдруг почувствовал себя молодым и счастливым.

Париж стоил покаявшемуся королю мессы, а

уж Архангельск наверняка стоил для боевого генерала прожитой и так круто измененной, сломанной, наново прочувствованной судьбы.

Самойло вспомнил — без какой-либо видимой связи, — что еще два года назад в Бресте, во время мирных переговоров с немцами, его бывший однокашник и сослуживец генерал Скалон долго и сосредоточенно наблюдал, как Самойло аккуратно спарывает маникюрными ножницами лампасы с форменных брюк, а потом затравленно спросил:

— И ты… вот так… сможешь выйти на люди?

— Конечно! — засмеялся Самойло. — В лампасах без брюк ходить неудобно. А в брюках без лампасов — ничего, вполне допустимо…

— Но ведь это позор! — крикнул Скалон.

— Позор для военного человека — не выполнять приказы, — серьезно сказал Самойло, — а новое правительство в приказном порядке отменило наши с тобой звания, погоны, ордена и лампасы. Теперь, наверное, знаков отличия по-другому надо добиваться…

— Это не правительство, это не власть! Это шайка бунтовщиков и демагогов!

— А кабинет Протопопова и Сухомлинова — это правительство? А наш отказавшийся от престо-

ла монарх и немытый конокрад Гришка — это власть?

— Боже мой, Боже мой! — схватился за голову Скалон. — Немцы сейчас оторвут от нас полстраны, остальное уничтожат большевики. Скажи, что нам делать? Что делать?!

— Служить.

— Кому?

— России. Отечеству. Мы с тобой солдаты, у нас одна работа — защищать родину.

— Нет, нет, не-ет! — затряс кулаками Скалон. — Не могу больше, это все, все! Конец, не могу так жить больше!..

Выбежал из комнаты, дробно простучал каблуками по коридору гостиницы, вошел в свой номер, не закрывая двери, достал из кобуры револьвер и выстрелил себе в висок…

Самойло посмотрел на тысячеголовое людское море, волнами катившее от станции под расчерченным красными пятнами знамен низким серым небом, и грустно усмехнулся: довольно странно выглядели бы сейчас лампасы на его толстых штанах нерпичьей кожи!

Эх, господи, сколько же в людях глупости, амбиций, предрассудков, которые для красоты и самооправдания называют традициями, убежде-

ниями, представлениями. Долгом.

А долг-то перед Россией у них был один — вернуть ей Архангельск, северный порог большого дома Родины.

И низкий поклон судьбе, сердечное спасибо жизни, что довелось все это выстрадать, вынести, претерпеть. И победить.

Войти в этот старинный город, пинком вышвырнуть всю нечисть за дверь, которая столько веков соединяла Русь со всем остальным миром.

Войти с победоносной армией, которой ты бессменно командовал — от дня сегодняшнего счастья до тех уже незапамятно далеких дней поражений, отступлений, таких тяжелых потерь, почти полного разгрома, преодоленного в муках, боли и смерти и повернувшегося вчера окончательной победой.

Армия-победительница входила в Архангельск: от станции железной дороги катил поток по улицам города, маршировали, перебравшись через разломанный лед Маймаксы, батальоны от Новодвинска, и мягко ступали охотничьи отряды от Неноксы и Няндомы, шел Холмогорский дивизион, вразвалку топала матросская пулеметная команда, четко печатали шаг бойцы непобедимого Шенкурского полка.

Шли победители — в истертых шинелях, прожженных у костров, в порыжелых бушлатах, зипунах, заношенных азямах, изодранных тулупах, затерханных городских пальтишках. В валенках, чунях, подвязанных веревками сапогах, ботах-«котах» и вечных самонадежных лаптях.

Армия заканчивала свою огромную изнурительную войну. Армия шла по запущенному, занесенному сугробами Троицкому проспекту, мимо некогда богатой и нарядной Немецкой слободы, мимо полусожженного здания Думы, мимо кафедрального собора — одного из самых красивых и светлых соборов России.

Армия шла по берегу Северной Двины, мимо парадного памятника Петру Первому.

Царь-плотник, неутомимый устроитель земли своей, стоял, вглядываясь в недалекое Белое море, торжественный, в орденской ленте, при звезде, перчатка за поясом, в руке подзорная труба.

Самойло остановил лошадь около памятника, долго смотрел на Петра, потом с сомнением покачал головой: вряд ли видела архангельская земля своего неутомимого царя в таком наряде. Он всегда приезжал сюда в трудные времена, и всегда для тяжелой работы и для очень непро-

стых решений.

Ах, какие сложные отношения были у Петра с этим замечательным русским городом — единственными в те времена воротами в мир!

Тугой петлей сдавили турки горло русской торговли на Босфоре — нет дороги на Черноморье.

Шведы намертво заступили все пути на запад с балтийских берегов.

Один морской тракт на широкие просторы Атлантики — из маленького поселения Архангельск, еще поморами освоенный: через Белое море, вокруг Скандинавии.

И ведь должен быть — наверняка существует! — проход к сонному Китаю и полуденной Индии через Студеный океан.

Потому повелевает царь купцу Баженину закладывать на Соломбале верфь для устроения больших кораблей. И самолично дарует сертификат на строительство морских судов торговым людям Бармину, Амосову и Пругавину.

И сам на стапеле орудует: не подзорная труба в руках, а рейсмус и топор. Да уж не в адмиральском мундире с лентой, при орденах, а в пропотевшей заскорузлой робе!

И маленький городок, единственный океанский порт поднимающейся к мировому соуча-

стию Руси, обласканный царской любовью и милостью, окрыленный его имперской надеждой, гордый открывшимися видами безбрежных просторов, восстает к бурной деятельности. К своей завтрашней славе.

Как неукротимо растет морской форпост! В тот первый царский приезд посетили Архангельск сорок иностранных судов. А два десятилетия спустя архангельские лоцманы вывели за створы двести пятьдесят вымпелов! На миллионы золотых рублей поплыли во весь свет русские меха, строевой лес, лен, корабельные доски, хлеб, кудель, смола, сало…

Будто добрая работящая жена при рачительном заботливом муже, расцветала база российской торговли, крепко трудясь и сладко нежась в ласке и внимании своего великого государя.

И не чувствовала, не знала, что на топких, пустынных берегах реки Невы уже появилась новая, вечная, окончательная, на всю жизнь, привязанность Петра. Молодая столица Санкт-Петербург.

Не сильно рвались торговые люди менять уже ставший привычным путь из Архангельска в мир.

Мощь и слава новой столицы пока еще государю только мнятся, а сегодня покамест жить в

новом городе и торговать оттуда затруднительно: сыро, тесно, хлопотно, да и профита делового нет — все равно скандинавские проливы перекрыты свейскими кораблями ратными, выхода с Балтики не имеется.

Царь манит, уговаривает, сулит, приказывает, повелевает и на хитрости купеческие обрушивает тяжелую десницу монаршей воли.

Да и обычного человеческого гнева: запретить впредь строить в Архангельске океанские корабли, а ввоз в город дозволяется лишь в пределах товаров, самому городу для потребления потребных!

И предписывает неукоснительно пробиваться из Архангельска на восток и на север.

На запад у нас есть другие ворота — славный град столичный Петербург…

Два века ушли, и снова молодая Россия смотрела на Архангельск, как некогда юный царь, с надеждой, любовью и верой.

Отвоеванный сегодняшней ночью город-порт был единственными воротами в мир.

Широкими веселыми шагами мерил командарм Самойло небольшую комнату аппаратной, звонким голосом, не заглядывая в бумажку, которая была у него в руках, диктовал телеграфисту:

РЕВВОЕНСОВЕТУ РЕСПУБЛИКИ.

ДВАДЦАТОГО ФЕВРАЛЯ ВОССТАНИЕ ОХВАТИЛО ВСЮ БЕЛУЮ АРМИЮ. В АРХАНГЕЛЬСКЕ УЖЕ ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ БЕЛЫХ ВОЙСК ГЕНЕРАЛ МИЛЛЕР БЕЖАЛ МОРЕМ НА ЛЕДОКОЛЕ, ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ ПЕРЕШЛА В РУКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ЭШЕЛОН, ВСЮДУ ТОРЖЕСТВЕННО ВСТРЕЧАЕМЫЙ ВОССТАВШИМИ, ПОДЪЕХАЛ В ОДИН ЧАС ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ФЕВРАЛЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТОГО ГОДА К СТАНЦИИ АРХАНГЕЛЬСК.

МОРЕ ЛЮДСКИХ ГОЛОВ, ТУЧИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН, ГРОМ ОРКЕСТРОВ И ЗВУКИ ПРИВЕТСТВЕННЫХ РЕЧЕЙ ВСТРЕТИЛИ ПЕРВЫХ КРАСНЫХ СОЛДАТ, ОСВОБОДИТЕЛЕЙ СЕВЕРА ОТ АНТАНТСКОГО И БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ИГА.

НЕИМОВЕРНЫЕ ТЯГОТЫ ВОЙНЫ НА СУРОВОМ СЕВЕРЕ БЫЛИ ПОЗАДИ, СЕВЕР БЫЛ ЗАВОЕВАН ДЛЯ МИРНОЙ ЖИЗНИ, И АРХАНГЕЛЬСК, БАЗА АНГЛИЙСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ, СДЕЛАЛСЯ НАВЕКИ КРАСНЫМ ГОРОДОМ.

ЗА ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ ПОЛКИ, ПОСЛЕ РЯДА УПОРНЫХ БОЕВ И ГРОМАДНЫХ ПОТЕРЬ, ПОСЛЕ НЕВЕРОЯТНЫХ ИСПЫТАНИЙ В БОЛОТАХ И ЛЕСАХ СУРОВОГО СЕВЕРА, ПОТЕРЯВ В БОЯХ ЛУЧШИХ ТОВАРИЩЕЙ, ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ФЕВРАЛЯ ДОБИЛИСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ И ТОРЖЕСТВА КРАСНОЙ ПЯТИУГОЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ЗВЕЗДЫ НАД БЕЛОГВАРДЕЙСКИМ ОРЛОМ СЕВЕРА…

Паровоз тонко, пронзительно-обессиленно засвистел, пустил вялые усы пара по сторонам и окончательно стал.

Казалось, нет больше в мире сил, способных стронуть его с места у платформы Николаевского вокзала. Двое суток, исходя от натуги, он тянул разболтанный, изношенный, дребезжащий эшелон из Петрограда в Москву, останавливаясь через каждые полсотни верст, и тогда все пассажиры выходили из вагонов и рубили дрова для прожорливой топки слабосильной, сипящей от усердия и старости «овечки».

Холод, вонь, толчея в вагонах не дали Шестакову сомкнуть глаз. И еще он боялся, что у него украдут посылку. Своих вещей у него не было, но, как большинство нынешних пассажиров, битком набивших чуть живые поезда бесконечных

железных дорог, он вез посылку.

Разбросанные по всей России люди из своих жалких возможностей немыслимыми усилиями наскребали что-нибудь съестное и слали с оказией друг другу посылки. Это называлось «живой привет».

Узнав, что Шестакова вызывают в Москву, Васька Преображенский — старый товарищ по Данцигскому набегу, отчаянный моряк, верный друг, — стесняясь, шутливо извиняясь, всучил ему таки посылку для матери: мешочек, а в нем бутылка хлопкового масла, три вяленых трески и десять фунтов овса. Овес, сказал Васька, ежели его смолоть на ручной кофейной мельнице и блины испечь — пальчики оближешь!

Еще не облизанными пальчиками Шестаков всю дорогу держал мешок, тихо чертыхаясь на Ваську: оставить вещи нельзя было ни на минуту, иначе маме Преображенской уже никогда бы не пришлось облизывать пальчики после сыновних блинов. Поезда кишели ворами, как вшами.

Уже вечерело, когда Шестаков вышел на привокзальную площадь. Воспаленный багровый круг солнца, полыхнув на золоченом шпиле Казанского вокзала, провалился в клубящиеся облака. Крепко закручивал мороз.

Блеклое небо было выжжено стужей, лениво расчерчено серыми мазками облаков, постепенно наливавшихся сиреневыми, потом фиолетовыми тонами.

Шестаков торопливо шел в сторону Домниковки, почти бежал, но вечер неспешно и властно настигал его.

Белесый холодный пар полз по крышам, а небо наливалось густотой тьмы, все сильнее собиравшейся к зениту.

Мать Преображенского жила в районе Сухаревки, недалеко от Сретенки. Васька так и объяснял: «Это ж тебе просто по пути, ее дом почти что на полдороге между вокзалом и „Метрополем“, где сейчас Второй Дом Советов, а транспорт в Москве все равно никакой не действует».

В этом Васька оказался прав: транспорта не было никакого. Безлюдье, холодно и пусто. Лишь под вывеской «Товарищество Эмиль Циндель» длинная очередь за хлебом — сегодня обещали выдать по полфунта на работающего.

Шестаков отвлекал себя от голода и усталости размышлениями о причине срочного вызова в Москву.

Вообще-то говоря, он был уверен, что его направят на юг, там сейчас будут решаться военные

судьбы Республики. С падением белого Архангельска наступила наконец передышка в не прекращающейся вот уже два года Гражданской войне.

Но в Крыму засел Врангель, и с юго-запада нависают дивизии белополяков. Хотя поляки до весны вряд ли полезут. А наступать на Врангеля, имея обнаженный западный фланг, просто немыслимо.

Наверняка Шестакова бросят сейчас в Таврию: еще в этом году схватимся с врангелевцами на крымском перешейке!

Но почему его вызвали к Красину? Красин военными делами не занимается, он хозяйственник. Правда, сейчас партия дала установку, что бескровный фронт — хозяйственный фронт — и есть главная линия сражения.

Вон через весь фасад магазина Бландова вывешен плакат:

ТРИ ВРАГА БЫЛИ: КОЛЧАК, ДЕНИКИН, ЮДЕНИЧ.

ТРИ ВРАГА ОСТАЛИСЬ: ГОЛОД, ХОЛОД, ТИФ.

ТЕХ ПОБЕДИЛ КРАСНЫЙ ШТЫК.

ЭТИХ ПОБЕДИТ КРАСНЫЙ ТРУД.

«Но ко мне-то какое это имеет отношение? Я ведь солдат, — думал Шестаков. — Ладно, надо быстрее разыскать старушку Преображенскую, передать „живой привет“ и торопиться к Красину. Через пару часов будет все известно».

Мела поземка, сырой промозглый ветерок забирался под полы шинели, за воротник, вызывая тоскливый озноб во всем теле. Нет, не радовала заледенелая февральская Москва тысяча девятьсот двадцатого года, хотя полинявшие рекламы на крышах и торцах домов еще гремели, уговаривая пить коньяк Сараджева, курить папиросы из гильз Катук, предлагали подсластить жизнь конфетами Жоржа Бормана, делать вклады в «Соединенный банкъ».

А над фронтоном Большого театра вьюга трепала красное полотнище: «БОРЬБА ЗА ХЛЕБ — БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ!»

Шестаков грустно покачал головой, вспомнив нескончаемые безнадежные очереди у булочных, на дверях которых белели сообщения Московской чрезвычайной комиссии о расстрелах хлебных спекулянтов.

Хлеба не было.

И другого продовольствия не было, и топлива не хватало, заводы и фабрики стояли.

Шестаков взглянул на часы, вздохнул: до назначенной ему встречи оставалось еще полтора часа. Он поднялся по Мясницкой, бульваром дошел до Сретенки, направляясь к знаменитой Сухаревке, где жила мать Васьки Преображенского. Посылку надо было передать в первую очередь.

В Печатниковом переулке, узеньком, худо освещенном, навстречу ему шагнула от парадного нарядно одетая женщина.

В слабом отсвете фонаря Шестаков разглядел грубо раскрашенное, хотя и красивое лицо.

Женщина игриво сказала:

— Капитан, не угостите ли даму папироской?

Шестаков кивнул, достал из кармана портсигар, раскрыл его, с холодноватой любезностью протянул женщине. Не без интереса всмотрелся в нее.

Женщина призывно улыбнулась ярко-красными капризными губами и потянула портсигар к себе, легко кивнув в сторону дома:

— Вы не спешите, капитан? Маленькая уютная берлога. И тепло…

Шестаков вежливо улыбнулся в ответ, пожал плечами, отрицательно покачал головой. Он не заметил, как из подворотни появились двое угрюмого вида парней, подошли к нему сзади.

Один дернул его за руку, сказал грубо:

— Ты чего пристаешь?..

Шестаков обернулся и увидел мгновенный отблеск света на лезвии финки в руке другого — низкорослого, с темным и хмурым лицом.

Первый подтолкнул Шестакова плечом в сторону подворотни.

Шестаков уперся и, быстро взглянув на женщину, сказал укоризненно:

— Эх вы-ы… Ай-яй-яй!.. — и, неожиданно вырвав из ее рук тяжелый портсигар, ударил им по голове того, что держал нож. Тот пошатнулся, но второй грабитель в ту же секунду прямо из кармана выстрелил в Шестакова. Шестаков успел нанести ему сокрушительный ответный удар ногой, но не удержался и упал.

Бог весть чем бы кончилось это обычное по тем временам происшествие, если бы из парадного напротив не появился дюжий дворник в белом фартуке. Выпучив глаза, он изо всех сил принялся свистеть в полицейский свисток, и грабители вместе с женщиной побежали в сторону Трубной.

Шестаков с недоумением посмотрел на кровь, показавшуюся на его рукаве, махнул рукой дворнику и вскочил на ноги. От Сретенки послышался

гулкий топот бегущего к месту происшествия милиционера, который быстро сообразил, в чем дело, и они втроем бросились за налетчиками, но их и след простыл: деревянные заборы, разделявшие когда-то дома и дворы Печатникова, давным-давно пошли на дрова, и скрыться в лабиринте маленьких домишек старого переулка было пустяковым делом.

Пуля, к счастью, только царапнула руку Шестакова, и, наскоро перевязав ее в ближайшей аптеке на Сретенке, он успел на Театральную площадь — на аудиенцию к наркому Республики Леониду Борисовичу Красину.

«Живой привет» — будущие овсяные блины, от которых все пальчики оближешь, — Шестаков стыдливо припрятал под шинелью на вешалке в приемной наркома.

Леонид Борисович стоял у окна в своей излюбленной позе — руки за спиной, плечи чуть нахохлены — и смотрел на Театральную площадь. Прямо перед ним, через весь торец здания Малого театра, алел огромный лозунг:

«ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ НА РАЗГРОМ ВРАГА!»

Нарком ужинал. Он смотрел в окно и ел краюху

черного сыроватого хлеба, круто посыпанную солью. На столе дымилась паром большая фарфоровая чашка с чаем.

С утра ничего не ел, а вообще-то есть и не хотелось. Сил нет. Устал. Гудит тяжело в затылке и противно теснит в груди, тонко жжет за грудиной.

И даже вчерашняя огромная победа на Совнаркоме не радовала — сегодня уже занимали и беспокоили новые проблемы…

А вчера Совет народных комиссаров окончательно принял представленные им, Красиным, тезисы по внешней торговле. Четыре раза за последние три недели собирался по этому вопросу Совнарком, и только при поддержке Ленина удалось утвердить резолюцию об основных принципах монопольной внешней торговли молодой Советской Республики.

А в перерывах между заседаниями Совнаркома — государственный визит в буржуазную Эстонию, мучительно-напряженные переговоры и вырванный у них мирный договор, договор гарантированный, надежный, без лазеек для обмана и вероломства.

И непрерывный поток документов и посетителей.

Член Реввоенсовета Республики. Народный комиссар путей сообщения. Народный комиссар внешней торговли. Нарком торговли и промышленности. Председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии. Член Совета обороны.

Бесконечный список дел.

Переговоры с немцами…

Хлеб в Поволжье…

Выяснить вопрос о посылке делегации в Финляндию…

Хлеб с Украины…

Наказать военных, самоуправничающих на оружейном заводе в Ижевске…

Хлеб.

Сколько можно подготовить в текущем месяце автомобилей для нужд армии?..

Хлеб.

Вопрос о броневиках…

Нерабочий паек — сто тридцать три грамма хлеба.

Затребовать сведения о выпуске винтовок…

В Москве непригодна для жилья половина квартир…

Продовольственный фонд на исходе…

Запас муки в столице — на семь дней.

Из подвижного трамвайного состава действующих сорок шесть вагонов…

Хлеб… Хлеб… Хлеб.

Что делать? Как накормить миллионы голодных ртов? Ведь им ждать некогда!

Антанта трещит. Месяц назад верховный совет Антанты с зубовным скрежетом и сердечными стенаниями вынужден был под нажимом своего пролетариата и собственных экономических обстоятельств согласиться на торговлю с Россией.

Конечно, не с Советским правительством, а с кооперативными учреждениями, но это все равно прорыв в непроходимой ранее стене блокады, торгового ошейника, которым хотели задушить Республику.

Ничего, ничего, мы еще посмотрим. Мы еще с вами, господа, повозимся всерьез!

Секретарь приоткрыл дверь:

— Леонид Борисович, к вам Шестаков.

Красин промокнул салфеткой губы, кивнул:

— Просите! Жду с нетерпением…

И пока Шестаков еще не вошел, аккуратно завернул остаток хлеба в чистый лист бумаги, спрятал в стол.

Дверь снова открылась — в кабинет вошел высокий военмор, левую руку он осторожно нес

на перевязи.

Красин шагнул ему навстречу:

— Здравствуйте, Николай Павлович! Рад с вами познакомиться! О вас очень хорошо отзывались Дыбенко и Кедров.

Шестаков сдержанно улыбнулся:

— Спасибо…

Красин приветливо дотронулся до его плеча:

— Они, собственно, и были инициаторами нашей встречи. А что с вашей рукой?

Шестаков улыбнулся:

— Да ничего серьезного. Пустяковая царапина, через пару дней заживет.

— Ну, прекрасно. Потому что Кедров рекомендовал вас руководителем одного очень ответственного дела, которое тут у нас затевается… — Красин принялся листать лежавшую у него на столе докладную записку.

Шестаков осмотрелся. Кабинет, он же личная квартира члена Реввоенсовета Республики, народного комиссара внешней торговли и путей сообщения, был невелик: двухкомнатный номер Второго Дома Советов — бывшей гостиницы «Метрополь». Увешанные картами стены, длинные столы с теми же картами и папками бумаг, худосочные венские стулья, протертый диван.

Через открытую дверь во вторую комнатку была видна железная койка, застеленная солдатским одеялом.

— Я представлял вас гораздо старше, — сказал Красин, отрываясь от записки.

Шестаков ответил очень серьезно:

— К сожалению, этот мой недостаток обязательно пройдет, Леонид Борисович.

— Вам лет двадцать пять?

— Двадцать шесть.

— Ах, дорогой Николай Павлович, как я вам завидую! — сказал Красин искренне, и мягкие бархатные глаза его увлажнились. — Я вас почти вдвое старше, мы ведь ровесники с Владимиром Ильичом…

Шестаков покачал головой:

— Вам грех жаловаться, Леонид Борисович, вы, как говорится, в возрасте «акме».

Красин рассмеялся:

— Возраст расцвета? Вообще-то, конечно. И я не жалуюсь, просто хочется успеть побольше — и повоевать, и поработать, и поторговать. А если совсем честно — пожить хорошо ух как охота! Но, увы, пока недосуг…

Красин жестом пригласил Шестакова сесть около стола, вернулся на свое место.

— Чаю хотите?

— С удовольствием, — просто согласился Шестаков. — Замерз основательно по дороге к вам.

Секретарь принес Шестакову большую чашку с горячим чаем. Моряк с видимым удовольствием охватил ее рукой, стал греть ладонь.

Красин прихлебнул из своей чашки, отставил ее в сторону:

— А теперь, Николай Павлович, я бы попросил вас рассказать о себе, хотя бы в нескольких словах.

— Попробую, — сказал Шестаков и, не удержавшись от искушения, сделал несколько маленьких торопливых глотков. Чай был крепкий, настоящий. — Я из Сибири, отец мой — рабочий. Грамоту он узнал самоуком, но меня отправил учиться в Томск. Окончил училище с медалью…

— Вы там и познакомились со ссыльными социал-демократами? — осведомился Красин.

— Да. Именно с их явками и связями я прибыл в Петербург. Поступил в Технологический, работал по заданию комитета со студентами и рабочими.

— В партию уже в Петербурге вступили?

— В тринадцатом году. А летом четырнадцатого комитет решил меня направить на фронт — для ведения работы среди моряков.

— Вольноопределяющимся?

— Почти. Мне ведь пришлось уйти со второго курса. Вот я и поступил в юнкера флота.

— И как служилось?

Шестаков улыбнулся:

— Карьера у меня получилась стремительная. В тысяча девятьсот пятнадцатом году произвели в мичманы, служить направили в минную дивизию. В шестнадцатом за набег на Данциг наградили орденом Станислава, а за бой на дредноуте «Слава» — я там был уже лейтенантом — пожалован Владимиром.

Красин заглянул в записку, лежавшую на столе, спросил:

— Вы ведь службу закончили — я имею в виду под Андреевским флагом — старшим лейтенантом?

Шестаков подтвердил:

— Так точно, сведения у вас верные. Но произвели меня уже в январе семнадцатого, вместе с назначением командиром минного дивизиона… А в октябре по приказу Центробалта привел свой дивизион в Петроград. Участвовал со своими орлами в штурме Зимнего.

Красин допил чай, поднялся, сказал весело:

— Ну а в составе Красного флота — ледовый

поход из Гельсингфорса в Кронштадт, потом — сухопутная война, орден Красного Знамени и Почетное революционное оружие. Прекрасно, Николай Павлович. Именно вы мне и нужны!

Шестаков тоже встал:

— Слушаю, товарищ Красин.

— Вы — старый партиец, опытный моряк и военный человек. Для успеха вам необходимо именно такое сочетание достоинств. Поскольку я собираюсь поручить вам задачу, до сих пор считавшуюся невыполнимой.

— Я готов.

— Другого ответа и не ждал. Владимир Ильич Ленин поручил мне подготовить решение проблемы сибирского хлеба. Вы знакомы с этим вопросом?

— Очень общо.

Красин подвел Шестакова к географической карте Полярного бассейна, просторно развернувшейся от одного края стены до другого.

— Вот, взгляните, Николай Павлович, — устья Оби и Енисея. Здесь на сегодняшний день скопилось свыше миллиона пудов сибирского хлеба, большое количество соленого мяса, рыбы и других продуктов. А Республика умирает с голоду…

— Мне говорили, что в России сейчас стоят без

движения двадцать пять или двадцать шесть железных дорог? — нерешительно перебил Шестаков.

— К сожалению, не двадцать пять, а все тридцать, — хмуро ответил Красин. — А на тех, что кое-как работают, в ходу не больше одной трети паровозов. Топлива нет, пути разрушены, мосты взорваны…

Он кивнул на карту железных дорог, поморщился:

— Тем не менее хлеб и остальные продукты с Оби и Енисея мы должны доставить в Россию.

— Значит, через Ледовитый океан?

Красин ответил не сразу. Он подошел к окну, долго рассматривал на Малом театре лозунг «Всё для фронта! Все на разгром врага!», потом сказал твердо:

— Да, через Северный Ледовитый океан. Это поручение Владимира Ильича Ленина. Когда он выступал на сессии ВЦИКа, он заявил прямо: «На этой задаче нам надо сосредоточить все силы!»

Шестаков походил около карты Полярного бассейна, остановился, всматриваясь в голубые ленточки рек, в белесые пустынные просторы Ледовитого океана, в редкие кружочки населенных пунктов. Задумчиво произнес:

— М-да-те-с… Конечно, это было бы прекрасно… Но, к сожалению, боюсь, что нереально. Места-то — ох какие трудные! Гидрографических описаний почти нет, лоцмана — из поморов — разбежались.

— Надо собрать тех, что уцелели.

— Конечно. Но я слышал, этот хлебушек пытались вывезти англичане. Да обожглись: посадили несколько транспортов на мели, два или три парохода не успели обернуться — во льды матерые вмерзли. Тем дело и кончилось.

— Все знаю, Николай Павлович. Больше того, знаю, что нет подходящего флота — его весь украли интервенты и белые. Нет угля и мазута, нет обученных экипажей…

— Знающих капитанов тоже нет, — подключился к этому безрадостному перечислению Шестаков. — Просто не знаю, как быть, Леонид Борисович.

— Наверное, надо осознать, что это вопрос жизни и смерти. Известно, что эта задача до сих пор считалась невыполнимой. Но… успешно провести караван по-настоящему необходимо! — Красин интригующе воздел палец. — Это ведь не только важнейшая акция Советского правительства в области человеколюбия и экономики…

Шестаков удивленно посмотрел на него:

— А что же еще?

— Политика! Владимир Ильич надеется превратить экспедицию в серьезный политический таран против блокады.

— Политический? А каким образом?

Красин оживленно забегал по кабинету.

— Очень просто. Часть сибирского хлеба, а главным образом лес, смолу, меха, замшу, лен, мы выбросим на европейский рынок, чтобы купить машины, оборудование, мануфактуру и все такое прочее. Вот это, вместе взятое, и будет политической акцией.

Шестаков все не мог уразуметь идею.

— Как же так, Леонид Борисович? Ведь капиталисты отказываются торговать с нами?

Красин терпеливо разъяснил:

— Не капиталисты, а капиталистические правительства! Это разные вещи. Капиталистические правительства отказываются торговать с Советским правительством. Но масса отдельных капиталистов ну просто мечтает торговать с нами. Им все равно с кем, лишь бы профит был! И я придумал для них лазейку против их собственных законов и государственных установлений: они будут торговать не с Советским

правительством, не с государством Советским, а с коммерческими учреждениями.

— Посредническая торговля! — догадался наконец Шестаков.

— Совершенно верно! И первым советским торговцем буду я. А вы должны обеспечить меня товарами. Через неделю я уезжаю в Европу, буду в Стокгольме, Копенгагене, Лондоне. Надеюсь, что тамошние промышленники и торгаши охотно забудут, что я народный комиссар и член Центрального комитета партии. Для них я — коммерческий представитель Центросоюза, в этом качестве они и будут меня принимать… надеюсь…

— Я вас понял, Леонид Борисович, — горячо сказал Шестаков. — Постараюсь сделать все от меня зависящее.

— И не зависящее тоже, дорогой мой Николай Павлович, — засмеялся Красин. — Иначе — помрем с голоду. Нам надо прокормить население и при этом любой ценой прорваться на мировой рынок. Вот у меня справка, взгляните…

Красин быстро подошел к столу, показал Шестакову бумагу.

— В прошлом году, в марте, в Мурманск прибыл английский пароход с товарами первой необ-

ходимости для населения на сумму миллион восемьсот пятьдесят тысяч рублей. Как вы думаете, за сколько эти товары распродали?

— Н-не знаю, — пожал плечами Шестаков.

— За три с половиной миллиона! — воскликнул Красин. — Сколько же еще мы будем давать себя грабить?

Шестаков согласно кивнул:

— Англичане — известные торгаши, с кого хочешь шкуру спустят и еще будут своими благодеяниями хвастать.

Красин спросил:

— Вы ведь командарма Самойло знаете?

— Ну как же! Я под его командованием служил.

— Так вот, он прислал мне сводку из Архангельска: интервенты захватили силой на пятьдесят миллионов рублей золотом народного добра — леса, льна, пеньки, сала, рыбы, мехов…

— Они же твердили, что только торгуют с Северным правительством!

— Черта с два! Особая статья — в порядке «торговли» с генералом Миллером они вывезли товаров еще на сто миллионов рублей. Вы только вдумайтесь в эту цифру: сто миллионов рублей золотом! — Глаза Красина разгорелись, он

неистово жестикулировал, быстро расхаживая от стола к окну и обратно. — Хватит, пограбили! Нам самим надо прорываться на мировой рынок. А это, в первую очередь, зависит от успеха вашей экспедиции, Николай Павлович…

Красин подошел к Шестакову, обнял его.

— Ну и конечно, это хлеб сотням тысяч голодающих. Это нужные позарез нашему хозяйству машины, инструменты, потребительские товары. Если вы проведете в этом году караван, мы сделаем экспедиции в Карское море ежегодными! Северный морской путь, освоенный нами, должен стать рабочей дорогой Республики…

Шестаков вытянулся:

— Леонид Борисович, я готов хоть сегодня приступить к выполнению задания.

— Доброго вам пути, Николай Павлович. Из Стокгольма и Лондона я буду непрерывно держать с вами связь через Москву. Без вашего успеха наша миссия обречена.

— Мы привезем хлеб, чего бы это ни стоило, — твердо сказал Шестаков.

— Я понимаю, чего это может стоить. Жизни. — Красин нахмурился, развел руками: — Но у нас нет выхода. Давайте обнимемся на прощание.

Красин осторожно, чтобы не задеть раненую

руку Шестакова, обхватил его за плечи, проводил к выходу, сказал задумчиво:

— А вы знаете, Николай Павлович, вот как бы ни было трудно, порою просто жутко, а все равно — в каждый миг, каждую минуту меня не покидает ощущение строительства истории…

Отрешенная неподвижность Неустроева мгновенно взрывалась вспышками яростной увлеченности, и тогда он начинал говорить — бурно, путано-длинно и все-таки прекрасно:

— Безжизненность Полярного бассейна — вздор! Трусливый вздор бескрылых людей! Жизнеспособности аборигенов мы можем только завидовать! Тысячелетия назад они вышли из недр Азии и расселились через далекий Север на Американском континенте. Для них остались неоткрытыми колесо и порох, и только банды Кортеса связали их снова с цивилизацией. Насилием! Болезнями! Спиртом!..

Шестаков сидел молча, курил махорку, слушал с интересом, иногда посмеиваясь про себя. Потом, чтобы подзадорить Неустроева, спросил:

— Может быть, в те времена иное было невозможно?

— Как невозможно?! — закричал, захлебнувшись возмущением, Неустроев. — Я заявляю вам

твердо — а существо вопроса мне хорошо известно: пионеры российского открывательства, мореплаватели и купцы, никогда не осквернили памяти о себе теми злодеяниями, что совершались под эгидой католического креста!

— И купцы? — серьезно осведомился Шестаков.

— И купцы! Российско-американская компания, конечно, имела в первую очередь коммерческие цели, но и Шелихов, и Баранов строили на западном побережье Америки фактории, школы и больницы. А конкистадорские банды, катившие с восточного побережья, уничтожали все живое на своем пути — народы, государства, целые цивилизации…

— У России был совсем иной путь, совсем иные задачи, — заметил Шестаков.

— Вот именно! Они были исторически иные, и я часто с мукою думаю, что сыны российские, взявшие на себя нечеловечески страшный труд освоения самых недоступных участков Земли — Арктики, Камчатки, Сибири, Алеутов, открытие Антарктиды, — все равно не пользовались должным престижем среди мореплавателей мира.

— А почему?

— Потому что, за исключением Петра, в нашей

державе были очень серые государи, которые казенным бюрократам верили всегда больше, чем людям, бившимся за идею, а не за свою корысть…

Неустроев горько помотал головой и тихо добавил:

— Неверие и пренебрежение к своим талантам, как ржа, разъели российское общество. Возьмите хотя бы Литке. Ведь выдающийся был адмирал и мореход, по-настоящему образованный человек, а всего лишь полвека назад сказал, и заверил, и предписал: «У нас, у русских, еще нет такого моряка, который решился бы плыть морем в устье Енисея…»

— Может быть, поэтому мировая слава принадлежит конкистадорам и торговцам пряностями, а не Чирикову и Челюскину?

— И поэтому тоже… Да не в славе дело. Славу создавал блеск небывалого количества золота, хлынувшего в Европу, а не великие географические открытия.

Шестаков усмехнулся:

— Между прочим, мало кто знает, что испанское и португальское золото, награбленное во всем мире, не сделало эти страны ни богатыми, ни счастливыми. За следующие сто лет они при-

шли в полнейший экономический упадок…

— Не-ет, грабежом не проживешь, грабеж державу не богатит, — покачал головой Неустроев. — Богатство стране создают просветительство, труд, поиск новых путей, торговля.

Шестаков показал на большую фотографию Норденшельда с дарственной надписью Неустроеву:

— Вот он, когда впервые прошел Северным морским путем, не думал о грабеже, а думал о благе…

— Безусловно! Ошибка только в том, что по нашей российской беспамятности первопроходцем на Северном пути считают Эрика…

— Разве это не так?

Неустроев сказал сухо:

— Сейчас уже научно можно доказать, что поморы и казаки это делали еще в семнадцатом веке.

И тут же снова вспыхнул, загорелся, чуть ли не бегом промчался вдоль огромной карты Полярного бассейна, сердито ткнул в него сухой рукой:

— Вот, смотрите, весь этот гигантский труд совершили наши с вами земляки. Первыми, дошедшими до Тихого океана, были устюжане — Дежнев, Москвитин, Поярков, холмогорец По-

пов. У них была историческая необходимость для такого подвига. Ощущение, так сказать, великой миссии России на северном океане.

— Вы имеете в виду разведку и освоение самых труднодоступных мест?

— Конечно! Им были суждены не тропические кущи Америки, а вечная стылость Арктики, Чукотки, Камчатки, Аляски.

— Да-а, другого пути в мир не было, — задумчиво сказал Шестаков.

— Вот именно! Татары веками перекрывали путь к теплым морям, шведы и немцы — к Балтике. И шли они со своей землицы неродящей в огромный и бушующий мир через Ледовитый океан…

— Но ведь это было очень давно, — возразил Шестаков. — Сейчас, благодаря техническому прогрессу, существуют все возможности для реального освоения Заполярья, так что…

— Сам по себе технический прогресс для настоящего освоения Севера — ноль. Нужна возвышенная нравственная идея! — горячо перебил его Неустроев. — Такая идея вела братьев Лаптевых, Челюскина, Беринга…

— А как бы вы сами, Константин Петрович, сформулировали эту идею? — спросил Шестаков.

Неустроев испепеляюще полыхнул голубыми неистовыми глазами:

— Люди сильные должны раздать неслыханные богатства Севера людям слабым!

Шестаков смотрел на тщедушного, впалогрудого профессора, не скрывая любопытства.

— Давайте, Константин Петрович, попробуем вместе! — вдруг предложил он гидрологу.

Неустроев усмехнулся:

— Со мной?.. Пожалуйста! Но остальных людей экспедиции вы погубите.

— Не-а, — упрямо покачал головой Шестаков. — Мне нужен отряд сильных, знающих людей. С ними мы привезем голодающим самое главное богатство — хлеб…

— У нас нет судов, нет обученных экипажей, нет топлива! — снова взорвался Неустроев. — Не забывайте, что территория, прилегающая к Северному морскому пути, — это гигантский и довольно пустынный район протяженностью — ни много ни мало — семь тысяч километров! Если экспедиция не обернется за одну навигацию — все погибнут!

— Дорогой Константин Петрович, мы не можем не обернуться за одну навигацию. Иначе здесь погибнут десятки тысяч людей…

Неустроев грустно улыбнулся:

— Но ваше желание спасти их не может быть сильнее Арктики. Вы плавали в Полярном бассейне?

— Нет.

— В том-то и дело. Это самая неукротимая стихия на Земле. И она сломила многих энтузиастов.

Шестаков пожал плечами:

— Я не плавал в Полярном бассейне, но я брал Шенкурск. В сорокаградусный мороз, по снегу голодные люди волокли на себе пушки. И стихия не могла их сломить. И нас Арктика не сломает. С вами или без вас, но осенью хлеб будет в Архангельске…

— На чем же вы строите свою уверенность?

Шестаков расстегнул карман френча, достал сложенный вчетверо лист бумаги:

— Это телеграмма в Наркомпрод из Архангельского губернского исполкома. «Положение губернии отчаянное. Пять уездов абсолютно голодают. Запасы исчерпаны. Отступающие белогвадейцы вывезли остатки продовольствия. Неввоз хлеба Мурманск, Печору, Мезень грозит смертью…»

Неустроев взял в руки телеграмму, перечитал

ее, грустно покачал головой.

Шестаков горячо продолжал:

— Мой долг моряка и большевика предписывает мне спасти голодающих или… погибнуть вместе с ними.

Неустроев развел руками, немного растерянно спросил:

— Чем я могу быть полезен?

Шестаков удивился:

— Как чем? Вы один из старейших арктических капитанов, у вас богатейший опыт ледового плавания. Вы ведь служили еще на «Ермаке»?

Неустроев кивнул:

— Да, я имел честь быть старшим офицером на судне, когда им командовал Степан Осипович Макаров.

Шестаков заметил льстиво:

— Вы прекрасный гидролог, Константин Петрович! Я знаю, что еще в Морском корпусе гардемарины учились по вашим учебникам…

— Не надо слов, — махнул рукой Неустроев. — У меня вопросов больше нет.

Послышались легкие шаги, и в кабинет вошла высокая молодая женщина в темном платье с белым воротничком. Она сдержанно поклонилась Шестакову.

Неустроев представил:

— Познакомьтесь, пожалуйста, Николай Павлович, с моей дочерью Еленой. — Он повернулся к дочери и с неуверенной извиняющейся улыбкой добавил: — Леночка, это комиссар Шестаков. Мы…

— Прости, папа, вы так громко… Короче — я в столовой слышала весь ваш разговор. Когда мы едем?

Шестаков внимательно посмотрел на нее: сильная гибкая фигура, твердые серые глаза. И вежливо ответил:

— Елена Константиновна, мы с вашим отцом отправляемся в Архангельск сегодня ночью.

Непринужденно прислонясь спиной к резному мореного дуба книжному шкафу, Елена спросила:

— Мы едем только втроем? — «Мы» прозвучало недвусмысленно.

Еще вежливее Шестаков пояснил:

— Мы едем втроем: ваш отец, мой помощник Иван Соколков и я.

Серые удлиненные глаза Елены влажно заблестели, и Шестакову показалось, что она сейчас заплачет. Но голос ее был сух и непреклонен, когда она сказала:

— Значит, вчетвером.

Шестаков даже растерялся.

— Елена Константиновна, нам предстоит дьявольский рейс. Поверьте, это не женское дело… — насколько мог ласково сказал он.

Елена вспыхнула:

— Не говорите банальностей! «Не женское дело»! — передразнила она Шестакова. — А по трое суток не выходить из тифозных бараков — это женское дело? Делить осьмушки хлеба умирающим детям — это женское дело?..

Елена оторвалась от книжного шкафа, стремительно подошла к столу:

— Неделями трястись в санитарной двуколке?.. Отстреливаться от казаков… Это чье дело?!.

Шестаков смотрел на нее во все глаза, любуясь румянцем, вдруг загоревшимся на бледном лице. Покусывая от возбуждения ровными длинными зубами полную нижнюю губу, Елена говорила с жаром:

— Во-первых, папа, как дитя малое, нуждается в женском уходе. Во-вторых, не беспокойтесь, помехой не буду…

Шестаков сказал неуверенно:

— Я, право, и не знаю…

— Тут и знать нечего! — успокоила его Елена. —

Чем труднее дело, тем больше вам понадобится опытная медсестра!

Шестаков пожал плечами — в твердых глазах ее была лукавая усмешка, и он перевел взгляд на Неустроева. Тот смотрел на дочь озабоченно. Решительно заканчивая деловой разговор, Елена сказала:

— А теперь прошу отобедать — у нас есть картошка, конопляное масло и прекрасный морковный чай…

И Шестаков увидел, что у нее хоть и маленький, но очень упрямый подбородок.

Лицо Елены, совсем еще девчоночье, задумчиво улыбающееся, с мечтательными продолговатыми глазами, было освещено желтым мигающим светом коптилки. Потускневший, обтрепанный по краям фотоснимок. Стершиеся на полях золотые вензеля, орленые печати, чуть видное факсимиле «ФОТОГРАФИЯ БРОЙДЭ, ПЕТЕРБУРГ. 1914 ГОД»… Фотография лежала на пустом снарядном ящике, который использовали вместо стола. Рядом были разложены какие-то документы, на грязном вафельном полотенце поблескивали ордена — Владимир, Станислав, Георгий, медаль «За храбрость», французский «Почетный легион».

Чаплицкий бегло просматривал бумажки и

большинство тут же сжигал на вялом пламени коптилки. Покончив с этим делом, он взял с ящика револьвер, ловко разобрал его и четкими, привычными движениями принялся чистить.

Из серой мглистой темноты пакгауза, в которой угадывались силуэты еще нескольких человек, как диковинная донная рыба, выплыл в освещенный коптилкой круг прапорщик Севрюков, опухший, черный, подмороженный. Зябко обнимая себя за плечи, он долго смотрел на занятия Чаплицкого, а когда тот, вытерев чистой тряпицей затвор, начал смазывать его, прокаркал:

— Эт-та… На что вам эта игрушка, ваше благородие?

Чаплицкий поднял на него глаза, чуть заметно улыбнулся и сказал доброжелательно:

— Это, почтеннейший Севрюков, не игрушка. Это револьвер «лефоше»: семь патронов, в рукоятке — нож, а на стволе — кастетная накладка.

Севрюков поморщился:

— Французские глупости. По мне — нет стволов лучше, чем у немчуры. От маузера у противника в черепушке дырка образуется с кулак…

Чаплицкий вздохнул:

— Вы никогда ничему не научитесь, Севрюков. У вас мышление карателя. А ведь мы сидим, как

крысы, в этом пакгаузе…

Сжав кулаки, Севрюков заорал:

— Я вам говорил, что надо всем вместе пробиваться! Не сидели бы здесь, как крысы…

— Не кричите, прапорщик, вас и так услышат, — сказал Чаплицкий, продолжая смазывать затвор. — Что же вам помешало пробиться?

— Так они валом перли, со всех сторон, — уже виновато пробормотал Севрюков. — Было бы стволов с полсотни — обязательно где-нибудь прорвались бы… Нам терять нечего…

Чаплицкий собрал револьвер, заглянул зачем-то в ствол, сказал лениво:

— Это вам, прапорщик, терять нечего.

— А вам? — вскинулся Севрюков.

Так же лениво, нехотя Чаплицкий процедил:

— А у меня здесь родина. Россия называется. Слышали когда-нибудь о такой земле?

Севрюков истерически захохотал:

— А то! Россия! Ха! Чай Высоцкого, сахар Бродского, а Россия Троцкого! Как не слыхать!

Чаплицкий поморщился:

— Я же просил вас — тихо! Едва на ваши вопли подойдет красный патруль, придется вам опробовать маузер на собственной черепушке.

Из темноты вышли на огонек два офицера в

шинелях с оторванными погонами. Следом за ними появился, еле волоча ноги, чихая и кашляя, командир первого «эскадрона смерти» ротмистр Берс.

— Чертовский холод! — сказал он уныло.

Севрюков поглядел на него с антипатией и злорадством, презрительно процедил:

— То-то! Это вам, Берс, не на гнедом жеребце гарцевать! Это вам не в черном эскадроне веселиться! С гриппом вы тут долго не протянете…

Берс накинул на плечи мешок, присел рядом с Чаплицким и, не удостаивая Севрюкова взглядом, сказал, изящно грассируя:

— Этот Севрюков — совершенно дикий, стихийный мизантроп. Я бы не хотел оказаться с ним на необитаемом острове: томимый голодом, он может жрать человечину…

— Конечно, могу! — заржал Севрюков, нисколько не обижаясь. — Не то что вы, хлюпики! Эхма, воинство сопливое!

— Как он умеет эпатировать общество! — усмехнулся Берс и сказал Чаплицкому по-французски: — Лё плебэн энсолэм авек дэз еполет д'оффисье (наглый простолюдин в офицерских погонах).

— Чего это он лопочет? — подозрительно спро-

сил Севрюков у Чаплицкого.

Тот задумчиво посмотрел на него, качая головой, медленно пояснил:

— Ротмистр утверждает, будто душевное здоровье человека зависит от гармонии между дыханием, желчью и кровью…

— Это к чему он придумал? — поинтересовался Севрюков.

— Насколько мне известно, это не он придумал, — терпеливо сказал Чаплицкий. — Есть такое индийское учение — Ригведа…

В амбаре повисло враждебное молчание. Севрюков, исполненный жаждой деятельности, наклонился над фотографией Лены Неустроевой, присмотрелся к ней, коротко хохотнул и обернулся к Чаплицкому:

— Смазливая мамзель!

Берс опасливо покосился на каменные желваки, загулявшие по худым щекам Чаплицкого, и соизволил обратиться к прапорщику Севрюкову:

— Вы бы помолчали немного, любезный!

— А чего? Высокие чувства? — Севрюков снова захохотал. — Так вы о них забудьте! Мы уже почти померли, перед смертью надо говорить только правду. А самая наиглавнейшая правда, какая только есть в этой паскудной жизни, — это

что все бабы делятся на мурмулеточек и срамотушечек. Вот эта, на столе, — мурмулеточка…

Чаплицкий неуловимым мгновенным движением вскинул «лефоше», раздался еле слышный выстрел — и с головы Севрюкова слетела сбитая пулей папаха.

Даже не посмотрев на побледневшего прапорщика, Чаплицкий сказал доброжелательно:

— Видите, Севрюков, я мог вас покарать. А потом взял и помиловал…

Опомнившийся Севрюков начал лихорадочно шарить трясущейся рукой по кобуре, но Чаплицкий уже положил свой револьвер на ящик перед собой и спокойно продолжил:

— Не делайте глупостей, не ерзайте, иначе я вас действительно застрелю. Вас, конечно, и надо бы застрелить, на Страшном суде мне бы скинули кое-что за такой благочестивый поступок… Тем не менее я дарю вам жизнь. Больше того, я дам вам свободу…

Севрюков криво ухмыльнулся:

— Это чего же ради?

Он с ненавистью уставился на Чаплицкого, который совершенно невозмутимо сложил документы, потом убрал их во внутренний карман своей солдатской шинели и туда же ссыпал орде-

на. Спрятал револьвер. И наконец объяснил:

— Мне запало в душу, Севрюков, что вы можете есть человеческое мясо. Вот я и хочу помочь вам — благодаря этому умению — перейти финскую границу.

— Плевать мне на ваши благодеяния, — зло зашипел прапорщик. — Я и сам…

— Нет, — покачал головой Чаплицкий. — Без меня вы не перейдете границу. Пятьсот километров зимней тундры пешком? Без продовольствия? Через красные кордоны?

— Ну и что вы хотите?

— Я вам подскажу, как добраться до Финляндии. Туда ушла дивизия генерала Марушевского, начальника штаба армии Миллера. Вы передадите ему письмо от меня, а он за это переправит вас в Англию. И для вас война закончена, раз и навсегда. Вас это устраивает?

Севрюков кивнул:

— Ну, допустим…

— Сегодня около полуночи из Архангельска пойдет почтовая упряжка в Иоканьгу. Почту повезет матрос Якимов с ненцем-каюром…

— А откуда вы это знаете? — хитро прищурился Севрюков.

— Вот это не ваше дело, уважаемый прапор-

щик. — Чаплицкий поднялся, сказал поучительно: — И вообще: не проверяйте меня, не соревнуйтесь со мной, не спорьте — вы всегда будете в проигрыше.

Севрюков спросил, набычившись:

— Интересно знать, почему бы?..

Чаплицкий деловито продул пустой мундштук и ответил ровным голосом:

— Потому что ваш ангел там… — он показал рукой вверх, — отдан в услужение моему. Мне думается, там тоже классовое неравенство и вскоре ангелы-социалисты затеют классовую борьбу…

Ротмистр Берс захохотал:

— Не пыжьтесь, Севрюков, — такова ваша карма, записанная в священной книге судеб Бханата-Рутия…

Севрюков переводил взгляд с одного на другого, и ненавистническая скрипучая слеза повисла у него на редких белесых ресницах:

— Шутите? Шутнички-и! Раздери вас в корень! Дошутились! Расею-матушку на ногте унести можно. — Он протянул к ним свой мосластый грязный кукиш. — Нигде нам не будет пристанища… Такую землю потеряли-и…

Берс глупо пошутил:

— Приличный кусок своей земли вы унесете в

эмиграцию под ногтями! Ха-ха!

Севрюков повернулся к нему всем корпусом:

— А ты, немец, молчи! — С досады он даже плюнул. — Тьфу! Двести лет вы тут пили-ели, пановали — и все как в корчме. Одно слово — наемники…

— Хватит, господа! — нетерпеливо стукнул ладонью по ящику Чаплицкий. — Вы согласны, Севрюков?..

Военмор Иван Соколков держал в руках верхнюю деку концертного рояля. Запотевшая с холода черная лаковость ее завораживала Ивана, он протирал ладонью окошко в серой мокрой испарине и смотрелся в темное зеркальное отражение. Гордо вздымал бровь, шевелил слабыми усишками, грозно морщил свою курносую бульбочку. Потом улыбнулся: наружностью своею остался доволен. И декой рояльной — тоже.

— Хорошая вещь, однако, — сказал он удовлетворенно, взял из угла топорик и ловко стал распускать деку на щепки, узкие досочки, стружки. — На вечер хватит…

Иван Соколков был человек неспешный, степенный, сильно ценивший покой.

Дорога на военную службу, в Петроград, ему понравилась; много дней стучали по железке

колеса телячьего вагона — от его родной деревни Гущи в бескрайних барабинских степях до сумеречной, подернутой дымчатым дождливым туманом столицы, и все это время можно было спокойно спать на свежеоструганных, ладных, пронзительно пахнувших сосной нарах.

Просыпался, когда котловые разносили по вагонам тяжелые обеденные бачки, с удовольствием завтракал, обедал, ужинал и снова безмятежно засыпал.

Соколков уважал плотную еду, потому что весил девять пудов, и эти огромные комья мышц, могучий рослый костяк и несчитаные метры крепких, как парусная нить, нервов требовали всегда еды, когда Иван не спал.

Но Петрограда он тогда не увидел, потому что всех их, новобранцев, прямо с вокзала отвезли в военный порт, погрузили в толстобокий плашкоут, и старенький пузатенький буксир с надсадным сиплым сопением потащил их в Кронштадт.

Несколько часов, которые провел Иван на плашкоуте, немилосердно подбрасываемом короткой хлесткой волной Финского залива, внушили ему стойкое отвращение к морю.

Здесь, пожалуй, не разоспишься. И пузо тешить

было бессмысленно: душа никакой жратвы не принимала, до зеленой желчи выворачивало Ивана наружу.

А кроме всего, сильно пугала такая жуткая пропасть воды вокруг. В тех местах, где родился и вырос Соколков, всей воды в самой дальней округе была речушка Ныря, пересыхавшая к концу июля до гладких белых камешков на песчаном дне.

Здесь — во все стороны, куда ни глянь, — была серосизая, со смутной прозеленью вода.

Потому Ивана, как человека осмотрительного, неторопкого, очень беспокоил вопрос: а как же вон там, за краем водяного окоема, корабли находят дорогу домой или в те места, куда они собрались плыть? Ведь одна вода кругом, в какую сторону ни обернись?

Да и как тут воевать, на этих зыбких хлябях, прицеливаться, стрелять из пушек или из пулеметов, когда и мирно на этих пароходах не поплаваешь — так с души мутит и блюешь без конца, точно на третий день богатой свадьбы?

В общем, вся надежда оставалась на то, что государю императору нужны небось не только матросы, но и на берегу солдаты. Может, оставят в крепости? Или по какой другой вспомогательной

береговой надобности.

Но с самого начала службы в полуэкипаже стало ясно, что шансов остаться на берегу маловато. К этому времени Иван уже стал помаленьку разбираться в типах кораблей и страстно мечтал, чтобы послали его служить на базовую брандвахту — она на мертвом якоре, от берега совсем близко.

Конечно, похуже, но неплохо все ж таки было бы попасть и на линкор. Дредноуты… они ведь здоровенные, каждый больше его деревни Гущи. В линкор и торпеда попадет — он не потопнет, а на снаряды ему просто чихать!.. И как ни крути, на волне его качает много меньше.

Но, будучи человеком рассудительным, Иван понимал, что надеяться на такую редкую удачу довольно глупо. Надо рассчитывать, что, скорее всего, попрут его трубить на крейсерскую бригаду.

Это, конечно, не ахти какая важная служба. Хотя и в ней имеются кое-какие резоны: такой крейсер, как «Рюрик», к примеру, он размером чуть поменьше дредноута, а ход у него гораздо шибче, так что ежели германских кораблей окажется в перевес, то почти завсегда можно будет от них удрать! И пушек у него будь-будь! На отходе

из одних кормовых пушек можно отстреляться.

Ценя покой, Иван был горячим противником атакующей тактики в морской войне.

О службе на миноносной дивизии Иван и думать не хотел, поскольку это уже выходило за рамки его представлений о нормальной жизни, а метилось адской карой за совершенные ранее грехи.

Если же говорить всерьез, то со всем этим трижды проклятущим флотом Ивана примиряла одна мысль, единственное утешение: из-за роста и девяти пудов здоровенного крестьянского веса его уж во всяком случае не могли взять на подводные лодки.

Подводные лодочки были ма-а-аленькие, а он — большой. Да!

Хоть в этом Господь уберег — от мерзкой участи законопачиваться в железный ящик, наподобие солонины в жестянках, что раздавали в обед, и ползать в таком непотребном виде по дну морскому, а сверху на тебя еще мины кидают…

Тьфу, прости господи! И подумать противно!

А в день присвоения Ивану звания матроса второй статьи их всех построили на плацу полуэкипажа, и с начальником канцелярии пришел красивый мичман с веселым загорелым лицом.

Иван стоял на правом фланге. Мичман хлопнул его по плечу, со смешком, не приказом, спросил:

— Что, молодец, пойдешь ко мне служить?

— Так точно, ваше благородие! — браво отрепетовал Соколков, успевший за недолгий срок службы в полуэкипаже скумекать, что такие весельчаки и красавцы-офицеры всегда поближе к начальству, а начальство — поближе к теплу, а тепло — на берегу.

— Ну и прекрасно, — засмеялся мичман, отобрал еще двенадцать матросов и сказал речь:

— Поздравляю вас, братцы! Вы теперь матросы Шестой минной дивизии, члены экипажа эскадренного миноносца «Гневный», которым я имею честь и удовольствие командовать. Меня зовут Николай Павлович Шестаков…

Так и случилось ему, Ивану, самому себе выбрать судьбу, о которой он и думать-то никогда не хотел. Потому что балтийская служба на эсминцах — вообще дело беспокойное, а Шестаков к тому же оказался таким лихим, везучим и расчетливым командиром, что его корабль бросали, как правило, в самые трудные, опасные, порою просто безнадежные дела.

И под его командой Иван дозорил в штормовые безвидные ночи, уходил на минные постановки

к скандинавским проливам, атаковал Данциг, напоролся в тумане на броненосный крейсер «Роон» и принял с ним бой, сражался против огромной германской эскадры под Моонзундским архипелагом, снимал с тонущего геройского линкора «Слава» остатки экипажа и добирался до Риги на полузатопленном изрешеченном, избитом эсминце.

А потом был неслыханный ледовый переход из Гельсингфорса в Кронштадт, когда нечеловеческим усилием, в последний момент, удалось спасти революционный Балтфлот.

И потом — глушил бомбами глубинными английские подлодки в Финском заливе.

И погибал на взорванном «Азарде».

И штурмовал Красную Горку.

Привык. Привык к морю, к войне. И очень привык к Шестакову.

И сейчас, помешивая в котелке на «буржуйке» булькающую кашу, Иван думал о том, что, конечно, глупо спорить: все, что он знает о мире, о людях, об устройстве человеческих отношений, — все это он узнал от Шестакова.

Хотя, по правде сказать, как раз из-за этой привязанности к Шестакову он и сидит сейчас здесь, мерзнет и голодует, а не списался с флота в

декабре семнадцатого и не уехал в свою далекую, сытую Барабу.

Конечно, и там, нет сомнения, на текущий момент война происходит и борьба с эксплуататорами. Но там все-таки до́ма, там все свое, знакомое, все понятное. Там бы он и без Шестакова теперь разобрался.

Да и жизнь эта, бродячая, цыганская, надоела.

Вот дали им сейчас с Шестаковым эту комнату — дак разве это комната для нормальных людей? Будто для великанов делали: потолки метров под шесть, от дверей к окнам ходить — запыхаешься, холодрыга — люстры от мороза хрусталем бренькают!

Дворник, который и раньше служил в этом доме, пока еще не был дом сдан под общежитие для командировочных и бездомных работников Наркомпрода, рассказывал давеча Ивану о бывшем своем хозяине, дурном барине Гусанове.

Гусанов этот получил по наследству от какой-то тетки прямо перед войной домище — в каком вы и располагаетесь. И так, значит, развеселился Гусанов от наследства, а еще оттого, что войну воевал в Петрограде, что за два года профуфырил дом на скачках, бабах-вертихвостках и заграничной выпивке; продали дом кому-то с торгов.

И все сказали: дурак Гусанов, миллион прогулял!

А через год после революции дом в казну забрали — национализировали — и сделали общежитием. И все сказали — вот умница Гусанов, вот шикарно пожил!

Соколков вспомнил эту нелепую историю, достал из тряпицы кусок старого зажелтелого сала, одну толстую дольку чеснока, растер его рукояткой ножа, тоненько порезал сало и заправил жидкую пшеничную кашу.

И задал себе вопрос: так что же этот Гусанов — дурак он или умный?

Облизнул с ложки обжигающую кашу, покатал на языке, послушал ее вкус в себе, потом решительно тряхнул головой — каша получилась хорошая.

А Гусанов был дурак.

За этими размышлениями и застал его вернувшийся вскоре от Неустроевых Шестаков.

Ужин был готов, и они с аппетитом поедали его прямо из котелка, сидя в шинелях на кроватях, придвинутых вплотную к печке.

Шестаков о чем-то сосредоточенно размышлял, и затянувшееся молчание было невмоготу словоохотливому Соколкову.

— Николай Палыч!.. — завел он.

— Угу…

— Я вот подумал…

Шестаков бормотнул механически:

— Прекрасно…

— Вы ведь человек-то большой, однако… — гнул какую-то свою, ему одному ведомую, линию Иван.

— Спрашиваешь… — так же механически подтвердил Шестаков.

— По нонешним временам особенно…

Шестаков возвратился с небес на землю:

— Вань, кашки не осталось там?..

— Не осталось, Николай Палыч.

— Ну и слава богу! Ничего нет вреднее сна на полный желудок. Так ты о чем?

— Вот говорю, что вы сейчас, коли по старым меркам наметать, никак не меньше чем на адмирала тянете. Ай нет, Николай Палыч?

Шестаков тщательно облизал ложку, кивнул серьезно:

— На бригадира…

— Это чтой-то?

— Был такой чин, друг милый Ваня, в российском флоте.

— Важный?

— Приличный. Поменьше контр-адмирала, побольше каперанга. Соответствовал званию командора во флоте его величества короля английского.

— Вот я о том и веду речь, — оживился Соколков.

— Чего это тебя вдруг разобрало? — засмеялся Шестаков. — Звания все эти у нас в республике давно отменены.

— А пост остался? А должность имеется? Ответственность в наличии? Вот мне и невдомек…

— Что тебе невдомек? — Шестаков точными быстрыми щелчками сбросил в кружку с морковным чаем порошок сахарина. — Ты к чему подъезжаешь, не соображу я что-то?

— А невдомек мне разрыв между нашей жизнедеятельностью и моими революционными планами об ней!

— Ого! Очень красиво излагаешь! — удивился Шестаков. — Прямо как молодой эсер смазливой горничной. Ну-ка, ну-ка, какие такие революционные планы поломала наша с тобой жизнь?

Соколков, наморщив лоб, вдумчиво сообщил:

— Я так полагаю, Николай Палыч, революция была придумана товарищем Лениным, чтобы всякий матрос начал жить как адмирал. А пока-

мест вы, можно сказать, настоящий адмирал, ну, пусть и красный, живете хуже всякого матроса. Неувязочка выходит.

Шестаков сделал вид, что глубоко задумался, скрутил толстую махорочную самокрутку, прикурил от уголька:

— Понимаешь, мил друг Ваня, революция — штука долгая. И окончательно побеждает она не во дворцах, а в умах…

Иван закивал — понятно, мол. А Шестаков продолжал:

— Когда большинство людей начнет понимать мир правильно, тогда и победит революция во всем мире…

Соколков взъерошился:

— Ну а я чего понимаю неправильно?

— А неправильно понимаешь ты — пока что — содержание революции. — Шестаков легко забросил на койку согревшиеся ноги и сунул их под тюфяк.

— В каких же это смыслах? — обиженно переспросил Иван.

— В самых прямых, Ваня. Революция — это работа! Чтобы каждый матрос зажил как адмирал, надо всем очень много работать. Ты сам-то когда последний раз работал?

— О-ох, давно! — пригорюнился Соколков. — Только когда же мне работать-то было? Я под ружьем, считайте, шестой год без отпуска!

— Вот то-то и оно. А хлебушек-то все шесть годов мы с тобой кушаем? Миллионы людей под ружьем, а кто под налычагом? А у станка? А в шахте? Слышал, докладывали: в нынешнем году Россия выплавит стали, как при Петре Первом. Ничего? На двести лет назад отлетели. А ты адмиральской жизни желаешь! Ну и гусь!..

Иван подбросил несколько щепок в печку, раздумчиво спросил:

— А что же будет-то?

— Все в порядке будет, Иван. Беда наша, что мы пахоту ведем не плугом, а штыком. Плугом это делать сподручнее, и хлеб из-под него богаче, да только от бандитов и грабителей, что на меже стоят, плугом не отмахнешься. Тут штык нужен. Погоди немного, отгоним паразитов за окоем — вот тогда мы с тобой заживем по-другому…

— Эт-то верно. Да хлебушек-то людям сейчас нужон! Ждать многие притомились…

— Вот мы с тобой и отправляемся на днях за хлебом, — сказал Шестаков примирительно.

— Далеко? — оживился Соколков.

— Не близко. — Шестаков натянул повыше

байковое одеяло, нахлобучил поглубже шапку, удобнее умостился на койке. — На Студеный океан, в Карское море.

Не вдумываясь, откуда в океане возьмется хлеб, Соколков лишь спросил деловито:

— Много хлеба-то?

— Миллион пудов с гаком.

— Ско-о-лько? — обалдело переспросил Иван.

— Мил-ли-он, — сонно пробормотал Шестаков, его уже кружила теплая дремота. И вдруг, приподнявшись, сказал ясным голосом: — Иван, ты соображаешь, сколько это — миллион пудов? Да еще с гаком? Всей России каравай поднесем!

Уронил голову в подушку и заснул уже накрепко, без снов, до утра.

А Иван Соколков еще долго лежал в темноте, шевелил губами, морщил лоб — подсчитывал.

К полуночи вызвездило — крохотные колючие светлячки усыпали черное одеяло небосвода, и от этого стало еще холоднее. Мороз словно застудил, намертво сковал все звуки окрест, и от этой могильной тишины хотелось ругаться и плакать.

Но прапорщик Севрюков и подпрапорщик Енгалычев, казак из старослужащих, сидевшие засадой в еловом ветхом балаганчике, брошенном кем-то из охотников-ненцев, плакать не

умели, а ругаться нельзя было.

Шепотом — что за ругань?

А громко — нельзя.

И костра развести нельзя.

Прикрываясь за сугробом от острого, будто иглами пронизывающего ветра, Енгалычев зашептал:

— Слышь, Севрюков! Пропадем ведь без огня-то!

Севрюков покосился на него:

— За ночь не пропадем… — А у самого от стужи губы еле шевелятся.

Енгалычев зло сплюнул, и они услышали легкий металлический звон — будто гривенник упал на замерзший наст.

Плевок на лету застыл.

— Ночь ночи рознь, — сказал Енгалычев угрюмо. — Здесь ночь — полгода.

— Не скули. Нынче вытерпим ежели мы с тобой — всю жизнь в тепле будем.

— Жи-изнь… — протянул Енгалычев. — Ох и жизнь наша собачья. Озверели вовсе — на людей засидку делаем!

Севрюков растер рукавицами немеющие щеки, с коротким смешком бросил:

— Комиссары не люди. Учти, матроса убить

— не грех, а добродейство…

— Ладно, посмотрим, — вяло сказал Енгалычев и тоже принялся растирать щеки. — Я так думаю, мы с комиссарами на одной сковороде у чертей жариться будем…

Прошел еще час.

Севрюков приподнял голову, насторожился:

— Тихо! Слушай!..

Из ночной мглы доносился пока еле слышный, но с каждой минутой все более отчетливый собачий лай, тяжелое сопенье. На мили вокруг разносился пронзительный визг полозьев по сухому снегу, гортанные выкрики каюра — шум груженой упряжки на санном тракте.

Енгалычев посмотрел на Севрюкова:

— Что?..

— Давай!

Севрюков подтолкнул Енгалычева в спину.

— Беги, падай на лыжню, — свистящим шепотом скомандовал он. — И лежи как покойник, а то нынче же будешь на сковородке у комиссаров…

Енгалычев выбежал на тракт, упал посреди лыжни, раскинув в стороны руки.

Севрюков снял рукавицы и быстро-быстро принялся растирать замерзшие ладони, согревать их дыханием.

Вот и упряжка показалась. Семь огромных пушистых лаек-маламутов. На нартах — двое укутанных в меховые толстые шубы людей.

Увидав распростертое тело Енгалычева, каюр скомандовал собакам «по-оть!» и с размаху воткнул в твердый снежный наст остол.

Упряжка остановилась. Собаки начали обычную грызню между собой, а матрос Якимов, закутанный башлыком, в перекрестье пулеметных лент, соскочил с нарт и закричал:

— Стоп машина, Кононка! Малый назад, трави пар! Человек за бортом! Жив?

Каюр Кононка подбежал к Енгалычеву, наклонился над ним, приподнял голову.

— Дышит, однако! — крикнул Якимову.

— Тогда доставай спирт, готовь костер, выручать братишку будем! — скомандовал матрос.

Он тоже подошел к Енгалычеву.

Севрюков расстегнул пуговицы шинели, засунул ладони под мышки — руки надо отогреть, иначе вся затея полетит к чертовой матери. И внимательно следил за дорогой. Пошевелил пальцами — двигаются.

Матрос склонился над Енгалычевым. Вот теперь время.

Севрюков выпростал руки, немного высунул-

ся из-за сугроба, достал из-за пазухи тяжелый маузер, покачал его в руке. И тщательно прицелился.

Сначала в каюра, но не выстрелил, а плавно перевел длинный ствол на Якимова, в створ его широкой спины. А тот хлопал по щекам Енгалычева, тормошил его — очнись, браток!

Стократ усиленный безмолвием, треснул выстрел.

Матрос резко посунулся вперед, упал на колени, в муке поднял искривленное лицо, закричал-зашептал помертвевшему каюру:

— Беги, Кононка, беги!.. Это… засада… Беги… Почту… Я… умер…

И упал набок, закаменел.

В следующий миг ненец сорвался с места, длинным стремительным прыжком перескочил через обочину тракта, бросился бежать плотной снежной целиной. Заячьими петлями, рывками, падая и поднимаясь, помчался назад, в сторону Архангельска, туда — к людям!

Севрюков, прикусив губу, медленно вел за ним мушку, потом выстрелил.

Выстрел! Выстрел!

Подкинуло в воздух Кононку, будто ударили по ногам доской, упал на снег.

Севрюков засмеялся:

— Эть, сучонок! Не нравится! Врешь, не уйдешь, вошь раскосая! Гнида…

Кононка перевернулся на снегу, сразу зачерневшем от толстой струи дымной крови, дернулся несколько раз, застонал и затих.

Енгалычев вскочил и побежал к нартам.

Севрюков закричал ему:

— Стой! Ты куда? Прежде этих присыпать надо!

Капитан первого ранга Чаплицкий, его высокоблагородие, опять, выходит, прав оказался. Теперь, с упряжкой-то, и до самого генерала Марушевского добежим.

Но сначала — развести костер, отогреться…

Часть II. Поход

Через замерзшие вологодские болота, заснеженные печерские леса, пустынную кемскую тундру шел к Архангельску поезд.

Необычный эшелон. Впереди — платформа со шпалами, рельсами, потом бронеплощадка с морской трехдюймовкой «Канэ». Два астматически дышащих паровоза на дровяном топливе, три классных вагона, несколько теплушек, еще одна бронеплощадка и снова грузовая платформа.

Поезд полз сквозь ночь, визг ветра, плотную поземку. Лихорадочно дрожали разбитые, расшатанные во всех узлах своих старые вагоны.

Неожиданно поезд останавливался посреди поля или леса, и люди выходили, чтобы не рисковать при переезде через взорванный и кое-как, на скорую руку, восстановленный мост.

Или дождаться ремонта пути.

Или нарубить дров для топки.

Или разобрать завал на путях.

Но железнодорожное бытие ничем не унять. В купе, скупо освещенном свечой, ехали Неустроев, Лена, Шестаков, Иван Соколков. Было холодно, и они пили чай.

Шестаков угрелся, на лбу даже выступили бисеринки пота.

Он подлил из жестяного чайника буряково-красную жидкость в кружку Неустроева, спросил:

— Константин Петрович, я в прошлый раз спорить не стал, но, сколько потом ни старался, так и не вспомнил, в какой из своих работ Литке выказал такое пренебрежение к нашим возможностям? Что, мол, для нас устье Енисея недостижимо? Ведь сам Литке был мореход отчаянный!

Неустроев засмеялся:

— В трудах отчаянного морехода и выдающегося открывателя Литке вы ничего подобного и не найдете. То, о чем я говорил, увы, лишь резолюция Литке, уже генерал-адъютанта и вице-президента Географического общества. Резолюция на официальном документе!

— По какому поводу?

Неустроев грустно покачал головой:

— История эта длинная, печальная и по-своему возвышенная. Это история борьбы горячего российского духа открывательства и познания против холодной природы Севера и прямо-таки ледяной сущности имперской бюрократии…

— Известное дело — царской империи Север ни к чему, — заметил степенно Соколков.

Неустроев удивленно посмотрел на него. И продолжил:

— Идею предстоящей нам экспедиции впервые попытался осуществить шестьдесят лет назад замечательный человек — Михаил Константинович Сидоров, купец и промышленник по положению, исследователь и ученый по своему неукротимому духу.

— Среди богатых тоже умные люди бывали, — вновь согласился Иван, которому Неустроев явно нравился своей ученостью.

Неустроев добродушно улыбнулся, кивнул.

— Сидоров снарядил под командой внука великого Крузенштерна — лейтенанта Павла Крузенштерна — парусную шхуну «Ермак», — сказал он. — Шхуна должна была через Карское море прорваться в устье Енисея.

— А что его привлекло именно к этому маршруту? — спросила Лена.

— Дешевый морской путь. Если бы Сидорову удалось проложить его, то из Сибири в Европу можно было бы выбросить огромное количество леса, избыточного хлеба, смолы, мехов, орехов…

— Я слышал, что шхуну затерло льдами где-то

в районе Югорского Шара и отнесло к побережью Ямала, — сказал Шестаков. — Так, кажется, Константин Петрович?

— Да, так. Команде пришлось покинуть судно и возвратиться через Обдорскую тундру.

— И что, Сидоров смирился с неудачей?

— Ни в коей мере! Он отправился в Петербург, чтобы лично доказать возможность научного и коммерческого мореплавания из Европы в Сибирь и обратно. Он заявил, что готов послать судно на свои средства в устье Енисея и предложил премию в двадцать тысяч золотых рублей первому судну, которое пройдет по этому маршруту…

— Неужто двадцать тыщ не взяли?! — ахнул Иван.

— Не взяли, — сокрушенно покачал головой Неустроев. — Вот как раз тогда Литке и заявил, что у нас нет подходящих моряков. Даже Вольное экономическое общество отказалось от этой идеи. Они считали, будто только в Британии есть навигаторы и моряки для плавания в ледовых условиях…

— А коммерсанты почему отказались? — спросил Шестаков. — Они ведь не бюрократы, они ведь проворный народ?

— Отказались именно потому, что — коммерсанты. В своем проворстве они сразу сообразили, что открытие Северного прохода даст выход на мировой рынок дешевому сибирскому хлебу и лесу. Прибыли упадут! В те времена, между прочим, на весь хлеб, ввозимый из-за Урала, налагалась специальная пошлина!

— И что же Сидоров?..

— Ничего! Он не успокоился и нашел способ подать цесаревичу Александру — «покровителю флота» — докладную записку.

— Отказали небось? — уловивший настроение Соколков махнул рукой.

— Дело не только в том, что отказали. Я запомнил наизусть резолюцию, которую наложил воспитатель наследника престола генерал Зиновьев на докладную записку Сидорова…

Неустроев прикрыл глаза и четким голосом фельдфебельской команды на плацу, взмахивая по-унтерски в такт правой рукой, будто отрубая конец предыдущего предложения, прочитал по памяти:

— Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно!.. И никакие другие промыслы немыслимы!.. То, по моему мнению и мнению моих приятелей!.. Необходимо народ

удалить с Севера во внутренние страны государства!.. А вы хлопочете *наоборот* и объясняете о каком-то Гольфштроме!.. Которого на Севере быть не может!.. Такие идеи могут проводить только помешанные!..

— М-да-аа… — только и выдавил из себя Шестаков, а Неустроев закончил удрученно:

— Вот вам окончательное заключение государственного мужа! «Моему мнению и мнению моих приятелей»! Кто эти приятели? Ведь не Литке же, хотя он с резолюцией и согласился! Уму непостижимо!..

— И Сидоров оставил свои усилия? — ужаснулась Лена.

— Нет. Он лишь оставил усилия решить проблему с помощью царского правительства. Михаил Константинович поехал в Англию и там опубликовал свой проект в газетах, обещая все ту же огромную премию. Потом перебрался в Норвегию и увлек своим планом Норденшельда…

За окном глухо треснул ружейный выстрел, потом еще раз, гулко хлопнула пуля по стене вагона. Шестаков быстро поднялся, задул свечу, прижался лицом к непроглядно-черному стеклу. С бронеплощадки раскатисто затарахтел пулемет, рявкнуло орудие — больше, видимо, для

острастки. Ходу поезд не сбавлял, и ружейные выстрелы вскоре затихли.

Шестаков уселся на место, твердыми пальцами не спеша затеплил свечу в фонаре.

— Ничего, если никаких новых чудес не случится, завтра будем в Архангельске, — пообещал он уверенно.

— Нам сразу же понадобится очень много людей, — думая о своем, отозвался Неустроев.

— Не беспокойтесь, Константин Петрович, я говорил по прямому проводу с командармом-шесть товарищем Самойло.

— Самойло будет обеспечивать военную подготовку нашей экспедиции?

— И не только военную. Он меня заверил, что у них все уже идет полным ходом.

Лена отложила книгу, которую с трудом читала при тусклом свете свечи.

— А правда, что Самойло — этакий красный Мюрат? — спросила она.

— В каком смысле?

— Я слышала, будто он до войны был безграмотным батраком и выдвинулся только в годы революции.

Шестаков расхохотался:

— История романтическая, но недостоверная.

Основательно выдвинулся по службе еще предок его, Самойло Кошка, — он был гетманом запорожским и известен, помимо прочего, тем, что провел у турок в плену двадцать шесть лет, потом бежал и прославился воинскими подвигами.

— Значит, с родословной у него все в порядке, — улыбнулась Лена.

— Да, безусловно, — с полной серьезностью подтвердил Шестаков. — Что касается самого Александра Александровича, то я его очень хорошо знаю — мы воевали в этих местах почти два года.

— Так он профессиональный военный?

— И не просто профессиональный военный. Александр Александрович один из образованнейших и умнейших русских военных. Был генералом, помощником начальника разведотдела генерального штаба… — Шестаков протер платком запотевшее окно, всмотрелся в ночную темень, повернулся к Лене: — Забавно, что его непосредственным начальником был генерал-лейтенант Миллер, главнокомандующий войсками Севера…

— А что?

— А то, что теперь именно Самойло выпер Миллера из пределов Республики. С треском…

— Действительно, смешно, — сказала Лена. Помолчав, задумчиво добавила: — Как революция все на нашей земле изменила, все смешала…

— Да-а, перемешалось здесь все крепко, — кивнул Шестаков. — Помню, в прошлом году белое командование сообщило, что хотят встретиться с нами для передачи официального документа командарму Самойло. От наших пошли комиссар Чубаров, я и Иван Соколков…

— Так точно, я лично присутствовал, — авторитетно подтвердил Соколков.

Шестаков покосился на него, усмехнулся и продолжил:

— Да-а, так вот, встречаемся мы, значит, на нейтральной полосе, глядь — знакомые все лица! От миллеровцев — каперанг Чаплицкий, начальник их контрразведки, и лейтенант Веслаго — мы с ними служили в минной дивизии в Або-Аландских шхерах…

Лена вздрогнула, быстро взглянула на отца, но Шестаков, не обратив на это внимания, продолжал неторопливо рассказывать:

— Мы все от неожиданности растерялись. Потом Чаплицкий мне говорит: «Гражданин комиссар, или как вы там нынче называетесь, мне поручено передать вашему командующему,

обер-предателю русского народа, смертный приговор Высшего военного трибунала Северного правительства. Приговор вынесен заочно и будет приведен в исполнение незамедлительно после ареста Самойло…»

Снова вмешался Иван Соколков:

— Я тогда сразу сказал Николаю Палычу: раз мы эти… как его… парамен…

— Парламентеры, — подсказал Шестаков.

— Ага, парламентеры. Дык вот, раз, говорю, мы парламентеры, то давайте сразу и пристрелим их, шкур недобитых, белогвардейских!

Лена испуганно посмотрела на него, но Иван сокрушенно развел руками:

— Николай Палыч, конечно, против: нельзя, говорит, врагов, говорит, честные люди убивают в бою. У нас с тобой — дипло-ма-ти-чес-кая мис-сия. Мис-си-я!

— Ну и как же вы поступили? — сухо, с неожиданным ожесточением спросила Лена.

Шестаков пожал плечами:

— Я сказал Чаплицкому, что его смелость превосходит здравомыслие: максимум через полгода все вы будете пленными командарма Самойло.

Лена как бы из вежливости, без любопытства, сказала:

— А что он?..

— А он за это пообещал меня повесить на одном фонаре с командармом. Я, разумеется, душевно поблагодарил за честь, и мы расстались.

— И что же с ними стало? — так же вежливо и спокойно спросила Лена. Безразлично, как о чем-то малозначительном, совсем неинтересном.

Шестаков удивился:

— С этими, Чаплицким и Веслаго? Понятия не имею. Скорее всего, бежали вместе с Миллером. Чаплицкий, насколько мне известно, заправлял у Миллера всеми делами в последнее время. А почему вы об этом спрашиваете, Елена Константиновна?

— Да так, просто показалось любопытным… Чаплицкого я знала когда-то, во времена незапамятные…

Лена плотнее запахнула шубку и раскрыла книгу, пододвинув ее поближе к свече…

Скрипя сапогами по плотно слежавшемуся снегу, Чаплицкий и ротмистр Берс направились из старого архангельского порта через задворки Саломбалы в город. Берс натужно кашлял, на ходу задыхался.

— Я, кажется, совсем разболелся, — пожаловался он Чаплицкому.

Думая о чем-то своем, Чаплицкий пробормотал:

— Терпите, Берс, терпите. Скоро мы будем в тепле. Там я вас вылечу…

Берс, покосившись на Чаплицкого, сказал с неуверенным смешком:

— Когда вы так говорите, дорогой друг, я начинаю думать, что вы пропишете мне порошок Бертоле.

Чаплицкий удивился:

— Порошок Бертоле?

— Ну да! Лучшее успокаивающее средство — это сухой черный порошок.

Чаплицкий засмеялся:

— У вас действительно не в порядке нервы. Я собираюсь лечить вас проверенными народными средствами.

— Прекрасно! В учении Заратустры соискатель на лекарское звание должен был вначале вылечить трех пациентов из низшей касты — врагов Агура-Мазды…

— Эту ступень я одолел давным-давно, — скромно сказал Чаплицкий. — А дальше что?

— Только после этого лекарь мог практиковать и в высшей касте — среди друзей Агура-Мазды…

Чаплицкий молча слушал. Остановившись,

чтобы прокашляться, Берс воздел палец:

— Не забывайте, что по своему положению и происхождению я друг Агура-Мазды!

Чаплицкий ухмыльнулся:

— По своему положению вы беглый белогвардеец и враг революции. Ясно? Пошли!

Они двинулись дальше, и Чаплицкий продолжил:

— Поэтому…

— Стой! Кто идет? — И вместе с криком прямо перед ними из темноты вырос патруль: солдат с винтовкой наперевес и мужик в сером драном азяме.

У мужика в руках было старое охотничье ружье. Он вгляделся в путников и требовательно спросил:

— Пароль?

Чаплицкий, отодвигая назад Берса, выступил вперед:

— Знамя! Свои, товарищи!

Солдат кивнул, и Чаплицкий быстро сказал:

— Мы из ЧК. Здесь несколько минут назад мужчина с женщиной в белом платке не проходили?

Солдат задумался:

— В белом платке? Баба?.. Чегой-то не видали. А вы пропуск свой мне все-таки покажьте. Не

обижайтесь, граждане чекисты, время как-никак военное…

Чаплицкий простецки засмеялся:

— А чего ж обижаться? Наоборот, хвалю за революционную бдительность. Вот мой мандат…

Он протянул солдату бумажку, тот взял ее в руки, приблизил к глазам, чтобы получше рассмотреть в темноте.

В тот же миг Чаплицкий выхватил из кармана кастет-револьвер и со страшной силой ударил патрульного в переносицу. Быстро переступил через осевшее тело и в длинном беззвучном прыжке достал выскочившим из рукоятки «лефоше» лезвием мужика в драном азяме. В горло.

Захлебнулся мужик кровяным бульканьем и, заваливаясь круто на спину, сипло выдохнув, успел напоследок выстрелить из старой кремневки вверх, в зябко дрожащие, неуверенные звезды…

Чаплицкий тихо скомандовал:

— За мной, быстро!

Они побежали по темному проулку, хрипло, загнанно продыхиваясь. Визжал под ногами плотный снег.

И в молчаливой устремленности затравленных хищников ощущалась смертельная угроза.

Бежали долго, и, когда Берс остановился, поняв, что в следующую секунду он умрет, Чаплицкий шепнул:

— Здесь! Сможете перелезть через забор?

Берс молча покачал головой.

— Влезайте мне на спину!

Чаплицкий подсадил, поднял, резко подтолкнул ротмистра, потом подпрыгнул сам.

Подтянулся на руках, рывком перемахнул через саженный заплот.

Упал в сугроб, вскочил, несильно пнул ногой Берса:

— Не сидите на снегу! Застудитесь. Вставайте! Ну, вставайте — мы пришли…

Зала — главная горница крепкого дома бывшего купца Солоницына Никодима Парменыча — была непроходимо заставлена разностильной мебелью, забита до отказа дорогой утварью и украшениями.

Павловский буфет, а в нем корниловский и кузнецовский фарфор, чиппендейл с тарелками из орденских сервизов, гамбсовские пуфы, шереметевские резные буфеты с яйцами Фаберже. На стенах — ростовская монастырская финифть вперемешку с лубочными олеографиями.

Чаплицкий и Берс сидели за богато накрытым

столом и смотрели на все это с изумлением, как рассматривают геологи откос рухнувшего берега с обнажившимися слоями наносного грунта, — здесь так же отчетливо были видны пласты добра, собранного после схлынувших волн белогвардейского бегства через Архангельск.

Чаплицкий поднял рюмку:

— Ваше здоровье, Никодим Парменыч!

— Заимно! — Солоницын солидно прикоснулся бокалом к офицерским рюмкам, проглотил коньяк, густо крякнул, вытер усы. Закусил маринованным груздем.

Офицеры ели жадно, торопливо, давясь непрожеванными кусками.

Солоницын внимательно смотрел на них, еле заметно, в бороду усмехался. Подкладывал, дождавшись перекура, спросил Чаплицкого:

— Ну-с, Петр Сигизмундович, теперя, можно сказать, закончились ваши дела здеся?

Чаплицкий прожевал кусок копченого угря, по-простому вытер губы куском хлеба, проглотил его, затянулся табачным дымом, неторопливо ответил:

— Нам с вами, Никодим Парменыч, как людям глубоко религиозным, отныне и присно надлежит смиренно внимать божественным

откровениям отцов церкви…

Солоницын степенно склонил голову.

Чаплицкий продолжал:

— Святитель казанский Гурий указывает нам: «Подвизаться должно, несмотря ни на какие трудности и неудобства, чинимые сатаной…»

Солоницын засмеялся, погладил себя по вислому, гусиным яйцом, животику, сказал дорогому гостю добро, предостерегающе, отечески:

— Эх, Петр Сигизмундович, ваше благородие! Шибко прыткий ты господинчик. Все тебе укороту нет! А ведь комиссары-то, пропади они пропадом, чай, тоже не дремлют?

— Думаешь? — вскинул брови Чаплицкий.

— А как же? Они шастают и рыщут, как псы исковые! Гляди, отловят тебя — панькаться не станут. Сразу на шибеннице ножками задрыгаешь…

— А сам-то, Никодим Парменыч, комиссаров нешто не боишься?

— Бояться-то боюсь, конешно. Но все ж таки я не охфицер, как-никак, не контра. Я человек тихий, торговый. А без торговли при всех властях жисти промеж людей быть не может. Устаканится все помаленьку, глядишь, снова можно будет покумекать — што да как…

Чаплицкий посмотрел на Берса, которого развезло в тепле, и спросил купца:

— А мне чего посоветуешь? Как жить подскажешь?

Солоницын сказал веско:

— У тебя, ваше высокоблагородие, один путь: через чухонскую границу на Запад драпать.

— А чего так? — лениво поинтересовался Чаплицкий, с удовольствием раскуривая вторую толстую сигарету с золотым обрезом, английского происхождения. — Может быть, и мне подождать, пока все устаканится?

Солоницын даже со стула поднялся:

— Петр Сигизмундович, голубь ты мой, упросом тебя прошу, послушай старика. Обогрелись — поспите чуток, харчишка я вам в дорогу соберу, и берите ноги в руки! — Для убедительности он прижал короткие толстые ручки к сердцу: — Петр Сигизмундович, дружка твоего — ладно, не знаю я, а ты, хотя и молодые годы твои, кровушки людской рекой пустил! Не дай бог большевичкам в руки попасть. Они тебе вспомянут…

— Вот так, значит? — серьезно, задумчиво переспросил Чаплицкий. — Ай-яй-яй… Вы слышали, геноссе Берс? Оказывается, наше дело — табак. У вас есть какие-нибудь соображения по этому

поводу?

Берс приоткрыл осоловевшие глаза:

— Я согрелся, сыт, слегка пьян и потому спокоен. Ибо сутры Прагна Парамита утверждают, будто вся наша жизнь есть очень, очень долгий сон с повторяющимися сновидениями, прекрасными и кошмарными.

— Замечательно! — Чаплицкий гибко поднялся из глубокого кресла и показал рукой на Солоницына: — В таком случае внимательно взгляните на этого постного старичка, похожего на туза треф…

Солоницын обиженно зажевал губами, а Чаплицкий, прогуливаясь по горнице, спокойно продолжал:

— Я знаю Никодим Парменыча много лет. Был он маленький лавочник, пустяковый человечек, просто паршивенький дедушка. Так бы и сгнил со временем, если бы не я — настоящий, вдумчивый искатель в сердцах людских. Я открыл на пользу всему человечеству его дарование…

Берс заинтересовался:

— Дарование? Какое же?

— Никодим Парменыч — гениальный шпик и талантливейший провокатор!

Солоницын вздрогнул, быстро перекрестился.

Его ноздреватое, желтое, как подсохший лимон, лицо начало медленно сереть. Снова перекрестился.

Чаплицкий театральным жестом указал на него:

— Во-во-во! Смотрите, Берс, сейчас будет приступ благочестия. Вот так же он обмахивался, когда я приказал расстрелять политически неблагонадежных рабочих на его лесопильном заводе. Конечно, по его просьбе: не надо платить жалованье за полгода, а остальным можно снизить ставки…

Берс укоризненно покачал головой:

— Ай-яй-яй! Кто бы мог подумать!..

А Чаплицкий заверил:

— Вы не можете себе представить, Берс, что в этом богобоязненном старце клокочет гордыня Рябушинского и тщеславие Форда. При моем содействии за три года он купил… — Чаплицкий принялся неторопливо загибать пальцы: — Лесозавод, причал, свечную фабрику, буксир, четыре лихтера и трактир в порту…

Чаплицкий остановился рядом с Солоницыным:

— И все на чужие имена. Правильно я говорю, Никодим Парменыч, ничего не забыл?

Солоницын прикрыл глазки, пожал плечами: говори, мол, говори.

Не обращая на это внимания, Чаплицкий сказал не без гордости:

— Должен вам заметить, герр Берс, что этот лапоть, этот серый валенок подготовил мне лучших доносчиков и соглядатаев… — И снова обратился к купцу: — Все их рапорты вместе с вашими, Никодим Парменыч, записочками пока припрятаны.

— Это вы к чему, ваше высокоблагородие? — ершисто спросил Солоницын.

— Это я к тому, многоуважаемый господин Солоницын, что вы напрасно собрались дожидаться мира и благодати при большевичках. Вы солдат армии, из которой можно демобилизоваться, только померев. Уйдя в мир иной. Преставившись, так сказать. Все поняли?

Солоницын покорно склонил голову:

— Должон был понять. Што тут не понять. Значится, теперя прикажешь мне по ночам на улицах бегать да комиссаров стрелять? Али штаб ихний поджечь?

— Вот это я без вас управлюсь, — засмеялся Чаплицкий. — Ваша другая задача. Мы теперь будем жить у вас, пока вы нам другое жилье,

поспокойней, не подыщете. Это раз. Во-вторых, срочно приготовьте мне — к завтрему — четыре тысячи рублей…

— В «моржовках» али в нынешних? — деловито спросил Солоницын.

— «Моржовками» и нынешними можете оклеить вот эту свою уютную гостиную. Я человек крепких взглядов — нужны золотые николаевские червонцы.

Солоницын покачал мясистым клювом:

— Стоко не соберу.

— Соберете, соберете, — успокоил его Чаплицкий. — И хочу вам напомнить в последний раз: вы мне ма-ахонький подчиненный и впредь никогда не смейте вступать со мной в пререкания. Иначе я вас застрелю — прямо вот здесь… под святыми образами.

Солоницын тяжело вздохнул:

— Господи, круты же вы, господин Чаплицкий! Сколько людей поубивали, а все вам неймется.

Чаплицкий похлопал его по плечу:

— Вы, Никодим Парменыч, убитых не жалейте, бабы новых нарожают… Бы-ыстро…

…В помещении штаба Шестой армии было тепло, накурено, душно — шло совещание, которое проводил командарм Самойло.

С докладом выступал председатель Губчека Болдырев — худой высокий человек с неровным чахоточным румянцем.

Он говорил взволнованно:

— Белогвардейские недобитки стали реальной угрозой общественному спокойствию и правопорядку. Они грабят и мордуют мирное население, нападают на заставы и патрули. Вчера ночью снова было зарезано двое патрульных. Никаких следов не обнаружено. Особенно настораживает, что бандиты, по всей вероятности, знали вчерашний ночной пароль, иначе патруль не допустил бы их к себе вплотную… Это очень тревожный факт. Есть, значит, утечка секретных сведений.

Командарм Самойло оторвался от бумаг:

— Что вы предлагаете?

Болдырев решительно рубанул рукой:

— Мы просим выделить для разовых операций ЧК регулярный полк!

— Что это даст?

— С такими силами мы сможем провести массовые облавы в трущобных районах порта и в Саломбале.

Самойло задумался — выделить целый полк было нелегко. Он еще не принял решения, когда открылась дверь и в штаб вошли Шестаков и

Неустроев.

Самойло секунду смотрел на них с удивлением, потом вскочил им навстречу:

— Николай Павлович, дорогой!

Шестаков вытянулся по стойке смирно и четко доложил, держа руку под козырек:

— Товарищ командарм! Особоуполномоченный Всероссийского центрального исполнительного комитета для проведения Сибирской хлебной экспедиции военмор Шестаков прибыл в ваше оперативное подчинение!

И бросился в объятия Самойло.

Они долго радостно тискали друг друга, потом Шестаков представил своего спутника, который с улыбкой наблюдал встречу друзей:

— Познакомьтесь, Александр Александрович, начальник Сибирской экспедиции, замечательный мореплаватель, капитан дальнего плавания Неустроев Константин Петрович…

Пока они знакомились, Шестаков осмотрелся. И увидел сидевшего за столом начальника связи Щекутьева. Тот улыбался ему со своего места весело и приветливо.

С радостным удивлением Шестаков пожал ему руку, подмигнул — мол, потом поговорим.

Расстегнул объемистый портфель и достал

из него большую плотную папку и красную коленкоровую коробочку с изображением ордена Красного Знамени.

Снова вытянулся по стойке смирно:

— Товарищ командарм! Всероссийский центральный исполнительный комитет поручил мне огласить приказ Реввоенсовета Республики и вручить вам орден Красного Знамени, которым вы награждены за разгром армии генерала Миллера и ликвидацию Северного фронта…

Самойло тоже встал смирно и внимательно выслушал приказ Реввоенсовета.

Шестаков торжественно вручил командарму грамоту ВЦИК и орден.

Самойло пожал ему руку, смущенно примерил орден.

— Этот орден для меня и честь, и радость. И утешение, — добавил он, улыбаясь.

— Утешение? — переспросил Шестаков.

— Да, утешение. Прошлой зимой во время голода жена обменяла все мои старые ордена на пуд ржаной муки и два пуда картошки…

Болдырев сказал проникновенно:

— Рабоче-крестьянская Россия наградит вас, Александр Александрович, благодарностью миллионов людей, чью свободу вы отстояли…

Самойло махнул рукой:

— Ну… зачем же так возвышенно… Давайте лучше за дело, товарищи! Прошу высказываться…

Пока выступал заместитель начальника штаба, прибывшие устраивались за столом. Шестаков уселся рядом с Самойло, Неустроев оказался на стуле около Болдырева.

Шестаков деловито спросил:

— В первую голову — как с углем?

— На складах Архангельского порта имеется около тысячи тонн, — отозвался Самойло.

Шестаков дождался, пока закончит заместитель начальника штаба, встал.

— Товарищи! — начал он. — Сегодня же должен быть издан приказ о переводе электростанции, всех городских кочегарок на дрова. Уголь — это вопрос всех вопросов на сегодняшний день. Необходимо реквизировать его у всех торговцев. Прошу подумать, какие имеются резервы для экономии и сбора угля?

Болдырев с места сказал:

— Незамедлительно объявить трудовую мобилизацию среди буржуазии, купцов и всех нетрудовых элементов. Всех бросить на заготовку топлива…

— Дельно, — одобрил Шестаков. — Надо проду-

мать и другие меры…

Неустроев наклонился к Болдыреву и тихо спрашивал его о чем-то…

А Шестаков напористо излагал программу необходимых для обеспечения похода действий:

— В ближайшие дни надо провести партийную конференцию на судоремзаводе и механическом заводе Лида! Нужно обратиться с воззванием к трудовому населению Архангельска — разъяснить громадность стоящей перед нами задачи…

Щекутьев, внимательно слушая Шестакова, что-то торопливо помечал в своем блокноте.

— Центральный комитет партии, ВЦИК и Реввоенсовет Республики призывают губернскую партийную организацию, — звучал над ними голос Шестакова, — бросить на самые трудные участки экспедиции коммунистов, сознательных пролетариев, лучшую часть старого офицерства…

Вскоре совещание окончилось. В коридоре Шестаков и Щекутьев долго обнимались, радостно восклицали что-то, хлопали друг друга по плечам.

— Привел все-таки Бог свидеться, — довольно говорил Шестаков. — Ведь с шестнадцатого года нас с тобою где только не мотало…

— Меня-то не очень, — смеется Щекутьев. — Как в январе семнадцатого перевели на Север, так и трублю в Архангельске бессменно.

— Ты и тут по части радио командуешь?

— Начальник службы связи! — гордо сообщил Щекутьев.

К ним подошел Неустроев, и Шестаков представил ему Щекутьева:

— Знакомьтесь, Константин Петрович, — военмор Щекутьев Сергей Сергеевич, мой соратник по минной дивизии, а ныне главный архангельский Маркони…

Неустроев приветливо поклонился:

— Весьма рад…

— И мне очень приятно, Константин Петрович, — искренне сказал Щекутьев. — Я еще в Морском корпусе, в гардемаринах, был про вас наслышан.

— Ну уж, ну уж… — Смущенно улыбаясь, Неустроев отошел.

— А я частенько вспоминал, как мы с тобой в Данциге повоевали, — мечтательно прищурился Щекутьев. — Ох и операция была лихая!

— Лихая, ничего не скажешь, — согласился Шестаков и, немного помолчав, добавил душевно: — Я очень рад, Сережа, что ты с нами.

— Ну еще бы! — охотно поддержал его Щекутьев. — Мне тут довелось с Шуриком Новосельским столкнуться, когда белые отступали…

Щекутьев задумался, и Шестаков поторопил его:

— Ну-ну, так что Шурик?

Щекутьев посуровел, сказал неприязненно:

— Враг. Да еще какой! Злобы сколько… А ведь койки в кубрике рядом висели… Хлебом делились…

— Диалектика революции, — развел руками Шестаков. — Я потому и радуюсь тебе… Ну, дружок, я помчался — дел невпроворот. Как устроюсь — дам знать. Пока…

— Оревуар!.. — улыбнулся Щекутьев.

Четыре тысячи Солоницын достал.

И теперь в горнице Чаплицкий и Берс вместе с хозяином пили чай. В комнате было почти темно — лишь вялый огонек лампады под образами еле колебал сумрак.

На столе перед Чаплицким лежали ровные столбики золотых монет.

— Ну, вот видите, господин Солоницын, нашлись денежки, так? А вы опасались не собрать, — не то улыбался, не то по-волчьи скалился Чаплицкий.

— Соберешь, пожалуй, — тяжело вздохнул Солоницын. — Пока рубашку с меня последнюю не сымете, не успокоитесь ведь…

— Не аггравируйте, господин купец. Сиречь — не преувеличивайте, — лениво заметил Берс. — Под вашим последним бельем еще толстый слой золотого жирка…

Он допил чай, расслабленным шагом прошелся по зале, сказал поучительно:

— Царь Кудгадан, отец великого Будды, заповедывал нам думать не о золоте, а о жизни вечной…

Солоницын неприязненно покосился на него.

Чаплицкий прямо в сапогах улегся на диван, неторопливо закурил и сказал Солоницыну:

— Не тужите, Никодим Парменыч! Вам надо только дождаться победы нашего дела…

— И что тогда?

— А тогда я дам вам на откуп все рыбные промыслы! На девяносто девять лет!

— Ага! Буду дожидаться. Коли тебя, ваше высокоблагородие, завтра Чека где-нибудь не подшибет. И будут мне тогда промыслы!

— Все мы в руке Божьей, — сладко потянулся Чаплицкий. — В Евангелии от Иоанна сказано: «Да не смущается сердце ваше и да не устра-

шится!»

— А-а! — небрежно махнул рукой Солоницын.

— Вот-вот, господин меняла, все беды от неверия нашего!

Солоницын встал, бормотнул угрюмо:

— Пойду скажу, чтобы свет запалили.

— Не надо! — неожиданно резко бросил Чаплицкий. — Не надо! Сейчас ко мне придет гость, нам лишний свет не нужен. Не нужны лишние глаза, уши и языки. Вы, Никодим Парменыч, не маячьте здесь. Идите к себе наверх, отдохните после чая, помолитесь… — Подумал и добавил: Вас ротмистр проводит… Чтобы соблазна не было ухо сюда свесить.

И едва он произнес эти слова, раздался короткий двойной стук в дверь.

Чаплицкий поднялся и скомандовал Берсу:

— Ну-ка, ротмистр, воздымите его степенство! Быстренько!

Солоницын, недовольно бормоча себе под нос что-то невразумительное, отправился вместе с Берсом в мезонин.

А Чаплицкий подошел к двери, прислушался, потом отодвинул засов. В горницу вошел человек, закутанный в башлык поверх тулупа. Лица его в сумраке не было видно.

Чаплицкий дождался, пока он разделся, проводил в горницу, предложил:

— Обогреетесь? Есть чай, можно водочки…

— Сейчас, к сожалению, не могу, Петр Сигизмундович, — отказался гость. — Я должен вскорости вернуться на место.

— Понял. Какие новости?

— Неважные. Сегодня из Москвы прибыл особоуполномоченный комиссар Шестаков…

— Николай Шестаков? — живо переспросил Чаплицкий.

— Он самый, Николай Павлович. Ему поручено организовать морскую экспедицию, чтобы перебросить сюда и в Мурманск сибирский хлеб. На Оби и Енисее скопилось свыше миллиона пудов…

Чаплицкий присвистнул:

— Ничего себе! Но ведь это невозможно!

— Почему?

— Миллер в прошлом году пытался это сделать с помощью английских ледокольных пароходов.

— А чем кончилось?

— Полным фиаско: прорвалось только одно судно, да и то вмерзло в материковые льды. Все коммерсанты, вложившие в это предприятие деньги, понесли большие убытки.

Гость хрипло засмеялся:

— Это действительно неосуществимо. Для английских торгашей и наших спекулянтов. Но где Миллер и где мы сейчас? Я согласен, до сих пор такая экспедиция никому еще не представлялась возможной. Но большевикам, к сожалению, удалось многое, что до них не удавалось никому.

Вернулся Берс. Чаплицкий, не знакомя его с посетителем, уселся верхом на стул, упер лицо в ладони, задумчиво сказал:

— Мы не можем этого допустить! Если они доставят сюда хлеб — нам конец…

Гость закурил, неспешно заметил:

— Я еще не все сказал. Они планируют часть хлеба, масла, сала, пушнины выбросить на европейский рынок… Это конец всему белому движению.

— Да. И еще — это начало конца Запада, — мрачно сказал Чаплицкий. — Но на Западе это пока не очень ясно понимают. Чувства курицы, которая уже находится в кипящей кастрюле, они представляют себе чисто умозрительно…

Гость вскочил, вскинул кулаки:

— Как же они могут не понимать, что у нас творится?

— Буржуазия по природе своей безыдейна.

А потому безнравственна, — зло уронил Чаплицкий. — Она жаждет только сиюминутных барышей. И в конце концов, в результате — она слепа, поскольку, давая передышку большевикам, готовит себе погибель!

Повисла тяжелая пауза. А в коридоре плотно прильнул глазом к замочной скважине Солоницын.

Гость тихо засмеялся:

— Безыдейна, говорите, буржуазия-то? А вы, Петр Сигизмундович, не записались, часом, в РКП(б)?

— Пока нет, — серьезно сказал Чаплицкий. — Я просто трезво смотрю на вещи. Краснопузые предложили черни такую стройную и привлекательную программу, которую наш мир никогда не сможет им пообещать. Мы им приказывали умирать за нас, а большевики предложили им жить для себя.

— Надеюсь, вас еще не увлекла идея строительства новой прекрасной жизни для черни?

— Перестаньте фиглярствовать. Сейчас меня занимает вопрос, как не дать им привезти хлеб. — Чаплицкий расхаживал по горнице, задумчиво потирая лоб. — Нет, хлеба я им не дам, пусть вымрут, гниды, все до единого!

— У вас есть для этого реальные средства, господин каперанг?

Чаплицкий стукнул кулаком по столу:

— Они существуют объективно: неведомая ледовая трасса, бескормица, нет топлива, исправных судов… — Закурил и добавил уже более спокойно: — А мы должны все эти сложности сделать непреодолимыми. Чтобы караван вообще не смог выйти.

Пришедший долго молчал, потом медленно сказал:

— А если они все-таки преодолеют эти непреодолимые препятствия? Они ведь нам уже не раз показывали, как надо преодолевать непреодолимое.

Чаплицкий засмеялся:

— Похоже, что это вы записались в РКП(б), милый мой!

— Нет, серьезно?

— А если серьезно, то существует английский флот, наконец! — Он раздраженно фыркнул: — В конце концов, их это, черт побери, тоже касается!

Гость покачал головой:

— Англия сейчас на открытую войну не пойдет. А нападение на мирный караван — это война. Их

так называемый пролетариат будет возражать…

— Ерунда! — Чаплицкий решительным жестом отмел это предположение. — Английский флот — хранитель самых старых традиций государственного пиратства.

— Не понял?..

— Для того чтобы за полчаса уничтожить караван, крейсеру «Корнуэлл» вовсе не нужен «Веселый Джек» на гафеле. И британский лев тоже. Просто неизвестное военное судно неустановленной государственной принадлежности.

— Вы думаете, они на это пойдут?

— Еще как! Не забывайте: в России пропадают миллионы их фунтов стерлингов.

— Ну что ж. Может быть. Посмотрим. Да, позвольте полюбопытствовать: вырезанный патруль — ваша работа?

Чаплицкий криво ухмыльнулся:

— Был грех.

Гость восхищенно покачал головой:

— Чисто сделано. Но в порт не показывайтесь, Петр Сигизмундович. Там предстоят крупные облавы.

— Хорошо. Теперь следующее: от человека, которого я послал за кордон, нет вестей?

— Неужели я молчал бы об этом, Петр Сигизмун-

дович! — с упреком воскликнул гость. — Правда, еще рано. У нас в запасе имеется по крайней мере неделя.

— Имеется, — согласился Чаплицкий. — Но если не будет сведений, через неделю придется посылать нового…

А Леонид Борисович Красин в это самое время принимал в Стокгольме группу шведских рабочих.

Резиденция советской делегации находилась в небольшом, скромно обставленном помещении с высокими светлыми окнами.

Пожилой швед с вислыми седыми усами обратился через переводчика к Красину с короткой речью, которую закончил словами:

— Мы поздравляем вас, товарищ посол, с подписанием контракта. Мы, рабочие фирмы «Нюдквист и Холм», с большим волнением переживали все этапы переговоров…

В разговор включился его товарищ — коренастый, спортивного вида рабочий:

— Мы, товарищ посол, оказали на владельцев фирмы все свое влияние — политическое и экономическое, — чтобы добиться успеха в прорыве экономической блокады Советской Республики…

Красин пригласил гостей к столу:

— Друзья, я не могу угостить вас шампанским — хотя наш успех того стоит, но все деньги ушли на покупку паровозов. А вот русского крепкого чая с клюквенным вареньем напьемся вдоволь!

Швед торжествующе выбросил вперед руку:

— Тысяча паровозов для революционной России! Ваш чай покажется нам вкуснее шампанского! Дин скооль! Мин скооль! Ваше здоровье!

— За нас всех, товарищи! — провозгласил Красин. — Вы себе и не представляете, какую оказали нам помощь своей поддержкой, как мы ее ощущали все время, как нам было это необходимо, дорого и важно!

— Мы делали общее пролетарское дело, — сказал коренастый швед и прихлебнул горячего чая из чашки. Обжегся, замотал головой: — Крепко! Крепко! — И по-русски: — Го-ря-шо!

— У нас нет шампанского, — смеялся Красин, — но с сегодняшнего дня мы, советские купцы, имеем кредит на сто миллионов крон.

— Мы слышали, — подтвердил пожилой. — Шведский банк принял ваш залог на двадцать пять миллионов.

Отворилась дверь, и вошел Виктор Павлович Ногин. В руках он держал телеграфный бланк.

— Леонид Борисович, — сказал он радостно. —

Ильич поздравляет нас с первыми торговыми соглашениями…

Красин представил Ногина шведским рабочим, взял у него из рук депешу, просмотрел ее. С улыбкой объяснил гостям:

— Ильич просит нас не забывать за крупными делами о закупках пил, топоров и кос.

Шведы переспросили переводчика о чем-то. Он ответил им и пояснил Ногину и Красину:

— Шведские товарищи поражены тем, что премьер-министр громадной страны помнит о таких мелочах.

— Ах, дорогие друзья! Это для нас сейчас совсем не мелочи, — покачал головой Ногин. — Наша промышленность разрушена войной и интервенцией. В одном только Петрограде закрыты и бездействуют шестьдесят четыре крупных предприятия, даже такие, как Путиловский и Сестрорецкий заводы, фабрика «Красный треугольник» и другие. Чтобы восстановить промышленность, надо накормить народ. А чтобы накормить народ, требуется обеспечить самым необходимым деревню. Поэтому Владимир Ильич Ленин сам помнит и нам постоянно напоминает о топорах и косах…

Красин снова разлил по чашкам чай, добавил в

розетки варенья и сказал гостям:

— Вот, дорогие товарищи, вы свидетели тому, как мы сегодня с огромным трудом покупаем пилы, гвозди, косы, стекло. Запомните и другим расскажите, и взрослым, и детям: мы еще продемонстрируем всему миру невиданные, неслыханные чудеса технического прогресса! — Он повернулся к Ногину: — Виктор Павлович, подготовьте, пожалуйста, товарищу Ленину сообщение, что уже закуплено и будет доставлено в Ревель достаточное количество пил и топоров…

— А кос? — спросил Ногин с подковыркой.

И Красин ответил грустно:

— Кос пока что больше полумиллиона достать не удалось. Но мы будем стараться…

Апартаменты генерала Миллера в лондонской гостинице «Виктория» были приспособлены под его штаб.

Торопились куда-то затянутые в ремни офицеры, щелкающие каблуками служащие, адъютанты с осиными талиями, праздно суетящиеся среди шикарной гостиничной обстановки, — все они были похожи на статистов какой-то нелепой оперетты. Во всем чувствовался налет придуманности, ненужности, игры прогоревшего театра при пустом зале.

Прапорщик Севрюков смотрел с интересом и недоумением на лощеного Миллера, протиравшего белоснежным платком стекляшки пенсне.

Закончив эту процедуру, бывший главнокомандующий спросил покровительственно:

— И что, прапорщик, вы так и пересекли границу с собаками на нартах?

— С вашего позволения, на нартах, господин генерал-лейтенант!

— А ваш спутник?

— Подпрапорщик Енгалычев скончался по дороге, — криво оскалился Севрюков. — Двоим, господин генерал-лейтенант, такой путь не пройти…

Миллер испуганно оглянулся на сидевшего обочь генерала Марушевского. Тот понимающе кивнул, встал из глубокого кресла, перекрестился:

— Царствие небесное ему! Важно, что Севрюков дошел и у нас теперь существует канал связи с Архангельском. Поздравляю вас капитаном, голубчик! Знайте, что родина вас не забудет!

Потирая обмороженные черные щеки, Севрюков сказал:

— Это уж точно! Мы там все такого наворотили, что она нас долго не забудет.

Миллер важно кивнул:

— И прекрасно! Шагреневую кожу России сжирает заживо зараза большевизма. И только огнем и железом можно остановить эту заразу. — Миллер резко повернулся к Севрюкову: — Капитан Севрюков, я намерен вас использовать при штабе для *особых* поручений. Надеюсь, вы все понимаете и вас не испугают никакие испытания?

— Мне пугаться поздно, господин генерал-лейтенант, — равнодушно сказал Севрюков. — Только пускай поручения здесь будут. Назад больше не пойду.

Генерал Марушевский произнес с глубоким вздохом:

— Мне кажется, вы, Севрюков, недооцениваете здешних сложностей. Вы еще не огляделись, не знаете, что все есть — и риск, и опасность…

— Ерунда! — отмахнулся Севрюков. — Здесь людишки на овсяной протирке да на жидком чае выросли. А там — тайга, человека даже лютый зверь опасается. Мне тут любой как комнатный кобелек мартовскому волку. На один щелк…

В огромном заледенелом цехе судоремонтного завода шло собрание рабочих, матросов и красноармейцев архангельского гарнизона. В цеху было неуютно — на всем виднелись следы разрухи и

запустения.

От застоявшегося нестерпимого холода все беспрерывно притопывали сапогами, валенками, хлопали рукавицами, терли щеки.

На сбитой из досок трибуне шеренгой стояли Шестаков, Самойло, Болдырев, губернские начальники и армейские командиры.

— Товарищи! Друзья! — обратился Шестаков к собравшимся. Был он, несмотря на унылую стылость цеха, румян, весел, энергичен, а шапку меховую держал в руке. — Владимир Ильич Ленин, выступая несколько дней назад на Девятом съезде Российской Коммунистической партии большевиков, сказал: «Мы не обещаем сразу избавить страну от голода. Мы говорим, что борьба будет более трудной, чем на боевом фронте. Но она нас более интересует, она составляет более близкий подход к нашим настоящим основным задачам. Она требует максимального напряжения сил, того единства воли, которое мы проявляли раньше и которое мы должны проявить теперь». Вот что сказал, товарищи, Ильич всей революционной России…

В зале дружно зааплодировали.

Шестаков помахал рукой, призывая к тишине.

— Нас, друзья, эти слова вождя касаются в

первую очередь, — продолжил он. — Ведь именно от нас зависит — избавим ли мы сотни тысяч людей от мук голода. Мы здесь должны с тем же мужеством, с которым сражались с белогвардейцами и наемниками международного капитализма, сделать все, от нас зависящее, чтобы хлеб был доставлен из Сибири. Никто не скрывает трудностей этого дела. Но мы преодолевали и бóльшие трудности…

Снова раздались аплодисменты. Шестаков улыбнулся:

— Поэтому в экспедицию набираются только добровольцы. И я не сомневаюсь, что мы победим так же, как побеждали на боевых фронтах! Ура-а, товарищи!

Матросы, солдаты, заводские рабочие дружно подхватили: «Ура-а!», «Даешь сибирский хлеб!», «Записы-ва-ай»…

Шестаков, несмотря на мороз, был возбужден, от головы его валил пар, он легко двигался по помосту, энергично махал шапкой:

— Товарищи! Чтобы доставить хлеб, нужны суда. Судам нужен уголь. Вместо судов мы имеем только брошенные белогвардейцами дырявые, переломанные, ржавые самотопы. Но наши враги зря посчитали, что восстановить их

нельзя. Поэтому первая наша задача — вопреки представлениям мировой белогвардейщины — восстановить эти суда, классно отремонтировать их. Второе — добыть любой ценой уголь… Имеется его пока что на складах всего около тысячи тонн.

Из толпы раздались крики:

— Как же ты их восстановишь? Завод-то стоит…

— Запчастей нет, однако…

— Уголь откудова возьмешь? Из-под ногтей нешто?

— Ти-иха! Дайте говорить человеку!..

Шестаков сделал стремительный шаг к самому краю дощатой трибуны:

— Мы! Мы сами пустим завод! Надо, чтобы завтра сюда пришли все моряки и солдаты, у кого есть хоть какие-нибудь технические специальности, — слесаря, электрики, кузнецы, плотники, котельщики, токаря, клепальщики. У кого нет в руках ремесла, пусть тоже приходит, подучим на скорый лад. Я уверен: вместе с рабочими завода мы за неделю пустим все цехи и начнем ремонт судов…

— А уголь?

Шестаков рубанул рукой перед собою:

— Объясняю, внимание! Час назад я получил из Лондона телеграмму от народного комиссара Красина. Он сообщает, что советская торговая делегация ведет там переговоры о закупке парохода с углем. Да и мы тут вместе поскребем по сусекам. Ведь каждая горсть угля — это кусок хлеба, каждое ведро угля — спасенный от голодной смерти человек!..

По узким почерневшим доскам тротуара Чаплицкий и Берс, кутаясь в башлыки, прошли в столовую № 3 — бывшее процветающее питейное заведение братьев Муратовых.

Здесь и сейчас было полно людей, по виду — типичных обитателей портовых трущоб.

Толкотня, гам, теплая вонь.

Посетителей лениво обслуживал Федор Муратов, а старший брат Тихон царил за буфетной стойкой, разглядывая людей с безразличным отвращением.

Чаплицкий и Берс устроились в углу за свободным столиком, осмотрелись по сторонам.

Берс сказал с ухмылкой:

— Все, как в трактире Тестова.

— Или наоборот — как в ресторане «Стрельна», — поморщился Чаплицкий.

— Спросите у них, Петр Сигизмундович, пашот

с трюфелями, землянику, черный кофе. И сигару, — паясничал Берс. — Рюмку арманьяка, бокал шампанского, бенедиктин… Сил нет, как жрать хочется!

— Спрошу, — неожиданно покорно согласился Чаплицкий.

К столу подошел Федор Муратов, равнодушно глядя поверх их голов, сообщил:

— Гуляш из тюленя, вареная треска, капустная солянка, щи. Все.

Чаплицкий сбросил башлык, негромко проворчал:

— Не больно ты меня балуешь, брат Федор! Вижу, что не загуляешь у тебя…

Федор всмотрелся в лицо Чаплицкого, узнал, тихо ахнул:

— Господи, никак Петр Сигизмундович? Вы же… вас же… Господи, радость-то какая!..

Чаплицкий открыто, сердечно улыбнулся:

— И у меня сегодня радость, Феденька. Иди скажи Тишке — пусть накроет нам в задней комнате чего бог послал.

Федор опрометью бросился к старшему брату. Берс воскликнул с нескрываемым восторгом:

— Чаплицкий, вы гений! Не знаю, как насчет трюфелей, но человеческой едой, похоже, нас

накормят.

Чаплицкий похлопал его по плечу:

— Были здесь и трюфели когда-то… А что касается человеческой еды, то мы ее заслужили, геноссе Берс. Сегодня у нас праздник. Вы себе даже не представляете, до какой степени я гений… — Чаплицкий сделал самодовольную паузу и закончил: — Севрюков добрался до места, он уже в Лондоне!

— Что вы говорите, Чаплицкий!

— Да, да! Связь установлена. Вчера поздно вечером пришло сообщение от Миллера…

Берс подозрительно посмотрел на него:

— Интересно, но недостоверно. Вы — здесь, Севрюков — в Лондоне, а вчера у вас — сообщение?

— Ну и что?

— Это похоже на сочинения господина Жюля Верна.

Чаплицкий засмеялся:

— Вы мне не верите?

— Я-то вам верю, — пожал плечами Берс. — Но вы, судя по вашему рассказу, совсем не доверяете мне!

Чаплицкий закурил, выпустил в потолок клуб дыма:

— Берс, не говорите красиво. Вы мне верите,

и я вам доверяю. Но не хочу обременять вашу память лишними сведениями. Если вам случится попасть в подвалы Чека, сами же будете меня благодарить.

— За что? — удивился Берс.

— За то, что вам вспомнить нечего…

К их столу подошел оборванный опухший человек в драных офицерских сапогах, долго недоверчиво всматривался в Чаплицкого и наконец бросился к нему:

— Петр Сигизмундович, голубчик! Дайте обнять вас, господин каперанг!

— Тсс-ть! — оборвал его Чаплицкий, резко толкнул его в живот, и тот плавно плюхнулся на стул.

Чаплицкий наклонился к нему и сказал сквозь зубы:

— Еще раз на людях обнимешь — застрелю! Дурак! Твое счастье, что я тебя уже давно высмотрел, Колыванов.

— Слушаюсь! — подавленно прошептал Колыванов.

А Чаплицкий кивнул на него ротмистру:

— Полюбуйтесь, Берс, на нашу гвардию: поручик Семеновского полка Алексей Дмитриевич Колыванов. — И, повернувшись к офицеру, гнев-

но бросил: — В каком вы виде?!

— А что делать? Как жить? — Из глаз Колыванова по опухшему лицу потекли пьяные бессильные слезы. — Документов нет, денег нет, в комендатуру идти боюсь — в расход могут пустить. От голода памороки случаются…

Он высморкался в грязную серую тряпицу, стыдливо упрятал ее в карман, сказал обреченно:

— Каждый день в облаву попасть рискуешь… Разве что самогоночки стакан засосешь — на душе отпускает…

Чаплицкий сказал строго:

— Стыдитесь, Колыванов, вы же офицер! Разве можно так опускаться?

Колыванов резко отшатнулся от него. Потом снова наклонился к Чаплицкому и сиплым шепотом проговорил:

— Да вы зря, Петр Сигизмундович, голубчик… Зря срамите вы меня… у вас ведь одно передо мною преимущество — совесть у вас молчит…

Зло прищурился Чаплицкий:

— А ваша совесть бьет в набат… пустых бутылок?

Колыванов медленно покачал головой:

— Моя совесть, как крыса, в груди ворошится…

Все сердце выела. Только она… да страх остались, да срам горький за все, что мы тут наворотили…

— Что ж мы такого наворотили? — неприязненно пробормотал Чаплицкий.

А Колыванов вдруг пьяно выкрикнул:

— Родину-мамку мы снасильничали, вот что…

— Прекратите истерику, ну! — прошипел Чаплицкий. — Баба несчастная.

Колыванов замолчал, опустил голову.

К столу подошел Федор Муратов, наклонился к Чаплицкому:

— Петр Сигизмундович, извольте пожаловать в кабинет, ждет вас брат Тиша.

Чаплицкий добро засмеялся, хлопнул по плечу Колыванова:

— Не тужите, поручик, все еще будет в порядке. Сейчас вас накормят, дадут выпить, отогрейтесь, а потом вместе пойдем отсюда… — Он встал, велел Муратову: — Федечка, приласкай моего друга…

Когда отошли на несколько шагов, Чаплицкий быстро шепнул трактирщику:

— Какой-нибудь варнак у вас найдется?

Муратов склонил голову:

— Завсегда под рукой, Петр Сигизмундович.

— Тогда, Федя, с этим… «другом» моим… Закон-

чи. Совсем… Понял?

— Понял!

Они вошли в заднюю комнату трактира — «кабинет», — где их встретил с распростертыми объятиями Тихон Муратов:

— Дорогим гостям честь и место!

Чаплицкий, обнимая хозяина, сказал Берсу:

— Знакомьтесь, ротмистр. Это мой друг, советчик и верный помощник Тихон Савельевич Муратов. — И обернулся к Тихону: — Что, Тиша, плохо живем?

— Хуже некуда, Петр Сигизмундович. Голодуют людишки шибко, до края дошли.

Чаплицкий бросил насмешливо:

— А тебе их, Тиша, жалко?

Муратов с жаром возразил:

— Не-е! Чего их жалеть! Это им только помстилось, будто все — всем стадом, значит, — могут сладко есть да пить. Не было так никогда и не будет. Звереют они, однако. Боюсь, конец нам всем, ежли избавление не придет.

— Вот я и пришел, чтобы мы вместе приблизили час избавления, — серьезно сказал Чаплицкий.

— Мы с братом всегда готовые, — твердо заверил Тихон.

Чаплицкий остро сощурился:

— И в случае беды Чека не испугаешься?

Тихон махнул рукой:

— Э, пустое… В Писании сказано: «Не по своей воле ты создан, не по своей воле ты родился, не по своей воле ты живешь, не по своей воле и помрешь…»

Тихон истово, торжественно перекрестился, глядя на угол, где раньше висели образа.

Чаплицкий встал, обнял его, троекратно расцеловал. Подумал, сказал:

— Большевички, Тихон, хотят, как говорили древние люди, «агнаэ эт игнис интердикцио, хок эст эксилиум» — запретить нам пользоваться огнем и водой…

— Это как? — не понял Тихон.

— Ну, изгнать нас. А еще лучше — совсем изничтожить. Только хрен у них это получится. Так что, давай к делу, Тиша.

— Слушаю, Петр Сигизмундович!

— У тебя здесь место людное, на юру, много людей шастает. Место — лучше не надо! Здесь у нас будет и штаб, и арсенал, и сборный пункт верным людям.

— А что мыслишь себе, Петр Сигизмундович?

— А мыслю я вот что. Среди людишек — голод, тоска, брожение. За весну-лето дожуют остатки

продовольствия, уже и гуляша из тюленины не получишь — ни за какие деньги. Так, нет?

— Так точно.

— Ну, вот большевики и хотят морским проходом пригнать сюда сибирский хлебушко. Если мы им это поломаем, к осени начнут жрать друг друга — им из Центра везти не на чем… Да и нечего… Тогда и крикнем восстание по всему Северу. Все на него поднимутся!

Тихон раздумчиво кивнул:

— Дай-то господи! А Англия как?

— Поможет.

— Ну, с Богом! С Богом! Прошу вас к столу…

Стол, будто скатерть-самобранка, был уже уставлен дорогими яствами, совсем, кажется, позабытыми напитками. Тихон откупорил бутылку нежинской рябины на коньяке, принялся разливать по рюмкам.

Чаплицкий, обняв его за плечи, спросил со смехом:

— Тиша, помнишь, как мы с тобой по документам серба Ясковича отправляли за границу Александра Федоровича Керенского? Дурня этого?..

— Как не помнить! А что?

— Глупость сделали, надо было его повесить.

— А что — мешает, нешто?

— Да нет, просто было бы приятно вспомнить!

Тихон захохотал:

— Это уж да! Это уж точно!

Чаплицкий согнал с лица улыбку.

— Ну а теперь за работу, Тихон. Мне срочно нужны верные люди…

— Много?

Чаплицкий посмотрел ему в глаза, прищурился, доверительно сказал:

— Ох, много, Тиша. Сколько можно — всем дело найдется. Я думаю, у вас с Феденькой есть на примете…

— Есть, — твердо ответил Тихон. — Хорошие люди. И не только на примете.

— Это как? — недопонял Чаплицкий.

— Несколько господ офицеров от корпуса отстали… У нас столуются… а кой-кто и кров над головой имеет… Есть и другая публика — штатские, но боевые…

— Во-он как? — Чаплицкий был очень доволен.

Тихон преисполнился гордостью:

— А как же! Небось народ мы крепкой закваски! Если дозволите — представлю.

— Очень хорошо, Тиша. Только не всех сразу. И

насчет меня покороче: начальственный, мол, господин, необходимыми полномочиями облечен, и… хватит с них.

Тихон развел руками, показывая, что уж ему-то подобная азбука ни к чему.

Он усадил за стол дорогих гостей, убедился в том, что у них прекрасный аппетит, выпил с ними рюмку рябиновой настойки и умчался.

Не прошло и десяти минут, как он вернулся с двумя людьми: высоким, подтянутым, опрятно одетым блондином и полным, в крестьянском армяке, с большой лысиной и мешками под глазами.

Оба отличались заметной военной выправкой, знакомясь, разом щелкнули каблуками:

— Поручик Литовцев Всеволод Николаевич…

— Капитан Сударев Иван Андреевич…

Чаплицкий поднялся, гостеприимно пригласил их к столу:

— Прошу, господа… Приятно познакомиться…

Трапеза еще не вошла в силу, когда двери общего зала столовой № 3 распахнулись, пропуская чекистов и наряд красноармейцев.

Чекист в желтой кожаной тужурке громко объявил:

— Спокойно, граждане! Оставаться на местах:

проверка документов…

Несмотря на этот призыв, в зале сразу же возник шум, гам, поднялась суматоха: многим из столующихся проверка документов была ни к чему.

Воспользовавшись суетой, Федор Муратов проскользнул в «кабинет», крикнул:

— Облава! Проверка документов!

Неторопливо поднялся Тихон:

— Ш-шш, Федя, не шуми. Не извольте беспокоиться, господа. Щас я всех отсюда выведу. Есть ход…

Берс, надевая пальто, ругался:

— Такой ужин пропал!..

— Не пропал, — торопливо возразил Чаплицкий, распихивая по карманам яства.

Уже на выходе остановился, напомнил младшему Муратову:

— Федя, не забудь про человечка, что я тебе показал…

В одной руке у него была курица, в другой — револьвер.

Все последующие дни Чаплицкого можно было видеть не только в столовой № 3 — он появлялся и в порту, и в цехах судоремзавода, и около радиостанции.

Энергичный, озабоченный и в то же время всегда веселый, он деловито разговаривал с самыми разными людьми. С некоторыми он приходил в заднюю комнату заведения братьев Муратовых, закрепляя бокалом вина только что возникшую связь…

Никому и в голову бы не пришло, что эта активная деятельность имеет какое бы то ни было отношение к убийству неизвестного офицера, — впрочем, позднее он был опознан как штабс-капитан 186-го пехотного полка Владимир Афанасьевич Суров; чекисты, обнаружившие тело Сурова, решили, что он был ограблен и убит бандитами, которых в то смутное время было более чем достаточно…

В действительности все обстояло еще проще: штабс-капитан наотрез отказался сотрудничать с Чаплицким и, на свою беду, не смог скрыть симпатии к революции. Это стоило ему жизни.

И уж совсем никого не удивила гибель окончательно опустившегося, спившегося поручика гвардейского Семеновского полка Алексея Дмитриевича Колыванова.

Патруль нашел его в овраге с перерезанной глоткой, и рыжий худой красноармеец, равнодушно цыкнув щербатым зубом, бросил:

«Офицерье проклятое… Черт с ним: собаке — собачья смерть…»

Чаплицкий действовал.

В нетопленой комнате бывшего коммерческого архангельского училища сидели на лавках, на столах, просто на полу человек тридцать матросов, солдат, рабочих.

За первым столом, на котором чадила масляная плошка, закутавшись в теплый платок, сидела Лена Неустроева.

Она проводила культчас: с выражением читала книгу вслух.

Шестаков тихо приоткрыл дверь и присел сзади на освобожденный белобрысым молодым матросиком табурет. Огляделся по сторонам, с удовольствием заметил, с каким интересом слушают Лену бойцы.

А она, отложив книгу, — не то по памяти, не то своими словами — взволнованно рассказывала, вглядываясь в мерцание людских глаз, полускрытых от нее потемками:

— Поклонился тогда Емельян Пугачев на все четыре стороны и сказал голосом, чуть дрогнувшим: «Прости меня, народ русский, если согрешил в чем перед тобою!..» Сорвали палачи с него рубаху, повалили на деревянный настил,

молнией блеснул над притихшей Болотной площадью топор, глухо стукнул…

Закончился рассказ, повскакали бойцы, обступили Лену.

— Эх, Елена Константиновна, говорил же я — не надо ему было под Оренбургом топтаться! — крикнул белобрысый паренек, уступивший Шестакову табуретку.

Пожилой бородатый солдат возразил:

— Тоже мне, Суворов нашелся! Мудер больно!

— А что? Если бы он от Казани сделал марш-бросок навстречу корпусу Михельсона? А-а? — поддержал белобрысого широкоплечий рябоватый матрос.

— На-а! А Чернышевскую армию на фланге куда дел? Ему надо было сразу на Урал прорываться. Там и места побогаче, и сразу всем крестьянам — вольную, горнорабочим — свободу! — не сдавался бородатый.

Раздалось сразу несколько голосов:

— Дык Хлопушу в тех местах уже прижали? Куды ему было деваться?

— Раньше надо было! И объявлять союз пролетариев и крестьян.

— Инородцев ширше звать нужно было: и башкирцы, и калмыки, и мордва — все помогнули

б. Я их знаю!

— Я в тех местах Колчака да белочехов колошматил. В Орские заводы Пугачу бы идтить.

Лена и Шестаков возвращались по тихой заснеженной улице. Погода стояла хорошая, ясная, и они шли не спеша — гуляя. Изредка, порывами налетал ветер и трепал на высокой круглой тумбе обрывок давнишней афиши.

Лена мельком взглянула на нее и остановилась:

— О господи!.. Вы прочтите только, Николай Павлович!

На остатке афиши можно было прочесть объявление, напечатанное замысловатыми готическими буквами:

«…ОГРАММА
ВЫСТУПЛЕНИЯ: ОБРЕЗ РУКИ ИЛИ ОТРЕЗ ГОЛОВЫ, С КРОВОТЕЧЕНИЕМ, НО НЕ НАСМЕРТЬ!»

Шестаков расхохотался:

— Вот бы вашим слушателям, Леночка, предложить такую программу!

Лена с улыбкой сказала:

— Как раз этим их не удивишь. Но во многих

вещах они как дети…

— Да, — согласился Шестаков. — Однако заметьте, что они все-таки сделали то, что не удалось Пугачеву. В их соображениях по тактике войны с царизмом — огромный собственный опыт. И поражений, и побед.

— А у меня нет никакого опыта, — грустно отозвалась Лена. — Вернее, мой опыт никому — да и мне самой — не нужен. И научить ничему не может.

— У вас зато есть замечательной силы характер, — снова засмеялся Шестаков.

Лена замахала на него руками:

— Какой там характер! Я держусь, как могу, чтобы не видно было моего страха. Я так вам завидую…

— Мне? — удивился Шестаков.

— Вы такой молодой…

— Леночка, какой же я молодой?! Александру Невскому на Чудском озере было двадцать три года! А я в эти годы еле в штурмана на эсминце попал.

Лена взяла его под руку, посмотрела в глаза:

— Я очень люблю, когда вы смеетесь. Вы такой сильный, уверенный в себе, все знающий… А когда смеетесь, глаза у вас детские!

Шестаков попытался отшутиться:

— Мудрости в них маловато… Житейской!

Лена покачала головой:

— Ее не бывает, житейской или абстрактной. Мудрость — это познание добра и зла. На наш век столько зла пришлось! Где добра собрать столько же?

— Леночка, хороших людей в мире больше, и они заслуживают счастья, — ласково сказал Шестаков. — Надо им только помочь — а вы им уже помогаете…

Лена долго шла молча, потом повернулась к Шестакову:

— Мне самой помогать надо, Николай Павлович. Не знаю, может быть, это глупо, что я говорю вам…

Она смущенно замолчала.

— Так что именно вы мне говорите? — попытался поддержать ее Шестаков.

— Ну, в общем… Только с вами я в последнее время чувствую себя уверенно, — решилась Лена.

Шестаков остановился, долго смотрел на нее, потом обнял и крепко прижал к себе.

— Ну, что же вы молчите? Скажите хоть что-нибудь! — попросила Лена.

Шестаков горячо воскликнул:

— Лена! Мы первые люди только что родившегося мира! Мы его сами творим для себя! И знаешь… мне с тобой прекрасно, как никогда не было в жизни!..

Лена поцеловала его в обветренные губы и сказала с улыбкой:

— Только очень холодно и голодно…

Шестаков подхватил ее на руки и помчался по дощатому тротуару. Ему было легко. И он закричал на всю улицу:

— Лена, любовь моя! Мне хорошо, хорошо, хорошо!

Вдоль Темзы по темному гладкому асфальту неспешно катил автомобиль — черный лимузин «даймлер», длинный и солидный. В закрытой задней кабине его, отделенной зеркальным стеклом от шофера, сидели Красин и Ногин.

Ногин говорил с горечью:

— Они хотят взять нас измором: нам — вежливые поклоны, любезные уверения в желании торговать и мирно соседствовать…

Красин кивнул:

— А Врангелю — пароходы с пулеметами, танками, продовольствием и обмундированием!

— И не только Врангелю — всем белогвар-

дейцам! По указанию правительства Америки президент зерновой палаты отпустил представителю белогвардейцев в Вашингтоне для отправки на Север девять тысяч тонн пшеницы! С угольных складов — десять тысяч тонн угля! Обмундирование! Снаряды, самолеты, средства связи!

Красин, элегантный, в светлой тройке, с резной тростью, закурил сигарету, задумчиво посмотрел в окно:

— И все-таки, я думаю, мы их обыграем. Как говорят борцы — дожмем в партере…

— Да-а? Вы так полагаете, Леонид Борисович? — не очень уверенно переспросил Ногин.

— Один очень умный человек сказал как-то, что у Англии нет постоянных друзей, нет постоянных врагов, а есть лишь постоянные корыстные интересы…

Он осторожно постучал ногтем по сигарете, стряхивая в пепельницу столбик пепла.

— Правнуки праотцев капитализма на всем хотят урвать свой клок. На всем абсолютно, без исключения, что-то выхитрить и выжулить…

— Но нас они хотят обжуливать, вообще ничего не давая взамен! — с возмущением воскликнул Ногин.

— А мы здесь зачем? На то и щука, как говорит-

ся, в море, чтобы карась не дремал. По поводу моего отчета о встречах с представителями британского правительства Владимир Ильич через Чичерина прислал шифрограмму: «Мерзавец Ллойд-Джордж надувает вас безбожно и бесстыдно, не верьте ни одному его слову и надувайте его втрое».

Ногин расхохотался:

— Ай да Ильич! Он будто вместе с нами за столом переговоров в Уайт-холле сидел!

Красин приоткрыл окно и выпустил в него струю голубого дыма, сказал деловито:

— Надо создать у англичан ощущение, что инициатива уходит от них. Тогда поторопятся.

— А как вы это сделаете?

— Очень просто. Тут я нечаянно «обмолвился» об успехе торговых переговоров с Италией; там «ненароком» в газеты попала информация о деловых предложениях американских нефтяных тузов из Техаса; вчера шведский коммерческий пул «неожиданно» получает концессию, а сегодня мы встречаемся с главой «Закупсбыт Лимитед» господином Востротиным. И факт этот тоже не пройдет мимо внимания англичан…

Ногин посмотрел на Красина с восхищением:

— Ну, это уж мы постараемся! Леонид Борисо-

вич, а что за человек этот Востротин?

— О-о! Это гусь — будь здоров! — засмеялся Красин. — Бывший городской голова Енисейска — торгаш, ловкач, маленький, но очень ловкий политикан.

— Леонид Борисович, вы считаете, он и подобные ему что-то значат, могут нам помешать, имеют здесь какую-то силу?

— Имеют, и притом — немалую! Это люди особой закваски — сибирские кулаки. Они появились на Западе двадцать лет назад и завалили европейский рынок дешевыми и очень вкусными продуктами: маслом, сыром, прекрасной солониной. Я рассчитываю на их коммерческое воображение и природную хватку — всех этих торговцев из «Закупсбыта», «Союза маслодательных артелей» и других кооперативов. После революции они перебиваются случайными сделками, и, если мы снабдим их традиционными российскими товарами, они себя покажут!..

Наконец и в Архангельск добралась скромная северная весна. Ослепительно яркое солнце подсинивало оседающие сугробы, теплый ветер сушил тротуары.

Первого мая весь город был в кумаче, весь город собрался на воскресник и устремился в порт, к

судоремонтному заводу. На причальной стенке собрались сотни, тысячи празднично одетых людей.

И вот из затона судоремонтного завода плавно вышел первый отремонтированный за зиму ледокол — «Русанов». На борту его — штаб воскресника. Идут последние приготовления.

Шестаков распорядился:

— На «Малыгине» работами руководит Болдырев. На пароходе «Кереть» — военмор Щекутьев. На «Маймаксе» — военмор Оленин, на «Сибирякове» — военмор Захарченко. Здесь, на «Русанове», командовать будет капитан дальнего плавания Неустроев...

— А вы сами-то где будете? — совсем по-домашнему спросил Неустроев.

— Я буду на ледоколе «Седов», — ответил Шестаков, — а вас, Константин Петрович, очень прошу — скажите людям несколько слов.

Неустроев подошел к борту, помахал рукой. Внизу, на стенке, гомон потихоньку начал успокаиваться, люди с интересом смотрели на старого капитана.

А он долго молчал, внимательно глядя на этих исхудалых, черных от копоти и недосыпания, но полных энтузиазма людей.

Снял шапку, и ветер сразу же растрепал его длинные седые волосы.

— Товарищи! Спасибо вам за все, что вы смогли… — сказал он в мегафон, вроде бы негромко, но слышали его все, и на стенке воцарилась тишина. А Неустроев сказал горячо и сердечно: — Дорогие друзья, спасибо вам за то, что вы пережили эту зиму… Спасибо вам за то, что, голодные, неодетые, усталые, больные и раненые, вы пришли в разгар зимы в мертвые цеха, затоны, доки и своим душевным жаром дали им жизнь… Спасибо вам, русские умельцы и мастера, что вы поделились своими знаниями, мудростью и опытом со всеми молодыми товарищами…

— Ура-а-а! — прокатилось по пристани.

Неустроев горячо продолжал:

— Спасибо вам, солдаты и крестьяне, впервые взявшие здесь в руки инструмент, за то, что вы научились делу… Спасибо вам за то, что забыли о времени: за те двенадцать, а то и четырнадцать часов, которые вы здесь каждый день проводили, не зная отдыха, перекура, усталости…

Он посмотрел на Шестакова, и тот незаметно, но крепко, признательно пожал ему руку.

— Спасибо вам за то, что вы пришли сюда сегодня, в праздничный день, работать ради

возрождения из пепла и руин русского революционного флота! — воскликнул он от всего сердца.

— Ура-а! Ура-а-а!! — раскатисто гремело на пристани.

Неустроев поднял руку.

— Пройдут годы, — с волнением крикнул он в толпу, — и могучий российский флот будет плавать не только вдоль побережья Ледовитого океана, от одного речного устья до другого, а пойдет напролом через матерые океанские льды до самого полюса! И тогда в день мирового триумфа и уважения благодарное человечество склонит голову перед славной памятью вашего неслыханного подвига!..

— Ура-а! Ура-а-а! Ура-а-а-а!..

Лена с искренней гордостью смотрела на отца. Шестаков подошел к ней, взял за руку, прошептал:

— Леночка, мы еще вместе двинем к полюсу. А?..

Длинный черный «даймлер» круто свернул с набережной Темзы, попетлял немного по узким улочкам делового Центра и притормозил у подъезда небольшого красно-кирпичного особнячка, в одном из помещений которого размещалась торгово-посредническая фирма «Закупсбыт».

Переговоры начались. За длинным полированным столом собрались Степан Андреевич Востротин, Павел Никонович Кушаков, Константин Иванович Морозов и другие члены правления «Закупсбыта».

Леонид Борисович Красин и Виктор Павлович Ногин сели напротив.

Востротин сразу же взял быка за рога.

— Господин Красин, мы, коммерсанты, стоим на каменистой почве реальности, — сказал он. — Иногда это жестковато и, конечно, неудобно, но гораздо надежнее, чем витание в воздушных замках политических эфемер… — Делец любил говорить «красно» — высоким, так сказать, слогом.

Красин усмехнулся:

— Ну, вот видите, как прекрасно! Большевики тоже предпочитают смотреть фактам в лицо.

Востротин наклонил голову, сказал душевно:

— Мы все — русские люди и в конечном счете заинтересованы только в благоденствии своего народа, какая бы форма правления ни сложилась в России…

Красин покивал ему в тон:

— Тем более, что мы все реалисты и отчетливо видим выбор, сделанный народами России.

На миг Востротин замялся и снова продолжил.

— Однако высокогуманные интересы, которые мы все разделяем, не должны подрывать коммерческие задачи нашего сообщества, а наоборот — должны всемерно их стимулировать, — формулировал он с гладкостью присяжного поверенного в имущественном процессе.

Ногин перебил его:

— Точнее говоря, «Закупсбыт Лимитед» должен получить свой нормальный капиталистический бонус? Правильно мы вас понимаем?

Востротин яростно воскликнул:

— Безусловно! Реквизиция наших активов в России нанесла нам громадный удар. Мы потеряли почти все и теперь хотим получить компенсацию в ходе наших торгово-комиссионных сделок!

Красин встал.

— Господа! Я буду с вами откровенен. Мне хочется верить в ваши гуманистические побуждения, однако сейчас мы все коммерсанты и реалисты. Ваше желание сотрудничать с нами вызвано тягостным финансовым положением «Закупсбыта». Как говорят у нас в Сибири:

> *Солонинка – солона, а свининка – дорога.*

Ты же, редечка-душа, хоть горька, да дешева…

Нам сейчас тоже трудно и больно, но это трудности и болезни рождения и роста. От вашего благоразумия зависит не превратить собственный социальный склероз в агонию всего вашего предприятия!

Раздались возмущенные протесты коммерсантов, некоторые повскакали с мест.

Красин воскликнул властно:

— Я прошу меня не перебивать и дослушать до конца в обмен на мою откровенность. Итак, мы по горло сыты бесконечными дипломатическими играми в Форейн-офисе и Уайт-холле. И предела этой говорильне не видно. Но к вам приехали сегодня с четкой целью: мы выйдем отсюда либо с окончательной договоренностью, либо с окончательным разрывом…

Морозов сказал невозмутимо:

— Не пугайте нас, господин Красин…

Красин широко улыбнулся:

— Да что вы! Просто у нас остается надежда удовлетворить наши интересы в какой-то другой фирме, вы же никогда не получите контрагента, равного Советской Республике. Никогда, до скончания дней! Надеюсь, господа, что я обрисовал

коммерческую ситуацию с исчерпывающей ясностью… Какие будут суждения?

После тяжелой паузы Востротин сказал:

— Соизвольте уточнить ваши конкретные деловые предложения, господин Красин…

Красин опустился на место.

— С удовольствием. Я уполномочен Советским правительством выдать «Закупсбыту» сертификат на ведение всех коммерческих операций для Сибирской хлебной экспедиции в устья Оби и Енисея.

Кушаков поинтересовался:

— Леонид Борисович, а какие принимаем на себя обязательства мы?

Красин быстро повернулся к нему:

— Вы закупаете у английских фирм — поскольку нам они не продают — сельскохозяйственные машины, инструменты, типографское и маслоделательное оборудование, химикалии, мануфактуру, галантерею и целый ряд других необходимых нам товаров. Вот их список…

Востротин взял список, мельком просмотрел его, отчеркивая отдельные позиции ногтем. Спросил:

— С этим ясно. А далее?

Красин пожал плечами:

— Далее? Срочно фрахтуете английские и норвежские суда и перебрасываете эти товары в Мурманск и Архангельск.

Востротин прищурился:

— Фрахт в одну сторону?

Красин удивился:

— Зачем же? В Архангельске на эти суда будут перегружены хлеб, меха, волос, кожа, смола и другой экспорт, который доставит из Сибири наша экспедиция. Торговать так торговать!

Кушаков сказал задумчиво:

— Леонид Борисович, мы весьма наслышаны о вашем проекте доставить сибирский хлеб Северным морским путем. Хочу заметить, что я опытный коммерсант, старый судоводитель и полярник: участвовал в экспедиции Георгия Седова, снаряжал экспедиции Русанова и Брусилова. И потому с полной ответственностью заявляю: мне это представляется утопией. Подобный переход, я думаю, невозможен.

Красин покачал головой:

— Ах, господа, господа! Когда же вы отучитесь «с полной ответственностью» заявлять о том, что возможно и что невозможно для нашего народа! Сколько об этом говорено… Ничему вас жизнь не учит!

Константин Иванович Морозов взволновался:

— Но мы многим рискуем! Если у вас не получится, мы можем вовсе вылететь в трубу!

Красин решительно опровергнул:

— Вы ничем не рискуете! Ваши кредиты будет гарантировать Шведский банк. Это я вам заявляю уже не как коммерсант…

— А как?.. — поднял бровь Востротин.

— А как народный комиссар и член Советского правительства, — твердо сказал Красин. — Первого октября текущего года сибирский хлеб будет доставлен в Архангельск и перегружен на ваши суда. Итак?..

Купцы переглянулись. По-видимому, их сломил деловой напор Красина.

Востротин встал и с улыбкой воскликнул:

— А-а! Была не была! По рукам, многоуважаемый господин народный комиссар!

Ногин засмеялся:

— Вот так бы давно!

Кушаков, наморщив лоб, сказал деловито:

— Остается только уточнить бонус — процент отчислений в нашу пользу.

— Чтобы не обмануть ваши гуманистические побуждения, — уточнил Красин со смешком…

Почти в тот же час всего за несколько кварта-

лов от «Закупсбыта» крупнейший лондонский финансист Иоаннес Лид принимал в роскошном кабинете своего офиса генералов Миллера и Марушевского.

На столе — кофе, коньяк, сигары.

Лид говорил по-русски:

— Я готов вас выслушать самым внимательным образом, господа. — Слова он произносил с еле заметным акцентом.

Покашливая от волнения, Миллер начал:

— Господин Лид, вы являетесь одним из тех западных финансистов, чьи интересы в огромной мере связаны с Россией…

Иоаннес Лид наклонил голову в знак согласия.

— Если я не ошибаюсь, господин Лид, стоимость вашего имущества в России превышает девять миллионов золотых рублей, — продолжал Миллер.

Пуская ровные кольца сигарного дыма, Лид слабо усмехнулся:

— Буржуа — люди подозрительные и суеверные. Они не любят, когда кто-нибудь считает их деньги…

Марушевский по-солдатски прямо сострил:

— Поэтому большевики, не считая, забрали все ваши заводы, фактории и пароходства?

Лид продолжал усмехаться.

— Да, этим господам не откажешь в решительности, — спокойно сказал он. — А вы, как я понимаю, по-видимому, хотите предложить мне мое имущество обратно?

Миллер патетически воскликнул:

— Безусловно, господин Лид! Вы все сможете вернуть. Но сейчас нам нужна и ваша помощь…

— В чем она должна выразиться? — осторожно осведомился финансист.

— Нашему движению нужны средства, — сказал Миллер.

Марушевский перебил его:

— Но еще больше нам необходимо ваше влияние в правительственных кругах Великобритании, — решительно сказал он и взял со стола сигару.

Лид протянул ему сигарный нож.

— В каком направлении должно быть использовано мое влияние?

Миллер выпалил:

— Нужно подготовить новую совместную русско-английскую экспедицию на Север России!

Лид выпустил три плотных колечка дыма, проследил за ними, последнее рассеял кончиком сигары. Сказал:

— Понятно… — Встал, неспешно прошелся по пушистому ковру, остановился напротив Миллера: — Как вы представляете это конкретно?

— Мы располагаем сильным, хорошо законспирированным подпольем в Архангельске, — сказал Миллер. — Оно сообщает, что большевики намерены в конце лета перебросить из Сибири миллион с лишним пудов продовольствия, накормить Север, а остальное распродать в Лондоне…

Лид присел на подлокотник кресла, спросил коротко:

— Что вы предлагаете?

Снова выскочил вперед Марушевский:

— Чтобы английский флот разгромил караван с хлебом и прочими товарами!

Сглаживая бестактность коллеги, Миллер сказал с пафосом:

— Чудовищный голод и болезни парализуют способность большевиков к сопротивлению, и англо-русский десант захватит Север России без всяких потерь!

— Но, помнится, подобные попытки уже предпринимались, — не без сарказма сказал Лид. — В конце прошлого года ваша армия насчитывала двадцать пять тысяч солдат и офицеров, если не ошибаюсь…

— Так ведь Англия… — гневно начал Миллер, однако Лид предостерегающе поднял палец, и генерал умолк.

Лид продолжал:

— Двадцать пять тысяч, если не ошибаюсь. Плюс офицеры-инструкторы войск стран Антанты. Плюс отряд датских ландскнехтов — свыше ста человек…

— Но ведь датчане ни в одном бою не участвовали! — жалобно воскликнул Миллер.

— Неважно, — сказал Лид.

— Как это — неважно? — возмутился Марушевский. — Если бы Антанта не эвакуировала регулярные войска…

Лид перебил его:

— Вместо них правительства Великобритании, Соединенных Штатов и Франции набрали достаточно много добровольцев. Мало того: были мобилизованы все русские за границей, даже бывшие военнопленные в Германии — около десяти тысяч воинов. Не так ли, господа?

— Но в Россию-то они так и не прибыли?! — с недоумением сказал Миллер. Разговор получался сумбурный, путаный, без ясных позиций.

— Могут прибыть! — заверил Лид. — И не только они: бригаду финских добровольцев обещал

сформировать Маннергейм, в Бельгии готовится отряд авиаторов…

Марушевский вскочил со стула.

— Так о чем же мы спорим? — закричал он. — Польская армия Пилсудского не сегодня завтра войдет в Киев. Над всем югом России нависает армия генерала Врангеля! Поймите — скоординированный с трех сторон удар свалит большевистскую Россию окончательно! О чем мы спорим?

Лид отпил глоток коньяка, посмотрел бокал на свет, осторожно поставил его на стол, сказал задумчиво:

— Практически ни о чем. Поскольку план у вас, по-видимому, прекрасный. И по-моему, выполнимый. Но — без меня.

— Почему? — в один голос воскликнули Миллер и Марушевский.

— В ноябре семнадцатого года я встретился с Лениным…

— Вы — с Лениным? — удивился Миллер.

— Да. Я — с Лениным. Могу утверждать, что я был первым империалистом, которому дал аудиенцию большевистский премьер… — Лид засмеялся: — Он произвел на меня большое впечатление.

— В каком смысле? — спросил Марушевский.

— В том смысле, что Ленин — выдающаяся личность. Настолько огромная, что я тогда сделал ошибку.

— Какую?

— Недооценив его. Я подумал тогда, что это он ошибается в своем представлении о мире и о времени, как всякая историческая фигура, опередившая свою эпоху. И потому обреченная на гибель. Чуть позднее выяснилось, что ошибся я, а вовсе не он.

— История России далеко еще не окончена! — с гневом произнес Марушевский.

— Вот именно! — живо подхватил Лид. — Она только начинается. Но, к сожалению, с нового листа.

Миллер спросил со сдерживаемой злостью:

— Отчего же вы так пессимистически оцениваете белое движение?

Лид развел руками:

— Потому что у вас нет людей. У вас полно исполнителей, статистов, пешек. А людей нет.

— Вы клевещете на подвиг сыновей великой России, отдавших жизнь в борьбе с заразой большевизма! — с привычным пафосом провозгласил Миллер.

Лид покачал головой:

— Нет, я говорю только правду. Я сам ошибся, недооценив Ленина. Поэтому и решил сделать ставку на реставрацию монархии в России. Попытался организовать побег царской семьи на ледоколе из Тобольска — не смогли найти толковых людей. Я проехал всю Россию и встретился с адмиралом Колчаком. Я предложил адмиралу Колчаку организовать рейд через Ледовитый океан военных транспортов и торговых судов. И снова не нашли людей…

Лид щелкнул золотой зажигалкой, раскуривая погасшую сигару. Некурящий Миллер неприязненно покосился на него.

— Наконец, я поддержал Северное правительство Чайковского, — закончил Лид. — Этот оказался просто глупым и праздным болтуном…

Миллер спросил с вызовом:

— По-вашему выходит — вовсе обезлюдела Россия?

— Нет. — Лид снова взял в руки бокал, пригубил. — Россия не обезлюдела. Я внимательно слежу за всем, происходящим там. Имеется совсем другой вывод: Россия просто больше не хочет *вас*!

— Конечно! — Миллер обиженно поджал губы. — Можно подумать, Россия мечтает о боль-

шевиках…

— Этого я утверждать не стану. Но *вас* Россия исторгла. Вы все — белые вожди России — как тени египетских фараонов, повелители всего, чего нет. Это факт!

Апоплексически-красный Марушевский сказал дрожащим от злости голосом:

— Мне представляется, господин Лид, вы тешите свое самолюбие, пытаясь унизить двух заслуженных русских военных, столь претерпевших…

Лид вскочил на ноги:

— Упаси бог! Но вы пришли ко мне, чтобы я помог вам вернуться вождями нации. А я уверен, что вождей нации не привозят в обозах оккупационных войск.

Миллер и Марушевский тоже встали, и, уже направляясь к дверям, Миллер заявил:

— Запомните, господин Лид, мы еще будем в России! И тогда вы пожалеете о своем безверии. Тогда вам захочется вернуться в нашем обозе к своим фабрикам, складам, пароходам и факториям!

Лид громко засмеялся:

— Господа генералы, в этом ваша главная беда — вы строите большую политику не на идеях, а

на личных отношениях! А я — политик и делец. И, несмотря на вашу угрозу, все-таки — как это ни удивительно — постараюсь вам всемерно помочь…

Генералы замерли в дверях.

Лид спокойно закончил:

— Держите меня в курсе всех дел. Англия не может сейчас участвовать ни в каких открытых операциях против Красной России — у нас есть свои рабочие…

— Но как же тогда… — с недоумением начал Миллер.

Лид, прищурив светлые глаза, пояснил:

— Очень просто… Если крейсер ее величества случайно натолкнется в Ледовитом океане на караван большевистских кораблей… Знаете, в море ведь всякое может случиться…

Белая ночь плыла над городом, над морем. Было тепло, тихо. Лена и Шестаков медленно, устало шли по пристани.

Вдоль пирса и на рейде мирно спали ремонтируемые суда, чуть покачиваясь на пологой волне.

Шестаков, лицо — в машинном масле, окинул корабли взглядом и сказал Лене:

— Я так долго не мог привыкнуть к их силу-

этам.

— Почему?

— Я ведь всегда плавал на боевых судах — у них приземистые, злые контуры хищников.

Лена заметила:

— А эти — добродушные, пузатые работяги. Посмотри, они даже горбятся от усталости… Знаешь, Коля, мне эти как-то больше по сердцу!

Шестаков засмеялся:

— Если по-честному говорить, Леночка, то мне — в последнее время — тоже!

Лена вздохнула:

— Папа в эти дни совсем домой не приходит. Как у него сил хватает!

Шестаков кивнул:

— Мы с ним сегодня на «Седове» проворачивали главную машину. Он еще на судне остался…

— Папа говорит, что с Англией какие-то новые осложнения?

— У нас с ней все время какие-нибудь осложнения, — усмехнулся Шестаков.

— А война не может снова начаться?

Шестаков развел руками:

— Кто его знает! Рассказывают, жил на свете один добрый стекольщик. Он сам мастерил замечательные рогатки и раздаривал их окрестным

мальчишкам…

— Хитрый!

— Да. Вот мне политика Англии напоминает того стекольщика… Но думаю, что в открытую они сейчас не сунутся — побоятся…

Лена обогнала Шестакова, заглянула ему в глаза:

— Мы с тобой совсем сумасшедшие. Такая ночь, а мы говорим о политике!..

Шестаков смущенно улыбнулся:

— Ты первая начала… А потом, ничего не попишешь, Леночка: для кого-то это политика, а для нас с тобой — вся наша будущая жизнь. Да и сегодняшняя, собственно. Давай-ка подсластим ее!

Лена удивилась:

— А как?

— Залезь, пожалуйста, ко мне в верхний карман — у меня руки грязные…

Лена достала из кармана Шестакова аккуратный бумажный пакетик.

Развернула — а там пять кусков сахара!

— Ой, Коленька, сахар! Где же ты его достал?

Шестаков сказал торжественно:

— Мадемуазель Элен, это вам вместо цветов!

Лена сказала грустно:

— Они здесь, к сожалению, в это время не рас-

тут…

Шестаков покачал головой:

— К сожалению. А что касается сахара, то я его у Сергея Щекутьева выменял на банку гуталина. Он ведь неслыханный франт, а мои сапоги Иван Соколков — он их звал «кобеднишними» — давно загнал.

Лена с удовольствием разгрызла кусок сахара, со смехом сказала:

— Ой, как вкусно! Я, когда была маленькой, очень сласти любила…

— Я тоже!

— Стяну чего-нибудь на кухне, залезу в угол дивана в отцовском кабинете и требую от него сказку!

— А он тебе рассказывал сказки?

— Папа рассказывал мне одну сказку, бесконечно длинную, он ее сам для меня придумывал… — В голосе Лены слышалась любовь к отцу. — Про витязя Циклона, который полюбил сказочную фею Цикломену и все время воевал из-за нее со злым принцем Антициклоном. Я уж не помню, чем там у них закончилось соперничество…

Шестаков долго смотрел ей в глаза… Так долго, что она покраснела. И спросила:

— Ну что ты так на меня смотришь?..

— Я помню, чем закончилось, — весело сказал Шестаков. — Циклон подстерег на архангельском пирсе Цикломену и, не снимая рабочей робы витязя, признался ей в любви. А потом поцеловал в сахарные уста…

Берс тщательно прицелился из револьвера, подняв его на уровень лица.

Плавно нажал спусковой крючок.

Раздался выстрел, и вбежавшему в комнату Чаплицкому представилось невероятное зрелище: голова Берса со странным стеклянным звоном разлетелась фонтаном сверкающих колючих осколков.

Чаплицкий застыл на месте.

Придя в себя, медленно спросил:

— В чем дело? Вы с ума сошли, Берс?

Берс задумчиво рассматривал револьвер, стоя перед разбитым зеркалом.

Потом так же медленно ответил:

— Насколько я могу судить, нет… Пока…

— Тогда зачем?..

— Мне пришло в голову, что никому не удается увидеть собственную смерть… как бы со стороны.

Чаплицкий прищурился:

— И вы решили порепетировать перед зерка-

лом?

Берс с отвращением бросил револьвер на диван.

— Да. Человек должен знать, как он выглядит, отправляясь ад патрэс…

— Возрадовались бы ваши праотцы, ничего не скажешь, — насмешливо протянул Чаплицкий.

Берс нехотя покосился на него:

— У вас есть ко мне претензии?

— Ну что вы, сэр… Не то слово… Н-но… — Он пожевал губами, будто подбирая слова.

— Да?

— Выражаясь поэтически, в прелестном бутоне вашего цветочка сидит здоров-у-ущий червяк. Вы клонитесь долу, как Пизанская башня…

Берс безразлично возразил:

— Ну, допустим. Я — как Пизанская башня. Клонюсь. А вы несокрушимы, как Гибралтарская скала. Допустим… Но если не так… аллегорически?

— Пожалуйста. Наша бедная родина истекает кровью, а ее защитник репетирует собственную кончину перед зеркалом, как… простите меня… как провинциальный актер!

— У вас есть для меня более интересное занятие? — задиристо спросил Берс.

Чаплицкий спокойно ответил:

— Есть. Сегодня на рассвете в Архангельский порт прибыл транспорт «Руссель». Он доставил из-за границы котельный уголь, на котором большевистский караван пойдет за сибирским хлебушком.

— И что?..

Чаплицкий присел к столу.

— Если вознести транспорт к небесам… а говоря точнее, опустить его на дно морское… Вопрос о хлебном походе просто закончится.

— Вы хотите поручить это мне? — спросил Берс вяло.

Чаплицкий испытующе посмотрел на него:

— Видите ли, в этом деле есть опасность, конечно…

Берс выставил вперед ладони:

— Не надо! Я не гимназистка, господин каперанг. И вообще, мне сильно надоела вся эта оперетта… так что я давно готов… вознестись.

Чаплицкий продекламировал:

— «Вот агнец Божий… — отворил шкаф и вынул из него округлый плоский сверток, — который берет на себя… грехи мира…»

Развернул сверток — это была самодельная магнитная бомба.

Чаплицкий объяснил Берсу принцип ее действия.

— Если вот этот стерженек вы отведете до упора, — показал он на рукоятку часового механизма, — то вознесение состоится через пятнадцать минут. Времени вполне достаточно, чтобы удалиться с места событий.

Берс рассеянно кивнул.

Чаплицкий поставил на стол флягу в замшевом футляре, свинтил с нее металлическую крышку-стаканчик, налил до края и с видимым удовольствием выпил. Снова наполнил стаканчик густой желтоватой влагой, протянул ротмистру:

— А теперь, геноссе Берс, хлебните вот этого зелья — оно прошло огонь, воду и латунные трубы…

Дышать на топливном причале морского порта было трудно — в воздухе плотной стеной стояла едкая всепроникающая угольная пыль.

К стенке прижался пароход «Руссель». С палуб его по наклонным сходням непрерывной вереницей шли люди. Они были тяжело нагружены кулями с корабельным углем.

Разгрузка началась недавно, но на площадке пирса уже высилась основательная гора угля и росла она прямо на глазах — люди старались.

К пассажирскому трапу подошел человек в длинно-полом штатском пальто, на голове у него была низко нахлобученная кепка с большим козырьком.

Вооруженному матросу, стоявшему на вахте, он негромко сообщил пароль:

— «Красный Север»…

— «Карский рейд»… — так же негромко отозвался вахтенный.

Осмотрел человека с головы до ног и спросил требовательно:

— Пропуск?

Человек протянул ему бумажку.

Матрос по слогам прочитал ее вслух:

— «Ку-ты-рин Се-мен Ива-но-вич… Ре-ви-зор…»

Спрятал пропуск за отворот бушлата:

— Проходите…

Это был Берс.

Лавируя между грузчиками, ротмистр направился на корму. Вахтенный провожал его взглядом, пока он не исчез за палубными надстройками…

Берс спустился на нижнюю палубу. Сверился с планом судна, полученным от Чаплицкого, ощупал бомбу, им же ловко подвешенную на ременной петле под пальто.

Глубоко вздохнул и направился к машинному отделению.

Разгрузка угля продолжалась, когда Берс вновь появился на палубе. Он неторопливо шагал к пассажирскому трапу и уже взялся за поручень, когда на пути его появился широкоплечий парень в кожанке.

Он подозрительно всмотрелся в Берса:

— Постойте-ка, гражданин…

Берс остановился.

— Вы откуда, гражданин? — спросил парень.

Берс ответил вполне спокойно:

— Из финансовой комиссии городского совета…

— Кто будете?

— Я ревизор…

Парень в кожанке — чекист, как сообразил Берс, — никак не отставал:

— Документик ваш позвольте…

— Я часовому отдал, — уже начиная волноваться, раздраженно сказал Берс.

— То пропуск. А ваш личный… мандат? Фамилия как? — Вопросы посыпались градом.

Берс открыл уже рот, чтобы назвать фамилию, и вдруг понял, что… забыл ее! Забыл «собственную» фамилию! Какая-то простая, плебейская

кликуха… Ах, черт побери, глупость какая!..

Ротмистр достал бумажник, сделал вид, что ищет в нем документ.

Чекист терпеливо ждал.

— Вы знаете… глупость какая… — Берс растерянно шарил по всем карманам. — Я, похоже, забыл его дома…

Чекист сказал укоризненно:

— Да-а? Нехорошо. Документы надо с собой носить, гражданин. Время сами знаете какое… Придется пройти со мной разобраться.

Берс посмотрел на часы: оставалась одна минута, может быть, полторы.

И он впервые за весь день ощутил страх.

Страх нарастал, как лавина, панический ужас охватил все его существо. Берс почувствовал, как в одно мгновение взмокла спина, в груди заколотилась мелкая, противная, опустошающая дрожь.

— Я на заседание опаздываю… Может, вот часовой… Он подтвердит… — бормотал Берс, неотрывно глядя на часы.

— Да вы не волнуйтесь, гражданин ревизор, — сказал чекист.

Он внимательно посмотрел на Берса. Подозрения его усилились, и он положил руку на плечо

ротмистра.

Тот в ужасе отшатнулся.

Затравленно посмотрел вокруг.

И вдруг, оттолкнув чекиста, бросился к противоположному борту. Чекист побежал за ним.

Берс пересек палубу, и тогда часовой, уже давно с интересом наблюдавший всю сцену, вскинул винтовку.

Неторопливо прицелился беглецу в ноги.

И когда до борта ему оставалось несколько шагов пробежать — выстрелил.

Берс упал, но в животном страхе продолжал ползти к борту, волоча за собой простреленную ногу. В мозгу его мелькали расплывчатые, бессвязные, торопливые, как мыши, мысли, потом, разом исчезнув, они уступили место одной, самой важной, сразу ставшей четкой, очевидной, но уже безвозвратно запоздалой…

«Что сделал бы на моем месте Чаплицкий? Он сказал бы чекисту: документ, мой мандат, на берегу… у кого-то… кто ждет на пирсе… с портфелем… Ах, какой же я нелепый… Ведь главное — сойти с корабля… Поздно. Поздно!»

Чекист уже настиг его, схватил поперек корпуса, и в это мгновение мощный взрыв смел все окрест…

Шестаков и Болдырев стояли на причале морского порта, у стенки, где был взорван «Руссель».

В воде еще полно было всякого мусора, обломков, нефтяных пятен, оставшихся после взрыва. Чуть в стороне, вдоль причала, лежали тела погибших во время взрыва.

Болдырев подвел к ним Шестакова, указал на Берса:

— Вот он… Вахтенного, к счастью, только оглушило… Он этого липового ревизора сразу же опознал.

Шестаков спросил:

— А пропуск сохранился?

— Ну как же! Правда, он подмок маленько, но я его высушил… — Болдырев достал из кармана гимнастерки и аккуратно разгладил листок. — Вот, видите, Кутырин, Семен Иванович, ревизор финотдела. Подпись заместителя начальника штаба, печать. Все чин чином…

— И что, этот Кутырин рискнул…

Болдырев досадливо перебил:

— Да нет, настоящий Кутырин в командировке. Просто фамилию его использовали для блезиру.

Шестаков в задумчивости прошелся по причалу.

— А подпись замначштаба?

— С Алексеем Алексеевичем Шаговым я уже разговаривал. И пропуск ему показывал. Моя, говорит, подпись — похожая. Я, говорит, наверное, и от своей настоящей не смогу ее отличить.

Шестаков нахмурился:

— Ну, подпись, положим, могли срисовать. Есть способы. А печать?..

— Настоящая, по всему судя. Мы тут всем отделом ее разглядывали, даже в лупу смотрели.

— И что же, таким образом, выходит? — Шестаков, прищурясь, смотрел на Болдырева. — Подпись — похожая, фамилия — подлинная, печать настоящая. Да, он ведь и пароль вахтенному правильно сказал?

Болдырев побагровел.

— Выходит, таким образом, — невольно повторил он за Шестаковым и развел руками, — выходит, что пропуск выдали в нашем штабе. И пароль тоже.

— Значит, предатель?..

Болдырев поджал губы и не ответил.

Шестаков продолжал мерить большими шагами набережную.

— Красиво, красиво, ничего не скажешь, — бормотал он. — Какие-нибудь соображения имеются?

Болдырев поморщился:

— Да нет пока… Люди в штабе все известные, все проверенные… подозревать, знаете, только начни, потом уже не остановишься…

— Проверенные, говоришь? — усмехнулся Шестаков. — Оно видать… а кто ж он сам, взрывник-то этот? — Шестаков показал на тело Берса.

Болдырев пожал плечами:

— Пока не знаю, пытаемся установить. Кабы жив был, а то ни документов, ни примет особых…

— А что приметы? Что бы вы с ними делали?

Болдырев сказал неуверенно:

— Ну-у, разослали бы по местам, в центр — авось кто-либо опознал бы.

Шестаков иронически улыбнулся:

— По вашим «приметам» опознают, как же! Читал я тут розыск одного: «Ищем бежавшего из-под стражи белогвардейского офицера. Волосы кудрявые, черные. Высокий, худой. Особая примета — лысый».

— Ошибок у кого не бывает, — обиженно отозвался Болдырев. — Мы ведь, как-никак, учимся только, опыта мало.

Шестаков жестко бросил:

— Быстрее учиться надо! А то публика эта, — он

снова кивнул на тело Берса, — запустит нас всех рыб кормить, пока научимся!

Как бы оправдываясь за свою неумелость, Болдырев сказал:

— Само собой, в этом вопросе расхождений быть не может. Что касается террориста, то, по крайней мере, ясно, что он барского сословия.

— Из чего сие следует? — удивился Шестаков.

— Очень просто: тело холеное, нежное и белье тонкое…

— Да-а, это примета, ничего не скажешь! — насмешливо протянул Шестаков.

Болдырев в ответ только развел руками.

И тогда Шестаков решительно предложил:

— Давай-ка подумаем, как нам в собственном штабе разобраться. Есть у меня одна мыслишка…

И он принялся излагать свой план.

Спустя полчаса на пирс пришли Неустроев, Щекутьев и несколько других работников штаба.

Шестаков сказал им:

— Я вот все прикидываю — нельзя ли попытаться достать уголь со дна морского? Хоть часть его спасти?

Неустроев задумчиво потер лоб:

— Я тоже над этим размышлял… Полагаю, что

малоперспективное это занятие. Взрыв был слишком сильный — уголь раскидало далеко, надо полагать. А характер приливно-отливных течений в этом месте таков, что большую часть угля, скорее всего, уже оттащило в сторону рейда.

Шестакову не хотелось отказываться от надежды.

— Но ведь не весь же? — упрямо сказал он.

— Конечно, — согласился Неустроев. — Да что толку — его здесь так должно было перемешать с грунтом, что проще новый уголек нарубить, в шахте. Боюсь, вам придется телеграфировать в Лондон, чтобы все начинали сначала… Хочется нам этого или нет — необходимо законтрактовать еще один пароход с котельным кардиффом.

Шестаков грустно покачал головой:

— Не получится.

— Почему, Николай Павлович?

— По ряду причин, Константин Иванович. Во-первых, неизвестно, удастся ли заключить новый контракт. Во-вторых, если даже нам продадут груз угля, будет трудно зафрахтовать в это время транспорт… В-третьих, пока снарядят пароход, пока он дойдет сюда, пока мы его на караван перелопатим… — Шестаков подсчитал в уме время и, махнув рукой, безнадежно закончил: — Будет

середина августа, караван неизбежно окажется в пике ледовой обстановки и…

— …вмерзнет во льды на полпути, — закончил за него Неустроев.

Повисла тягостная пауза — случившееся было катастрофой, последствия которой разрушали все планы Сибирской экспедиции. И собравшиеся напряженно размышляли, пытаясь найти выход из почти безвыходного положения.

— У меня есть одно предложение! — неожиданно подал голос Сергей Щекутьев. — Разрешите, Николай Павлович?

Шестаков кивнул.

— Оно может показаться авантюрой, — нерешительно сказал Щекутьев, — но-о…

— Говори, не тяни! — подбодрил его Шестаков.

Щекутьев вынул записную книжку.

— Я все рассчитал как будто, — сказал он. — Белые, уходя из Архангельска, затопили на рейде двенадцать судов.

— Так…

— Я знаю точно, что в кочегарках этих посудин находится полтораста — сто шестьдесят тысяч пудов угля и тысяч сто пудов мазута — как минимум…

— И что нам толку? — спросил Болдырев.

Щекутьев обернулся к нему:

— Толк может быть, и немалый. Мы можем попытаться достать это топливо.

Шестаков спросил:

— А каким образом?

— Очень просто. У нас здесь имеется три больших водолазных бота и несколько маленьких. Почти все они на плаву. Если снарядить добрую команду, можно попытаться достать уголь коробами и в мешках…

— Подожди, я не понял, — перебил Шестаков. — Какой смысл доставать уголь на рейде, если даже здесь, у стенки, можно сказать на берегу, мы его с «Русселя» взять не можем?.. Не вижу разницы!

Щекутьев терпеливо разъяснил:

— Разница такая, что «Руссель» взорван, а большинство тех посудин — цело.

— То есть как?

— Очень просто: на них открыли кингстоны, суда и затонули… Не стали на них взрывчатку тратить — они того не стоили. Да и не предвидели беляки, что мы: их поднимать надумаем. Взорвали только крейсеры. «Лейтенант Овцын» и «Орлик».

Шестаков переглянулся с Неустроевым, и на лице начальника экспедиции появилась тень

надежды.

— А что… можно было бы попробовать… — задорно сказал Неустроев. — Только неясно — для начала, — как мы этих утопленников разыщем?

— Это я предусмотрел! — объявил с горделивой улыбкой Щекутьев. — У меня все на карте отмечено.

— Ну-у, молодец! — Шестаков радостно хлопнул Щекутьева по плечу. — Хвалю за службу!

Щекутьев весело отозвался:

— Служу революции!

— Значит, так… Сегодня же приступаем к расстановке буев на местах затопления кораблей — согласно отметкам на карте товарища Щекутьева, — деловито резюмировал Шестаков. — Завтра в составе всего штаба и приданных специалистов выйдем в море, посмотрим на месте…

На заседании штаба каравана присутствовали штабисты — все двенадцать — и начальник отдела Чека Болдырев.

Шестаков излагал обстановку:

— Действуем медлительно. До сих пор болтается на причале это дырявое корыто — «Пронзительный». Того и гляди, оно само по себе ко дну пойдет. А там, между прочим, все навигационное оборудование для нашего каравана, все карты

и уточненный маршрут… — Шестаков повернулся к одному из штабистов: — Уже недели две прошло, товарищ Кленов, как я распорядился перевести все это на берег. Так или нет?

— Так точно!

— Почему не выполнено?

Кленов вытянулся по стойке смирно, сказал виновато:

— Я ведь докладывал, товарищ начальник экспедиции… Перегружать некуда… Вы же знаете, как у нас с помещениями! Вчера в девятом пакгаузе нам выделили три каморки, сейчас их приспосабливаем…

— И долго вы намерены их приспосабливать?

— Послезавтра с утра можно занимать, Николай Павлович.

— Лично проследите! — распорядился Шестаков. — Если что с «Пронзительным» случится, мы все без головы останемся… А вы, товарищ Кленов, — в первую очередь. Так что учтите: под вашу ответственность…

— Есть! — вытянулся Кленов.

— Пока что усильте охрану…

— Есть!..

— Все свободны! — объявил Шестаков и пригласил Болдырева: — Задержитесь, пожалуйста,

Андрей Васильевич, ненадолго — дело есть…

— Это если они клюнут, — сказал Болдырев, — тогда все ясно: предатель — один из состава штаба. А если нет?..

— Если нет — еще лучше, — засмеялся Шестаков. — Они наверняка не захотят пренебречь такой возможностью — оставить нас без карт и приборов, а заодно узнать наш точный маршрут. Поэтому должны напасть на «Пронзительный» обязательно. А мы их там встретим достойно.

— А все-таки — если не клюнут?

— Тогда значит, что предатель находится в числе тех пяти человек, которые знают, что операция с «Пронзительным» — ловушка.

— М-да-а… Бес их ведает… — Болдырев с сомнением потер потылицу. — Ведь эти сведения могут до них просто не дойти, а?

Шестаков отверг такое предположение.

— Исключаю! — сказал он решительно. — Человек, который имеет доступ к паролю, к печати штаба и прочее — наверняка был среди нас.

И он кивнул на кабинет, в котором происходило заседание.

— Ну что ж, попробуем, — усмехнулся Болдырев. — Значит, вечером я обеспечиваю засаду.

— Только очень скрытно.

— Ну, Николай Павлович!..

Море было серо и неприветливо, хотя почти спокойно. Оставляя за собой белоснежные пенные усы, вдоль берега двигался небольшой паровой катер.

На борту его находились Шестаков, Неустроев, Болдырев, Щекутьев, еще несколько специалистов.

Завидев красные буи, расположившиеся на поверхности воды вытянутым равнобедренным треугольником, капитан катера скомандовал:

— Стоп машина!

Суденышко медленно останавливалось, описывая плавную дугу вдоль буев.

— Вот здесь затонула «Печенга», — негромко пояснил Щекутьев. Он раскрыл планшет и показал собравшимся карту. — Дальше, по продолжению большей стороны треугольника через вершину, были затоплены «Лада» и «Восход»…

— А «Эклипс», «Альбатрос»?.. — спросил Неустроев.

— «Эклипс», «Альбатрос» и другие затоплены вдоль основания равнобедренного треугольника… Вот здесь отмечено на карте…

— А глубина тут большая? — Шестаков с трудом закурил на ветру папиросу.

— Вот промеры… — Щекутьев, придерживая рвущуюся из рук карту, показал отметки: — Восемь с половиной саженей… восемь саженей… восемь с половиной… девять… девять с половиной… семь с половиной… девять… десять… В общем — от семи с половиной саженей до десяти, не больше.

— Значит, в пределах двадцати метров, — пояснил Шестаков Болдыреву. — Само по себе терпимо…

Болдырев поморщился от сильного порыва ветра, принесшего мелкие соленые брызги, тыльной стороной ладони он утер лицо:

— Холодна водичка, однако…

— Ничего, попробуем, — бодро сказал Щекутьев. — Ну как, Николай Павлович, решено?

— Решено-то решено… да неясно — сколько же водолазов потребуется, чтобы все это имело смысл.

— Водолазов, конечно, маловато, — согласился Щекутьев. — Но раз такое дело, подучим быстренько, добровольцы всегда найдутся.

— Условия уж больно тяжелые, — усомнился Шестаков. — Спускаться в легком водолазном костюме придется, а вода — ледяная. У ребят ни опыта, ни привычки…

— Да неужели ради похода не потерпят ребята? — с энтузиазмом возразил Щекутьев. — И не такое совершали, когда надо было. Ну и… есть у меня еще предложение…

— Да?

— Не зря же мы с вами, Николай Павлович, курс наук морских превзошли! Помните уроки Савельича?.. Я лично собираюсь с новичками в паре спускаться.

— Это мысль! — подхватил Шестаков. — И я тоже. Да и другие командиры не откажутся.

Неустроев решительно вступил в разговор:

— Тряхну стариной, как говорится. Я ведь когда-то этим делом занимался всерьез!

— Ну-ну, Константин Петрович, не увлекайтесь, пожалуйста, — охладил его пыл Шестаков. — У вас свои, слишком сложные и ответственные задачи.

Неустроев спросил иронически:

— Боитесь, утону?

— Достаточно, если простудитесь, — улыбнулся Шестаков.

Буксир «Пронзительный» стоял у стенки дальнего заброшенного причала.

На причале было темно, пустынно. По палубе судна медленно прохаживался часовой, покури-

вал самокрутку. Изредка он подходил к доскам, которые служили буксиру трапом, и задумчиво смотрел на берег.

Где-то вдали виднелись редкие слабые фонари плохо освещенного города.

Моря почти не было видно — тусклая белесая тьма скрывала его, и темно-серые волны угадывались лишь в легком равномерном плеске.

По воде бесшумно скользил большой баркас. Шестеро гребцов тихо и размеренно загребали длинными веслами воду. Еще несколько человек разместились на корме баркаса, среди них был и Чаплицкий.

Неясные силуэты палубных надстроек «Пронзительного»… За каждой из них стоят вооруженные люди. Напряженные, сосредоточенные лица… На баке, в тени рубки, укрылся Болдырев. Он внимательно, до боли в глазах, вглядывается в белесую дымку, растворившую морскую даль.

Вот показался нос баркаса, вот он Болдыреву уже виден весь — плавно перекатывается на длинной волне. Чекист, остро сощурившись, рассматривает причал — там по-прежнему никого нет.

Болдырев тихо крутанул деревянную трещот-

ку. Раздался характерный скрип: раз, два, три — заранее оговоренный условный знак.

Часовой услышал сигнал и неторопливо побрел по палубе к сходням.

Баркас подошел к буксиру вплотную. Чаплицкий, стоя на корме, примерился и ловко забросил на судно веревочную петлю. Петля точно попала на кнехт, обвила его.

Чаплицкий натянул канат. Один из сидевших в баркасе поднялся, ухватился левой рукой за канат. В правой руке его тускло поблескивал нож. Человек спрятал нож за пазуху, рывком подтянулся на канате.

Чаплицкий подсадил его, и вот диверсант уже на палубе.

Точно так же на буксир забрался еще один человек, а за ним и Чаплицкий.

Все они поползли по-пластунски к той части палубы, где только что расхаживал часовой…

Не обнаружив его на месте, Чаплицкий удивился: интересно, почему часовой, вместо того чтобы оставаться на палубе, спустился по сходням на причал?..

Ему, конечно, было невдомек, что Болдырев, организуя засаду, предвидел: диверсанты в первую очередь постараются бесшумно «снять»

часового.

И естественно, жертвовать человеком не хотел.

Но надо было знать и Чаплицкого: он подполз к самому ограждению палубы, достал из-за пазухи длинный десантный нож и, тщательно, хладнокровно прицелившись, метнул его в часового…

…И в то же мгновение раздалась заливистая трель боцманской дудки.

Два мощных прожектора с мачт «Пронзительного» осветили всю палубу, несколько прожекторов скрестили свои лучи на поверхности воды за бортом буксира со стороны моря.

Ослепленные гребцы судорожными неистовыми гребками принялись отгонять баркас от судна, но — тщетно: от соседней стенки отделились три шлюпки с военморами, за короткие секунды окружившими баркас.

Хлесткая пулеметная очередь, другая, винтовочные и револьверные выстрелы, на палубе — мгновенная рукопашная схватка.

И вот один из диверсантов убит на месте, другого скрутили матросы.

И лишь Чаплицкий, упруго бросив через борт свое сухое жилистое тело, каким-то непостижимым сальто-мортале преодолел пространство

между судном и причалом, оказался на ногах и тут же нырнул в тень.

Болдырев, жмурясь от слепивших его прожекторов, выстрелил в направлении Чаплицкого раз, другой — напрасно: Чаплицкий, словно чувствуя направление выстрела, бежал неровными, неожиданными зигзагами.

Еще мгновение — и он скрылся между приземистыми пакгаузами… вот он уже приблизился к ограждению военно-морского порта… и увидел, что за сетчатой оградой патрулируют военморы.

Злобно оскалившись, Чаплицкий отступил в тень от бревенчатого пакгауза.

Выждав немного, он ловко подтянулся на стрехе, быстро взобрался на крышу. Тесно прижавшись к печной трубе, терпеливо ждал…

Прошла группа патрульных, вдали показались еще несколько военморов… Вот идут навстречу двое вооруженных дружинников…

Чаплицкий терпеливо ждал.

Он дождался момента, когда патрульные встретились, перебросились несколькими словами, один дал другому закурить, и они снова разошлись, следуя своим направлениям…

Через несколько мгновений Чаплицкий выпрямился: патрульные, охватившие, казалось, все

ограждение порта, оставили на несколько секунд «мертвую зону»: и тем и другим сейчас не виден был проход, так необходимый Чаплицкому.

Спружинив ногами, изогнувшись, словно кошка, Чаплицкий прыгнул с пакгауза через сетку, легко преодолев двухметровое пространство. Почти беззвучно приземлился «на четыре точки», и снова гигантский прыжок, на сей раз через дорогу, в начинавшуюся здесь узкую череду одноэтажных кирпичных домишек, во тьму.

Однако, на беду Чаплицкого, расчет его не совсем оправдался: один из патрульных углядел-таки прыжок через дорогу, и на выходе из переулка Чаплицкий услышал мерный топот бегущих матросов.

…Безумный бег по пустому городу, бесчисленные проулки, тупики и заборы, дворы, рвущееся на части сердце…

Но Чаплицкий не зря изучил топографию города, не зря знал его, как свои ладони, — он оторвался на минуту от преследования, и это помогло ему выбежать к знакомому дому, на котором еле виднелась табличка с названием улицы — «Шѣлогінская»…

Дом, где жила Лена Неустроева.

Оглядевшись, Чаплицкий нырнул в подворот-

ню напротив…

Плавно качалась белая ночь — долгий, светлый, серый сумрак…

Чаплицкий осторожно вышел из подворотни. Несколько раз оглянулся.

Убедившись, что никого нет, подбежал к окну, несколько раз постучал.

Тихо, шепотом, окликнул:

— Елена!..

В окне показался силуэт девушки. Она испуганно вглядывалась в сумерки белой ночи, в неясную стройную фигуру за окном.

Наконец узнала!..

— Здравствуйте, Лена!

— Петр?! Неужели это вы, Петр?

— Я. Что, не пожалело меня времечко? — с усмешкой спросил Чаплицкий.

Лена ответила грустно:

— Не в этом, наверное, дело. Просто я привыкла к тому, что вы всегда такой блестящий!..

Чаплицкий поцеловал ей руку:

— Леночка, я — как драгоценный камень. Подышите на меня, чуть согрейте — и я снова заблещу. Хотя мы все, вместе с Россией, и постарели на тысячу лет!

— Ну уж — на тысячу! — засмеялась наконец

Лена. — Я только на пять. Хотя для женщины и это немало!

— Вы стали еще красивее, — искренне сказал Чаплицкий. — И одухотворенней…

— Это оттого, что я в основном питаюсь пищей духовной, — нервно улыбнулась Лена. — Вы не хотели бы попробовать, Петр?

Чаплицкий шутливо поднял обе руки:

— Ни за что! Пища духовная, Леночка, — это закуска не для меня!

Лена уже без улыбки всмотрелась в него:

— А знаете, Петр, вы действительно постарели. И от этого в вас появилось что-то человеческое. Раньше я вас очень боялась…

Чаплицкий искренне удивился:

— Боялись? Но почему?!

Лена сказала откровенно:

— Вы всегда выглядели ужасно высокомерным. И невероятно умным.

— Ну, это ерунда. У глупых людей очень часто бывают умные лица. Это оттого, что им думать легко, — пожал плечами Чаплицкий. — Значит, вы считаете, что я выглядел раньше высокомерным и умным… А сейчас?

Лена долго смотрела на него — тепло и сочувственно. Потом медленно сказала:

— Сейчас?.. В вас есть что-то потерянное… несчастное… Вы… извините меня, Петр, выглядите неудачником.

— Так-с, — прищурился Чаплицкий. — Понятно. Ведь всякий неудачник кажется женщине кретином.

Лена нервно переплела пальцы:

— Ах, Петр, ну зачем вы так? За эти годы я тоже изменилась. Теперь меня не так легко поставить в тупик вашими софизмами, как когда-то… Незапамятно давно… Когда я считалась вашей невестой…

— Вы еще помните об этом? — с тоской спросил Чаплицкий. — Мне показалось, что вы решили забыть свое прошлое, свою среду, свою отчизну. — И добавил глухо: — Свою память…

— Вам показалось? — мягко переспросила Лена. — И все потому, что я не бегаю по ночам окровавленная, в грязи, с пистолетом за пазухой?

Чаплицкий молча кивнул.

Лена настойчиво сказала:

— Но разве в этом память прошлому?

— И в этом тоже! — упрямо сказал Чаплицкий и неожиданно устало добавил: — Но я вас, Леночка, ни в чем не укоряю. Я бы сам охотно забыл свое

прошлое…

Лена подошла ближе, положила руку ему на плечо:

— Петя, может быть, не надо забывать прошлое? Может быть, надо обо всем подумать по-новому?

Чаплицкий покачал головой:

— Не-ет… Я ничего передумать не могу. Мои воспоминания — как матрешки. Они вынимаются одно из другого. И уводят меня слишком далеко.

Лена бросила взгляд на измученное лицо Чаплицкого:

— Петя, вы чаю хотите?

— С удовольствием, Леночка.

Лена зажгла керосинку, поставила на конфорку старый железный чайник. И вернулась к разговору:

— Так что же вас не устраивает, Петр?

Чаплицкий пристукнул кулаком по столу:

— Решительно все. Бросать Россию я не хочу, а жить с большевиками — не могу.

— Почему? Разве честного человека не может волновать их идея свободы, равенства и братства?

— Да вздор это! — злобно бросил он. — Вздор! Я не хочу братства с чукчами! И там, где торжествует принудительное равенство, — нет свободы!

Чаплицкий зашагал по комнате, горячечно блестя глазами, быстро выкрикивая:

— А свобода напрочь исключает равенство, поймите это, Леночка! Пока я свободен, я всегда буду сильнее, умнее и богаче любого из них!..

Они долго молчали, пока Лена не произнесла печально:

— Тогда вы обречены. Они вас уничтожат… И будут по-своему правы…

— Мне это очень горько слышать от вас, Лена, — прошептал Чаплицкий.

Лена сняла с керосинки закипевший чайник, налила гостю чаю. Он сел к столу, сделал несколько жадных глотков. Лена тихо сказала:

— Но это правда, Петя. Вы ослеплены ненавистью. Неужели вы верите в победу своего дела?

— Верю, — упрямо сказал Чаплицкий. — Хотя наши вожди — те, которые идейны, — безумны! А те, что умны, — безыдейны.

— Чего же вы хотите, Петр?

Чаплицкий снова встал, взволнованно прошелся по комнате, остановился против Лены, блестя глазами, неожиданно предложил:

— Лена, Леночка! Давайте уедем… через границу… Вместе!.. Я ведь так сильно… и так нежно любил вас… Я и там найду себе место… Мне одно-

му больше невыносимо… Я так устал.

Лена покачала головой.

— Не хотите?.. А что же делать мне?.. Зря я к вам пришел, зря на вас обернулся…

Лена не поняла его:

— Почему, Петр?..

Чаплицкий тоскливо объяснил:

— Я как жена праведного Лота: обернулся на Содом, и вот — обращен в соляной столп…

Лена промолчала.

— Я видел вас несколько раз с этим комиссаром… Шестаковым, — резко сказал Чаплицкий. — Скажите мне прямо — это из-за него?

Лена неопределенно пожала плечами и снова ничего не ответила.

— Та-ак, та-ак… Понятно… понятно… — сбивчиво забормотал Чаплицкий. — Вот же у вас телефон, Елена… Позвоните, скажите ему… — Чаплицкий отошел к окну, сжатыми кулаками оперся на подоконник, разгоряченным лбом прижался к стеклу, шепча слова, как в бреду: — …скажите ему, что у вас прячется враг Советской власти… белогвардеец Чаплицкий… ваш бывший жених…

Лена молчала.

— Ну, что же вы? — истерически выкрикнул

Чаплицкий. — Они высоко оценят такую лояльность…

— Что вы несете, Чаплицкий? Слушать противно! — взорвалась Лена.

Чаплицкий круто повернулся к ней:

— Почему же? Новые времена, новая мораль — сын на отца, брат на брата. Идеи дороже живых людей! Невесты предают своих женихов!

Лена долго, неотрывно смотрела на него. Потом разлепила пересохшие губы:

— Мне сейчас очень больно, Петр… Я вас тоже любила когда-то… — И добавила с мукой: — А вы… Вы горестный и кровавый шут…

Контрразведчик издевательски развел руками:

— Мы все шуты… на подмостках времен!

Лена взяла себя в руки. Показала Чаплицкому лесенку, ведущую на второй этаж:

— Приведите себя в порядок, умойтесь и ложитесь спать. Я постелю вам сейчас… — И так как Чаплицкий молчал, добавила непреклонно: — А утром уходите. Я больше не хочу вас видеть.

Чаплицкий поднял на нее потухшие глаза:

— Я не стану злоупотреблять вашим гостеприимством. Через полчаса смены патрулей, и я уйду…

Лена не ответила.

Чаплицкий сказал горько:

— Но если вы сообщите Шестакову, что я был здесь, они поймают меня и убьют.

Он подошел к ней вплотную и с гримасой боли и ненависти добавил:

— Прекрасный сюжет: советская Джульетта сдает Тибальду из Чека своего Ромео! Прощайте!..

Лена со слезами на глазах бросилась вон из комнаты. Чаплицкий крикнул ей вслед:

— И запомните: моя кровь падет на вас! Запомните это! Падет на вас!..

Шестаков и Болдырев направились в Чека.

По дороге Болдырев говорил недовольно:

— Ну и чего мы достигли? Только парня хорошего в лазарет уложили. Да еще двое раненых… И пальбу на весь город подняли.

Шестаков с ним не согласился.

— Это ты не прав, дорогой мой, — говорил он снисходительно. — Конечно, ребят жалко, что тут говорить. Да ведь и сам знаешь, как народ говорит: «Пошел на войну по голову чужу и свою захвати!» Как-никак шестерых бандитов мы положили?

Болдырев угрюмо кивает.

— Да двоих взяли… — продолжает довольно Шестаков. — Это раз… Во-вторых, убедились ка-

тегорически, что в штабе засел предатель.

— А что, раньше не знали, что он засел, предатель-то? — пробурчал Болдырев.

— Раньше мы предполагали, а теперь точно знаем. И мы его обязательно найдем.

— Найдем, — спокойно согласился Болдырев. — Куда он от нас денется…

Шестаков размышлял дальше:

— Тут что еще важно: теперь, после засады на «Пронзительном», враг знает, что мы его игру разгадали.

Нахмуренное лицо Болдырева немного разгладилось.

— Это факт, — сказал он довольно. — Теперь небось поостерегутся хватать любые слухи — вдруг снова ловушка? И вообще, когда враг опаску имеет, у него возможности вредить меньше. А то обнаглели…

Они вошли в помещение городского Чека, расположившееся в небольшой каменной усадьбе за глухим забором, бывшем имении купца Малодворова.

В одной из комнат русый вихрастый чекист лет девятнадцати настырно допрашивал диверсанта, который первый влез на борт «Пронзительного».

Арестованный был спокоен, развалившись в

очень свободной позе на стуле, он развязно отвечал на хитрые вопросы следователя.

Чекист, видимо не очень довольный результатами своего расследования, с обидой доложил Болдыреву:

— Вот, полюбуйтесь, Андрей Васильевич: клянется-божится, что ничего про организаторов злодейского покушения на буксир «Пронзительный» якобы не знает…

— Даже как главаря звать?.. — сощурился на развязного диверсанта Болдырев.

Диверсант словоохотливо ответил:

— Звать-то знаю как, да что толку… Что мне с его званию — навар-то какой… Мне небось в зятья к нему не собираться…

— Так как его звать? — перебил Болдырев.

— Лександром звать его, головоря-то нашего, Лександром. И боле ничего про него не знаю. Да мне-то зачем? Лександр — и ладно. Лишь бы в дело взял, да опосля долей не обидел, да работой доволен был бы…

Болдырев спросил терпеливо:

— Одет-то он как, «головарь» ваш?

Арестованный ответил неожиданно:

— Я так мыслю, гражданин командир, соображаю, значит, — военный он.

— Ага, ясно. А ты кто — тоже военный? — заинтересовался Болдырев. — Офицер небось?

— Да что ты, командир! — заухмылялся арестованный. — Скажешь тоже! Мы люди вольные, веселым ремеслом промышляем. Из урок мы… из фартовых, значит.

Болдырев резко скомандовал:

— Ну-ка, лапы на стол!

Диверсант послушно выложил на стол руки — довольно грязные, с черной каймой под ногтями. Были, однако, эти верхние его конечности гладкие, узкие, не утомленные, не разбитые тяжелой работой.

Болдырев присвистнул:

— Барские ручки-то! Ишь, нежные, как у бабы…

— А то! — охотно подхватил арестованный. — В нашей фамилии даже дедушка, царствие ему, варнаку, небесное, тачкой рук не поганил. А батяня тем более — знатный майданщик был. Так что, гражданин командир, мне сам Бог велел промышлять по фартовой линии…

В его болтовню вмешался Шестаков:

— Где и когда вы с ним договаривались?

— С кем? — искренне недопонял уголовник. — Это, значит, с батяней, что ль?

— Ты мне вола не крути! — сердито сказал Шестаков. — Ну, с этим вот… с «Лександром».

— А-а!.. Дык я уже начальничку… — арестованный повел светлым пустым взглядом в сторону следователя, — докладал: сошлися мы в пивном заведении братцев Муратовых…

— Это еще что за заведение? — спросил Шестаков.

— Столовая номер три в городе, по-нынешнему, — пояснил Болдырев.

— Так точно, — подтвердил уголовник. — Было это под вечер в субботу, как сейчас помню, недели три тому… Федор Муратов говорит: иди, мол, вон к тому столику, тобою человек хороший интересуется…

Болдырев спросил:

— Как он вам объяснил цель нападения?

Арестованный ответил не задумываясь:

— Тогда он ничего не объяснял. Дам, говорит, дело доброе, и ладно…

— А когда же?..

— То позавчера. Встренулись мы, он говорит, что денежный ящик для хлебного похода привезли. Схоронили, говорит, его на «Пронзительном». Ежели, сказал, лапшу не провешаем, то по хорошему кушу возьмем, денег там много. Всем, мол,

хватит. А галошу эту на дно пустим — и концы в воду. Это уж как есть, точно… — И уголовник радостно захохотал, весьма довольный своей шуткой.

Болдырев взял со стола папку с делом, незаметно подмигнул следователю и позвал Шестакова:

— Пошли ко мне…

В своем небольшом кабинете Болдырев перелистал папку, бегло просмотрел протоколы допросов арестованных.

Несколько листков, исписанных корявым почерком, вынул из папки, протянул Шестакову.

— Остальное все шваль, уголовная шушера… — пробормотал чекист. — И главное — никто про него ничего не знает.

— Муратова надо допросить, — сказал Шестаков. — Он, наверное, кое-что знает.

— Может, и знает, да не скажет, — зло сказал Болдырев. — Мы к ним давно присматриваемся, к братьям этим, но и сажать смысла нет: их трактир для нас — как рыбный садок. Мы там уже немало всякой рыбки выловили…

— Понятно…

Болдырев снова раскрыл дело, лениво полистал его, перечитал какой-то протокол. Потом взял в руки женский фотоснимок, повертел его так и

сяк, хотел положить обратно в папку. Но его заметил Шестаков. Он отложил протоколы допросов в сторону, заинтересовался:

— Ну-ка, ну-ка, покажи!

В руках Болдырева было фото Лены Неустроевой.

Скрывая волнение, Шестаков спросил:

— Это откуда здесь?

— Главарь их обронил… — как-то неохотно ответил Болдырев. — Когда через ограду порта прыгал… Патрули потом обнаружили…

— А кто такая? Ты ее не знаешь?

— Понятия не имею…

Шестаков долго, напряженно смотрел на фото. Наконец, будто через силу, спросил:

— А где его след потеряли, главаря?

Болдырев посмотрел на Шестакова с удивлением:

— На Шелогинской. А что?

— Да так, ничего… Так-так-так… — задумчиво бормотал Шестаков.

В конце концов он, по-видимому, пришел к какой-то догадке.

— Слушай, Андрей Васильевич, — сказал он вдруг. — Дай-ка мне эту карточку на денек…

Болдырев усмехнулся:

— Что, понравилась? Или знакомая?

Шестаков смотрел мимо него в окно:

— Понравилась… Очень понравилась… — и спрятал фотокарточку в карман.

Спустя несколько минут он был на Шелогинской. Вот и дом Неустроевых.

Лена открыла ему дверь, с радостной улыбкой потянулась навстречу — хотела обнять, но Шестаков мягко отстранил ее:

— Лена, я не люблю хитрить. И не умею… Я ведь всегда говорил тебе правду, так?

С удивлением взметнулись темные густые брови.

— Так. Но…

— И ты мне должна… просто ты обязана… обязана сказать мне…

— Но я никогда не давала тебе оснований подозревать меня во лжи… — сказала Лена обиженно, с достоинством.

— Поэтому я и спрашиваю тебя напрямик…

Шестаков полез во внутренний карман пиджака. Протянул ей фотографию:

— Кому ты дарила этот снимок?

Лицо ее разом побелело. Карточки не взяла, отвернулась, отошла к окну. Долго смотрела на улицу, потом очень медленно, глухо спросила:

— Николай, а ты вправе задавать мне такие вопросы?

Шестаков сказал с волнением:

— Да, вправе! Я никогда не задавал тебе ни одного вопроса, который касался бы твоей прежней жизни. Все, что ты хотела мне рассказать, было для меня достаточным…

Не оборачиваясь, так же глухо, надтреснутым голосом Лена спросила:

— Тогда почему же сейчас…

Мучительно запинаясь, Шестаков перебил:

— Потому что сейчас это касается не только меня… И дело не только в моих чувствах…

Лена резко повернулась к нему:

— Почему? Почему моя старая фотография касается кого-то, кроме меня?!

Шестаков мгновение молчал, потом тихо, с горечью произнес:

— Потому что я взял эту фотографию в Чека. А потерял ее наш враг. Бандит и убийца…

Лена в испуге зажала ладонью рот:

— Господи! Господи! Почему нет дня покоя и тишины! Господи, у меня нет сил для всего этого…

Шестаков спросил требовательно:

— Лена, я прошу тебя… скажи — кому ты дарила это фото?

Лена отрицательно покачала головой.

Шестаков подошел к ней вплотную, выдохнул:

— Чаплицкому?!

Лена смотрела прямо перед собой. На виске ее, под прядкой волос, выбившихся из-под пучка, пульсировала нежная голубая жилка.

Шестакова залила волна гнева и возмущения.

— Лена! Лена! Он здесь? — кричал он. — Чаплицкий в Архангельске?!

Лена молчала. Из глаз ее выкатились две слезинки, потом побежали другие, быстрее, все быстрее, заливая лицо. Тело ее сотрясалось от страшного внутреннего напряжения в молчаливой истерике.

Шестаков смотрел на нее в задумчивости и вдруг растерянно вымолвил:

— Значит, ты с самого начала знала, что он здесь?..

Он поразился собственной мысли. Кровь молотом застучала в висках, и он в отчаянии ударил себя кулаками по голове:

— Ах, я болван! Ведь он бывал здесь! Он ночевал у тебя, пока мы искали его по всему городу!.. Ты все время дурачила меня!..

— Неправда! — взорвалась Лена пронзительным криком. — Коля, это неправда! Он был здесь

один-единственный раз! Полчаса!..

Шестаков сверлил ее гневным недоверчивым взглядом.

Лена говорила, и голос ее рвался от волнения и искренности:

— Коля, я ведь не умею врать… Но пойми — я и предавать не умею!.. Никого… никогда… Я никого не дурачила!

Шестаков не отводил от нее тяжелого взгляда.

И Лена сказала тихо:

— Я никого не дурачила. Я одурачила себя… Я устала от вас… Белые! Красные!.. Все ненавидят друг друга… Как звери, охотятся друг на друга… Я не революционерка… И не белогвардейка!.. — И закончила почти шепотом: — Я хочу покоя…

— Ты хочешь покоя? — с яростью повторил Шестаков. — А я… — не хочу покоя? А все эти истерзанные голодные люди — не хотят покоя?..

Лена не отвечала, и Шестаков продолжал беспощадно:

— Те, кого здесь твой Чаплицкий мучил, порол и вешал, они — не хотели покоя?! Ты спасла жизнь убийце… Душегубу…

Он встал и неуверенно, слепо, ударившись плечом о дверной косяк, вышел из комнаты.

Лена упала на кровать.

Плакала горько, обессиленно, как маленькая обиженная девочка.

На следующий день приступили к подъему угля с затопленных белогвардейцами кораблей.

С первого же спуска работа пошла полным ходом — все были расставлены по своим местам, заранее было подготовлено все снаряжение.

Матрос первой статьи Федор Гарковец, прошедший водолазную школу на Балтике еще в пятнадцатом году, спустился под воду первым. За ним последовали товарищи.

Они медленно прошли вдоль высокого борта морского судна, покоившегося на дне. Водоросли уже опутали его, к обшивке пристали ракушки. Над клюзом виднелись медные буквы: «АЛЬБАТРОСЪ»...

...А наверху, на легкой волне, покачивался водолазный бот. Невдалеке виднелся еще один, за ним — третий, рядом — застопоренные буксиры, баржи.

На палубах ботов царила рабочая водолазная обстановка: мерно пыхтели воздушные помпы, дежурные матросы под присмотром Шестакова потравливали шланги...

...Федор Гарковец, а за ним и остальные водолазы поднялись на палубу «Альбатроса», потом

обследовали внутренние помещения, наконец спустились в кочегарку судна…

В кочегарке расположились цепью, пользуясь слабым освещением, проникавшим через воздушный люк. И принялись за работу.

Федор стал около бункера. По очереди со своим земляком Иваном Зирковенко он нагребал совковой лопатой уголь из бункера в корзину, плетенную из прутьев. Потом они плавно волокли ее, отмахиваясь от какой-то слишком любознательной рыбы, к металлическому сварному коробу, поставленному около загрузочной шахты.

Осторожно высыпали — а вернее сказать, выливали — черную густую массу в ящик, отчего вода вокруг на несколько секунд становилась непроглядно-черной, дергали сигнальный фал…

А на поверхности ошвартовались буксир и баржа.

К стреле грузового крана подтянулся, вынырнув из воды, короб с углем. Кран повернулся, навесил короб над баржей, дежурный такелажник опрокинул его над трюмом…

Сыплется уголь, льется черная вода…

Работает лебедка на водолазном боте, наматывает на вал бесконечный трос, и вот из воды

показались один за другим матросы в легких водолазных костюмах — с фантастическими шлемами и толстенными свинцовыми подошвами.

На ботах, не дожидаясь, пока освободятся от шлемов поднятые водолазы, готовились к спуску следующие. А водолазы, отработавшие вахту, сняв с помощью товарищей шлемы и тяжелые ботинки, без сил валились на матрасы.

Иван Зирковенко, непривычный к тяжкой водолазной жизни, потерял сознание, и Федор Гарковец принялся изо всех сил растирать товарища шерстяной варежкой, чтобы восстановить кровообращение.

Да и другие водолазы почти без памяти. У них посиневшие, изнуренные лица…

А кран на буксире поднимал очередной короб с углем…

Новоиспеченный капитан белогвардейской армии Миллера, бывший прапорщик Севрюков, с трудом разыскав в деловой части Лондона контору «Закупсбыта», вошел в приемную.

Вошел скромно; увидев у стола Кушакова посетителей, тихо стал в сторонке.

Кушаков, заканчивая разговор, сказал двум пожилым коммерсантам:

— Мы благодарим вас за сотрудничество и

просим незамедлительно сообщать нам о ходе переговоров по поводу сделок на контрактации, о фрахте… ну и обо всем остальном, что имеет для нас существенное значение…

Посетители поднялись, раскланялись с Кушаковым, направились к выходу.

Севрюков с предупредительным поклоном распахнул перед ними дверь, выпустил из конторы.

А потом вывесил на стеклянной двери табличку с лаконичной надписью «ЗАКРЫТО».

Кушаков посмотрел на него с огромным удивлением:

— В чем дело, милостивый государь?

Севрюков деловито задвинул щеколдочку замка и повернулся к Кушакову:

— Ну-с, кто здесь будет за старшего?

Четыре клерка и две машинистки с недоумением и тревогой смотрели на незваного гостя.

Кушаков сказал весьма сухо:

— Я уполномоченный распорядитель фирмы «Закупсбыт Лимитед», милостивый государь. С кем, простите, имею честь разговаривать?

У дверей стоял стул. Закинув ногу на ногу, Севрюков уселся на него.

В галошах, тесной пиджачной паре, в мятом черном котелке, со своим черно-красным шелу-

шащимся обмороженным лицом, он имел вид одновременно нелепый и зловещий.

Полузакрыв глаза, бывший прапорщик сказал медленно:

— Ты имеешь честь разговаривать, свинская морда, с офицером и патриотом Родины, которую ты, сукин сын, продал…

У Кушакова на мгновение отнялась речь.

— Да… да… вы… пьяны! Вы… хулиган!.. Я сейчас… полицию!.. — наконец прорвало его. — Я немедленно… вызываю полицию… Да как вы посмели!..

Вскочили с мест, взволнованно загудели служащие. Послышались возмущенные возгласы.

Севрюков встал, неторопливо подошел к Кушакову, поставил ногу на стул, снял галошу и неуловимо-резким движением хрястнул по лицу коммерсанта своим мокрым, измызганным рубчатым резиновым ступарем.

И на красивом седоусом лице Кушакова сразу же присохла громадная кроваво-грязная печать боли и унижения.

А Севрюков бросил галошу на пол, аккуратно, помогая себе пальцем, обул ее.

Плюнул и сказал спокойно:

— Вот как я смею…

И контору залила тишина ужаса насилия, ощущение нежданно пришедшей беды.

Севрюков скомандовал:

— Всем стать к стенке!..

И как только один из пожилых клерков замешкался, сильно пихнул его в спину стволом маузера, который мгновенно появился у него в руках.

Когда служащие выстроились в ряд вдоль стены, Севрюков сказал:

— Теперь слушайте и повторяйте за мной хором… И не приведи вас Господь ослушаться меня… — Он прицелился в грудь Кушакова, по лицу которого все еще текла медленная густая кровь. — Повторяйте: «Мы, продажные твари, служим большевикам и изменникам…»

Вразброд, еле слышно, служащие начали повторять за Севрюковым:

— «…Мы думали, что спрячемся здесь от возмездия…»

Машинистка, тоненькая кудрявая брюнетка, поджав губы, молчала.

Севрюков подошел к ней, стволом маузера приподнял ей подбородок:

— А вы, мисс задрипанная, почему не каетесь? А-а?

Большие глаза девушки наполнились слезами, задрожали губы.

— Мы свободные люди… — сказала она срывающимся голосом. — Вы не заставите меня… Здесь — Англия…

Севрюков засмеялся:

— А вы, англичаночка, не из Бердичева, часом? У-ух, сколько я там вашего брата…

Слезы бежали двумя прозрачными дорожками по ее щекам, но она нашла в себе силы крикнуть:

— Вы бандит!.. И погромщик!..

Севрюков с искренним интересом посмотрел на нее, нехорошо ухмыльнулся и сказал остальным:

— Слушайте, вонючки! Если вам шкура дорога, забудьте дорогу к красным. Иначе всем вам — шандец!

Он прошелся вдоль ряда перепуганных служащих, выразительно покачивая маузером. Сказал издевательски:

— Вот девчушечка — она у вас принципиальная… А я принцип уважаю…

Севрюков резко повернулся к девушке-машинистке и выстрелил ей в живот. В упор.

Не вскрикнув, девушка сползла на пол. Холодная волна ужаса поглотила всех. А Севрюков

хрипло крикнул:

— Все поняли?! До новых встреч!..

И вышел.

Кушаков бросился к девушке:

— Врача!.. Полицию!..

Чаплицкий с одним из новоявленных своих помощников, поручиком Всеволодом Литовцевым, шел по Солодовнической улице в сторону порта.

Литовцев, незаметно и ловко осматриваясь, рассказывал:

— Броненосец этот, «Чесму», решили разоружить. Ну и заодно, конечно, снять с него мазут…

— Еще бы! — кивнул Чаплицкий. — Миноносцы в Мурманске без топлива стоят.

Литовцев продолжал:

— За мазутом прислали наливной лихтер… Тьфу, черт, забыл, как называется…

Чаплицкий подсказал:

— «Енисей», что ли? Или, может быть, «Труд»?

— О, точно: «Труд»! Мазут, значит, перекачали к нему в баки. Завтра он должен отправиться в Мурманск, снабжать топливом миноносцы.

— А сколько мазута?

— Четыре, не то пять тысяч пудов.

Чаплицкий спросил весело:

— И что, хорошо горит?

— Еще как!

— А не взорвется, в случае чего?..

— Не-ет… Наш друг сказал: сунуть факел с керосином, и все в порядке. Ну а если, говорит, кто-нибудь из водолазов останется на дне, в суматохе-то… Что ж, другим туда лазить неповадно будет!

Разговор продолжали в трактире.

Прихлебывая жидкое пиво, Литовцев объяснял:

— В два часа ночи начнется подъем воды… От речного бара. И сильный ветер к морю. Если все это хозяйство пустить по ветру — моментально придет к ботам. Дальше все ясно, как по чертежу.

Чаплицкий недоверчиво наморщил лоб:

— А если ветра не будет?

Литовцев засмеялся:

— Он предупредил: ветер здесь не менялся с начала мироздания. Так, мол, и в лоции сказано…

— Ну, разве что с начала мироздания, — согласился Чаплицкий. — А карта?

Литовцев похлопал себя по нагрудному карману:

— У меня. Он там все разметил.

Чаплицкий аппетитно уписывал вареную кар-

тошку с конопляным маслом. Закончив есть, коротко сказал:

— Ясно. Возьмешь с собой «деда».

— Есть, Петр Сигизмундович.

— Установлено, что в городе безнаказанно действует исключительно хитрый и опасный белогвардейский волк — Петр Сигизмундович Чаплицкий, — докладывал на узком совещании Чека Болдырев. — Чаплицкий — бывший капитан первого ранга, контрразведчик, негодяй большого масштаба. Руки его обагрены кровью революционного народа. Достаточно привести некоторые факты: еще в марте двадцатого года он раскрыл в Архангельске военную подпольную организацию, которая действовала среди солдат местного гарнизона. Большая группа подпольщиков была арестована, судима и расстреляна…

— И группа Теснанова… — сказал помощник Болдырева.

— Да, это тоже по его прямой вине, — подтвердил Болдырев. — Они раскрыли подпольную городскую организацию коммунистов во главе с Теснановым при помощи провокатора. Руководители организации — большевики Теснанов, Закемовский, Близнина и другие — были казнены… Так что пора активизироваться, товарищи,

кончать с ним надо.

Медленно покачивался на пологой волне лихтер «Труд». Была поздняя ночь, и вся команда спала.

Только на верхней палубе прохаживался вдоль борта молодой вахтенный. Прошел неторопливо на корму, закурил, и неяркий огонек зажигалки выхватил из непроглядной тьмы юное, безусое еще лицо…

Облокотившись о поручень около ящика с песком, вахтенный всматривался в море: водолазы неподалеку работали круглосуточно.

А со стороны судоремонтного завода быстро шла к лихтеру небольшая лодка. В ней сидели двое — Всеволод Литовцев и пожилой широкоплечий мужчина в зюйдвестке.

Шли они на веслах, лопасти которых были обмотаны мешковиной — чтобы не слышался плеск воды. Уключины были густо смазаны тавотом — чтобы не скрипели.

Лодка постепенно приближалась к лихтеру. Пожилой внимательно следил за растущим силуэтом судна.

Заметив вспышку зажигалки, прошептал:

— Закурил, служивый… Значит, на баке оста-

нется, пока не докурит…

— Это хорошо, — подмигнул Литовцев.

Они неслышно подошли вплотную к судну, и Литовцев с одного раза забросил веревочную лестницу на трубопровод, идущий вдоль борта.

Еще раз вслушавшись, он поднялся к несложному сливному устройству, врезанному в трубопровод.

Вот и запорный вентиль, напоминающий большое рулевое колесо.

Литовцев с силой раскрутил вентиль, и из широкого жерла трубы потекла густая черная жидкость. Сначала ручейком, но вскоре мазут уже хлестал вовсю, взбивая на поверхности воды черную пенную шапку.

Пожилой мужчина скомкал газету и бросил ее в воду. Сильный порыв ветра подхватил бумажный ком, быстро понес его в сторону водолазных ботов.

Пожилой удовлетворенно ухмыльнулся.

Крепко, в последний раз затянувшись, вахтенный прислушался: кроме привычного плеска волн и свиста ветра, возник новый звук. Вахтенный еще не знал, что это шум мазутной струи, выпускаемой в море диверсантами. Загасив окурок в бачке с песком, вахтенный по-прежнему

неторопливо направился в ту сторону, где находился вентиль.

Литовцев следил за ним из-за переборки.

Вахтенный подошел к борту, снова прислушался, перегнулся через поручень, стараясь разглядеть вентиль.

И в этот миг Литовцев нанес ему сильный удар в лицо.

Успев немного отклониться, матрос схватился обеими руками за голову Литовцева, потянул поручика на себя…

После недолгой борьбы Литовцеву удалось стащить вахтенного с палубы, но, не удержавшись, он вместе с ним упал в воду.

Через секунду они оба вынырнули. Лицо парня было окровавлено, но он крепко держал Литовцева поперек корпуса. И силился крикнуть, но поручик все время зажимал ему рот ладонью.

Спустя мгновение они снова погрузились под воду, вернее, под толстый слой покрывшего ее мазута.

Снова вынырнули, сплетаясь в последней смертельной схватке.

Пожилой диверсант, которого Чаплицкий назвал в разговоре с Литовцевым «дедом», беспокойно осматривался, он явно боялся, что

кто-нибудь с судна заметит происходящее.

Наконец, махнув рукой, он взял заранее приготовленные факелы из пакли, полил из бадейки керосином и подогнал лодку к самой кромке мазутного пятна.

Последний раз осмотрелся, поджег факелы — один, другой, третий — и начал опускать их, тихо передвигаясь на лодке, в густой мазут.

От берега он был пока что скрыт бортом лихтера.

Бегучее пламя, мгновенно охватившее факелы, легко перебросилось на поверхность мазута.

Вспыхнуло море.

Огонь охватил невысокие пологие волны и вновь вынырнувших на поверхность Литовцева и молодого вахтенного матроса. Лица их были залиты кровью, испачканы мазутом, искажены страданием.

Литовцев выплюнул изо рта воду с мазутом, истошно закричал, замахал «деду» рукой, но тот, не обращая на него внимания, развернул лодку…

Ветер, ветер…

Он гнал пламенную волну, возникшую, словно по волшебству, и растущую с каждым мигом, прямо на водолазные боты.

А диверсант, отплыв на веслах несколько

саженей в противоположную сторону, снова оглянулся и увидел вахтенного; тот вынырнул, на сей раз уже один — Литовцева над водой не было.

«Дед» перекрестился, завел небольшой мотор и нырнул во тьму, которая рядом с оранжево-дымным пылающим морем стала еще чернее и гуще.

Огненную реку увидели на первом водолазном боте.

Раздался крик: «Полундра!» — люди бросились к подветренному борту.

Несколько секунд водолазы в растерянности смотрели на волну пламени, прервав работу. Только подводники, стоявшие на воздушной помпе, продолжали мерно качать воздух для своих товарищей, работавших под водой.

— Что за диво? — изумленно вопросил Иван Зирковенко, ни к кому, впрочем, прямо не обращаясь.

Усатый пожилой боцман Говорухин, прошедший на своем веку три крупных кампании, внимательно всмотревшись в пламя, сказал хмуро:

— Оно тебе сейчас покажет… «диво»!.. Это нефть горит… Либо мазут.

На палубе появился Щекутьев. В одно мгнове-

ние он оценил обстановку.

— Да-а, что-то в этом роде… — подтвердил он мнение боцмана. — Я такое уже видел однажды… в Сиднее… Страшная штука: ветер-то на нас гонит!

Боцман Говорухин предложил:

— Уходить надо, Сергей Сергеевич!

— А они? — Щекутьев выразительно кивнул на воду, в глубине которой работали водолазы. — На подъем минут пятнадцать уйдет… — И тут же скомандовал: — Пахомов, Сапегин! Срочный подъем водолазов! Сигнальте водолазам аварийный подъем!

Матросы несколько раз подергали подъемный водолазный трос, передавая тем, кто под водой, условный сигнал, затем быстро и деловито наладили лебедку для подъема. Включили мотор. Трос зазмеился из воды, начал медленно наматываться на вал лебедки…

…Медленно-медленно — а быстрее нельзя, человек не выдерживает быстрого подъема с глубины — поднимались водолазы Федор Гарковец и Василий Косов, и вот корпус затонувшего судна уже под ними…

Щекутьев командовал на палубе бота:

— Быстро, быстро, орлы! Не паниковать! Ведра

готовьте, багры, топоры… Синилов, не вижу дела! Что там с пожарной помпой?

— Не качает, Сергей Сергеевич… — растерянно отозвался молодой матрос.

— Да ты что, с ума сошел? — остервенело закричал ему Щекутьев. — Голову оторву!.:

Синилов в полном недоумении развел руками:

— Вчера проверял — работала, как из пушки… А нынче поршня клинят!

Щекутьев бросился к помпе, принялся отвинчивать крышку воздушного механизма.

Матросы выстроились тем временем на подветренном борту, готовые встретить пламя, — с баграми, топорами, ведрами на веревках и прочим нехитрым противопожарным снаряжением. Кто-то заранее наливал в бадью забортную воду.

А водолазы поднимались — уже близилась поверхность моря. Гарковец, по-прежнему не ведая о случившемся, с изумлением смотрел на багровое зарево над своей головой — такой картины ему видеть еще не приходилось!

…Пламя уже подступило плотной стеной к борту судна.

Щекутьев, чертыхаясь, все еще возился с помпой, а подводники дружно отражали натиск огня, обливая палубу и борта бота забортной водой…

Торопливо качали воздух водолазам, мерно чавкал насос, по резиновому шлангу от каждого качка, словно конвульсия, пробегала воздушная волна…

Шланг перевешивался через борт водолазного бота, уходил под воду, к водолазам. Никто в суматохе не видел, как откуда-то сверху пролетел пожарный топорик, воткнулся в палубу, одновременно перерубив шланг, почти на всю толщину его. Из шланга с шипением, со свистом рванулся воздух…

Иван Зирковенко, стоявший на помпе, первым заметил, что ход поршня стал необычайно легким. Передав рукоятку другому матросу, он побежал вдоль шланга. Вот и топорик, воткнувшийся в резиновую кишку, — Иван все понял. Истошно заорал:

— Полундра, ребята! Обрыв шланга!..

Щекутьев подбежал к месту аварии, отдал команду:

— Эй, на лебедке! Аварийный подъем!..

Лебедка начала вращаться с бешеной скоростью.

Багровое зарево над поднимавшимися водолазами приближалось — поверхность была уже рядом. И вдруг Гарковец увидел, что его товарищ

извивается в воде, судорожно размахивает руками и ногами.

Водолаз понял, что произошла какая-то катастрофа, но помочь Васе Косову он был не в силах — ведь во время подъема водолаз никакой самостоятельности не имеет… Он лишь принялся дергать сигнальный фал, чтобы дать знать товарищам наверху, что под водою неладно.

Прошло еще несколько мучительно долгих секунд, и шлем Федора Гарковца показался над пламенной волной. И хотя вытянули его очень быстро, пламя успело охватить водолаза.

Матросы и к этому подготовились: Гарковца сразу же закутали в несколько мокрых одеял и сбили пламя… Одновременно стащили с него шлем…

Вот и второй водолаз, Василий Косов, на палубе… Он был без сознания, синие губы закушены. Подводники, не теряя ни секунды, начали делать ему искусственное дыхание… Наконец, слабо затрепетали веки, вырвался первый вздох…

Можно уходить от огня!

Щекутьев коротко приказал:

— Полный вперед!

Через несколько мгновений из трубы водолазного бота рванулся густой столб дыма, мерно

зарокотал двигатель, и судно рванулось вон из огненной купели — вперед, к спасительно-чистой кромке моря, где уже маячили буксир и плавучий кран: они-то ушли на чистую воду сразу же, как возник пожар, — им ведь не надо было ждать подъема водолазов!

Развевался дым над длинными тонкими трубами и двух других водолазных ботов: вместе со своими буксирами они резво бежали по огненному морю, оставляя за собой черный дымный след.

Миллер вышел в приемную, где его ожидал посетитель. При появлении генерала посетитель — высокий сухопарый англичанин с резким энергичным лицом — поднялся, пошел ему навстречу, коротко представился:

— Господин генерал, я инспектор Скотланд-Ярда лейтенант Флойд Каммингс…

Миллер церемонно поклонился:

— Очень приятно. Чему обязан?

Инспектор сухо, будто на бухгалтерских счетах, сказал-отщелкал:

— Отправляясь к вам, господин генерал, я имел беседу с комиссаром уголовной полиции города Лондона мистером Сондерсом. Господин комиссар уполномочил меня заявить, что поведение

ваших людей в Лондоне более не терпимо!

Оцепенев от бестактной полицейской формулировки, Миллер еле выдавил из себя:

— Кого вы имеете в виду, говоря о «моих людях»?

— Сэр, я не намерен праздно препираться с вами. Под «вашими людьми» я имею в виду ваших людей, и точка, — глядя на Миллера беспощадными глазами, отчеканил Каммингс.

— Мистер Каммингс, вы забываете, что я — представитель великой державы… — начал, задыхаясь от гнева, Миллер. — Министерство иностранных дел…

— Господин генерал, — не затрудняя себя особой вежливостью, перебил полицейский, — мы, полицейские, не занимаемся политикой. Должен констатировать, что белые офицеры ведут себя здесь как дикари, хотя, может быть, в этом виноваты большевики. Должен вас огорчить, но ничего подобного я не могу сказать про русских, которые служат в советских миссиях, учреждениях и делегациях!

Миллер сказал почти жалобно:

— Но в чем ваши претензии, господин инспектор?

— Мы долго терпели всякие безобразия со сто-

роны ваших эмигрантов и старались ничего не замечать, пока они ограничивались незаконными махинациями, торговлей своими женами и дочерьми, воровством, мошенничеством, валютными спекуляциями, мелким разбоем и организованными хищениями, — невозмутимо перечислил Каммингс.

— А что же еще? — пролепетал Миллер.

Инспектор сказал насмешливо:

— Вчера они пошли гораздо дальше. Один из ваших людей совершил налет на контору «Закупсбыт Лимитед» и застрелил молодую женщину, дочь видного эмигрантского деятеля, профессора Яблочкина…

Миллер побагровел:

— Я протестую! Как вы смеете утверждать, что это был один из моих людей?!

Полицейский и бровью не повел.

— Господин генерал, я должен вас предупредить, что, согласно законам Великобритании, все, сказанное вами сейчас, на суде может быть использовано против вас! Поймите, сэр, я говорю с вами в настоящий момент неофициально… И советую вам оставить протесты при себе.

— Но что же делать?

Англичанин пожал плечами:

— Надо сказать: «Не знаю». Иначе, когда мы его найдем, ваше дело будет совсем плохо…

— Но я действительно ничего не знаю! — испуганно, растерянно пробормотал Миллер.

Инспектор Каммингс посмотрел на него оценивающим взглядом старого сыщика и усмехнулся:

— Мы не знаем пока его имени и не знаем, где он скрывается. Но приметы известны, и по этим приметам мы его найдем. Королевским судьей уже подписан указ о заключении его в тюрьму, и по английским законам каждый, кому что-то известно о скрывающемся преступнике, обязан сообщить об этом властям. Вас это тоже касается…

Миллер смущенно развел руками:

— Я ничего не знаю…

— Подумайте, подумайте, господин генерал, и позвольте откланяться…

Инспектор четко повернулся и направился к дверям. Миллер неуверенным шагом проводил его и потерянно побрел в свой кабинет. Тихо повторяя: «Боже мой, боже мой, за что все это?», он вошел в заднюю комнату за кабинетом.

Там, в обществе Марушевского, обедал Севрюков. Он жадно хватал пищу руками, чавкал, с бульканьем пил.

И Марушевский, и Севрюков одновременно повернулись к Миллеру:

— Что?!

Миллер тяжело опустился в кресло.

— Вы, Севрюков, идиот. Оказывается, вы неслыханный, бесповоротный идиот…

Марушевский мрачно усмехнулся:

— Разве вы не были знакомы раньше?

Миллер повернулся к бывшему прапорщику:

— Скажите, Севрюков, зачем вы убили эту женщину? Мы вам разве велели кого-нибудь убивать в «Закупсбыте»?

Севрюков отодвинул пустую тарелку, погладил брюхо, сыто отрыгнул:

— Вы мне велели их припугнуть как следует…

— И вы для этого застрелили девку? — устрашающе выкатил глаза Миллер.

Севрюков достал из кармана зубочистку, протер ее носовым платком, поковырялся во рту.

— А вы думаете, ее лучше было бы повесить? — невозмутимо осведомился он.

— Вы что, Севрюков, не в своем уме? — покрутил у виска пальцем Миллер. — Здесь Англия, вы понимаете — Ан-гли-я! — а не Мезень, где вы могли вешать и стрелять, сколько душе было угодно.

— Это вы не в своем уме! — вскочил со стула Севрюков. — Вы тут от сытости и спокоя последнего умишка лишились!

— Севрюков! — предостерегающе крикнул Марушевский.

— Что «Севрюков»? — окрысился каратель. — Это в Мезени я бы ее просто плетью отстегал, а здесь, чтобы напугать, надо у-бить. У-бить! Убить! Больше этих мерзавцев ничем и никогда не вразумишь!..

Миллер возразил ядовито:

— Да? Вы так думаете? Но вы, кажется, забыли, капитан, что долг платежом красен. К сожалению. Теперь вас поймает английская полиция и повесит. По-ве-сит. Как вам понравится такая перспектива?

Севрюков бросил зубочистку на ковер.

— А мне наплевать, — сказал он. — Чуть раньше, чуть позже. Подумаешь! Мы уже все давно жмурики. Поглядите на себя в зеркало: вон она, костлявая, у вас за плечом! — И, довольный собой, хрипло захохотал.

Марушевский, неслышно зайдя к нему за спину, сделал Миллеру выразительный знак, чтобы тот помолчал.

Потом крепко взял за плечи Севрюкова:

— Ну-ка, послушайте теперь меня, капитан. Вам здесь действительно при сложившихся обстоятельствах находиться очень опасно.

Севрюков по-волчьи оскалился:

— А где мне неопасно?

— В Мексике. Или в Аргентине. — Марушевский подошел к несгораемому шкафу и постучал по бронированной дверце. — Здесь для вас есть кое-что: надежный паспорт и шесть с половиной тысяч фунтов стерлингов.

— На что они мне? — буркнул Севрюков.

— Как на что? — удивился Марушевский. — Купите себе поместье, какую-нибудь там гасиенду, и можете своих индейцев миловать или казнить…

— Что надо делать? — с мрачной решимостью осведомился Севрюков.

Марушевский сморщился, как от кислого:

— Нам очень мешает делегация Красина…

…Шестаков разыскал Ивана Соколкова на баке, где тот, разинув рот, слушал бывальщины Гарковца. Поманил его пальцем:

— Ваня, надо сегодня еще перевезти с берега на судно все наши вещички.

— Есть! — вытянулся Соколков. — А вопрос спросить можно, Николай Палыч?

— Ну?

— Мы нынче приборку затеяли. Завтра вещички нельзя перевезти?

— Завтра будет не до того, — сказал Шестаков озабоченно. — Играем раннюю побудку.

— Что, неужели отправляемся?

— Так точно, дорогой мой военмор Соколков Иван Алексеевич! — весело сказал Шестаков.

Соколков радостно сказал:

— Тогда сделаем, товарищ комиссар! Есть, сегодня вещички с берега перевезти!

Шестаков похлопал его по плечу:

— А все-таки, Иван, мы неслыханные молодцы! Завтра полным ходом потопаем.

Соколков уже успел пережить новость и потому сказал вполне невозмутимо:

— Какие могли быть сомнения? Раз надо, значит потопаем каким надо ходом — хошь малым, хошь полным!

Шестаков озадаченно уставился на него:

— Чего-то я в тебе раньше такой уверенности не замечал, — и легонько подтолкнул его в спину по направлению к баку. А сам бегом спустился по трапу и, насвистывая, пошел по коридору к своей каюте.

Открыл дверь и в сумраке увидел силуэт человека, сидевшего на диване.

Включил свет. В самом углу дивана съежилась Лена Неустроева!

— Лена?! Как вы сюда попали?

Она поднялась, подошла к нему вплотную.

Мгновение стояла молча, потом уткнулась лицом ему в грудь. Шестаков замер.

— Мне надо было хотя бы еще один раз увидеть тебя… — прошептала Лена.

— Лена, как же…

— Я хотела, чтобы ты знал… чтобы ты поверил… я никогда… никогда не обманывала тебя… Я вообще не могу обманывать! Просто… когда еще пять лет назад я была невестой капитана второго ранга Петра Чаплицкого… все ведь было по-другому… и я еще не знала тебя… Ты понимаешь?..

Шестаков молча кивнул. Лена продолжала порывисто:

— С тех пор промчалась вечность. Никого не существует давным-давно… Я ведь не виновата, что Петр прибежал от погони ко мне!.. Он называл тебя Тибальдом из Чека…

Шестаков обнял Лену за плечи, чувствуя, как ее тело содрогается от сдерживаемых рыданий. По-детски всхлипывая, Лена сказала:

— Я не хочу жить без тебя, Коленька… Все неинтересно, везде пусто… Коленька, возьми меня в

жены!.. Никто не будет любить тебя так, как я…

Шестаков гладил ее по волосам, тихо улыбался:

— Ишь, выискалась невеста-самосваха!

Лена сквозь слезы засмеялась, закивала головой.

А Шестаков сказал с деланым огорчением:

— За меня нельзя замуж — у меня две макушки.

— Ну и что?

— Примета: две жены будет!

Лена посмотрела ему в лицо, сказала по-детски:

— Не-а… Только одна.

— Почему? — удивился Шестаков.

— Мне нянька нагадала, что суженого найду я поздно, полюблю на всю жизнь, проживем вместе век и он мне закроет глаза…

Шестаков, военмор, краснознаменец, начальник Сибирской хлебной экспедиции, счастливо, блаженно улыбался, слушая шепот Лены, целовал ее в лоб, в глаза, в губы и ни о чем, ну совершенно ни о чем другом не думал в этот прекраснейший миг своей жизни.

…Суда экспедиционного отряда вытянулись в линию на Архангельском рейде.

Были они ярко расцвечены флагами, сигнальщики отмахивали с корабля на корабль последние команды.

Шестаков поднялся на мостик флагманского ледокола «Седов». Неустроев, оторвавшись от штурманского стола, встретил его по всей форме, отрапортовал:

— Товарищ особоуполномоченный ВЦИК по проведению Сибирской хлебной экспедиции, особый морской отряд к ледовому переходу готов!

Шестаков отдал команду:

— Отряд! К съемке якорей — готовьсь!

— Есть к съемке якоря готовиться! — отозвался капитан «Седова», и сигнальщики просемафорили приказ на караван.

Шестаков вышел на крыло мостика, крепко уперся в обвес, осмотрел собравшийся на палубе экипаж — здесь же, внизу, находились Лена, Болдырев, Соколков.

Шестаков сказал команде короткую речь:

— Товарищи моряки! По воле правительства РСФСР, по указанию Российской Коммунистической партии большевиков сегодня мы отправляемся в трудный, опасный поход. Вопрос доставки хлеба — это вопрос жизни и смерти для всего Северного края Республики.

Рабоче-крестьянское правительство, зная те огромные тяготы и трудности, что ждут экспедицию, сделало все, чтобы снабдить нас всем необходимым. Щедрой рукой отпустило все нужное, хотя каждый выданный нам фунт хлеба, угля, керосина обездоливает в такой же мере трудящееся население!

Шестаков прошелся по мостику, зорко разглядывая каждого, стоящего на палубе. Выбросил вперед руку:

— Товарищи! Я знаю, что только благодаря вашей сознательности и энергии мы смогли выполнить первую часть порученного нам дела — сегодня вверенная мне экспедиция выходит в море… Спасибо вам за ваш громадный беззаветный труд, за ваше мужество! И я верю, что в предстоящем рейде каждый человек отдаст все свои силы, а если понадобится — то и жизнь, чтобы выполнить свой долг и привезти хлеб нашему народу! Ура-а!

Дружное морское «ура-а-а!!» было ему ответом, взлетели в воздух бескозырки, треухи, фуражки. Кто-то даже открыл стрельбу вверх из винтовок, оглушительно загремел самодеятельный духовой оркестр.

Шестаков повернулся к Неустроеву:

— Ну, Константин Петрович, в добрый путь? Принимайте командование и — «Всем с якоря сниматься!».

Старый моряк в последний раз перед отплытием окинул взглядом суда каравана.

Грустное, конечно, зрелище: в основном отряд состоит из буксиров — паршивеньких старых пароходишек. На военном флоте такие небось в порту работать не взяли бы. А здесь они точно линкоры. Тем более, заново шаровой краской покрашены…

Константин Петрович глубоко вздохнул: что же делать, чем богаты, тем и рады, других судов нет и не было… Спасибо, хоть ледоколы имеются…

Перекрывая его размышления, густо заревел гудок ледокола, на мачту взлетел флажный сигнал, заверещали боцманские дудки.

Неустроев снял фуражку и широко перекрестился.

Раздались привычные команды съемки с якоря.

— На шпиле! Восемнадцать под форштевнем! Пошла по малому! Вира!

— Провернуть машину! Левую — малый вперед! Правую — малый назад! Руль — прямо! Якорь на клюзе!.. Пошла!.. Пошла!.. Пошла-а!!

Неустроев скомандовал:

— Движение — двумя кильватерными колоннами! Правый мателот — ледокол «Русанов». — Потом обернулся к Щекутьеву: — Начальнику связи — доложить готовность!

— Товарищ начальник экспедиции! — отрапортовал Щекутьев. — В походный ордер включены пятнадцать вымпелов. Из-за отсутствия навыков совместного плавания у капитанов руководством экспедиции приказано идти на свободной воде до встречи со льдами плотной группой в четыре колонны. Капитанам розданы штатные инструкции, предусматривающие все случаи взаимодействия — в тумане, во льдах, при ночной буксировке…

— Порядок пользования связью? — спросил Неустроев.

— О порядке пользования связью капитаны и штурмана подробно информированы: сеансы для радио, морзе, своды флагов своевременно вручены.

— Благодарю за службу! — сказал Неустроев. — Флагманский штурман, доложите.

На мостик поднялся Болдырев:

— Ну, друзья, вот и свершилось.

Неустроев спросил в шутку:

— Андрей Васильевич, может быть, с нами останетесь?

Болдырев энергично помотал головой:

— Ну не-ет, я уж вас здесь буду дожидаться! До выходного створа с вами доплыву, а там сойду на катер.

Шестаков засмеялся:

— Андрей, моряки не плывут, а идут. Понял?

Болдырев не обиделся. Сказал твердо:

— Понял. По мне, идите, плывите, бегите — как угодно, только возвращайтесь скорее с хлебушком.

И обнял Неустроева.

Потом распрощался с Олениным, Захарченко, Щекутьевым, остальными командирами в ходовой рубке и вышел вместе с Шестаковым на мостик.

Оттуда они спустились на палубу, где хорошо был виден вытягивающийся с рейда отряд, ледоколы «Русанов», «Малыгин», «Сибиряков», пароходы «Николай», «Колгуев», «Кереть», «Севре», «Маймакс», «Рево», «Трувор».

А концевых еще и не видать было из-за брандвахты.

Болдырев сказал, чуть шепелявя от волнения:

— Ах, Николай, дорогой ты мой человек, сердце

от счастья лопается! Посмотри, что сотворили, — ну прямо глаза не верят! Это же целая эскадра!

— Скажи — флот! — смущенно усмехнулся Шестаков.

Болдырев упрямо повторил:

— А что?! Флот! И моряки его подвиг совершат, достойный флотов Ушакова и Нахимова!

— Постараемся, Андрей, — тихо сказал Шестаков.

Они подошли к трапу, под которым завешен был на талях небольшой катерок.

— Прощаться будем? — спросил со вздохом Шестаков.

— Видно, пора… — Болдырев помолчал, потом, вроде бы равнодушно, спросил: — А что это Константин Петрович решил взять дочку на поход?

Шестаков посмотрел ему прямо в глаза, ответил хмуро и твердо:

— Это я решил… взять с собой жену.

Болдырев широко улыбнулся:

— Ну, дай вам Бог счастья, как говорится.

Он обнял Шестакова и спрыгнул в катер.

Часть III. Бой

В конференц-зале английского пресс-клуба нынче людно и шумно: журналисты собрались на встречу с советской торговой делегацией.

По широкому проходу быстро, деловито прошли на возвышение-сцену представители Советской Республики.

Виктор Павлович Ногин занял председательское место, рядом сели Красин, Литвинов, Клышко.

Ногин поднял руку — корреспонденты английских и иностранных газет, заполнившие зал, притихли.

Виктор Павлович начал конференцию.

— Господа, мы пригласили вас, чтобы сделать для мировой печати ряд важных сообщений, — сказал он. — Газеты уже извещали о том, что советская торговая делегация заключила соглашение с кооперативным обществом «Закупсбыт Лимитед» о торгово-коммерческом сотрудничестве…

Журналисты шумно подтвердили свою осведомленность.

Ногин продолжал:

— Вчера, однако, правление «Закупсбыта» уведомило нас о расторжении договоренности…

В зале гомон. Лучится угрюмыми морщинами облупленное лицо Севрюкова, примостившегося с блокнотом в руках в заднем ряду, поближе к двери.

Ногин дождался терпеливо полной тишины.

— Руководители «Закупсбыта» мотивировали свой отказ от обязательств развернутым против этого общества физическим, политическим и финансовым террором. Лондонская биржа лишила «Закупсбыт» кредитов, вручив фирме ультиматум. Фирма передала его текст нам… — Он показал собравшимся письмо. — Здесь сказано, помимо прочего, следующее: «Мы решили, что для нас сейчас невозможно будет принять участие в каком-либо деле, способствующем Советскому правительству…»

Раздались в разных углах зала одобрительные возгласы.

Не обращая на них внимания, Ногин продолжал:

— Кроме того, вы знаете, вероятно, что несколько дней назад фанатиком-белогвардейцем была убита двадцатилетняя девушка, английская подданная, сотрудница фирмы «Закупсбыт Ли-

митед»…

Встал со своего места корреспондент.

— Газета «Таймс», — представился он. — Какие теперь планы у советской делегации?

На вопрос ответил Красин.

— Господа журналисты, можете сообщить в свои газеты следующее… — очень серьезно сказал он. — У нас такое трудное положение, что, кроме бесповоротной победы, большевиков не устроит никакой другой вариант!

В зале доброжелательно засмеялись.

— А если говорить серьезно, — сказал Ногин, — то мы решили отказаться от услуг посредников. Советские кооператоры уполномочили меня сообщить: со вчерашнего дня учреждено первое советское международное кооперативное акционерное общество «АРКОС» — Олл Рашен Кооператив Сосайити. И штаб-квартира его будет находиться здесь, в Лондоне!

— Газета «Нью-Йорк геральд трибюн»! — выкрикнула с места долговязая рыжая журналистка в немыслимо яркой шляпе. — Не помешают ли деятельности «АРКОС» разногласия и споры о долгах русского царя?

Ногин твердо ответил:

— Это исключено. «АРКОС» не государствен-

ное, а общественное предприятие… — И после короткой паузы добавил: — Предъявлять к нему претензии за долги русской короны так же нелепо, как если бы я попросил вашу редакцию оплатить нам проценты за покупку американским правительством у русского царя Аляски.

В зале снова зашумели, но пронзительный тенорок толстяка в полосатой тройке перекрыл общий гомон:

— Газета «Сан». Шутки шутками, но политические переговоры вновь затормозились. И именно из-за долгов России странам Антанты!

Ногин развел руками:

— Ну, если говорить честно, то английская сторона затормозила переговоры из-за того, что Врангель вырвался из Крыма и захватил Северную Таврию. Кое у кого появилась надежда на реставрацию. Поэтому и всплыл заново вопрос о пресловутых царских долгах.

Вмешался Красин:

— Господа, ведь мы и не возражаем оплатить эти долги. Разумеется, если нам будет возмещен ущерб от интервенции в сумме тридцати миллионов золотых рублей…

Кто-то презрительно засмеялся.

Красин крикнул:

— Вдумайтесь, господа! Переговоры переговорами, войны войнами, это дело другое… А есть людям надо каждый день! И для этого надо торговать каждый день! Не так ли, господа журналисты?

По залу прокатился одобрительный шум.

Встал представительный мужчина с кайзеровскими усами:

— Газета «Гамбургер цайтунг». Русский коммерсант и полярный исследователь доктор Павел Кушаков распространил в Лондоне меморандум. Знакомы ли вы с этим документом и что вы о нем думаете?

Ногин кивнул:

— Да, мы читали меморандум Павла Кушакова. Он ратует за широкое привлечение иностранного капитала к освоению Северного морского пути и разработке природных богатств Русского Севера. Он требует объявления порто-франко[1] в Дудинке, Усть-Порте, Обдорске, Усть-Цильме… — Ногин приподнялся со своего места. — Господа, на этот счет я могу сообщить вам слова Владимира Ильича Ленина о тактике современной буржуазии: «Они хотят сделать мешочничество

---

[1] Примечания: 1

Порто-франко — «свободный порт», пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

интернациональным. Хотят мирное хозяйственное строительство превратить в мирное разложение Советской власти. Извините, господа империалисты, мы начеку!» Вот что сказал вождь российской революции, и я думаю, что комментарии тут излишни.

— Но специалисты утверждают, что русские своими силами смогут приступить к освоению ресурсов на Севере не ранее чем через пятьдесят лет! — выкрикнул из зала один из корреспондентов.

Красин ответил мгновенно:

— Господа, что касается прогнозов специалистов, то практика уже не раз демонстрировала их скоропалительность. И ошибочность. Хорошо хоть, что у вас здесь терпимо относятся к таким слабым пророкам. А то я припоминаю случай, когда со мной сидел в воронежской тюрьме один конокрад. Он зарезал гадалку за то, что она ему неправильно нагадала… у кого лошадь украсть!..

В зале хохот.

Ногин весело добавил:

— Господа, у нас действительно есть в Сибири и на Севере уголь, лес, нефть, золото, медь, асбест, железо. И многое-многое другое. Но я надеюсь, вы не осудите меня, если я вам сообщу доверительно,

хотя и конфиденциально…

Зал заинтересованно притих.

— …Все это — и золото, и нефть, и прочее, — нам все это самим надо!

Аудитория взорвалась хохотом. Красин тоже улыбнулся — еле заметно — и добавил:

— Поэтому необходимо закончить вопрос с пророчествами: не так давно все утверждали в один голос, что ни при каких условиях нам не организовать морской экспедиции для вывоза хлеба из Сибири. Так вот, с особым удовольствием могу сообщить вам, что вчера караван из пяти ледоколов и девяти грузовых судов взял курс на Обь и Енисей. Через три месяца новорожденному сегодня «АРКОСу» будет что предложить на лондонском рынке…

В зале раздались аплодисменты, и Красин почувствовал, что овладел аудиторией.

За улыбчивостью наркома, его юмором и мягкостью ощущались огромная уверенность и внутренняя сила. Севрюков смотрел на него с ненавистью. Потом, не в силах слушать его дальше, встал и вышел из зала в пустынный вестибюль.

Там он пристроился за колонной, огляделся по сторонам.

Никого не было. Севрюков переложил из заднего кармана брюк во внутренний карман пиджака длинноствольный маузер, с которым никогда не расставался.

Из зала послышался вопрос:

— Не опасается ли господин Красин повторения в «АРКОСе» столь же прискорбных случаев, как тот, что произошел с убийством служащей в «Закупсбыте»?

Красин задумчиво потеребил свою элегантную бородку, внимательно всмотрелся в зал.

— В течение долгих десятилетий лучшие люди России сознательно шли на смерть во имя справедливости и торжества дела свободы, — сказал он и с жаром закончил: — И не нам, тем более сейчас, пугаться уголовно-политического террора! Каждый из нас, каждый сотрудник «АРКОСа» отдает себе отчет в опасности, но надежда испугать нас ножами и пулями платных истязателей и наемных убийц — бессмысленна!..

В зале снова вспыхнули аплодисменты, раздались громкие одобрительные возгласы, журналисты поднялись с мест, застучали сдвигаемые стулья.

В вестибюль устремился поток спешащих к телефонам корреспондентов. Мгновенно возник-

ла толпа.

Показались советские делегаты. Красин и Ногин были окружены большой группой журналистов, продолжавших задавать вопросы.

Все они двигались к выходу, и в эту суету незаметно втерся Севрюков. Сквозь толчею он постепенно пробился поближе к Красину. Посматривая на выход, шел вплотную за советским наркомом. Положил руку в карман пиджака…

Шестаков вышел на верхнюю палубу ненадолго — оценить обстановку. Он стоял на мостике, подняв воротник шинели, нахлобучив низко на лоб фуражку — зюйдвестка осталась в каюте.

Медленно, ох как медленно движется в свинцовых волнах Ледовитого океана хлебный караван! Ведь равняться надо на самые тихоходные пароходы, а некоторые из них и вовсе приходится тащить на буксире: старые изношенные машины не выдерживают нагрузки, время от времени какая-нибудь из них останавливается, требуя ремонта в невыносимо тяжелых походных условиях.

Вокруг, сколько хватало глаз, угрожающе качались льды — летние, потрескавшиеся, но все еще опасные для утлых коробок, которые держались на честном слове да на энтузиазме «караван-

щиков».

Шестаков в мыслях грустно усмехнулся: ведь многих из них действительно иначе, чем «караванщиками», не назовешь; они и океан-то впервые увидели всего несколько месяцев назад, какие из них моряки!

Но работали яростно, будто снова и снова шли в бой с проклятой белогвардейской контрой!

Шестаков вспомнил, как несколько дней назад налетел шторм.

Плотный снежный заряд накрыл и море, и корабли белым мятым покрывалом, ослепил вахтенных на мостике.

«Видимость — ноль!»

Испуганно, жалобно заныли, загудели, заревели гудки пароходов: в любую минуту было возможно столкновение. Да и берег недалеко — с бурунами вокруг колючих острых рифов, с предательскими отмелями. Не дай бог, занесет на них в этой сумасшедшей летней метели!

Свирепо завывал порывистый ледяной ветер, вздымал короткую крутую волну. Резко ударив по борту корабля, она взлетала вверх и рассыпалась мириадами крохотных ледяных шрапнелин; влажная пыль окутывала снасти и палубу прозрачной узорчатой коркой, лед прямо на глазах

нарастал тяжелым опасным панцирем.

Моряки знают, как страшно это непрошеное украшение — под его тяжестью рушатся снасти, надстройки, а порой и все судно, потеряв остойчивость, ложится на борт, набирает воды, переворачивается…

И хотя сапоги матросов за минуту плотно примерзали к палубе, люди неистово скалывали лед чем попало, поливали его кипятком…

Вот в этот самый момент и застопорила машина «Седова», оставляя флагманский корабль на волю бушующей злобной стихии.

Шестаков кубарем скатился в машинное отделение: около двигателя уже хлопотали «духи» — так называют на судах машинную команду.

— В чем дело?! — заорал Шестаков с порога.

— Да вот, разбираемся, Николай Павлович, — виновато сказал старший механик Яков Привин. — Похоже, что подшипник преставился…

В огромных ручищах он держал стальное полукольцо, покрытое сизой окалиной, с неровными обломанными краями. Лицо механика, все в масляных пятнах, выражало недоумение.

Рядом копался в машине второй механик. Немного погодя он повернулся к Шестакову, поблескивая белками на закопченной физиономии,

доложил:

— Сгорел вкладыш левого подшипника.

— Почему?

Привин показал на кожух:

— Масла в картере нету.

Шестаков разозлился:

— Толком можете объяснить, в чем дело? Почему масла нет? Куда оно подевалось?

Привин развел руками:

— Будем смотреть, Николай Павлович… До сих пор уровень нормально держался, масло расходовалось по норме.

— Утечек, стало быть, не случалось, — пояснил второй механик.

— Так это что, диверсия? — насторожился Шестаков.

Привин сказал рассудительно:

— Ну почему же сразу — диверсия! Разберем подшипник — видно будет. Как-никак машина старинная, очень даже поношенная…

— И долго вы будете разбираться? — нетерпеливо просил Шестаков. — Пока к берегу притащит?

— Поднажмем, — хмуро ответил Привин. — Сейчас всей командой навалимся.

Шестаков хлопнул его по плечу:

— Я на мостик… Докладывать каждые полчаса!

— Есть!

Тогда все закончилось благополучно. Матросы с черными обмороженными лицами еще скалывали лед с палубы, когда снежный шквал прекратился так же внезапно, как и начался, в голубом небе засияло солнце.

Обошлось без серьезных потерь.

И на других судах каравана был порядок.

А через полчаса Привин доложил, что нашли трещину в картере подшипника — через нее и ушло масло.

Аварию удалось ликвидировать: трещину зачеканили, и вскоре машину можно было запускать на холостую обкатку. А еще через три часа заработал гребной вал — «Седов» двинулся вдогонку за караваном, благо тот находился в пределах прямой видимости.

Сколько их было, неприятностей, больших и малых, на судах каравана, и каждая отнимала драгоценное время — дни короткого полярного лета мчались вихрем!

Малейшая задержка могла обернуться катастрофой, и поэтому поход был сплошным авралом.

Люди, впрочем, были к этому готовы еще в Архангельске, никто не роптал и не жаловался…

Шестаков спустился в кают-компанию. Начинался обед, и все уже собрались за длинным столом, покрытым реденькой, но чистой льняной скатертью. В помещении было холодно, и люди сидели в шинелях, в бушлатах, закутавшись шарфами. Но — по русскому обычаю — без шапок. И не унывали, а в предвкушении обеда оживленно разговаривали, перебрасывались шутками.

Хозяйничала Лена Неустроева. Она аккуратно резала черный хлеб крохотными ломтиками и раздавала обедающим по одному кусочку, подставляя ладонь, чтобы ни одна крошка не упала.

Увидела Шестакова — серые удлиненные глаза ласково заискрились, на похудевших обветренных щеках показались милые ямочки.

— Опаздываете, Николай Павлович, — сказала она с шутливой укоризной. — Так и голодным остаться недолго.

— Голодным я все равно останусь, — засмеялся Шестаков. — Зато свежим воздухом надышался, врачи для аппетита очень рекомендуют.

— Прошу! — Лена поставила перед Шестковым тарелку с дымящимся борщом, который наливала всем по очереди из бачка. — Флотский борщ образца тысяча девятьсот двадцатого года. За вкус не ручаюсь, но сварила горячо…

За вкус ручаться и верно не приходилось, да и борщом назвать это странное варево из прошлогодней квашеной капусты и пригоршни ржаной муки можно было, только отдавая дань старинной морской традиции.

Но никто не привередничал, все охотно согласились бы на добавку — да только не было ее. А Яков Привин, старший механик, даже нахваливал «мисс кок» — так прозвали Лену в кают-компании еще в самом начале похода.

Пока народ старательно управлялся с первым, Лена растерла озябшие руки, спрятала их в меховые рукавички. Шестаков виновато поглядел на нее, тяжело вздохнул.

Ему хотелось взять эти покрасневшие потрескавшиеся руки с длинными гибкими пальцами в свои, приласкать, согреть их — сколько выпало им на долю непривычного, тяжкого и неожиданного труда!

Будто уловив эти мысли Шестакова, Лена лихо тряхнула головой, сбросила рукавички и принялась раздавать второе блюдо — жидкую пшенную кашу на сахарине.

С того конца стола, где сидел Яков Привин, раздался взрыв хохота. Старший механик, человек доброго и веселого нрава, прожил большую и

интересную жизнь и считал своим долгом, как он выражался, «передавать салагам тяжелый революционный опыт» — рассказывал окружающим смешные, иногда грустные, но всегда поучительные истории.

А рассказать ему было что: в свои сорок лет он успел побывать и в боевиках-эсерах, и в анархистах, и в политкаторжанах.

Пожизненную каторгу назначил ему царский суд за покушение на могилевского губернатора, душителя и вешателя.

А с восемнадцатого года Привин раз и навсегда пристал к большевикам. Работал в ВЧК, на фронте под Царицыном отбил у беляков батарею.

Выпятив и без того широченную, как ворота, грудь, на которой поблескивал орден Красного Знамени, механик рассказывал, как он выступал однажды на фронте с лекцией о текущем моменте:

— Разъясняю я, значит, братцам-солдатикам про поход проклятой империалистической Антанты, в бумажку гляжу, чтоб не сбиться. И каждый раз, как останавливаюсь дух перевести, командир полка в ладоши бьет. Конечно, вместе с ним и ротные хлопают, и взводные, и весь рядовой состав. Понравилась мне такая

сознательность, говорю потом командиру: «Ну, дорогой товарищ, дошли, видно, мои слова до сердца каждого солдата!» — «Та ни… — отвечает, сам он из-под Чернигова, — стоя сплять, гады!..»

Даже Неустроев расхохотался:

— Это он их, выходит, аплодисментами пробуждал!

— Ну да, — серьезно подтвердил Привин.

Шестаков взглянул на Лену, оба они — на Неустроева, все вместе — на Привина. И безудержный смех охватил их. Глядя на них, хохотала вся кают-компания, но только они знали истинную — тайную — причину этого веселья.

Дело было в том, что еще в самом начале похода Привин зашел в каюту Неустроева доложить о работе машины. После делового разговора Лена предложила старшему механику чаю, он охотно согласился и, по обыкновению, начал рассказывать о своих фронтовых приключениях.

На сей раз речь шла о том, как он после разрыва германского снаряда, разметавшего в клочья всю орудийную прислугу и конную упряжку, выволок с позиции из-под носа наступавших врагов полевое орудие.

Глядя на его мощную, как у Поддубного, шею, на пудовые кулачищи, толстые огромные ноги,

Шестаков реально представлял себе эту картинку: Привин, намотав на плечи упряжь, прет на себе пушку вместо трех першеронов…

И в этот самый момент на середину каюты нерешительно вышел невесть откуда взявшийся мышонок.

Маленький розовый мышонок.

Привин поперхнулся на полуслове, остекленевшими глазами уставился на него… а дальше произошло нечто невероятное: гигант с воплем, одним прыжком очутился на столе и оттуда с ужасом завопил: «У-уберите… убери-ите… это!..»

И сколько Шестаков ни урезонивал его — как не стыдно, а еще боевик, политкаторжанин, — Привин со стола не слез, пока Николай не сгреб мышонка в бумажный кулек и не вынес его из каюты.

Потом, буквально со слезами на глазах, заикаясь от смущения, старший механик умолял никому не рассказывать об этом случае: «Я в-ведь н-не от т-трусости… это у м-меня п-после к-контузии… ч-чисто нервное…»

Севрюков шел вплотную за советским наркомом. А Красин и не замечал его, увлеченный разговором с представителями прессы…

В дверях произошла заминка. Севрюков нащу-

пал во внутреннем кармане пиджака свой маузер и прижался к Красину.

И в этот момент кто-то, хлопнув его по плечу, дружелюбно воскликнул:

— Хэлло-о!

Севрюков обернулся и увидел незнакомого англичанина — высокого, сухопарого, с резким энергичным лицом. Он и представить себе не мог, что перед ним инспектор Скотланд-Ярда Флойд Каммингс.

— Что такое?! — недовольно спросил Севрюков и сделал движение вдогонку Красину — он боялся потерять его около автомобиля.

Но инспектор Каммингс профессионально точным движением запустил руку Севрюкову за пазуху и прижал пистолет.

Севрюков дернулся, и в тот же миг двое дюжих парней схватили карателя за руки. Спустя мгновение Каммингс, воспользовавшись тем, что один из сыщиков завернул Севрюкову за спину правую руку, вытащил у него из кармана маузер.

Так они и выволокли его на улицу.

В суетливой толпе на них почти никто не обратил внимания.

Севрюков с тоской смотрел, как захлопнулись лакированные дверцы длинного черного

«даймлера» и советская делегация отъехала от подъезда пресс-клуба…

Переодетые полицейские втолкнули бывшего прапорщика на заднее сиденье большого открытого «остина», деловито нацепили ему наручники.

Каммингс прыгнул на переднее сиденье, автомобиль плавно тронулся с места и неторопливо влился в непрерывный уличный поток.

«Остин» катил по лондонским улицам очень медленно, как бы давая Севрюкову последний раз посмотреть на огромный город. Он и смотрел по сторонам — с отвращением и отчаянием, в бессильной ярости кусая до крови губы. И бормотал себе под нос:

— Надо же, поймали все-таки, суки!.. Довольны?.. Погодите, гады, вас еще большевички повозят в кандалах, как вы меня… подлюги…

Мелькали по сторонам дома, ярко изукрашенные витрины магазинов, а Севрюков все бубнил:

— Разожрали себе хари, полирована вошь!.. Погодите своего часу, умоетесь еще нашими слезьми да кровушкой… Эхма, не думал мой батянька Игнат Севрюков, что английские фараоны будут меня на лимузинах по Лондонам катать… — Он повернулся к одному из сыщиков: — Слышь, ты,

толстая рожа! Дай закурить…

Полицейский внимательно посмотрел на него, но, естественно, ничего не ответил — русского он не знал.

Севрюков разочарованно сказал:

— Не понимаешь, гад?.. Слышь, дай потянуть, душу щемит!..

Полицейский по-прежнему не догадывался, чего хочет от него арестант.

Севрюков заорал:

— Не понимаешь?! Да чего непонятного-то?.. Смок! Понимаешь? Смо-ок! Смокать хочу!

Вот теперь полицейский сообразил наконец, чего нужно этому русскому. Он достал солидный кожаный портсигар, вытряхнул из него сигарету.

Севрюков досадливо поморщился:

— Да не порть сигарку-то… Я твою докурю… Мне только потянуть малость… Докурю, андерстенд?.. Не понимает, оглоед! Да хрен с тобой, давай целую!..

Севрюков раскрыл губы, и сыщик вставил ему в рот сигарету. Чиркнул зажигалкой, и Севрюков с огромным удовольствием затянулся.

Он уже успокоился и весь сжался, как пушечная пружина.

Медленно поднял ко рту скованные наручниками кисти, неловко переложил в губах сигарету, затянулся и нагло выпустил дым полицейскому в лицо.

Тот поморщился, но ничего не сказал, только отодвинулся. Каммингс с переднего сиденья сказал сыщикам что-то смешное, они оба захохотали.

Севрюков еще раз глубоко втянул в себя дым сигареты, проговорил вслух:

— Еще посмотрим: совсем споймали вы прапорщика Севрюкова или только так, потрогать…

План у него уже созрел.

Не глядя больше по сторонам, он выплюнул сигарету и совершенно неожиданно, без малейшего видимого усилия перебросил через опешившего сыщика, через правый борт автомобиля свое костлявое жилистое тело.

Упал, как кошка, на четыре точки, на мостовую.

Скорость была невелика, поэтому он сразу же, несмотря на скованные руки, поднялся…

Но тут случилось непредвиденное.

Не привыкший к английскому левостороннему уличному движению, Севрюков выпрыгнул на правую сторону дороги. И громадный двухэтаж-

ный автобус, мчавшийся навстречу, сразу же поднял его на капот.

Шофер автобуса еще попытался отвернуть, резко дернул руль в сторону, и урчащая, грохочущая, гудящая, горячая машина с оглушительным звоном и треском вмолотила разможженное тело Севрюкова в стеклянную витрину овощного магазина.

Наступила тишина, разбиваемая только треньканьем лопнувшего стекла и журчанием текущих по тротуару ручейков томатного сока из разрушенной дотла витрины.

Бурлила, шумела, полна была людского ликования маленькая пристань Усть-Порта.

С громкими торжествующими гудками бросали вдоль стоянки якоря суда хлебного каравана.

На пристани собралось, кажется, все население Усть-Порта: люди размахивали красными флагами, стреляли в небо из ружей.

Пришло много ненцев в красочных, сшитых из шкур одеяниях. Кто-то успел развести костры, на некоторых уже булькало в котелках варево…

Местные даже грудных ребят принесли — те лежали в легких люльках, на ряднышках, с интересом глядели на белые высокие облачка в голубом небе и вкусно чмокали «мóнями» — де-

ревенскими сосками с хлебным мякишем.

На все, происходящее окрест, взирали с невозмутимым спокойствием домашние олени. Бегали по дощатому настилу ошалевшие от необычного шума собаки…

По пристани расхаживали возбужденные матросы и красноармейцы с обветренными, обмороженными, бородатыми лицами.

Чуть в сторонке изо всех сил старался необыкновенный импровизированный оркестр: маленький носатый человечек в черном длиннополом пальто терзал обшарпанную скрипку; толстый солдат в шинели и волчьем малахае, раздувая щеки, трубил на бас-геликоне; им вторил на гармошке, невероятно фальшивя, но ничуть этим не смущаясь, маленький морячок в чудовищно широких клешах, в бескозырке с длинными полосатыми лентами и… в расшитой оленьей малице.

Оркестр играл революционные песни, а вперемежку с ними наяривал краковяк и «Дунайские волны»…

К судам каравана, не теряя времени, с левых бортов швартовались речные баржи.

Матросы перебросили сходни, принялись налаживать ручные транспортеры…

С ледокола «Седов» на пристань торжественно спустились Шестаков, Неустроев, Щекутьев, Лена. С других судов сошли на берег почти все участники рейда.

Им навстречу с хлебом-солью в руках направилось местное начальство во главе с комиссаром, опоясанным вперекрест пулеметными лентами, с маузером в деревянной кобуре и в мохнатой ушанке с красной полосой поверх козырька.

Встретились, обнялись, троекратно расцеловались, передали хлеб-соль, разговорились…

Матросы из команд каравана бродили среди местного народа, знакомились, угощали друг друга махоркой. Встречались и старые знакомые…

Комиссар в партизанской ушанке коротко доложил Шестакову:

— Мильен триста тыщ пудов хлебушка мы вам приготовили, однако…

Шестаков радостно улыбался:

— Ох и ждут его!.. Довезти бы поскорее да повернее!

— У нас вить еще кой-чего имеется… — хитро щурился комиссар.

Шестаков подмигнул:

— Хвались, хвались, комиссар!

— И похвалюсь! — Комиссар стащил меховую

варежку и начал загибать пальцы по очереди в огромный кулак: — Лёну имеем тыщу двести пудов, кожи сырой — тыщу пудов, шерсти — две с гаком тыщи!

— Вот молодцы! — с восторгом закричал Шестаков.

— Да не все еще! — горделиво сказал комиссар. — Волоса — полторы тыщи пудов, смолы — пудов около трех сотен, да еще поташ, да еще замша!..

— Ну и ну! — удивлялся Шестаков. — Богатство!

— Еще какое! — солидно соглашался комиссар. — Да, забыл: лакомкам, на продажу, — орешек наш сибирский, ядреный, один к одному!

— Сколько?

— Три тыщи пудов!

— Да-а, замечательно! — Шестаков был полон энтузиазма. — В Англии, на рынке, все это обернется машинами, мануфактурой, пилами, топорами…

— Чаю бы да керосину тоже неплохо, — рассудительно заметил комиссар.

— А как же! Все добудем, и часть того добра сюда же, народу, вернется…

Времени у экспедиции было совсем мало, и

погрузка шла авралом. Участвовали все трудоспособные — и команды судов, и многие из местных.

Лена, приспособившая себе в пару какого-то ненецкого мальчишку, вместе с ним носила по одному мешку — им на двоих этого было вполне достаточно.

Хлеб грузили мешками — по сходням и трапам, ящиками, которые насыпали на берегу и переносили на палубы маломощными кранами; наладили даже ручные транспортеры: несколько дюжих мужиков накручивали на ворот бесконечную брезентовую ленту, а по ней прекрасной, волновавшей сердца речкой текло крупное каленое сибирское зерно — одно зернышко к одному.

У трюмных люков часть зерна просыпалась на чисто выдраенную палубу — матросы деревянными лопатами аккуратно сгребали его к трюмам…

К полудню внизу, в трюме, уже наполовину засыпанном зерном, Шестаков, Лена, Щекутьев, даже Неустроев дали себе волю: носились по зерну, как дети.

Они загребали его руками, грызли, горстями бросали друг в друга, ликующе кричали: «Ура-а!», «Есть хлебушко-о!», «Хле-ебуше-ек, ура-а-а!!!».

На этот раз ненцу Ваське Герасимову в Ар-

хангельске повезло: за привезенные из тундры песцовые шкурки и четыре пыжика удалось ему добыть кусок ситца, большую штуку бязи, два фунта соли, маленько сахара и пятьдесят штук винтовочных патронов.

Винтовки, правда, у Васьки не было, но из боевых патронов он выковыривал пули, а порохом снаряжал свои ружейные заряды. Без пороха в тундре нельзя, пропадешь, пожалуй, совсем... А пули тоже пригодятся — их можно раскатать в дробь.

Он и занимался этим приятным для рук и сердца делом у маленького окошка заезжего двора бабки Анфимовой, у которой во время редких наездов в Архангельск всегда останавливался.

Бабка Анфимова, шустрая, хитрая, молчаливая, устраивала его немудреные коммерции, давала ночлег и пускала в большой старый сарай Васькиных собак — все за умеренную плату. Еще и подносила полбутылки огненной воды, которую сейчас нипочем не сыщешь, — всего-то за одного песца.

Васька снаряжал патроны, огненная вода тихо гудела в нем приятными голосами, и ненец напевал себе под нос песню близкого снега.

Потом поднял взгляд на окно и оцепенел: за

мутно-переливчатым стеклом стоял Большой Тойон, Начальник, и, судя по шевелящимся губам, что-то говорил человеку, невидимому Ваське из-за обреза рамы.

У Васьки разом замерло сердце и заныл зад. Потому что в сердце вместо крови втек огромный страх, старый огромный страх, а зад задергался, завизжал пронзительной болью от каждого из пятидесяти шомпольных ударов, полученных год назад.

Ах, как страшно кричал тогда у них в стойбище Начальник!

Расстрелять! Ра-асстреля-ать!

Расстрелять!!!

Солдаты убили в то утро из винтовок четырех Васькиных родичей. А всех остальных выпороли шомполами. И Ваську.

Было невыносимо больно, только один раз в жизни Ваське было так больно — это когда его рвала рысь, но рыси он все равно не боялся и убил ее. А теперь сильнее боли был ужасный страх, потому что Васька еще никогда не видел, чтобы один человек убил другого просто так, ни за что.

Васька вообще не знал такой вины, за которую можно убить человека. Но родичей убили совсем ни за что! Ведь по закону тундры голодных и за-

мерзших людей всегда сначала надо накормить и обогреть. А уж потом спрашивать, кто они и откуда. Да если б в стойбище и сначала знали, что к ним пришли партизаны, которые воюют с властью Большого Тойона, их бы все равно накормили, отогрели и дали место в чумах.

Закон тундры не Большой Начальник придумал. И не ему этот закон отменять.

Но когда кто-то рассказал в Архангельске, что стойбище подкармливает партизан, Начальник пришел с солдатами, убил четырех родичей, а всех остальных выпорол шомполами.

И Васька точно знал, что когда-нибудь Великий Дух, давший им Закон, от которого они не отступили, очень сильно покарает Начальника за то, что он их убивал и порол. Они ведь только соблюдали Закон.

Кончилась вскоре власть Большого Начальника, рассеялись белые солдаты по тундре, как волки весной, а сам Начальник — вот он, стоит за окном, как ни в чем не бывало! Правда, не в своей красивой форме, а в солдатской шинели. И не кричит, как в стойбище, а шепчет вполголоса. Но вот он, как есть, — живой, здоровый.

Может, Великий Дух недосмотрел за ним?

Сердце громко стукнуло, рванулось, вытолк-

нуло из себя вязкий страх и наполнилось снова горячей кровью, и боль перетекла в грудь. И стала ненавистью.

Васька приподнялся, прижал нос к давно не мытому стеклу: Начальник, нагнувшись, тихо объяснял что-то бабке Анфимовой.

Начальник знает бабку Анфимову?

Тогда, может быть, это она шепнула ему про партизан, на стойбище? Ненцы при ней это обсуждали…

Васька вскочил, накинул на плечи малицу, схватил меховой треух и бросился к дверям. На дворе уже никого не было, лишь в проеме ворот мелькнула тень от высокой сильной фигуры Большого Тойона.

И Васька, хоронясь вдоль стен и заборов, сторожко, неслышно пошел за ним.

Неотступно, как в лесу за зверем, след в след.

Великому Духу тоже надо помогать. Он далеко, плохих людей еще много, за всеми он уследить не может.

Надо ему помочь…

Болдырев и два его помощника неторопливо ехали верхами по улице, разговаривали.

От старого лабаза раздался возглас:

— Э-ге-гей, Андрюшка-а-а!.. — И через улицу к

Болдыреву не спеша направился ненец.

Болдырев натянул поводья, всмотрелся в молодого охотника и тоже радостно воскликнул:

— Васька! Герасимов! Откуда ты, братишка?

Остановил коня, спешился и сердечно обнял старинного приятеля, похлопывая его по плечам.

— Ты давно здесь, Василий?

Ненец широко улыбнулся:

— Пять дней, однако. Хозяйку помнишь мою?

— Ну как же!

— Вот велела ситец купить. И еще материю на одеяла, и еще, и еще… Год хороший был — охота большая. А фактория закрылась. Белый купец убежал, следа не оставил, а красный купец заболел…

Болдырев сочувственно покивал головой:

— О-о, это плохо, никуда не годится!

Василий полез за трубкой.

— Как еще плохо!.. Старый купец Солоницын обманывал шибко, но никогда не болел, однако…

— Некогда было, — согласился Болдырев.

Ненец вздохнул, сказал вроде бы равнодушно:

— Сегодня видел его.

— Да, он здесь живет, в городе.

Васька раскурил трубочку, весело заметил:

— Нынче все люди равные, однако, стали, праавда. К купцу в дом большой офицер ходит, друзья небось. Я видел. Раньше, говорят, Солоницын перед ним на пузе ползал… А теперь обнимает…

— С офицером, говоришь, друзья? — переспросил Болдырев заинтересованно. — Подожди, говори толком — с каким офицером?

— Ты его не знаешь, Андрюшка. Он уже после тебя приезжал. Ба-альшой был Тойон… Начальник… Четырех родичей моих убил.

— За что?!

— За то, что ваши жили в стойбище у нас… А теперь…

— Интересно, кто ж это такой? — вслух задумался Болдырев.

Узкие глаза Васьки полыхнули ненавистью, но ответил он спокойно:

— Фамилию забыл. Петр его зовут. Его благородия Петр… э-э… Зигимурович…

— Как ты сказал? Петр Сигизмундович, нет? Вспомни фамилию — Чаплицкий?

— Правильно, Андрюшка. Такая у него фамилия, — полузакрыв глаза, невозмутимо сказал Васька.

Хлопнув приятеля по плечу, Болдырев птицей взвился на коня и крикнул:

— Василий, ко мне обязательно зайди! Для хозяйки твоей подарок есть! — И, повернувшись к сотрудникам, скомандовал: — За мной, галопом!..

Всадники спешились перед калиткой дома Солоницына. Болдырев рывком отворил калитку, ведя коня в поводу.

Неизвестно откуда возник бородатый дворник. Болдырев отпихнул его и направился к дому, за ним — сотрудники.

Привязав коней к стойке крыльца, он легко взбежал по ступенькам. Подергал дверь — заперто. Громко, нетерпеливо постучал…

А в горнице были Солоницын и Чаплицкий.

Настороженно прислушались к стуку. Чаплицкий незаметно выглянул из-за занавески в окно. Увидел дворника, размахивавшего руками.

Контрразведчик схватил свой «лефоше», быстро поднялся по лесенке, ведущей на второй этаж, и подбежал к окошку.

Осторожно раскрыв его, увидел внизу трех лошадей…

Чекистов Чаплицкий не видел — они уже вошли в дом вместе с Болдыревым.

— Чека! — грозно сказал Болдырев. — Ну-с,

гражданин купец Солоницын…

Солоницын, отворив дверь, испуганно попятился в залу.

— Заходите, заходите, гости дорогие, — затараторил он. — Гражданин Болдырев, милости прошу…

А сам краешком глаза посматривал на лестницу.

— Кто из посторонних имеется в доме? — спросил Болдырев, держа в руках револьвер и внимательно, очень придирчиво осматривая помещение.

Солоницын испуганно перекрестился на образа, сказал нарочито громко:

— Господи помилуй, Господи помилуй! Да что вы, гражданин Болдырев, Андрей Васильевич! Никаких посторонних сроду не было и нету!..

— Сейчас дом обыщем, проверим! — предупредил Болдырев. — В случае чего — держись, купец…

— Да что вы, Андрей Васильевич! — еще громче завопил Солоницын. — Господом Богом клянусь, Пресвятой Богородицей — нету никого… и быть не может!..

Войдя в роль, он продолжал часто креститься и при этом выразительно — головою, глазами,

подбородком — указывал Болдыреву на лестницу на второй этаж. И еще подмигивал так, что глаз утопал в мясистом мешке щеки.

— Стой на месте! — скомандовал ему Болдырев. Повернулся к чекистам: — Черемных, давай во двор, под окна, возьми в наблюдение! Лесин — за мной!

И он решительно направился по лестнице на второй этаж.

Чаплицкий его дожидаться не стал. Он вылез через узкое оконце на карниз. Как раз в тот момент, когда Черемных, получив приказание Болдырева, вышел на крыльцо.

Мгновенно сориентировавшись, Чаплицкий прыгнул сверху прямо на спину одного из коней, сорвал повод с крыльца и, выстрелив через плечо в сторону двери, бросил вставшего было на дыбы коня к забору.

Черемных торопливо выхватил из кобуры наган, выстрелил, но вгорячах промахнулся.

А Чаплицкий, разогнавшись, заставил коня совершить невероятный прыжок через высокий забор.

И исчез.

Черемных добежал до калитки и выскочил в переулок — в конце его он увидел лишь столб

пыли.

Черемных помчался к коновязи, к нему присоединился Лесин. Они быстро отвязали коней и бросились в погоню…

Болдырев, пнув от злости ногой по затейливой балясине крыльца, вернулся в дом.

…С обыском Болдырев провозился часа два.

В комнате, где жил Чаплицкий, был полный разор. На столе валялись оружие, патроны, документы.

Особое внимание Болдырева привлекли две схемы, исполненные от руки, но очень профессионально.

Одна схема указывала расположение водолазных ботов и лихтера «Труд» на рейде Архангельского порта. Стрелками были нанесены морское течение и направление ветра.

На второй схеме был маршрут хлебного каравана.

Болдырев подозвал Солоницына, испуганно съежившегося в углу.

— Это что? — Он показал на схемы.

Купец воздел руки к небу:

— Истинный Христос, не знаю, Андрей Васильевич, — нешто моего ума это дело?

— А прятать у себя под крылышком контррево-

люционного гада — это твоего ума дело?

— Дак ведь знаете ж вы его, голубчик, Андрей Васильевич, гражданин Болдырев… — чуть не плакал Солоницын. — Под пистолетом меня держал… Сколько он кровушки пролил — ему меня прихлопнуть что высморкаться!

Болдырев зловеще пообещал:

— Вот теперь трибунал тебе кровушки добавит… Поставят тебя к стенке по всем правилам.

Солоницын скорее рассердился, чем испугался.

— Рассердясь на блох — да и шубу в печь! — бросил он. — Нешто по уму это? Я ведь показывал тебе, где он, супостат бесовский!

Болдырев ехидно заметил:

— У тебя другого выхода не было. Ты мне лучше скажи, откуда у него эти карты?

Солоницын изобразил полнейшее недоумение:

— Да не знаю я! Что он — мне отчитывался?

Болдырев мерно похлопывал ладонью по схемам:

— Подумай, подумай, Никодим Парменыч… Гляди, учтут в трибунале чистосердечие твое.

— Обещаешь? — с надеждой спросил Солоницын.

Болдырев хитро улыбнулся:

— Словечко могу замолвить… Если перед наро-

дом заслужишь, конечно…

— Заслужу, Богом клянусь, заслужу! — Солоницын снова перекрестился на иконы в углу залы. Помолчал, потом сокрушенно заметил: — Говорят люди, приметы не сбываются… Мне нынче приснилось, что церковь Святого Иоанна упала. Примета?.. Вот и не верь теперича…

— Ты мне приметами своими голову не морочь. Лучше расскажи, кто из наших ему эти карты приносил.

— Да я не знаю… — нерешительно начал Солоницын, — из наших, из чужих ли… Я ведь его толком и не видел.

Болдырев оживился:

— Ну-ну-ну… Это как тебя следует понимать — «толком не видел»?

Солоницын сказал искренне:

— Петр Сигизмундович отсылали меня… как *тому* прийти… Нечего, скажет, бывало, тебе тута маячить.

— Ну?..

У глазных щелочек купца залучились хитрые морщинки:

— Конечное дело, я разок-другой в щелку-то заглянул: дом, что там ни говори, все ж таки мой, нет? Должон я знать, о чем они шепчутся?

— И о чем же они шептались?

— Ну, про политику больше… Про караван ваш разговоры были… — выдавил из себя Солоницын. — Что за границей делается: «сообчают, мол, то… сообчают это…».

— А что именно сообщают из-за границы? — настойчиво переспросил Болдырев.

— Да я ж говорю — все про политику больше.

— А про нас конкретно? Про хлебную экспедицию, про караван морским путем?

Солоницын морщил лоб, как бы вспоминая, потом, махнув рукой, решился.

— Про караван сообчили, мол, что англичане пришлют крейсер какой-то… — сказал он мрачно.

— Куда? Зачем?

— Караван ваш перехватить… В море, конечно… Он им всем… — Солоницын рубанул рукой по шее, — ну, ровно кость в горле застряла!

Болдырев показал купцу маршрутную схему каравана:

— Где? В каком месте? Ну!..

Солоницын горячо прижал руки к груди:

— То я не знаю, Андрей Васильевич. Ей-богу, не знаю!.. Он толковал все — «рандеву-рандеву, кардинаты-кардинаты», а где они, кардинаты да

рандеву эти самые, — неведомо мне; я ране и не слыхивал про них…

Болдырев в задумчивости долго расхаживал по комнате, потом спросил:

— Какой он из себя?

Солоницын наморщил лоб:

— Не скажу, что разглядел его толком… Длинный, конечно, прямой, будто жердина… Сам из себя худой… Куртка на нем кожаная, вроде — черная…

— А лицо?

— Плохо видать было, Андрей Васильевич! Ей-богу — ведь все ж таки глядел-то через щелку — а свету еле-еле… Длинное тоже лицо… Белое… А так — ни усов, ни бороды.

В горницу ввалились потные, запыхавшиеся чекисты.

— Ушел, товарищ начальник, — виновато доложил Черемных. — Мы пока выскочили — его и след простыл. Он, видать, место знает — как махнул задворками…

— Эх вы-и-и… — с досадой протянул Болдырев, будто не от него самого ускользнул контрразведчик. Повернулся к Солоницыну: — Собирайся, Никодим Парменыч, разговор долгий… у нас договорим.

…Баренцево море было непривычно спокойным. Иногда длинная, очень пологая волна под косым лучом полярного солнца вдруг просвечивала голубизной, пенный барашек украшал ее своим узорным кружевом, и тогда пропадала свинцовая тяжесть Ледовитого океана, на миг можно было представить себя посреди ласкового южного моря, с надеждой поискать на горизонте белоснежные строения теплых берегов.

Но — только на миг; резкий холодный ветер заставлял плотнее запахнуть штормовку, длинная волна, разбившись о борт, обдавала ледяными брызгами. На горизонте вместо пальм виднелись угрюмые острые очертания прибрежных черных скал…

Тяжелый корабль неторопливо утюжил океан, и чайки с удивленными криками облетали это диковинно раскрашенное во все цвета радуги — кругами и длинными волнистыми полосами — плавучее сооружение, известное в морских справочниках как четырехтрубный броненосный крейсер флота его величества короля Англии «Корнуэлл».

На ходовом мостике тяжелого крейсера находились двое — капитан Смайзлс и штурман Эванс.

Штурман доложил командиру:

— По правому борту — земля. Мы на траверзе острова Колгуев, сэр.

— Координаты?

— Сорок девять градусов тринадцать минут западной долготы, шестьдесят девять градусов тридцать семь минут северной широты.

— Карту!..

Штурман протянул капитану навигационную карту, на которой был четко проложен маршрут хлебного каравана: от Обдорска до северной оконечности полуострова Ямал, в обход мелей острова Белый.

— Почему они идут вокруг Белого? — задумчиво спросил капитан Смайзлс.

— Осмелюсь высказать предположение, сэр, они не хотят рисковать. Здесь очень сложный навигационный район. Два года назад наскочил на мель и затонул у Сердца-Камня ледокол «Вайгач» под командованием капитана Бориса Вилькицкого…

— О, это замечательный полярный навигатор! — заметил капитан Смайзлс.

— Так точно, сэр!

— Но они делают большой крюк. А ведь у них мало угля… Что передает агент?

— В точке с координатами семьдесят градусов

западной долготы и семьдесят четыре градуса северной широты караван взял курс двести сорок три вест-вест-зюйд в направлении Карских Ворот, — показал штурман на карте движение каравана и место самого крейсера. — Если у них ничего не случится, то через пятьдесят пять — шестьдесят пять часов они пройдут маяк Энибой на южной оконечности Северной Земли и втянутся в горловину Карских Ворот.

Капитан еще раз провел янтарной указкой по маршруту каравана.

— Где вы предлагаете рандеву?

Штурман Эванс погладил корректные седоватые усы, сказал:

— Я думаю, сэр, надлежит занять позицию в середине пролива, в трех милях севернее берега острова Вайгач.

— Маневр?

— Широкие переменные галсы. Полагаю, в этом случае мы не сможем пропустить караван…

— Вы надеетесь на их дымы?

— Так точно, сэр, их, вероятно, можно будет наблюдать за несколько миль.

Смайзлс смерил штурмана недоверчивым взглядом:

— А если туман? Снеговой заряд? Или сильный

дождь?

Эванс улыбнулся:

— Ну что вы, сэр! Я уверен, в этом случае они сами прекратят переход, сэр. Ведь это армада разнотипных, несплаванных друг с другом старых судов. Плохие команды… Они мгновенно растеряют — при плохой видимости из-за погодных условий — ближайшие мателоты…

Капитан кивнул:

— Резонно…

Эванс продолжил:

— Кроме того, мы надежно рассчитываем на радиосвязь с нашим агентом: до сих пор он ведь исправно сообщал нам точные координаты.

— Ну что ж, посмотрим, — вздохнул капитан.

Эванс заверил его:

— Не извольте беспокоиться, сэр. Точка соприкосновения с караваном в проливе имеет еще одно преимущество.

— Какое же?

— Им некуда будет разбегаться. Как только мы откроем огонь, им останется только выброситься на скалы. Пройдя вдоль их строя, мы сможем закончить всю операцию за тридцать-сорок минут. От силы — за час!

Взяв янтарную палочку и пригласив капитана

к карте, штурман еще раз убедительно доказал капитану, что хлебный караван неотвратимо приближается к своей гибели; спасение ниоткуда прийти не может, жертва беспомощна, пружина мышеловки уже взведена.

Капитан Смайзлс довольно усмехнулся.

Под мощной антенной Центральной северной радиостанции находилось помещение аппаратной. Сюда и приехал Болдырев со своим помощником, Лесиным.

Пока радист в наушниках колдовал с рацией, вызывая «Седова», чекисты беседовали.

— Во всех случаях, когда из штаба утекали сведения, он был в курсе дела, — объяснял Болдырев помощнику.

— И с «ловушкой»? — спросил Лесин.

— Конечно! — Болдырев зло усмехнулся. — Только он не знал, что это ловушка.

Лесин вспомнил интересную деталь:

— Солоницын рассказал, что Чаплицкий предлагал гостю папиросы. А тот отказался… Значит, не курит.

— Да что тут думать, — сумрачно сказал Болдырев. — Конечно, он… Дело ясное.

Радист повернулся к нему:

— Андрей Васильевич, ледокол «Седов» вышел

на связь.

Болдырев подошел к нему, начал диктовать:

— «СРОЧНО ВЫЗЫВАЕТСЯ К АППАРАТУ НАЧАЛЬНИК СВЯЗИ КАРАВАНА».

Радист передал. Выслушав ответ, доложил:

— Он после ночной вахты отдыхает. Будить?

Болдырев довольно потер ладони, пробормотал:

— Так-так-так… Очень хорошо… Будить не надо… Запроси, кто находится у аппарата.

Радист улыбнулся:

— Да я и так знаю, Андрей Васильевич. На связи — Лешка Солдатов. Его рука…

— А что он за человек? — со значением спросил Болдырев.

— Да вы не сомневайтесь, товарищ начальник! — неожиданно горячо заявил радист. — Лешка — наш парень, надежный — дальше некуда!

— Дело очень важное, — объяснил ему Болдырев. — И совершенно секретное.

— Понял.

Болдырев хитро прищурился на радиста:

— Ты лично ручаешься за него?

Парень даже с места вскочил:

— Во́, головой! Мы с ним сто лет кореша!..

В глазах Болдырева промелькнула теплая ис-

корка.

— Ну, давай тогда…

И начал передачу:

— «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТЧК НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ КАПИТАНУ НЕУСТРОЕВУ ЗПТ ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННОМУ ВЦИК ШЕСТАКОВУ ТЧК ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГУБЧЕКА БОЛДЫРЕВА ТЧК ПЕРЕДАЧУ В РАДИОЖУРНАЛ НЕ ВНОСИТЬ ЗПТ БЛАНК РАДИОГРАММЫ ПЕРЕДАТЬ ШЕСТАКОВУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ ТЧК ТЕКСТ…»

Шестаков стоял в радиорубке.

Низко, басовито гудел умформер, перемигивались разноцветные лампочки аппаратуры.

Радист смотрел на начальника экспедиции в молчаливом ожидании. А тот держал в руках бланк радиограммы, снова и снова перечитывал текст, хмурился, пожимал плечами, словно никак не мог поверить известию.

Наконец спросил:

— Алексей, а где наш радиожурнал?

— Вот, Николай Павлович. — Радист протянул ему толстую книгу в ледериновом переплете.

Шестаков медленно, сосредоточенно перелистал ее, показал записи радисту:

— Вот эти сообщения, однотипные, — это что такое?

— Наши переменные координаты, — с готовностью ответил Алексей.

— Они все с позывными «343–342»… Это чьи?

Радист ответил не задумываясь:

— Второй гидрологический пост Архангельска.

Шестаков с удивлением посмотрел на него:

— Второй пост? Погоди-погоди… Мы же замыкаемся на Центральную северную?..

— Так точно… — Радист показал в журнале: — Вот, регулярные сеансы, позывные «225–224».

— Ну?..

Алексей сказал с недоумением:

— А Второму посту он приказал передавать наши координаты для контроля — два раза в сутки.

Шестаков задумчиво потер лоб, потом распорядился:

— Ну-ка, запроси Центральную — какие позывные у Второго поста?

Радист поколдовал с ключом, натянув наушники, довольно быстро связался с Центральной и вскоре доложил:

— Позывные Второго — «280–279».

— А не «343–342» вовсе… — Шестаков горько улыбнулся, тяжело вздохнул: — Все ясно… Не было, Алексей, связи ни с каким Вторым постом… Не существовало… А было кое-что совсем другое,

и похуже…

Радист не ответил, но лицо его было безмерно удивленным и расстроенным, когда Шестаков, взяв бланк радиограммы и вяло хлопнув его по спине, вышел из радиорубки…

В глубокой задумчивости шел по кораблю Шестаков. На баке остановился около группы отдыхавших от вахты матросов. Двое из них, старые приятели Федор Гарковец и Василий Зирковенко, разговаривали, безмятежно покуривая:

— Як то робыться, Хфедор, — дотошно допрашивал приятеля Василий. — Волов рэжуть, а все одно их дуже богато. Коней — нэ рэжуть, а их мало?..

Федор Гарковец авторитетно разъяснял:

— Коней мало, бо их крадуть!

— Так конокрады их кудай-то девают — знать, они там должны быть?

— Там их тоже крадуть, — безапелляционно отвечал Федор, и матросы дружно хохотали, тем более что Федор и Василий оставались неизменно серьезными.

Грустно улыбался и Шестаков, шел дальше, смотрел, как работает команда судна, и его не оставляла мысль, что все эти работающие, отдыхающие, озабоченные и веселые люди — все, все обречены затаившимся врагом на мучительную

смерть…

К счастью, они не знают этого.

…Каюта была заперта. Шестаков постучался — нет ответа. Громче. Наконец щелкнул замок, и дверь отворил Щекутьев.

Лицо его было измято сном, и он сильно потер его ладонями.

Шестаков прошел в каюту, присел у столика.

Щекутьев спросил тревожно:

— Случилось что?

— Да… Случилось… — медленно, тяжело ответил Шестаков и надолго умолк.

В каюте воцарилась гнетущая тишина, моряки неотрывно смотрели друг на друга.

Первым не выдержал Щекутьев:

— Почему ты молчишь, Николай? С чем пришел? Произошло что-нибудь?

— Произошло… — так же медленно, с трудом начал Шестаков. — Нас предали…

— Кто?!

— Ты.

Щекутьев оцепеневшими губами проговорил:

— Шутишь…

Шестаков смерил его глазами:

— Не надо, Сергей… — Он судорожно сглотнул ком в горле. — Что ты наделал? Как ты мог?..

— Что, что я мог? — крикнул Щекутьев.

— Как ты мог обречь тысячи людей!..

Щекутьев вскочил:

— Ты с ума сошел, Николай!

— Перестань… — с отвращением сказал Шестаков. Подошел к Щекутьеву: — Сдай оружие!

— В чем дело, наконец! Ты можешь мне объяснить? — с возмущением закричал Щекутьев.

— Сдай мне оружие, — твердо повторил Шестаков. — Я все объясню.

Щекутьев пожал плечами, с презрительной миной протянул Шестакову лежавшую на тумбочке рядом с койкой кожаную кобуру с пистолетом:

— Н-не понимаю ничего…

— Ты все прекрасно понимаешь, Сережа, — грустно сказал Шестаков. — Ты предавал нас в Архангельске банде Чаплицкого…

— Какая ерунда!

— Ты сообщал ему пароль… Ты изготовил подложные документы для диверсанта, который взорвал транспорт с углем…

Щекутьев лишь пренебрежительно скривил губы.

Шестаков продолжал:

— Ты навел их на водолазные боты, чтобы устроить пожар…

— Но я же сам предложил поднять уголь со дна…

— Военная хитрость… Мы ее разгадали. Но ты не успокоился и начал наводить на нас английский крейсер в походе… чтобы отнять у голодных ребятишек последний кусок хлеба. Хотя все мы ради него рисковали жизнью…

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? — высокомерно бросил Щекутьев.

Шестаков печально кивнул:

— Не становись в позу, Сергей… Когда-то ты сам любил, подняв бокал, провозглашать тост, китайский кажется: «Не дай нам Бог увидеть своих друзей с новыми лицами!» А сам показал нам свое новое лицо… Извини, но я человек прямой: омерзительное лицо предателя и оборотня!

— Вы обалдели все от шпиономании… Вам чудится… — начал медленно Щекутьев, видимо еще не теряя надежды оправдаться.

Шестаков перебил его:

— Ничего нам не чудится! Ты всех нас обрек на смерть! Ты был так уверен в себе, уверен настолько, что передавал наши координаты на крейсер открытым текстом…

Отойдя к иллюминатору, Щекутьев начал надевать китель.

Шестаков, помолчав немного, добавил:

— Ты знал, что, когда крейсер нападет на нас, я в первую очередь прикажу сжечь документы и радиожурнал с позывными «343–342»…

— Чушь какая! — нервно передернул плечами Щекутьев.

— А вот я не понимаю… — задумчиво сказал Шестаков.

— Чего же?

— Я не понимаю, как с людьми случается такое… Ведь мы же с тобой вместе воевали… вместе тонули, мерзли, голодали. Однажды ты спас мне жизнь…

Щекутьев молчал, лишь каменные желваки раскатывал по скулам.

И тогда голос Шестакова поднялся до крика:

— Что же с тобой произошло, Сережа?!

Щекутьев не выдержал и взорвался наконец.

— Это с тобой произошло, а не со мной! — закричал он. — Это ты предал, а не я! Тебя — мужика, быдло — произвели в офицеры флота его императорского величества! А ты как отплатил за эту честь?!

Шестаков устало перебил его:

— Не говори глупостей, Сергей… Я — мужик. Хорошо. А твой отец кто? Нищий однодворец!..

Щекутьев возразил гордо:

— Мой отец — потомственный русский дворянин! И я — дворянин отечества своего!..

— То-то вы залили кровью отечество свое… — хмуро сказал Шестаков и сделал шаг к двери. — Ладно, с тобой все ясно. Одевайся… — Выразительно посмотрев на сжатый свой кулак, зло присовокупил: — Как жаль, что ты не оказал мне сопротивления…

Шестаков поднялся к Неустроеву в ходовую рубку «Седова».

Неустроев держал в руках радиограмму Болдырева, в который раз перечитывал ее:

— «…ПЕРЕДАЧУ В РАДИОЖУРНАЛ НЕ ВНОСИТЬ ТЧК
БЛАНК РАДИОГРАММЫ ПЕРЕДАТЬ ШЕСТАКОВУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ ТЧК ТЕКСТ: ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СООБЩЕНИЕ ТЧК ВЫЯВЛЕН ИНФОРМАТОР ТИРЕ ВАШ НАЧСВЯЗИ ВОЕНМОР ЩЕКУТЬЕВ ТЧК ЕГО ЗАДАЧА ТИРЕ ПЕРЕХВАТ КАРАВАНА ПО РАДИОКООРДИНАТАМ АНГЛИЙСКИМ КРЕЙСЕРОМ С ЦЕЛЬЮ УНИЧТОЖЕНИЯ ТЧК НАИМЕНОВАНИЕ КРЕЙСЕРА НЕИЗВЕСТНО ТЧК АРЕСТУЙТЕ ПРЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИИ ЗПТ ОБЕСПЕЧЬТЕ РАДИОИГРУ С КРЕЙСЕРОМ… БОЛДЫРЕВ».

— Там много чего выяснилось, — рассказывал Шестаков Неустроеву. — Но главное — схема, которую нашли у Чаплицкого…

Неустроев уточнил:

— Вы имеете в виду схему расположения затонувших кораблей на рейде Архангельска?

— Ну да. В Чека ее сверили с той, что представлял тогда Щекутьев.

— И что?

— Один к одному. Точная копия.

Неустроев отошел к рулевому, негромко подкорректировал курс. Вернулся к Шестакову.

— М-да-а… Он ведь сам предложил поднять уголь со дна… И работал как!..

Добрые серые глаза старого гидролога выражали полное неудоумение.

Шестаков грустно улыбнулся:

— Я уже говорил: военная хитрость… Сам работал, и сам же водолазный шланг перерубил… Водопомпу испортил… Это уж потом разобрались…

Неустроев махнул рукой и сказал озабоченно:

— Ну, бог с ним… Сейчас, мне кажется, самое время решать, как нам быть с этим крейсером…

— Да-а, раздумывать особенно некогда, — согласился Шестаков. — Если не укроемся, мы ему

на один зуб. За час от каравана только щепки останутся!

Неустроев, человек невоенный, был абсолютно растерян, поскольку как моряк понимал всю безысходность возникшей ситуации. Подумав, он предложил:

— Может быть, нам дальше идти при полном радиомолчании? Может быть, проскочим? И тогда рандеву с английским крейсером не состоится?

Шестаков отрицательно покачал головой:

— Пират наверняка ждет нас у Карских Ворот. Я тут уже прикидывал: допустим, мы ворочаем два румба и идем через Югорский Шар. Он подождет нас день-другой и устремится в погоню. Скорость у него втрое-вчетверо больше нашей…

Шестаков подошел к карте, показал Неустроеву:

— Если он разминется с нами в море, то уж наверняка к Канину Носу попадет скорее нас. И встанет там на вахту. А мы его никак миновать не можем…

Неустроев потер руками лицо:

— Значит, мы в западне… Возвращаться назад бессмысленно. Мы все погибли…

Шестаков, продолжая внимательно разгляды-

вать карту, возразил Неустроеву:

— Не все… У нас есть шанс.

— Какой?

Шестаков медленно, негромко сказал:

— Мы должны, во всяком случае, проверить этот шанс… Надо затеять с пиратом контригру.

— Каким образом?

— На «Труворе» есть радиостанция… «Трувор» должен увести на себя пиратский рейдер… И тогда рандеву состоится, но… только с ним одним!

— Это же верная гибель для «Трувора»! — с испугом воскликнул Неустроев.

— Да… — буднично, устало согласился Шестаков. — А остальным — жизнь. Хлеб…

Словно в каком-то полусне Неустроев пробормотал:

— У капитана «Трувора» Сабанеева четверо детей…

Шестаков удивился:

— Да-а? Я не знал… — смущенно сказал он. — Но… капитан Сабанеев не понадобится.

— А кто же поведет «Трувор»?

Шестаков поднял на него глаза и сказал спокойно:

— Я.

Неустроев почему-то сразу понял, что спорить

с ним бессмысленно. Но все-таки робко заметил:

— Николай Павлович, вы командуете всей операцией. Вы не можете покинуть караван!

— Теперь — могу, — возразил Шестаков. — Хуже того, что случилось, уже не произойдет. Если мне удастся заманить пирата, вы дотянете до Архангельска. Командование караваном передаю вам!

— Есть! — вытянулся Неустроев.

Приняв решение, Шестаков не стал медлить. Он распорядился:

— С «Трувора» всю команду снять. Со мной пойдут Иван Соколков, радист Солдатов и два матроса-добровольца. Впятером справимся. Срок — один час.

— Есть! Какие еще будут указания?

— Через час караван полным ходом уходит на вест-зюйд-зюйд курсом двести восемьдесят. Сейчас уж уголька не жалейте — установите двойные кочегарские вахты. Через сутки, если ничего не случится, вы покинете Карское море, проскочите Вайгач и через Югорский Шар выйдете в Баренцево…

— Думаю, что южнее Колгуева нет льдов, — поддержал его Неустроев. — Надо постараться как можно быстрее проскочить Канин Нос. А там до Архангельска — рукой подать!

Шестакову понравился энтузиазм старого капитана. Он ободряюще улыбнулся:

— До самого Архангельского порта сохраняйте полное радиомолчание — за одним исключением: когда минуете Колгуев, на волне Архангельского радиоцентра передайте мне: «У нас все в порядке». Моя радиостанция будет работать на открытой волне, сможете слушать нас до… В общем, все время… — И, встретив тревожный, волнующий взгляд Неустроева, попытался его успокоить: — Ничего, я их здесь двое суток верных продержу…

Они встали, обнялись, и, не отпуская Шестакова, капитан прошептал:

— Прощайте, голубчик Николай Павлович. Господи, благослови вас на крестном пути!..

— Прощайте, Константин Петрович. Спасибо вам за все. И не говорите, пожалуйста, ничего Лене… Пока что… Скажите, что я с «Трувором» пошел на гидрологические промеры… Догоню в Архангельске… Пусть лучше потом узнает.

Маленький морской буксир «Трувор» плясал на мелкой воде у борта «Седова».

На палубе ледокола, недалеко от трапа, были навалены вещи экипажа с буксира: деревянные сундучки, парусиновые матросские чемоданы,

мешки. Около них сгрудились их хозяева — взволнованные и напуганные, обескураженные мгновенностью и непонятностью происходящего.

Неустроев торопливо шел по полуюту. Его окликнула Лена:

— Папа!

— Леночка, извини, не до тебя сейчас! — отозвался Неустроев. — Иди ко мне в каюту, я приду немного погодя…

Лена догнала его:

— Папа, я на одну минуточку! Папочка, я просто хотела тебе сказать, что я тебя очень люблю! — Она быстро поцеловала отца.

Он погладил ее по голове и пошел дальше. Лена крикнула ему вслед:

— Я так хочу, чтобы ты был счастлив, папочка, милый, родненький!..

И побежала в каюту. Неустроев недоуменно пожал плечами, потом махнул рукой и сам рысью устремился к мостику.

Навстречу ему уже шел Шестаков. Он сказал деловито:

— Все, Константин Петрович, в путь. Долгие проводы — лишние слезы… Да и времени у нас нет.

У трапа они еще раз быстро обнялись. Отвернувшись в сторону, чтобы Шестаков не видел его лица, старый капитан сказал дрожащим голосом:

— Вы могли бы, Николай Павлович, быть моим сыном… Прощайте!.. Счастья вам…

Шестаков крепко сжал его руки:

— До свидания, дорогой Константин Петрович… — И сбежал по трапу на «Трувор».

С палубы буксира он крикнул Неустроеву:

— Константин Петрович! Леночку поцелуйте за меня!..

И ветер сорвал его крик.

Шестаков махнул рукой стоявшему у штурвала Соколкову, и высокий борт «Седова» стал отваливать в сторону. Рев гудка ледокола сотряс пустынные просторы океана.

Шестаков дернул поводок буксирного ревуна в ответ.

«Трувор» медленно прошел мимо судов каравана. Вдоль бортов на каждом корабле выстроились моряки.

Все они стояли с непокрытыми головами. Они уже знали, что провожают товарищей на смерть.

Шестаков махал с кормы уходящим судам своей фуражкой и — к удивлению своему, но и к

радости тоже — не видел среди провожавших Лену. «Отдыхает, наверное… Ну и хорошо», — подумал он.

И вот в подступивших сумерках исчез последний вымпел каравана — пароход «Кереть».

Шестаков вошел в радиорубку, положил радисту руку на плечо, невесело усмехнулся:

— Ну что, Алеша, потрудимся на английский радиоперехват, проверим, как они нас караулят?

Парень широко улыбнулся в ответ:

— Сейчас мы им настучим, Николай Павлович! Будьте спокойны, ихний радист уже мою руку знает…

Шестаков достал из кармана кителя листок, перечитал заготовленный текст, начал диктовать:

— «АРХАНГЕЛЬСК ТЧК НА ЛЕДОКОЛЕ „МАЛЫГИН“ СИЛЬНАЯ ТЕЧЬ КОТЛОВ ТЧК РЕШЕНО РЕМОНТИРОВАТЬ В ОТКРЫТОМ МОРЕ ТЧК КАРАВАН ПОЛОЖЕН В ДРЕЙФ ТЧК ШЕСТАКОВ».

— Готово! — отбил радиограмму Солдатов.

— Небось у английского радиста ты квитанцию не получаешь? — подмигнул ему Шестаков.

Алексей сердито сказал:

— Они, черти гладкие, и без квитанций очень хорошо из эфира срывают!

Шестаков кивнул и пошел к трапу. Медленно,

усталой походкой он спустился в крошечную кают-компанию.

На плюшевом диванчике неподвижно сидела Лена. И молча смотрела на Шестакова.

Он даже охрип от волнения и неожиданности.

— Лена?! Ты… здесь?!

Лена не ответила.

— Как ты посмела? — в отчаянии закричал Шестаков. — Отец знает, что ты?..

Лена помотала головой.

— Лена, как ты могла! — кричал Шестаков яростно. — Откуда ты узнала?..

Лена встала, подошла к нему и тихо сказала:

— Коля, не кричи, пожалуйста. Помнишь, ты говорил, что я отпустила убийцу? Я и сейчас не знаю, как мне надо было поступить тогда…

Она взяла Шестакова за руку, робким движением погладила его ладонь.

— Коля… Ведь крейсер здесь из-за него… Из-за него тебе пришлось сойти на «Трувор». Поэтому и я должна быть здесь! — Голос ее окреп, в нем появилась несокрушимая решимость. — Не сердись, Коленька, милый!.. Улыбнись лучше, ну… У тебя такое прекрасное лицо, когда ты улыбаешься… Не сердись, я счастлива, что у нас с тобой одна судьба…

Она обняла Шестакова, и он видел, как по ее лицу бежали прозрачные слезы…

Неустроев стоял у стекла в капитанской рубке «Седова» и слепо смотрел перед собой в бушующую дождевую непогоду.

К нему подошел штурман:

— Константин Петрович, по примерному счислению должны были пройти Колгуев. Мили четыре по правому борту… Видимость — ноль. Караван растянулся…

Неустроев обратил на него невидящий взор:

— Да-а… Да. Прикажите передать световыми сигналами на все суда каравана — курс вест-норд-вест сто сорок градусов. Ход не снижать…

— А как быть с радио?

— Пусть радист через час начнет передачу открытым текстом на волне Архангельского радиоцентра: «У нас все в порядке».

И снова отвернулся к залитому водой окну — сухой, чуть-чуть сгорбленный, руки за спиной.

Штурман сказал участливо:

— Константин Петрович, вы же лучше меня знаете — это море… В море всякое бывает… даст Бог… обойдется… проскочат они…

— Да… В море всякое бывает… — не поворачиваясь к нему, кивнул Неустроев. — …Лена

очень любила разглядывать мыльные пузыри… Разноцветные, летучие… Она говорила, что они живые… Бедная девочка… она слышала в них… солнечный ветер…

Старые приятели, Федор Гарковец и Василий Зирковенко, совсем еще недавно смеявшиеся собственному анекдоту о конях и волах, вызвались на «Трувор» добровольцами. И сейчас вовсю орудовали лопатами в кочегарке суденышка, продолжая обсуждать свои такие маленькие и такие необыкновенно важные проблемы.

А Шестаков стоял у штурвала, зорко смотрел в дождливую пелену над океаном, посматривал на нос судна, где впередсмотрящим устроился Иван Соколков.

Лена сидела около Шестакова на столе и болтала ногами.

Корабль шел близ берега — по правому борту громоздились седые страшные скалы Северной Земли.

Лена пыталась развлечь Шестакова:

— Коленька, ты знаешь — я точно помню, что жила раньше, еще до этой своей жизни…

Шестаков бросил на нее ласковый взгляд.

— Иногда мне кажется… мне снится, что я была деревом…

— Деревом? — удивился Шестаков.

— Да! То-оненькой прозрачно-желтой сосной. На берегу океана. И из воды часто выходили всякие диковинные существа, красивые или уродливые…

Шестаков засмеялся.

Лена обиженно выпятила полную нижнюю губу:

— Коленька, ты напрасно смеешься — это точно было! Я помню! Ты тоже жил раньше, но… забыл!

Соколков закричал с мостика, и в голосе его слышался испуг:

— Николай Павлович, прямо по курсу — большой дым!

Шестаков схватил бинокль, прижал глаза к окулярам, подводя постепенно резкость.

И в поле зрения сразу приблизился, стремительно вырос грозный силуэт крейсера. Вот он сфокусировался, стал отчетливо виден: огромный, хищный, чудовищно разрисованный — кругами и полосами — во все цвета радуги. И без государственного флага. Пират.

— Николай Павлович! — снова крикнул Иван Соколков. — Это небось англичанин?

— Вахтенный Соколков! — командирским голо-

сом скомандовал Шестаков. — Государственный флаг Российской Республики — на гафель! Подними сигнал: «Вы находитесь в территориальных водах РСФСР. Дайте свои опознавательные!»

По гафелю поползло на самый кончик снасти красное полотнище. В руках у Соколкова замелькали разноцветные флажки, передавая выше сигнал.

Шестаков внимательно разглядывал в бинокль крейсер — пират приближался с каждой минутой и на сигнал «Трувора» пока никак не реагировал.

Шестаков велел Соколкову:

— Передай еще дополнительный сигнал по международному своду «Викта-фокстрот» и «Чарли-Сиэра»[2]... — И крикнул в сторону радиорубки: — Радист! Сообщение о встрече — в эфир! Открытым текстом на волне каравана!..

Рейдер стал виден невооруженным глазом.

— Коля, это и есть крейсер? — тихо спросила Лена.

Шестаков для верности перелистал международный справочник с силуэтами военных кораблей.

---

[2] Примечания: 2

Предупредительные сигналы: «Находитесь в территориальных водах страны», «Дайте свои опознавательные знаки!».

— Да, Леночка, — со вздохом сказал он. — Судя по всему, это и есть тяжелый броненосный крейсер «Корнуэлл». Вот, значит, кого они к нам послали…

Соколков, держа в руках свод международных морских сигналов, сообщил:

— Николай Павлович, они подняли до половины «зэт-эл» — «Зулу-Лима»…

— «Ваш сигнал принят, но не понят», — перевел Шестаков Лене. — Вот разбойники!

Лена не успела ответить — борт крейсера осветился короткой вспышкой, и только потом, издали, раскатом донесся грохот артиллерийского залпа.

И сразу же по правому борту «Трувора» поднялись в небо два огромных столба воды.

В дверях рубки появился радист Солдатов. И сразу же все понял.

— Николай Павлович! — крикнул он. — Прощайте! Я уж до конца в радиорубке!

— Алеша! Шпарь все время передачу о нападении. Это «Корнуэлл». Давай!..

Шестаков резко повернул штурвал направо, отворачивая буксир в сторону берега. Соколков, бросив сигнальный свод, спрыгнул с мостика на кормовую надстройку.

Встал к пулемету Гочкиса на турели и, передернув затвор, изготовился к стрельбе.

Ударил новый залп с борта крейсера, и два высоких всплеска встали перед носом «Трувора».

Шестаков крикнул в переговорную трубу в кочегарку:

— Федор, Василий, все! Вахта кончена! Поднимайтесь!..

Соколков прильнул к прицелу и хлестнул в сторону крейсера длинной очередью.

Новый залп, всплеск по левому борту — и страшный треск: трехдюймовый снаряд попал в борт «Трувора». Из дыры в палубе вырвались языки пламени и дым.

Лена подошла к Шестакову, обняла его за плечи. Потом поцеловала его в лоб.

— Не бойся, Леночка, — бормотал Шестаков. — Не бойся… Мы успеем выброситься… Это не страшно…

Опять ударил залп. Попадали реи мачты, загорелась шлюпка.

Рухнувший обломок мачты ударил Соколкова по голове, и он упал на палубу.

А пират не унимался — борт крейсера осветился очередной вспышкой, и снаряды легли рядом с кормой, подняв огромную волну.

Накатившись на палубу, она вмиг смыла тело Соколкова в море.

Из трюма выскочил Федор Гарковец и бросился к умолкнувшему пулемету. Но не успел занять место — шальной осколок повалил его у турели.

Лена быстро поцеловала Шестакова и выбежала из рубки, крикнув:

— Коленька, я не боюсь!.. Мы еще снова родимся… Коля-а! Мы всегда будем вместе-е!..

Она бежала к пулемету. Но тоже не успела: рядом с ней в надстройку попал снаряд…

Шестаков видел, как Лена медленно оседает на палубу. Она держалась руками за грудь, и между узкими ласковыми ладонями ее расползалось большое красное пятно. Упала. Широко открытые глаза неподвижно отразили равнодушное серое небо.

И наступила тишина, которую только подчеркивало жадное шипение горящего дерева. И тихий плеск воды у борта.

Круто накренившись на нос, «Трувор» медленно уходил под воду.

Из-под обломков разбитой рубки выполз окровавленный Шестаков. Он оглядел разгромленный горящий кораблик.

Он медленно переводил взгляд — от носа до

кормы — и видел распростертого около рации Солдатова…

…скрюченное у борта тело Федора Гарковца, которое уже лизал огонь…

…наполовину свесился с борта убитый Василий Зирковенко…

…на площадке у пулемета лежала на спине Лена…

Шестаков поднял взгляд на застопоривший машины крейсер — от него к «Трувору» ходко шел моторный баркас…

По крутому трапу он пополз на палубу. Сорвался, упал, потерял сознание…

Пришел в себя и снова пополз на корму.

Дополз до тела Лены, приподнялся на локте, всмотрелся в ее лицо, и по его закопченным окровавленным щекам, по сгоревшим усам, через искромсанный рваным шрамом подбородок потекли слезы…

Потом он обессиленно упал на доски и долго смотрел в огромное бездонное небо, блекло-серое, бесконечное, безразличное.

Наконец, словно вспомнив что-то, он приподнялся снова и увидел, что баркас с англичанами уже подошел к самому борту «Трувора».

Собрав все силы, Шестаков дополз до турели.

Поднялся, встал на ноги.

И в упор открыл огонь из пулемета по баркасу.

Попадали убитые, закричали раненые, уцелевшие в ужасе стали прыгать в воду.

На крейсере это увидели. И тогда раздался мощный залп — прямое попадание!

Оглушительный взрыв.

И обломки «Трувора» стремительно исчезли в сизой вспененной воде океана…

На рейд Архангельска суда каравана вернулись в середине августа.

Головной ледокол «Седов» швартовался у центральной причальной стенки, остальные корабли бросили свои якоря по обе стороны от него.

Мужественных моряков встречал весь город. Гром и сиплое дыхание духовых оркестров разносились по всему Архангельску. Ветер развевал сотни флагов и кумачовых лент.

Среди людей царили праздник и ликование…

А Чаплицкий в это время сидел в задней комнате трактира Муратовых и пил. Перед ним стояла зеленая четвертная бутыль, он наливал мутный первач в стакан, с отвращением проглатывал зелье, мучительно морщился, занюхивал коркой, что-то бормотал себе под нос и снова наливал.

Пил он уже не первый день. Лицо его одрябло и распухло, во взгляде застыла печать безразличия и отупения.

Распахнулась дверь, и вбежал Тихон Муратов:

— Петр Сигизмундович, караван пришел!

— Д-да?.. И что?..

— Опомнитесь! Они хлеб привезли!..

— А-а, пускай! — махнул рукой Чаплицкий. — Сказано, Тиша, у пророка Исайи: «Уповайте на Господа вовеки, ибо Господь Бог есть твердыня вечная».

Муратов сказал спокойно-деловито:

— Конец нам всем настал!

Чаплицкий безразлично ответил:

— Значит, так и надо… Иди, Тиша, что-то притомился я сверх меры.

Потемнев лицом, Муратов вышел, а Чаплицкий приблизился к окну, стал хмуро рассматривать улицу. Он глядел на бегущих в порт людей, прислушивался к звукам музыки, доносившимся из города.

Тяжело вздохнув, он достал из шкафа вещевой мешок и вывалил из него на пол все содержимое.

Звякнули ордена. Опустившись на колени, он стал собирать их, бормотал:

— А где же мой «Лежьон доннэр», куда он запропастился? Ага, вот он, мой «Почетный легион»! А вот — «За храбрость», вот Георгий…

Чаплицкий подошел к зеркалу и нацепил ордена на свой английский френч.

Волоча за собой по полу шинель за воротник, с папахой под мышкой, он вышел в общий зал трактира.

Обмерев, смотрел на него во все глаза Федор Муратов. А от стойки к Чаплицкому бочком подобрался Тихон, спросил негромко, сквозь зубы, еле сдерживая злые слезы:

— Че ж вы делаете, Петр Сигизмундыч? Совсем взбесились? Вы нас всех погубите!..

И посетители онемели от такого зрелища — увешанный орденами белогвардеец в центре красного Архангельска!

Впечатление это было так сильно, что никто и не пытался задержать Чаплицкого.

Широким жестом он оттолкнул Тихона:

— С доро-оги! За мной прислали крейсер его величества английского короля! Прочь! С доро-оги!..

Никем не задержанный, он вышел на улицу, только шинель зацепилась за дверь — и он ее сразу бросил, забыл о ней.

И пошел по середине улицы строевым шагом, на негнущихся ногах, папаха на согнутом локте левой руки — как на церемониальном марше. С разорванным распахнутым воротом, без ремня, при всех орденах.

Густо сыпал снег, дул сильный порывистый ветер.

Эту фигуру, нелепую и страшную, заметили вездесущие мальчишки.

С улюлюканьем, криками и свистом помчались они следом за Чаплицким. За ними увязались беспризорные собаки.

Глядя вперед неподвижными незрячими глазами, Чаплицкий, сопровождаемый свистом и собачьим лаем, шел в порт, навстречу своему концу…

А в порту раздавался победный рев пароходных гудков, грохот кранов, музыка, счастливые крики людей, спасенных от голодной смерти.

Началась разгрузка каравана.

Болдырев примчался на Центральную северную радиостанцию. Не присаживаясь, он продиктовал радиограмму:

— В два адреса: Москва, ВЦИК, Калинину. Копия — Лондон, наркому внешней торговли Красину. Текст:

«СЕГОДНЯ В АРХАНГЕЛЬСК ВОЗВРАТИЛСЯ КАРАВАН СУДОВ С СИБИРСКИМ ХЛЕБОМ ТЧК ТРУДЯЩИЕСЯ СЕВЕРА СПАСЕНЫ ОТ ГОЛОДА».

…Суровы, сумрачны берега пролива Карские Ворота. На отвесной гранитной скале стоит маленькая каменная пирамида, на которой высечены слова:

Здесь погибли борцы за счастье народа:
НИКОЛАЙ ШЕСТАКОВ,
ЕЛЕНА НЕУСТРОЕВА,
ИВАН СОКОЛКОВ,
АЛЕКСЕЙ СОЛДАТОВ,
ВАСИЛИЙ ЗИРКОВЕНКО,
ФЕДОР ГАРКОВЕЦ.

Океан и людская память — вечны.

Аркадий Вайнер. Нелюдь

Раньше мы (я и мой брат Георгий Вайнер) снимали по своим книжкам кинофильмы, потому что книг отчаянно не хватало.

Теперь практически наоборот: в кино никто не ходит, и чтобы твоя работа дошла до людей, надо издавать книжку. Так и появилась эта киноповесть…

А TV уверенно ждет очереди на абсолютную монополию.

Аркадий Вайнер

* * *

— Приемная товарища Шерстобитовой, — сказала секретарша в трубку. — Сейчас узнаю… — Нажала клавишу переговорника: — Зоя Михайловна, Пашков просит… с мясокомбината…

Зоя прервала разговор с посетителем, взяла трубку, сказала сухо:

— Слушаю.

— Доброго здоровьичка, Зоя Михайловна! Паш-

ков побеспокоил. Вы звонили…

— Да, здравствуйте… — Тон ее не предвещал ничего хорошего. — Филипп Иванович, мне сообщили — у вас опять безобразия на разделке.

— Да придирается эта Пучкова! — заверещал недовольным тенорком Пашков. — Из-за какой-то ерунды цех закрывать! Люди этого не поймут…

— Поймут-поймут, — холодно улыбнулась Шерстобитова. — Никому травиться вашей колбасой неохота.

— Пусть они ее сначала достанут, — находчиво возразил тенорок. — Вы же знаете положение…

— Знаю. Ну и что?

— Я буду вынужден ставить вопрос на бюро, — попробовал «нажать» Пашков.

— Это я буду ставить вопрос на бюро, — спокойно ответила Зоя. — Если не наведете порядок. Давайте не ссориться, Филипп Иванович.

— О-ох, мучительница вы наша!.. — Тенорок отключился.

Зоя поднялась, приоткрыла дверь в приемную, сказала секретарше:

— Завтра к девяти Пучкову из санэпидемстанции ко мне! — и прошлась по кабинету. Приблизилась к окну, глянула на улицу через

чисто вымытое стекло — солнце едва просвечивало сквозь белесое марево облаков, льдисто поблескивали лужи, и слава богу, что хоть обещанный на сегодня «дождь с мокрым снегом» не спешил, — наверное, его перенесли на завтра.

А в кабинете уютно потрескивали ясеневые панели на батареях, было тепло и по-домашнему покойно. И пока в приемной трое посетителей маялись под бдительным оком секретарши Аллочки, можно было неспешно побеседовать с хорошим человеком, удобно сидевшим в мягком кресле. Человек с удовольствием смотрел на Зою: быстроглазая, стройная, элегантно одетая, она была очень хороша в свои тридцать шесть.

Зоя подошла к столу, щелчком выбила сигарету из пачки «Мальборо», прикурила от электронной зажигалки и, продолжая прерванный разговор, сказала ласково:

— А насчет супруги не беспокойтесь, дорогой Борис Петрович: обследуют ее на мировом уровне. Я даже договорилась — будет консультант из Москвы.

— По поводу палаты, Зоя Михайловна, если можно… — мягко напомнил Борис Петрович.

Зоя замахала руками:

— О чем вы говорите! И палату отдельную, и

пост индивидуальный! Все сделаем. А потом и путевочку подготовим санаторную…

Дверь приоткрылась, и в нее робко заглянул пожилой низкорослый человек с обширной лысиной.

— Можно, Зоя Михайловна?

— Заходите, — кивнула Зоя.

— Я вам не помешал? — спросил несмело человечек.

Зоя обворожительно улыбнулась:

— Ну что вы… Я бы вам просто не разрешила войти… Если бы вы могли помешать…

Она приблизилась к Борису Петровичу, кокетливо-дружески погладила его по плечу:

— А вы, Борис Петрович, не волнуйтесь, хорошо?

Борис Петрович встал, поцеловал ей руку, попрощался и, неслышно ступая толстыми подошвами «саламандр», вышел из кабинета.

— Так что там у вас? — спросила Зоя строго у лысого человека.

Тот развел руками:

— Во втором роддоме опять стафилококк… — И добавил с отчаянием: — Три месяца, как чистили!

Зоя села за стол, сказала презрительно:

— Удивляюсь я вам, Юрий Александрович. Вы заведуете горздравом. Получаете за это зарплату. И прочие льготы… — Голос ее стал злым. — Почему вы с любым вопросом бежите к начальству?

Морщинистое лицо заведующего пошло бурыми пятнами.

— Так я… — заикаясь, начал он. — Просто хотел… вас поставить в известность, Зоя Михайловна.

— Перестаньте! — отрубила Зоя. — Если вы боитесь ответственности, уходите на заслуженный отдых.

— Вы же знаете, Зоя Михайловна! — взмолился заведующий, простирая к ней крохотные ручки. — Мне еще рано!..

— Тогда займитесь делом, если рано, — процедила Зоя. — И не морочьте мне голову по пустякам!

Зажглась лампочка на пульте, Зоя нажала кнопку.

— Зоя Михайловна, начальник милиции по городскому, — доложила секретарша.

Заведующий приподнялся было, но Зоя коротким повелительным жестом приказала: «Сиди!» — и взяла трубку.

— Слушаю.

— Звонили, Зоя Михайловна? — пророкотал генеральский бас. — Здравия желаю.

— Да, Иван Сергеевич, здравствуйте. Извините, что беспокою…

— Да ради бога, — перебил генерал.

— Я вот о чем. У меня уже десятая жалоба на этого вашего Шерлока Холмса!

— На Плужникова, что ли?

— Ну! Нельзя же быть таким формалистом!

— Вы, наверное, имеете в виду дело Кокорева? — уверенно сказал генерал.

— Вот именно! Уважаемый руководитель, заслуженный человек. Общественное питание у нас из прорыва вывел, люди не нахвалятся. А Плужников из него уже всю душу вытряс, замучил своими вопросами-допросами…

— Но ведь идет проверка, его ж никто не сажает, Кокорева, — попытался вставить слово генерал.

Не слушая его, Зоя продолжала:

— Что он за личность, этот ваш Плужников, не пойму я: то ли унтер Пришибеев, то ли, наоборот, человек в футляре!

— Ну почему — унтер? Нормальный майор милиции, — сказал ровно генерал.

— Ну так если нормальный, кончайте с этой волынкой! Иван Сергеевич, я вас лично прошу…

Генерал сделал последнюю попытку:

— Понимаете, Зоя Михайловна, там ведь очень серьезный акт ревизии — по столовой…

— Все-все-все понимаю, — перебила Зоя. — В столовой воруют. Но это ваши трудности. Работайте со столовой. А Плужников в областное руководство целит. Странное у него честолюбие… Так что и вы поймите: хватит мешать делу. Разберитесь, пожалуйста.

Генерал помолчал, потом сказал тускло, со вздохом:

— Хорошо, Зоя Михайловна, разберемся…

В приемную вошел маленький горбоносый, похожий на тапира человек. Огляделся, приблизился к секретарше, почтительно поздоровался и передал ей небольшой сверток. Она молча кивнула и небрежно бросила сверток в ящик стола. Поднялась проворно, зашла в кабинет, сказала от дверей:

— Зоя Михайловна, опять Ошурков просится.

— Кто такой? — сощурилась Зоя.

— Ну-у… этот… — секретарша доверительно улыбнулась: — С плодоовощной базы.

— А-а!.. — Зоя на секунду задумалась. — Скажи — некогда мне. Надо записаться. Он что — не знает?

— Я запишу?

Зоя кивнула, и секретарша ушла. Зоя обернулась к завздравом и строго сказала:

— А в роддоме пусть освободят часть палат и начинают немедленно дезинфекцию. Всех новых рожениц — в первый и в четвертый… Неужели сами не могли решить?

Завздравом смущенно развел руками.

— Всё, свободны… — бросила Зоя.

— Слушаюсь! — по-сержантски рявкнул врач и испарился.

Остальных посетителей Зоя отпустила быстро. Подошла к стенному шкафу, открыла дверцу, посмотрелась в зеркало и приветливо сама себе улыбнулась. Чуть прикоснулась пальцами к модной прическе, надела легкую сиреневую дубленку и вышла из кабинета.

В приемной сказала секретарше:

— Я домой, Сергей приезжает.

Спустилась по мраморной лестнице в обширный вестибюль, вышла на улицу и села в ожидавшую ее черную «Волгу».

* * *

Слабосильное февральское светило заглядывало прямо в окно кухни. Красноватые блики

мерцали на блестящем кафеле, скользили по белой плите, столу, пирожкам, которые споро лепила мать Зои, Лидия Николаевна. Из нарядного «Панасоника» в углу доносилась монотонная народная музыка. На плите булькал чугунный казан, в нем, выстреливая игрушечными гейзерами ароматного пара, млел аппетитный рассыпчатый плов.

Зоя в ярком кокетливом передничке, делавшем ее совсем юной, хлопотала над блюдом салата, украшая его дольками мандарина. Закончив, подвернула огонь под казаном и посмотрела на часы:

— Половина четвертого, а нашего бойца еще нет, — она покачала головой и прошла в строгую — темной финской мебели — столовую, придирчиво осмотрела покрытый белоснежной скатертью стол — с массивными серебряными приборами, синим кобальтом обеденного сервиза, крахмальными салфетками.

В центре стола красовалась причудливая оранжево-сине-зеленая богемская ваза со свежими гвоздиками. Зоя ожидала к обеду важных гостей, значит и стол должен быть «на уровне». Но вроде все в порядке. Она подошла к полке, выбрала видеокассету, концерт Аллы Пугачевой, подой-

дет, это как раз то, что нужно. Вставила кассету в магнитофон, поправила цветы в вазе и вернулась на кухню.

Укладывая пирожки на противень, Лидия Николаевна сказала озабоченно:

— Может, на продленке остался? Или кружок какой?

— Да нет, он ведь знает, что отца ждем. И гостей.

— Больно ему интересно, — улыбнулась мать. — Забыл небось.

— Скажете, мама! Маратка у нас человек ответственный…

Напевая, Зоя доставала из сверкающего «Розенлева» запотевшие бутылки вина, боржоми. Открыла морозильник, где лежали три бутылки «Столичной», хотела взять, но передумала: если подать их к столу прямо «с мороза», они покроются инеем и будут выглядеть еще аппетитней…

Зазвонил телефон. Зоя сняла трубку:

— Слушаю.

— Позови Сергея! — резко сказал грубый мужской голос. — Быстренько!

Из трубки доносились звуки музыки, крики, хохот.

Зоя удивленно спросила:

— Кто это?

— Не твое дело! — прохрипела трубка. — Позови мужа!

Зоя задохнулась от возмущения:

— Вы что, с ума сошли? Кто это говорит?!

— Фу-ты ну-ты! Не пузырись, корова, а то лопнешь!..

Громкий бессмысленный хохот, крики и — пронзительные гудки отбоя. Зоя остолбенело смотрела на телефон, потом со злостью швырнула трубку на рычаг.

Тут же раздался новый звонок.

— Зоечка Михална, а где ваш сынок Марат? — игриво спросил уже другой голос, высокий, гортанный.

Зоя сердито выкрикнула:

— В чем дело?! Кто это говорит?

— Да это не важно. Вы лучше над моим вопросом подумайте, — по-прежнему игриво сказал голос. — Я спрашиваю: где ваш сын?

Первым побуждением Зои было бросить трубку, но что-то удержало ее.

— В школе… — сказала она механически. — А-а… что?..

— Ничего… — В голосе появились нотки, от которых Зою охватил неизъяснимый страх. После

довольно долгой паузы голос сказал: — Только вы ошибаетесь… Не в школе он.

— Как — не в школе? — У Зои перехватило дыхание. — А где?!

Странный собеседник долго не отвечал, в трубке слышались какие-то шорохи, стук, возгласы, пьяный хохот. Наконец раздался вопрос:

— Так вы меня слушаете?

— Слушаю…

Голос сказал весело:

— Ваш сын — на кладбище… Под венком.

И отключился.

Зоя оторопело рассматривала зажатую в руке трубку.

— Что случилось? — с испугом спросила Лидия Николаевна.

— Н-не знаю… Кретины какие-то… — пробормотала Зоя. — Хулиганье…

Посмотрела на мать, торопливо подошла к окну в неосознанной надежде увидеть Марата. Поискала глазами — людей на улице в этот предвечерний час было много, но мальчика среди них не видно…

Вернулась к телефону — решила позвонить однокласснику Марата. Быстро набрала номер. Телефон отозвался не сразу.

— Але-о… — услышала, наконец, Зоя сонный мальчишеский голос.

— Сашенька, это Зоя Михайловна, — волнуясь, сказала женщина. — Ты не знаешь, где мой Марат?

Саша посопел в трубку:

— Не знаю… — сказал он раздумчиво. — Они вроде с Андрюшкой после уроков собирались в зоопарк…

— Они же вчера там были… — прошептала женщина и нажала рычаг аппарата. Прошла в прихожую, накинула дубленку, взяла шапку.

— Куда ты? — сдавленно спросила Лидия Николаевна с порога кухни.

— Я сейчас… — торопливо шепнула Зоя. — В школу хочу сбегать…

* * *

В школе Марата не было. Да и другие ребята из его третьего «Б» давно разошлись. Лишь две девочки-близняшки, мать которых работала на химкомбинате во вторую смену, остались на продленке и, сидя за партами, усердно писали что-то в своих тетрадях. Марата после уроков они не видели.

Классная руководительница Елизавета Аро-

новна сказала, что Марат был в школе до конца занятий. Техничка Никаноровна видела после уроков, как Марат и Андрюшка кормили в школьном дворе воробьев.

Зоя побежала к Андрюшке — его дом был рядом, за углом на соседней улице. Тяжело дыша, поднялась на третий этаж, нажала кнопку звонка — тишина, никого, дверь на замке. Еще и еще раз надавила кнопку — звонок сиротливо дребезжал в пустой квартире.

Зоя поспешила домой. Тревожные мысли, одна другой страшнее, бились в голове. И надежда — может, уже вернулся, пока бегала?..

По тротуару перед домом прогуливался постовой. Увидев Зою, привычно козырнул. Зоя в ответ кивнула, всмотрелась в его невозмутимое деревенское лицо…

Мать ждала в дверях квартиры, на лестничной площадке.

— Не появился? — крикнула Зоя снизу.

Лидия Николаевна покачала головой.

В прихожей, загораживая проход, стоял огромный рюкзак — из экспедиции приехал Сергей.

Поначалу он сделал вид, что его смешат «бабские страхи».

— Да вы что, женщины! — укорял он, легко

перемещая по кухне полное свое, даже грузное тело. — Гоняет где-нибудь с ребятами в футбол.

Зоя покачала головой:

— А звонки эти?

Сергей приобнял ее за плечи:

— Мало ли кретинов? Да не волнуйся ты, лапуля! Набегается и придет… Кого мы ждем к обеду-то?

— Пустовойты придут… И Сергей Сергеевич обещался… Да ну, не до них мне!

— Да успокойся ты, девонька! Может, он плавать пошел? — Сергей любовно смотрел на жену голубыми, добродушно моргающими глазами.

— Я уже думала, — вздохнула Зоя. — Бассейн по четвергам. А сегодня среда.

Она тяжело вздохнула, бросила взгляд на часы-«кукушку» — половина пятого. Подошла к окну, посмотрела на улицу.

Зазвонил телефон, и Сергей проворно снял трубку.

— Сергей? — спросил мужской голос.

— Да.

— Слушай внимательно. Мы забрали твоего сына.

— Что-что? — придушенно крикнул Сергей.

— Что слышишь. Твой пацан у нас… — в труб-

ке неторопливо гудел гортанный с хрипотцой голос.

— Кто это?! — У Сергея перехватило дыхание. — Что за шутки такие?!

— Не ори — мы шутить не думаем… — со спокойной угрозой сказал мужчина. — Не веришь — сейчас отрежу ему… ухо! И тебе подошлю. Тогда поверишь.

Лицо Сергея стремительно заливала волна алебастровой бледности. С ужасом посмотрев на него, Зоя схватила трубку параллельного телефона.

— Постойте! — прохрипел Сергей. — Что вы говорите такое?! За что?.. Зачем?..

Зоя, судорожно сжав трубку, слушала.

— Веришь? Или не веришь? — издевательским тоном переспросил мужчина.

— Верю, верю! — торопливо забормотал Сергей. — Только не делайте ему ничего… Я не понимаю… что вам нужно?

— Вот это другой разговор, — удовлетворенно сказал мужчина. — Скоро поймешь…

— А где он? Где Марат? — прошептал Сергей.

— Где надо! — рявкнул мужчина. — Теперь жди… Да, вот еще что… Ты со своей начальницей не вздумай милицию звать. Побежишь к ментам

— сына в живых не увидишь. Все!

И бросил трубку. Часы показывали пять.

* * *

Беда не укладывалась в сознании. Марь. Абсурд. Небывальщина из страшной сказки… Молча, подавленно смотрели друг на друга.

Зоя первой вышла из оцепенения:

— Что ж мы сидим-то? Надо что-то делать…

— А что? — беспомощно спросил Сергей. — Может, наберешь к Андрюшке Плужникову?

— Не хочу я к ним звонить… — сказала Зоя хмуро. — Сам набери…

Сергей удивленно посмотрел на Зою, но спорить с ней не стал, взял с телефонного столика записную книжку, посмотрел номер Плужникова, набрал. Долгие заунывные гудки…

— Никого нет, — сказала Зоя сквозь зубы и тяжело вздохнула. Добавила неуверенно: — Может, вместе шатаются где-нибудь?

Еще тлела у нее надежда, что все это — какая-то дикая нелепость. Сейчас распахнется дверь и на пороге появится раскрасневшийся смеющийся Марат, крикнет: «Папка приехал!» — и бросится отцу на шею. Марат очень любит своего папку. Но почему его нет тогда?.. Он и вообще парнишка

дисциплинированный, а тут… Что-то задержало его, а теперь эти звонки… Совпадение? Или зловещий «шутник» знает, что Марат задержался, и воспользовался этим? Тогда зачем он предостерегал от звонка в милицию? «Шутка» получилась бы еще острее…

Словно отвечая ее мыслям, Сергей пробормотал:

— Может, все-таки пойти в милицию?

Зоя скривила губы:

— Зачем туда ходить? Я могу позвонить генералу, но-о… — Она задумалась, в голове явственно прозвучало: «Ты со своей начальницей не вздумай милицию звать. Побежишь к ментам — сына в живых не увидишь!» Сказала нерешительно: — Ведь страшно, Сережа… Он же сказал тебе… Черт его знает, что он задумал…

Сергей понуро кивнул. Лидия Николаевна, слушавшая разговор из коридора, вошла в комнату, приблизилась к зятю, положила ему руку на плечо:

— Сережа, ты бы к Алиму сбегал, к другим его ребятам. Может, знают чего. К Андрюшке во двор, они там собираются. Беги, Сереженька, не мешкай!

Сергей послушно поднялся, пошел к дверям,

уже из коридора, натянув куртку, спросил, кивнув на сервированный стол:

— А с гостями-то как быть?

Зоя горестно махнула рукой:

— Отзвоню Сергею Сергеичу, извинюсь… Скажу — ты заболел. А Пустовойты — свои люди, поймут…

Сергей тихо притворил входную дверь.

* * *

Вместе с Алимом Такыровым он обегал почти всех ребят из их класса — никто после уроков Марата не видел. Вернее, видели его с Алешкой Веселовым и Андреем Плужниковым на школьном дворе, Марат еще воробьев кормил, а куда они все потом делись — неизвестно. Сергей побывал на стадионе, в бассейне, заглядывал в раздевалки — все напрасно, сына нигде не было. Из попутных автоматов звонил домой, и там никаких новостей. Набрал номер Алешки Веселова, телефон не отвечал, и это давало слабую надежду на то, что мальчишки где-то вместе, что, может быть, пустились в какую-то авантюру и так или иначе вскоре объявятся.

Алим, дождавшись, пока Сергей положит трубку, предложил:

— Дядя Сережа, айда к Алешке домой! У них коммуналка, у соседей спросим.

Побежали к Алешке. Словоохотливый дедок, куривший махорку на лестничной площадке, покачал головой:

— Э-э, милые, малец-то как убег с утра в школу, так боле и не являлся, не сумлевайтесь, я цельный день дома.

— А почему к телефону никто не подходит, я несколько раз звонил? — спросил Сергей.

— Дак телефон-то у них в комнате! Звонил, точно, я через дверь слышал, да что толку. Они, Веселовы-то, в коридор телефон выносить не хочут.

Дедок собрался, видно, порассуждать на эту тему, но Сергей перебил его:

— А где они, не знаете?

— Как не знать! — дедок покачал головой. — Сам, Васька, значит, шоферит на дальних рейсах, КамАЗ у него. А мать на химкомбинате из смены в смену. Вот пацана и носит невесть где… Да и то, одному-то дома сидеть — скучно небось!

Дедку и самому, видать, было скучно, он бы еще потолковал, но Сергей, прыгая через ступеньку, уже несся вниз. Следом бежал Алим.

На углу Сергей попросил:

— Алимчик, ты еще побегай по ребятам, а я домой. Может, объявился уже…

Алим поморгал узкими смышлеными глазками, сказал серьезно:

— Не беспокойтесь, дядя Сережа, найдется! — И улыбнулся лукаво: — Ух, и влетит ему! Вы уж не очень, мало ли что бывает…

По пути к дому Сергей пытался себя «накачивать» — шатается, чертенок, где-то, ему наши волнения бим-бом… Надеру уши в лучшем виде… Но в груди что-то тупо ныло, мысль о звонках незнакомца не давала покоя.

* * *

Февральский день недолог — уже стемнело. Ежась под сердитыми рывками холодного ветра, у ворот дежурила Зоя. Она с надеждой посмотрела на Сергея и, ни о чем не спрашивая, опустила голову.

Сергей обнял ее, прижал к себе.

— Ты иди, Зайка, к телефону, — ласково сказал он. — А я тут постою. Вон, фонари уже зажглись…

Он долго стоял на тротуаре, издали вглядываясь в прохожих. Спросил у милиционера сигарету, закурил. Безликие серые фасады блочных домов

постепенно расцвечивались; там и сям освещались окна, люди возвращались с работы. Сергей взял у постового еще одну сигарету, в который раз оглядел из конца в конец, в обе стороны, улицу. Тоскливо вздохнул и поплелся домой.

Повесив в прихожей куртку, пошел в столовую. Зоя сидела у телефона, согнувшись, бессильно уронив голову на руки. Лидия Николаевна бесшумно ходила из столовой на кухню, разбирая праздничный стол.

Не поднимая глаз, Зоя спросила:

— Алешку так и не нашел?

Сергей покачал головой:

— Нет его. Сосед говорит — как ушел утром в школу, так больше и не появлялся. И у Плужниковых никого дома нет…

— Может, они вместе где-нибудь… — сказала Зоя.

На задворках сознания таилась еще слабенькая мысль, что ребята где-нибудь заигрались, может, зашли куда-то в гости… Может, не дай бог, и случилось что, лишь бы не… Додумывать не хотелось…

Сергей послонялся по комнате, потом подошел к телефону, перевернул его вверх донышком и подвинул регулятор звонка на полную мощность.

Словно отзываясь на это, телефон зазвонил прямо в руках. Сергей сорвал трубку.

— Слушаю!

— Сергей? — Уже знакомый гортанный голос доносился откуда-то издалека.

— Да, слушаю! — крикнул Сергей и кивнул Зое.

Та схватила параллельную трубку. Мать с напряженным вниманием уставилась ей в лицо.

— Сергей, слушай, что будешь делать… — На сей раз незнакомец не ерничал, слова его звучали деловито. — На проспект Ополчения поедешь сию минуту. Поднимешься к памятнику. Ищи там, где сабли стоят. Сабли, понял?

— Понял… — выдохнул Сергей.

— Поднимешь венок — все узнаешь…

— Послушайте! — крикнул Сергей, но в ответ раздалось лишь пищание частых гудков отбоя.

Сергей медленно положил трубку, а Зоя свою все прижимала к уху, будто надеялась услышать еще что-то. Мать вопросительно тронула ее за плечо.

— Велят ехать к памятнику, там искать… — сказала Зоя и повернулась к мужу: — Давай, Сережа… Скорее…

Сергей быстро пошел в прихожую, набросил куртку. В дверях обернулся, теща широко крести-

ла его в дорогу.

* * *

Скатившись по лестнице, Сергей выскочил во двор, открыл дверцу своей «Волги», сел за руль, включил зажигание. Мотор натужно заревел. Сергей со звоном врубил скорость и, шваркнув задними колесами по асфальту, вылетел из ворот, чуть не врезавшись в проходивший мимо грузовик. Круто вывернул в левый ряд и погнал машину на предельной скорости. Если приходилось обгонять — вылетал на встречную полосу, с досадой думая о том, что попал на час пик, — машин полно. Лишь бы в пробку не угодить, да чтоб милиция не тормознула! Надолго, конечно, не задержат — их машину милиция знает, — но и это ни к чему. Все же, когда перекресток Садовой и Первомайской он прошел на глубокий желтый и вслед ему заверещал свисток постового, Сергей словно не услышал его; стиснув зубы, припал к баранке и гнал, гнал… Скорее, скорее — к памятнику! Что там, под венком?.. Жуткие видения возникали перед его глазами, сверлами вонзались в мозг, он старался отогнать их, сосредоточиться на езде. Вот еле удалось увернуться от встречного «рафика», не дай бог в аварию еще

попасть…

«Как же это я не спросил его про Алешку? — запоздало пожалел Сергей. — Неужели пацаны вместе?.. Хотя он все равно трубку бросил…»

Мелькали за окном машины, улицы, перекрестки, разноцветные огни светофоров. Кто-то из шоферов, кому он «подрезал нос», возмущенно засигналил, покрутив пальцем у виска — «полоумный!», Сергей только помотал головой и прибавил газа.

А вот и развилка. Голубые стрелы указателей отправляли один транспортный поток в сторону химкомбината, другой — на проспект Ополчения и дальше, в аэропорт…

Через километр, за поворотом, откроется на холме острая трехгранная стела Памятника боевой славы.

Сергей врубил дальний свет — сверкнул катафотами знак крутого поворота, — вот он, подсвеченный снизу беломраморный обелиск, вонзившийся в низкое хмурое небо. Сергей зарулил на пустынную автостоянку, выскочил из машины и, не захлопнув дверцу, помчался к возвышению, на котором был установлен памятник. Бешено колотилось сердце. Не чувствуя его, Сергей прыгал через ступени нескончаемой бе-

тонной лестницы. Все, вот и площадка наконец!

Ровный ухоженный газон с прошлогодней травой вокруг памятника, приземистые столбики с чугунными цепями, резной каменный орнамент вокруг основания обелиска. Тяжело дыша, Сергей перешагнул через цепь, пошел вокруг памятника вдоль барельефа, укрытого венками из живых и искусственных цветов. Якоря, пропеллеры, пушечные стволы — все эти символы отгремевших сражений появлялись в неярком свете фонарей, когда он дрожащими руками отодвигал венки. Вот граната, трехлинейка, саперная лопата… И наконец, на тыльной стороне памятника, под пышным еловым венком Сергей увидел скрещенные сабли. Было темно, совсем плохо видно…

Сергей отодвинул венок, пошарил по камню руками, нащупал какую-то бутылку, откинул ее ладонью — на камне больше ничего не было, только еловая длинная игла больно вонзилась в палец.

Он чиркнул зажигалкой, но ветер тут же задул ее. Подвернул регулятор, засипело газовое пламя. В слабом мерцании синеватого огонька Сергей пытался рассмотреть нишу под венком — ничего! Разворошил еловые лапы… Зажигалка снова погасла.

В отчаянии он схватил бутылку, посмотрел ее на просвет — внутри была бумажка. Тут же ударил бутылкой о бетон, со звоном посыпались осколки. Сергей схватил бумажный листок, что-то на нем было написано, только не разобрать в темноте.

Зажав записку в руке, он помчался к машине. Добежал, включил освещение, вгляделся в корявые скачущие строчки. Вот оно!

«ТВОЙ СЫН У МЕНЯ. ХОЧИШЬ УВИДИТЬ ЖИВЫМ ЗДЕЛАЙ ТАК. ПРИГОТОВЬ 50 ТЫСЯЧ. ОТДАШ – ПОЛУЧИШ ЕГО. ЕСЛИ СОГЛАСЕН – РАЗБЕЙ БАНКУ КРАСКИ ПРОТИВ КИНО ОРЕОН. ЭТО БУДЕТ ТВОЙ ЗНАК… ПОСЛЕ ЕЗЖАЙ ДОМОЙ – СИДИ – ПРИДЕТ ЧЕЛОВЕК. НЕ ДАЙ БОГ С НИМ ЧТО СЛУЧИТЦЯ И ДЕНЬГИ ДО МЕНЯ НЕ ДОЕДУТ. ПОЛУЧИШЬ ГОЛОВУ СЫНА».

У первого же автомата Сергей остановился, позвонил домой, Зоя сорвала трубку мгновенно:

— Слушаю!.. Слушаю…

— Записка… — сказал Сергей глухо. — От бандита этого записка. Требует выкуп… У тебя ничего?

— Господи! — прошептала Зоя.

— Держись, Зайка… — Сергей судорожно вздох-

нул и попытался подбодрить жену: — Главное, что он жив-здоров…

— Да откуда ты знаешь, боже мой! — с отчаяньем перебила она.

— Ну а как же?.. — забормотал Сергей. — Я еду домой, подожди, чего-нибудь придумаем…

И машинально посмотрел на часы: было семь часов двадцать минут вечера.

* * *

Дверь Андрюшке Плужникову открыла Лидия Николаевна.

— Бабуля, меня чего-то дядя Сережа искал… — начал он с порога.

— Постой, Андрюшка! — крикнул Сергей. — Где Марат?

— Не знаю! — Андрей с недоумением помотал головой. — А его дома нет?

Сергей закрыл глаза. Несмотря на звонки, на записку, в душе теплилось ожидание чуда. Теперь оно угасло. Нет, это не розыгрыш, не шутка, Марат в руках бандитов.

Слышно было, как льется на кухне вода, за окном вскрикнула сирена «скорой», заплакала в голос Зоя…

Запыхавшийся, взмокший Андрей объяснял

торопливо:

— Он ведь домой собирался! Я его звал к себе — нет, говорит, сегодня батя приезжает! — Мальчик возбужденно размахивал руками. — Мы дошли с ним до магазина, на углу мороженое взяли, фруктовое… И разошлись… Еще Лешка Веселов с нами был, он на стадион поехал… А Марат домой собирался… точно!

Сергей подошел к пареньку, спросил подавленно:

— А ты-то сам где был весь день?

— У Левки Шефера, в шахматы играли… — Андрей задумался ненадолго и вдруг хлопнул себя по лбу: — Ой-ой, совсем из головы отлетело — сначала Маратка с мужиками на такси уехал, по делу!

— Что-о? С какими мужиками? — закричала Зоя. — Ты можешь толком рассказать? По какому делу?..

Смущенный Андрюшка затараторил:

— Мы как разошлись, я в музыкальный павильон побежал, «модентокин» покупать, значок такой… Купил. Догоню, думаю, Маратку, покажу ему… Добежал до угла, вижу, он с мужиками этими в машину садится… — Мальчик запнулся и добавил упавшим голосом: — Я закричал, да он

не услышал. И уехал.

— А что за мужики? — с трудом выговорил Сергей. — Откуда они взялись?

— Не знаю, — пожал плечами Андрюшка. — Я их вчера первый раз видел.

— Вчера-а?! — Зоя схватилась за сердце. — Господи, Андрей! Объясни по-человечески!

Андрей почесал в затылке, сказал степенно:

— Мы же вчера в зоопарк ходили. Ну и вот, когда с волчатами играли, эти двое мужиков и подошли… С Маратом разговаривали. Мне они не понравились, рожи у них красные… Вот я и не прислушивался. Щенков каких-то предлагали вроде…

— И все? — спросила Зоя.

Андрюшка развел руками:

— Все… — Подумал немного и предложил: — Может, отцу позвоним — пусть поищут, ведь у них…

— Нет уж, без милиции обойдемся! — сорвалась Зоя. — Еще не хватало, поднимут шум на весь город… Не надо!

Позвонил Лешка Веселов. О Марате он ничего не знал.

— Я пойду… — сказал Андрей уныло и тихо притворил за собой дверь.

— Сходите к Ларисе, мама, — сказала Зоя. — Собирать деньги надо, срочно.

Лидия Николаевна тихо, удивленно спросила:

— Своими нешто не обойдетесь?

Зоя раздраженно бросила на стол пачку облигаций.

— Мы-то, может, и обошлись бы… — сказала она неохотно. — А люди что скажут? Начнут кости перемывать… Ступайте-ступайте, мама, пусть собирают…

Лидия Николаевна тяжело вздохнула, стала одеваться.

* * *

Праздничный стол уже был разобран, лежали на нем деньги, сберкнижки, облигации. В плоской хрустальной пепельнице желто поблескивали кольца, несколько цепочек, сережки. Створки платяного шкафа в спальне были распахнуты, столовую загромождали вынутые из серванта ящики — в доме царил некий целенаправленный беспорядок, как при обыске.

Тахта была завалена вещами: свешивалась до полу вышитая женская дубленка в пластиковой оболочке, рядами лежали в целлофановых пакетах кофты, платья, костюмы. На полу — несколько

обувных коробок с туфлями и сапогами.

Зоя собирала выкуп.

И Сергей, глядя на все это, ощущал мелкую противную дрожь в коленках. Марь, небывальщина приобрела вполне реальные очертания.

Позвонил телефон. Сергей торопливо схватил трубку, в которой заверещал высокий женский голос:

— Сереж! Это тетя Шура. Что с Маратиком — я тут у Ларисы узнала?..

— Правда, тетя Шура, — горестно молвил Сергей. — Сидим вот, ждем у моря погоды…

— А как же это случилось?! — допытывалась родственница.

— Да как случилось! — Сергей махнул рукой. — Утром ушел в школу… Меня еще не было.

Зоя крикнула из кухни:

— Не занимай телефон! Вдруг они будут звонить!

Сергей запнулся, сказал в трубку неловко:

— Извини, тетя Шура… Телефон нужен. Ты расспроси у Ларисы, она все знает.

Сергей нажал пальцем на рычаг аппарата, и тут же раздался новый звонок. На проводе был преступник.

— Прочитал?.. — спросил он кратко.

— Прочитал, — тихо ответил Сергей. — Только… нету у меня таких денег…

Зоя слушала по параллельному аппарату.

Трубка молчала.

Сергей взмолился:

— Ребята! Где ж мне взять столько!..

Негодяй проговорил лениво-равнодушно:

— Ну-у… Как хочешь…

Зоя подскочила к Сергею, схватила его за плечо, шепнула яростно:

— Соберем!.. Скажи ему! Соберем!.. Завтра.

Сергей прокашлялся, сказал нерешительно:

— Мы… это… соберем. Завтра…

— Соберете? — насмешливо переспросил преступник. — Ну, это ваше дело… «Соберут» они, ха… Да вы хоть банк взорвите, мне без разницы. Лишь бы деньги были…

— Будут, — сказал Сергей.

— Ну то-то. Давай, двигай… — Он помолчал немного и добавил: — Только про *знак* не забудь!

— Про знак? — удивился Сергей. — А зачем? Я же…

— Так надо! — перебил преступник. — Все!

И положил трубку.

* * *

Лидия Николаевна вернулась с младшей дочерью Ларисой. Сестра с порога бросилась Зое на шею, обняла ее, заплакала. А у Зои глаза были сухие, она словно окаменела. Освободилась от объятий, подошла к серванту, взяла с него фотографию: Марат в круглых забавных очочках ласково обнимал за шею кудрявого пуделя. Всмотрелась в карточку, сказала с горечью:

— Ведь говорил он мне вчера — кто-то щенка ему обещал… А я без внимания, даже не спросила — кто… что… Все на бегу…

— Да кабы знать было! — Сергей погладил ее руку. — Пацан давно мечтал… после Дэзи… И ты ему обещала.

Зоя прикусила губу.

— Обещала. Да закрутилась… — выдавила она из себя. — А они, сволочи, подманили… О-ох! Он ведь доверчивый… — И, подавив рыдание, добавила: — Сам как щеночек…

Взяла со стола сигареты, чиркнула зажигалкой, закурила. Глубоко затянувшись, спросила Сергея:

— Сколько у нас?

Сергей полистал сберкнижки, обвел рукой раз-

бросанные повсюду вещи:

— Денег — восемнадцать тысяч. Облигаций — шесть тысяч триста. А вещи… даже не знаю. Как их растолкать? Ведь быстро надо!

Вмешалась деятельная Лариса:

— Об этом и не думайте! Я полгорода знаю. Завтра девочкам предложу на работе, еще кой-кому… Вещи дефицитные, мигом расхватают.

Она раскрыла сумочку, достала из нее пачку денег:

— Девятьсот я уже собрала. Тут мои, и тетя Наташа Волкова дала. Завтра по тысяче принесут Лида Заплетина и Покатиловы… И тетя Наташа обещала еще пятьсот с книжки снять. Да о чем говорить, деньги соберем… каждый последнее отдаст — беда-то какая!

Лидия Николаевна тяжело вздохнула:

— Я уж ей говорю, Ларисе-то: записывай, кто чего дает, а то забудем вгорячах…

— Не бойтесь, мама, люди про свое не забудут, — хмуро сказала Зоя.

Лариса побежала в прихожую, принесла оттуда целлофановый пакет, вытрясла на скатерть содержимое — стандартный набор драгоценностей наших женщин: колечки, серьги, тоненькие золотые цепочки. Сказала со вздохом:

— Тети-Наташины и мои… Сережки от тебя, Зой, дареные, помнишь?

Зоя кивнула.

Зазвонил телефон — родные и знакомые справлялись о Марате, горестная весть быстро расходилась по городу. Сергей, сгорбившись на мягком стуле, отвечал торопливо, односложно, спеша положить трубку, освободить телефон. Тихонько цокали часы, выскакивала безголосая кукушка, а те, чьего звонка он ждал, не появлялись.

Зоя взяла с окна автомобильное зеркало, повертела его в руках и спросила вдруг:

— Сережа, а сколько можно взять за машину?

На лице Сергея выразилось недоумение.

— Не знаю, — сказал он. — Я ведь продавать не собирался…

Зоя раздраженно перебила:

— О чем ты говоришь? В таком положении.

— Да нет, ты меня не поняла, Зайка! — Сергей выпрямился на стуле. — Просто я не знаю… Тысяч пятнадцать-двадцать.

Лидия Николаевна, стоявшая в дверях из прихожей, спросила:

— Сережа, а как все-таки с милицией?

— Да вы что, мама! — взвилась Зоя. — Его убьют!

Повисло неловкое молчание. Из кухни с кружкой чая пришла Лариса. Примостившись на краешке стола, она сказала рассудительно:

— Вообще-то посоветоваться не мешает. Не пришлось бы потом волосы на себе рвать… Мы ж не разбираемся, Зой! Вдруг чего не так делаем. Представь, что они, бандюги, деньги заберут, а Марата…

— Да пропади они пропадом, эти деньги проклятые! — закричала Зоя. — Марата надо спасать!

Сергей поднялся, подошел к жене, сказал просительно:

— Дело не в деньгах, Заинька… Ведь мы и впрямь в таких делах ничего не смыслим…

Он чувствовал какую-то правоту в словах Ларисы, в ее сомнениях: не слишком ли много они брали на себя, полагаясь на обещания преступников?

— И смыслить тут нечего, — отрезала Зоя. — Соберем деньги и отдадим. А они привезут Марата.

— Да я не спорю, пойми, Зоя, — умоляюще сказал Сергей. — Но ведь посоветоваться мы можем?

— С кем? — И повторила с нажимом: — С кем?! В милицию побежишь?

Сергей покачал головой:

— Не побегу… Я брату позвоню, Николаю.

Зоя всплеснула руками:

— Какой же ты все-таки ребенок, Сережа! Много он понимает, твой паспортист! — Она пренебрежительно скривила губы.

Николай Зимовец был дальним родственником Сергея, двоюродным, что ли, братом, и работал в паспортном отделе милиции. Тихий скромный человек, Зоя шутила когда-то: «От него и тень не ложится!..»

— Я могу самому генералу позвонить, бегом прибежит… — сказала Зоя раздумчиво. — Да только не надо нам этого. Шум поднимут, обязательно вопрос возникнет — почему именно нас жулики для выкупа выбрали, откуда деньги, мол… А главное — никак мы ребенком рисковать не можем, ведь ясно — имеем дело с бандитами, от них чего хочешь жди… Ты понял, Сергей?

Сергей понуро кивнул. Зоя решительно прошла в прихожую, сняла с вешалки куртку, протянула ему:

— Тогда хватит сиднем сидеть. Иди к соседям, к Жуковым!

Сергей механически взял куртку, потом спросил с удивлением:

— К Жуковым? Зачем?

— У них ремонт. Одолжи банку краски и езжай к этому кино. Как его — «Орион»?.. И сделай все, как велели в записке. Знак!

Сергей покорно натянул куртку и отправился к Жуковым.

Зрителей только что запустили на сеанс, и у входа в «Орион» было пустынно, лишь топтался на тротуаре с несчастным видом курсант в надраенных кирзовых сапогах и с невостребованным билетом в руке. Сергей вынул из машины стеклянную банку с краской, обернул ее газетой. «Дичь какая! — с усталым возмущением думал он. — На что им эти трюки?.. Но ничего не попишешь, приходится подчиняться...»

Воровато оглядевшись, он подошел к фонарному столбу и как бы нечаянно ударился о него локтем. Банка выскользнула из газеты, глухо стукнулась о край тротуара и скатилась на мостовую. Цела! Сергей поднял ее и с остервенением треснул о бордюр, уже не таясь. Банка разбилась, жидкие белила обрызгали столб, мостовую, натекли заметной лужицей на тротуар. Как назло, в этот момент из дверей кинотеатра вышел пожилой мужчина с военной выправкой. Негодующе покосившись на Сергея, который стоял с растерянным видом над разбитой банкой, прохожий

сердито пробормотал что-то насчет безруких разгильдяев и пошел своей дорогой. Сергей, в жизни не бросивший окурка мимо урны, опустил голову и отошел к гигантской размалеванной афише «Воров в законе». Валентин Гафт сурово глянул на него с афиши, и Сергей, поежившись, сел в машину.

Через окно он тоскливо вглядывался в редких прохожих: ему казалось почему-то, что похитители должны немедленно убедиться в том, что их волю послушно выполнили. Но люди торопливо проходили мимо, не обращая никакого внимания на его «знак».

Все-таки он посидел еще немного, пока не сообразил, что «знак» можно отлично увидеть и не подходя к нему — из любой проезжающей машины. Тяжело вздохнув, он запустил мотор и медленно поехал по улице, всматриваясь в прохожих.

Уже около дома он увидел со спины двух мальчишек впереди на тротуаре и резко прибавил газ, а догнав, резко тормознул, заглянул им в лица. Незнакомые мальчишки удивленно посмотрели на него, и он, зачем-то махнув им рукой, поехал дальше…

* * *

В кухне было темно. Облокотившись на подоконник, Зоя тоскливо смотрела в окно. Глаза у нее были сухие.

Не оборачиваясь, она спросила односложно:

— Сделал?..

— Все как велено… — тихо сказал Сергей. Не решаясь зажечь свет, он в темноте нашарил стул, присел к столу.

Томительная давящая тишина охватила дом.

Место у окна стало ее наблюдательным пунктом. Зоя не могла оторваться от него, ее неодолимо тянуло сюда, словно, отойдя на минуту, она могла пропустить на улице сына.

Перед глазами застыли, навсегда врезавшись в память, корявые строчки записки, и, перебирая их снова и снова, Зоя мучительно недоумевала — за что?.. почему эта беда свалилась именно на них?.. где он, сынок, сынуля, кровиночка?.. Холодящая пустота заполняла грудь, и в голове кружилась вокруг незримой оси одна-единственная мысль: над ее ребенком нависла смертельная опасность…

И Сергей, в темноте, в молчании, думал свою

горькую думу. Какая жуткая нелепость! Украли ребенка, надо бы весь белый свет поднимать, а они — молчок. Вроде бы с преступниками заодно! Только предупредил ведь негодяй: побежишь в милицию — сына в живых не увидишь! Как же быть?.. Что правильно?

Тишину разорвал телефонный звонок.

— Сергей Иванович? Здравствуйте, это Назимова из родительского комитета, — раздался в трубке взволнованный голос. — Это правда, что Марат… потерялся?

Доброжелательная энергичная женщина. Ее помощь может пригодиться. Сергей сглотнул застрявший в горле ком, проговорил хрипло:

— Не потерялся, Нина Петровна… Его украли.

— Какой ужас, боже мой! А кто?.. Зачем?

Сергей подумал немного, потом решился:

— Кто — мы не знаем. Они требуют… денег.

Ни секунды не размышляя, Назимова воскликнула:

— Я соберу родителей! Мы вам наверняка поможем… сколько нужно денег?

— Пятьдесят тысяч.

— Ого-о!.. — Она помолчала немного. — Ничего себе… Но я уверена, Сергей Иванович, каждый даст, сколько сможет.

Еще помолчала, собираясь с мыслями, потом спросила:

— А что в милиции говорят?

Вот и она про милицию. Понятное дело. Сергей промямлил:

— Мы в милицию не заявляли… Пока…

Назимова невероятно удивилась:

— Не заявляли?! А как же… Почему, Сергей Иванович?!

Не знаешь, что и ответить. Сергей сказал неопределенно:

— Это… ну… сложный вопрос…

— Не понимаю, — сказала Назимова медленно. — Как же можно без милиции? Мне кажется, их надо срочно подключать. А вдруг, не дай бог, с Маратом что-нибудь случится?

— Да… наверное, мы так и сделаем, — вяло сказал Сергей.

— Обязательно надо сделать! Ну а я по своей линии… Счастливо… — Назимова положила трубку.

«Милиция… милиция…» — задумчиво пробормотал Сергей и посмотрел на часы. Стрелок в темноте не было видно. Сергей поднялся, пошел в столовую, включил свет. Десять часов. Что же все-таки делать?

Пришла теща, о чем-то шепталась с Зоей на кухне. Сергей потерянно бродил по комнате, вздыхал. Позвонил Саша Михеев, старый приятель Сергея, принялся встревоженно расспрашивать его о Марате. Сергей отвечал односложно, раздраженно и, не договорив, бросил трубку.

Лидия Николаевна подошла к двери, сказала укоризненно:

— Сереженька, ты бы покультурней с людьми разговаривал. Они ведь тоже волнуются.

— Телефон же нельзя занимать! — с отчаянием промолвил Сергей.

— Оно так… — сказала теща и горестно добавила: — Только чего их зря обижать… нам их помощь сейчас позарез нужна!

— М-да… наверное, — согласился Сергей и прошел на кухню. — Зайка, давай я все-таки Николаю позвоню! Надо ж с кем-то посоветоваться! — И добавил горячо: — Ты ведь знаешь, он человек надежный, верный. И не болтун.

— Что толку! — бросила Зоя и махнула рукой. — А-а, делай как знаешь.

Сергей набрал номер. Голос Николая слышался сквозь шум хоккейного матча по телевизору.

— Коля, это Сергей говорит, Шерстобитов. Мне поговорить с тобой нужно.

— Говори! — весело пробасил Николай. — А лучше, если не срочно, через часок — хоккей идет больно хороший.

Сергей взмолился:

— Коля, брось все, я тебя прошу! Брось все и беги ко мне. У нас беда — Маратик пропал!!

— Бегу…

Сергей взял сигареты, молча накинул куртку и вышел из дома. Стоял на улице возле ворот, курил, тоскливо, безнадежно вглядывался в редкие фигуры прохожих…

* * *

Родственник Николай — светловолосый, могучий и на удивление робкий — был растерян по-настоящему. Пятнадцать лет барабанил он в милиции, но с оперативными делами ее вплотную не сталкивался, занимался паспортными вопросами. Конечно, в целом он был «в курсе», но для сегодняшней истории этого было мало.

Случалось порой — разведенные родители не могли поделить ребенка, и на этой почве его могли выкрасть, а вернее сказать, тайком перетащить на свою квартиру. И занимался такими конфликтами не столько уголовный розыск, сколько народный суд. А вот чтобы похитить

мальчишку и его же головой шантажировать родителей — о таких гнусных делах слыхом не слыхали, не только что в городе, но и во всей республике!

И Николай лишь разводил руками.

— С одной стороны, вроде бы заманчиво: отдать им деньги и получить обратно Маратку, — пытался он рассуждать логически. — А если обманут, а?.. Тогда что?

Родители молчали.

— С другой стороны, — продолжал Николай, — сидеть у моря и ждать погоды, сложа руки… — он с недоумением смотрел на свои волосатые кулаки-кувалды, — это же нельзя, невозможно…

Разговор остановился. Они не смотрели друг на друга.

Молчание прервала Зоя:

— Не надо мудрить, — сказала она невесело. — Соберем деньги и будем ждать.

— А если его убьют? — спроста буркнул Николай и сам испугался, втянул голову в плечи.

Зоя посмотрела на него с ненавистью, но сказала почти спокойно:

— Не убьют. Они же деньги возьмут… совесть-то есть!

Сергей покачал головой, сказал подавленно:

— «Со-овесть»… У них вместо совести крапива растет.

Николай сделал новую попытку:

— Я вот о чем еще думаю… А вдруг мы вообще не так все это раскладываем?

— В каком смысле? — спросил Сергей удивленно.

— Ну, вдруг Марат попал, к примеру, в больницу, — пояснил Николай. — Или в ту же милицию. А кто-то узнал — и пользуется. Оно ведь всяко бывает.

Мысль показалась резонной, и Сергей ухватился за нее.

— А что… — сказал он медленно. — Нам же ничего не мешает… Спросить. Ну, узнать…

— У кого? — едко спросила Зоя.

— У кого, у кого… — забормотал Сергей и повернулся к брату? — Ты ведь можешь, Коля, спросить там… у себя. Посоветоваться. По секрету, конечно. Ну, неофициально, что ли. — И скорее для Зои: — Тем более бандиты не звонят… Сколько можно ждать?!

Зоя отвернулась.

— Давай, Коль, попробуем, — сказал Сергей.

Оба они опасливо посмотрели в сторону Зои. Николай поднялся:

— Я с Возным потолкую, это начальник уголовного розыска. Сыщик классный, а главное — человек очень душевный, он поймет… — Николай для убедительности даже прижал руку к сердцу.

Телефонный звонок прервал разговор. Сергей бросился к аппарату, послушал, потом сказал торопливо:

— Да, Павлик… Все так… Только извини, я не могу занимать телефон, они должны звонить… Да… Ты расспроси Ларису, она все знает.

Положил трубку и незаметно сунул брату записку преступника:

— На всякий случай…

Николай кивнул. Уже в прихожей вспомнил:

— Сереж, дай мне какую-нибудь фотографию Маратки, может пригодиться.

Сергей снял с серванта альбом, полистал, нашел карточку, со вздохом протянул Николаю:

— Вот, недавняя… На елке снимали.

На фоне празднично украшенной пышной ели приветливо улыбалось всему свету веселое и, несмотря на очки, озорное лицо Марата. В руках мальчика были новогодние подарки — кулек с конфетами и «кубик-рубик»…

Захрипели на стене часы, выскочила из дупла

безголосая кукушка. Было 11 часов вечера.

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ПЛУЖНИКОВ

Вчера мне исполнилось сорок лет. Дом был полон цветов, пришли хорошие люди, наши друзья. Родственников, естественно, не было, потому что все они живут в Москве, и не такая уж я птица в перьях, чтобы ехать за тридевять земель на мой скромный юбилей: прислали телеграммы на красочных бланках, маме я сам позвонил, и все получилось о'кей. Я и не числю этот праздник таким уж всенародным, так, хороший повод собраться за столом, выпить маленько, вкусно закусить, благо мои женщины, жена и теща, знатные кулинарки; потолковать с друзьями про всякое — и, как говорится, подвести предварительные итоги.

Я смолоду любитель подводить предварительные итоги. И поскольку они всегда оказываются меньше того, что я намечал, эта моя безобидная привычка зовет меня к дальнейшим свершениям. Итак, что имеем к сорока?

Юрий Петрович Возный, наш боевой начальник угрозыска, на вчерашнем торжестве, отставив в сторону бокал и загибая пальцы на могучем кулаке, перечислил: Игорь, хоть и молодой, а

уже начальник следственного отдела, майор милиции, у начальства на хорошем счету, у подчиненных, как ни странно, — тоже; жулики его боятся, в браке благополучен, в быту устроен. И так далее. Поэтому выпьем за хорошего человека Игоря Сергеевича и пожелаем ему…

А я, я сам? Не могу сказать, что я собой очень доволен и подобно некоему умнику готов прожить следующую жизнь, коли она подвернется, точно так же, как и нынешнюю. У меня к себе есть претензии, и я, подумав, нашел бы, как прожить новую жизнь по-другому.

Но поскольку так не бывает, я должен удовлетворяться тем, что у меня любимая жена, славный пацан Андрюшка, добрая теща и интересная работа, которая мне нравится, потому что я чувствую себя на месте; нашел, что называется, свое призвание.

Правда, моя жена Юленька, человек серьезный и организованный, кое-что критикует: «Все у вас не как у людей — ждете не того, что должно быть, а чего-то совсем наоборот». Но меня как раз это и привлекает, хотя неожиданности у нас случаются не очень-то приятные. Иногда от них просто с души воротит — сколько в людях мерзости и негодяйства, — но сознание того, что ты, ты сам

чуть ли не единственный барьер между мерзавцами и добрыми людьми, — как-то возвышает.

Размышляя обо всем этом, я не спеша завариваю чай. В квартире тепло, тихо, по радио передают песни Михаила Танича, на экране телевизора — беззвучная хоккейная баталия. Юля с тещей в театре, Андрюшка у приятеля играет в шахматы и должен вот-вот прийти. В душе покой и благоволение.

Я ополаскиваю кипятком чайник, специальной деревянной лакированной ложечкой подсыпаю чай. Я люблю эту древнюю церемонию. Интересно, что какая бы ни была у меня заварка — индийская, краснодарская или цейлонская, — в результате получается ароматный густой настой, который моя теща зовет «чудесным грузинским веником». А мне нравится!

Хлопнула дверь — пришел Андрюшка, крикнул с порога: «Папка, ты дома?» Я выглянул в коридор.

Андрюшка был какой-то весь взъерошенный, растерянный, испуганный. Он подошел ко мне и прошептал дрожащими губами:

— Папка, Марат Шерстобитов пропал! Его украли…

* * *

— ...Да, да... И детских работников подключаю, и участковых вызвал... Нет, ничего не говорим пока, никому... Жду, товарищ генерал! — массивный громогласный Юрий Петрович Возный разговаривает по телефону, поглядывая то на меня, то в сторону нахохлившегося в углу, возле сейфа, Андрюшку.

Полчаса назад, когда я уже выслушал сына, но еще не знал, что делать мне, Возный позвонил и попросил срочно приехать: родственник Шерстобитовых, наш паспортный работник, сообщил ему о похищении ребенка и принес записку преступника. Сейчас Возный стремительно собирал опергруппу, уточнял обстановку в городе. Отключив селектор, он пояснил мне:

— Едут сюда начальник управления и прокурор... — потер крутой лоб и добавил: — Ну-у, исто-ория! Ты что-то говорил про его родителей, Андрей?

Мой сын сказал неодобрительно и очень по-взрослому:

— Они боятся. И не хотят, чтобы милиция вмешивалась в эту историю. — И выпалил с возмущением: — Дураки какие!

— Андрей! — заорал я. — Как тебе не стыдно!

— А что? — буркнул ребенок. — Разве ты бы не помог?

Игнорируя мои педагогические переживания, Возный спросил Андрея:

— Ты хоть запомнил мужиков-то?

— Конечно! — уверенно сказал мой. — У меня эта… глазовая память, будь спок, ломовая. Один — длинный такой, усы рыжие и шапка желтая. А другой — поменьше, толстоватый… Шапка тоже на нем была, только черная.

— М-да-а… — Возный откинулся на спинку массивного стула, и тот жалобно застонал под ним. Сыщик поднялся, сердито покосился на ненадежную мебель, прошелся по кабинету.

— Исто-ория… — повторил он и повернулся ко мне: — Ну, Игорь Сергеевич, что обо всем этом думаешь? Ты ведь у нас самый грамотный.

— Трудно сказать, — промычал я неопределенно. Взял осторожно, за края, записку преступника, пробежал еще раз глазами. — Хотя записка эта, звонки, угрозы… Откровенно говоря, предчувствие у меня нехорошее.

Возный открыл сейф, взял в руки какую-то папку, бегло посмотрел, бросил обратно. И спросил вдруг:

— Слушай, Андрей, а не мог Марат с родителями поссориться?

— Да вы что, дядя Юра! — даже обиделся за приятеля Андрей. — Они знаете какие дружные! Марат хвалился, что его ни разу в жизни не наказывали!

Возный кивнул. Погрузившись в сейф, принялся перебирать бумаги. Из железного чрева шкафа, как из бочки, гулко донесся его голос:

— А у них еще дети есть?

— Нет, — сказал Андрей. — Один Маратка.

— Начальство всполошилось, что ты! — Возный вынырнул из сейфа, покрасневшее лицо его было растерянным, я его таким еще не видел. — Шуму бу-удет!..

Ничего удивительного, что наше начальство всполошилось. Шутка сказать — украли ребенка одной из главных персон области!

— Ничего удивительного, — сказал я, не вдаваясь, впрочем, в эту подробность. — У нас такого отродясь не было.

— Ну, как тебе сказать, кое-что было, — возразил сыщик. — Но не в этом дело, ты посмотри на какую фигуру замахнулись! Совсем оборзели, сволочи!

Возного, в отличие от меня, интересовали по-

дробности. Но я пока обсуждать их не хотел и поэтому напомнил:

— Так что, ты говоришь, было?

Возный задумчиво погладил кудрявую шевелюру.

— Ну, например, год назад нищенка одна, старуха, девочку украла.

— Ну?..

— Задержали. Старуха объясняет: «Ангелочек! С нею подают больше».

— Не то, — сказал я.

Возный пожевал губами, сказал недовольно:

— Ясное дело, не то. А вот еще было… Э-э… Редькины, Анна и Петр… Из ясель украли, тоже девочку.

— Зачем?

— Вот и мы, значит, нашли и спрашиваем — зачем? Оказалось — бездетная пара.

— Ага, сами себе родить не могли, — уточнил я. — Не то.

Возный взял из сейфа тонкую папочку, помахал ею в воздухе:

— Некто Жариков. Тоже в прошлом году — собственного сына украл.

— Это как так? — удивился я.

— Очень просто, — поморщился Возный. — Ему

жена отставку дала, так он пацана со двора свел и спрятал. И жене ультиматум: пока не вернешься ко мне — сына не увидишь!

— Все не то, — сказал я с непонятной досадой и подумал — вот она, жестокая логика прогресса: раньше воровали продуктовые авоськи с форточек, стираное белье с веревок, в крайнем случае бродяжка уводила чужого ребенка, чтобы лучше подавали. Как пел Высоцкий — «и вору было нечего украсть». Нищенское состояние людей, нищенская фантазия вора. А нынешнему жулику масштаб нужен. Какие там подштанники с бельевой веревки, какая там милостыня — на сильных мира сего руку поднимают! Рэкет, смертельный шантаж!..

Возный мерил кабинет короткими шажками, качал кудрявой головой, бормотал что-то себе под нос.

Дверь распахнулась, быстро вошел невысокий сухощавый генерал, начальник управления, за ним областной прокурор, следом разное начальство поменьше, в милицейских и прокурорских мундирах. Иван Сергеевич, генерал, с ходу спросил Возного:

— По дежурным службам проверил?

— Так точно, товарищ генерал! — вытянулся

Возный.

— По больницам?

— Проверил, нет его…

— Садитесь все! — скомандовал генерал. — Похоже, что дело серьезное…

И называется оно — киднеппинг, вспомнил я.

* * *

У Шерстобитовых было тихо. Часы показывали одиннадцать тридцать. Зоя, оперевшись на подоконник, курила. Сергей сидел за столом у телефона, односложно отвечал на звонки родных и знакомых, извинялся — «Простите, не могу занимать телефон».

Лидия Николаевна, присев на скамеечку, тихо плакала в темноте ванной комнаты.

Сергей поднялся, подошел к серванту, налил себе рюмку коньяку, выпил, не закусывая. Побродил по комнате, механически повернул выключатель телевизора. В комнату рванулся оглушительный рок. Зоя изумленно посмотрела на Сергея, и он, смутившись, торопливо вырубил телевизор. Снова звонил телефон, Сергей говорил устало:

— Да… Ничего нового…

Вернулась из очередного похода Лариса, по-

весила пальто, прошла в комнату. Из сумочки достала две пачки денег, положила на стол. Развернула носовой платок — в нем был фигурный перстень. Глядя на Зою, сказала с деланым оживлением:

— Мокшанины и Рахимовы: восемьсот и тысяча… от души люди дают, уговаривать не приходится.

Зоя каменно молчала: ни следа в ней не осталось от румяной радостной женщины, накрывавшей праздничный стол несколько часов назад. Лицо ее подсохло, глаза впали, была она как резиновый мяч, из которого выпустили воздух.

Лариса покрутила в руках перстень, положила его на скатерть, сказала растерянно:

— Свадебный. «Поцелуйчик» называется…

Зоя не ответила. Тогда Лариса задумчиво спросила:

— Зой, а не может быть, что вовсе не в выкупе дело?

Вопрос ее несколько мгновений висел в напряженной тишине квартиры, а потом Зоя сказала глухо:

— Я об этом все время думаю…

Сергей поднял голову, уставился на Зою.

— Помните Вадьку Суземова, из моей груп-

пы? — Она встретилась взглядом с Сергеем, и тот кивнул. — Я тебе, Сергей, не рассказывала, как-то ни к чему…

— О чем не рассказывала? — удивился Сергей.

— Мы ведь с ним помолвлены были, — сказала Зоя. — А потом я к нему пригляделась получше — и наотрез! Противный он оказался, ждал, когда за него в трамвае заплатят…

Зоя задумалась, и Лариса нетерпеливо спросила:

— Ну-ну, Зой, и что?..

— Посчитал он, дурак такой, что я его опозорила. — Зоя отвернулась к темному окну. — И поклялся, что отомстит… Я только сегодня и вспомнила. Он сказал тогда: «Я сработаю, как мина замедленного действия».

— Боже мой… — прошептала Лариса. — И ты думаешь…

— Думаю! — перебила Зоя и повернулась к сестре. — Дело в том, что я встретила его недавно, мы с Мараткой из бассейна шли. Он поглядел на него: «Что, мол, с любимым сыночком? Счастлива?». Я говорю — счастлива! А он мне: «Ну-ну…» Усмехнулся как-то криво… и пошел…

— И ты думаешь, он способен… — начал Сергей.

— Черт его знает! — сказала Зоя и снова отвернулась к окну.

* * *

Совещание вел прокурор.

— …Создаем штаб операции, — говорил он. — Это тем более необходимо, что случай для нашей области — исключительный.

— Их и по стране было всего несколько, — заметил генерал. — За все годы.

— Да. Поэтому нам самим придется вырабатывать методику следствия, оперативных мероприятий и все такое прочее. Никакого опыта, считайте, нет. Само собой — запросим Москву… — Он повернулся к Плужникову. — Этим вы займитесь, Игорь Сергеевич.

— Есть. Но тут еще одна загвоздка, — сказал Игорь. — Родители ребенка категорически против нашего вмешательства.

Прокурор тяжело вздохнул, развел руками:

— Их позиция, сами понимаете, формально — по закону — нас не связывает. Мы обязаны возбудить уголовное дело. Обязаны!

Генерал указал пальцем наверх и сказал опасливо:

— А как *первый* на это посмотрит? Ну… поскольк-

ку Зоя Михайловна против?

Прокурор задумался, задачу ему приходилось решать не из легких. А Возный решил поддержать свое начальство:

— Извините, товарищ прокурор, но у вас ведь нет официального заявления. Негласное сообщение от их родственника… — Он посмотрел на Игоря. — Остальная информация исходит от ребенка.

— Нам не важно, откуда исходит информация, — рассердился прокурор. — Лишь бы достоверная была… Она ведь — достоверная?

Возный кивнул.

— А если мальчика убьют? — распаляясь, продолжал прокурор. — Родителям преступники внушают, что опасность связана с нами, ну, если мы вмешаемся. Надо им объяснить, что это не так.

— Соедини-ка нас, — попросил Возного генерал.

Возный заглянул в справочник, набрал номер. Ответила Зоя.

— Зоя Михайловна, мы знаем о вашей беде… — начал генерал.

— Спасибо, — перебила Зоя так же холодно. — Но я бы просила не вмешиваться. Это наше

личное дело…

— Конечно. Но поговорить все-таки надо, — мягко сказал генерал. — Обязательно. Мы же хотим помочь вам, Зоя Михайловна.

— Я знаю, как вы помогаете, — язвительно ответила Зоя и вдруг сорвалась на крик: — Не надо! Мы не хотим! Вам что — не ясно?

— Ясно, — терпеливо подтвердил генерал. — Но выслушайте меня, пожалуйста. Мы не можем такие важные вопросы решать по телефону. К вам подойдут — не беспокойтесь, незаметно — наши люди…

* * *

Вся семья была в сборе. Игорь Плужников примостился у края стола. В этом доме он чувствовал себя явно не в своей тарелке — незваный и нежелательный гость! Возный и его опер Строев расположились у самых дверей.

Но дело надо делать, и Игорь упорно убеждал Шерстобитовых:

— …Конечно, это заманчиво выглядит — заплатить им выкуп, и дело с концом. А если обманут?.. Вы готовы взять на себя такое?

Зоя, застыв на своем наблюдательном пункте у окна, безучастно слушала, курила. Сергей

молчал.

— Поймите, если преступники не будут бояться нас, — продолжал Игорь с нажимом на слово «нас», — они распоясаются. Они могут пойти на все!

— Зачем это им? — вяло возразила Зоя. — Они же затеяли все ради денег. Получат выкуп и вернут ребенка…

— Может быть. Но Марат уже большой мальчик…

— И что?

— Он их видел, знает в лицо. Он опасен для них!

— Ерунда! Какая опасность, пока все это между нами, — упрямо сказала Зоя. — А вот если вы вмешаетесь… все испортите!

Игорь встал, прижал руки к груди:

— Мы не испортим! Зоя Михайловна, я, конечно, не могу гарантировать… но все, что можно, — будет сделано! За это я ручаюсь.

— Не надо! — закричала Зоя, швырнув в пепельницу сигарету. — Не надо мне ваших ручательств, отстаньте, черт возьми! Вы не имеете права, в конце концов! Ребенок мой, и мне решать…

Сергей в растерянности переводил взгляд с нее на следователя.

— Но мы не можем стоять в стороне, — пробормотал Игорь, и острое сухое лицо его пошло пятнами.

— Очень даже можете! — кричала Зоя. — Мало вы стоите в стороне, когда вас люди просят?! А сейчас — не просим! Не вмешивайтесь…

Она стремительно подошла к столу, налила себе воды из графина, выпила, поставила стакан и повторила:

— Не вмешивайтесь! И я уже говорила: без моего заявления у вас нет законных оснований…

— Я напишу сейчас рапорт… обо всем этом… — рассердился наконец Игорь, — и будет основание…

Вспышка гнева, видимо, вконец обессилила женщину, и она тяжело опустилась в кресло. Из часов выскочила безголосая кукушка, задергалась на своем насесте. Зоя тоскливо посмотрела на нее и сказала тихо:

— Я вас добром прошу… оставьте меня в покое… Уходите.

Игорь пожал плечами и направился к выходу. В дверях сказал:

— Сергей Иванович, у меня к вам несколько вопросов…

Оперативники вышли на лестницу. Сергей,

оглянувшись на Зою, сидевшую с закрытыми глазами в кресле, последовал за ними. Внизу, в парадном, остановились, и Игорь сказал:

— Сергей Иванович, она мать… все понятно. А с вами я хочу… ну, по-мужски поговорить.

Сергей молча кивнул.

— Давайте вместе порассуждаем. У нас всего два варианта. Возьмем лучший — что преступники и не собираются убивать ребенка… На убийство, знаете, трудно решиться. А что пугают — ясно, им нужно деньги выманить. Коли так, они со временем вернут мальчика… Но это лучший вариант, понимаете?

— Да, конечно… — выдавил из себя Сергей.

— Надо смотреть правде в глаза, — сурово сказал Игорь. — Эти подонки способны на все! Могли решиться и на убийство. И тогда одно из двух: или они его держат, *пока,* ну… вдруг он потребуется для выкупа… В этом случае нужно их опередить!

— Я понимаю… — прошептал Сергей.

Кусая губы, Игорь сказал жестко:

— Или его… *уже нет.*

Сергей стоял с закрытыми глазами, плечи его судорожно тряслись. Игорь взял его за локоть, притянул поближе к себе, прошептал:

— Тогда тем более надо их найти, этих бешеных

псов. Найти и уничтожить.

* * *

Рация в оперативной машине передавала циркуляр управления:

«…Ориентировать весь личный состав города и области на розыск мальчика… При всех видах проверки соблюдать строжайшую конспирацию. Контролировать весь автотранспорт при выезде и въезде… Блокировать аэропорт, железнодорожный вокзал, автостанцию… К утренней смене каждому сотруднику вручить фотографию ребенка…»

Улица была пустынна, в переулках клубился ночной туман, редкие тусклые фонари освещали, казалось, самих себя, и в нескольких шагах от них тьма сгущалась еще сильнее. Потрескивала рация, в машине было холодно. Подняв воротник щеголеватой джинсовой куртки, Строев сказал:

— Жуликам выгодней держать мальчишку…

Возный завозился шумно на заднем сиденье, буркнул:

— Думаешь?

— Конечно! У них цель — бабки получить, — сказал Строев уверенно. — А не вешать на себя убийство… со всеми вытекающими последствия-

ми. Что, не так?

— Пацан — свидетель… — заметил Возный.

— Да ну, Юрий Петрович, скажете тоже! — возмутился Строев. — Какой из мальчишки свидетель! Зато если его живым отдадут — это ж для папки с мамкой такое счастье, — об остальном и думать забудут! Как полагаете, Игорь Сергеевич?

Покачиваясь на переднем сиденье, Игорь слушал их разговор вполуха. Не оборачиваясь, сказал:

— К сожалению, все это мечтания наши… — покачал головой и добавил: — А пока… даже думать не хочется, что они там с пацаном вытворяют…

— Во милиционеры нынче пошли, нежные да трепетные. — Строев сочувственно ухмыльнулся.

Игорь повернулся к нему, сказал спокойно:

— Нынче пошли такие, как ты, — хладнокровные. А нежные да трепетные на пенсию собираются…

Строев захохотал:

— Это вы-то на пенсию? Вам еще и пятидесяти нет!..

Игорь промолчал. Машину сильно тряхнуло на яме в асфальте. Чертыхнувшись, Строев вернулся к разговору:

— Вот возьмем эту историю. Честно говоря, не понимаю я, чего мы-то дергаемся. Ищем на свою шею приключений.

Возный неодобрительно покосился на него, проворчал:

— Ну да, тебе бы свои височки куда-нибудь списать. И — вперед: в бар либо по видику голых баб смотреть!

— У вас, Юрий Петрович, искаженное представление о моем досуге, — отмел обвинение Строев. — Но не будем отвлекаться от дела. Итак, у нас не только заявления потерпевших нет. Нас прямо метлой гонят! А мы навязываемся…

— Что значит — навязываемся… — буркнул Возный.

— А то значит, что не нужны мы им — ни с делом Кокорева, ни даже с собственным пацаном.

— Вот как!

— Конечно! Кокорев им всем кормилец, так что трогать его нельзя. А с мальчишкой — так денежки у Шерстобитовых имеются, договорятся они потихоньку с жуликами, и порядок. Мы тут лишние… — И с каким-то даже удовольствием повторил: — Лиш-ни-е! Мы не для них существуем, мы — для народа!

Возный очень профессионально изобразил

удивление.

— Даже та-ак? — спросил он. — А откуда у Шерстобитовых денежки?

Наивность начальника навеяла на молодого опера скуку. Прикрывая зевок ладонью и одновременно любуясь золотым кольцом на безымянном пальце, он сказал снисходительно:

— Не надо, Юрий Петрович! Весь город знает: Зоя Михайловна восемь лет в своем кабинете не зря сидела: квартиры, машины, торговля — все в ее руках… Да и Сергей со своих геологических изысканий каждую осень добрую мошну привозит.

— Угу… все понятно, — едко усмехнулся Возный. — По-твоему выходит, они одного поля ягоды…

— Кто? — на всякий случай переспросил Строев.

— Шерстобитовы — и сволочи эти… — Голос у Возного вдруг перехватило, и он закричал фальцетом: — А если завтра они нам труп мальчишки подбросят, черт тебя побери?!

Строев покрутил кольцо на пальце и сказал спокойно:

— Маловероятно.

— Ты мне эту философию кончай, — сердито

приказал Возный. — «Маловероя-ятно»! От них чего хочешь дождешься!..

— Слушаюсь! — невозмутимо отозвался Строев.

Машина подкатила к особняку Управления внутренних дел. Вылезая на улицу, Возный сказал Строеву, усмехаясь:

— А чтобы всякая ерунда не лезла тебе в голову, бери эксперта — и давай на памятник, может, на осколках бутылки пальцы остались…

— Я тоже туда подъеду, — сказал Игорь.

— А тебе-то зачем? — удивился Возный.

— Хочу влезть в их шкуру. Ну-у… почувствовать то же, что и они.

— И дальше?..

— А дальше попытаюсь сообразить — что бы я делал на их месте.

* * *

В доме застыло мучительное молчание. Лидия Николаевна по-прежнему сидела на скамеечке в ванной, глаза ее были закрыты, губы беззвучно шевелились — молилась. Зоя отрывалась от окна лишь для того, чтобы налить себе очередную порцию валерьянки. Лариса, поджав под себя ноги, устроилась в глубоком кресле — механически, не

глядя, вязала носок.

В тишине резко звякнул телефон. Один раз. Сергей рванул трубку:

— Алло!.. Алло!.. — Нет ответа. — Алло… Алло…

Нет ответа. Устало уронил трубку на рычаг. Мысли его были бесформенными, вязкими, все существо охватила какая-то странная апатия. Подошел к бару, налил себе из заметно опустевшей бутылки коньяку, выпил.

Зоя покосилась на него, но ничего не сказала. Оторвалась от окна, взяла с книжной полки альбом, раскрыла его на цветной фотографии: Марат, еще маленький, играет на ковре с огромным заводным танком… Подняла глаза на Ларису, пробормотала:

— Здесь ему три годика.

Лариса, будто оправдываясь, кивнула на свое вязанье, сказала виновато:

— Я, Зой, не могу, если ничего не происходит… — соскочила с кресла и приблизилась к сестре.

Зоя, отвернувшись от нее, перелистнула альбом — здесь Марат, уже постарше, в очках, читал книгу, уставивши палец в строку. А рядом, умильно глядя на него, сидела кудрявая Дэзи…

Закусив губу, Зоя закрыла альбом, выщелкнула

из пачки сигарету, закурила. И вернулась к окну. Сергей подошел, молча обнял ее за плечи.

Звякнул телефон. Сергей пробежал к нему через комнату.

— Алло!.. — и угасшим голосом: — Нет… Ничего… Нет…

Не находя себе места и чтобы хоть чем-то заняться, открыл секретер, где лежали деньги, и принялся их пересчитывать.

Звонок. Опять не отвечают. Но и отбоя нет.

— Алло! Алло!.. Вас не слышно! — кричал Сергей.

Внезапно трубка ожила.

— Ну че надрываешься? — спокойно сказал преступник. — Зато тебя слышно… Бабки собрал?

— Собираю, — упавшим голосом сказал Сергей. Зоя подбежала к нему, приникла к трубке, шепнула: «Завтра!»

— Завтра утром должны быть, — сказал Сергей. — Слушай, как там… Марат?

Незнакомец издевательски засмеялся:

— Уроки учит. Ты за него не переживай. — Помолчал немного и вдруг спросил: — Хочешь с ним поговорить?

И оцепеневшие родители услышали голос сына:

— Папа! Папочка!.. Это я!.. Они меня увезли! Папка…

Невнятный шум в трубке — и снова преступник:

— Слышал? Так что шевелись. А то пацана жалко… — И голос его вмиг сделался жестким, угрожающим: — Только не вздумай мудрить!

* * *

Небольшой кабинет Игоря был переполнен, сотрудники сидели даже на подоконниках. Из динамика громкой связи доносилась сводка:

«…Одет в куртку темно-синюю с красными полосками. На рукавах звездочки. Красная вязаная шапочка с помпоном… Еще раз напоминаю: всем соблюдать строжайшую конспирацию…»

Слышно было, как дежурный шелестит перед микрофоном бумагами. Потом он прокашлялся и продолжил:

«Внимание, передаю циркуляр начальника управления. Все мероприятия с паролем „МАРАТ“ выполнять безоговорочно, с особой ответственностью и вне всякой очереди. Конец циркуляра…»

Игорь прошелся по кабинету. Собравшиеся терпеливо ждали.

— Всем все ясно? — спросил он наконец для

порядка.

— Ясно! — загудели оперативники.

— Ладно, тогда слушайте внимательно. Дело это, как вы уже знаете, совершенно для нас необычное. Поэтому первая просьба ко всем и каждому: пораскиньте мозгами и составьте свой план. Ну, как бы вы лично — на месте начальства — ловили преступников…

— Письменно? — с усмешкой спросил Строев.

— Письменно, — совершенно серьезно ответил Игорь. — Представите планы мне… будем искать жемчужные зерна в этой… куче.

Переждав смешки сыщиков, сам хмуро улыбнулся:

— Ничего не попишешь, иногда приходится изобретать велосипед… Значит, так: если кто придумает что толковое — награжу! Договорились?

— Договорились, — за всех ответил Строев.

Игорь подошел к своему столу, взял блокнот:

— Теперь конкретно. Сабиров! Готовишь группы захвата и прикрытия согласно штатной положенности…

— Есть!

— Чельцов! Группы слежения и резерв…

— Есть!

— Мурашов! Проверка силами участковых

подвалов и чердаков. Силаев! Квартиры, подозрительные на преступный элемент. В обоих случаях легенда для конспирации — «выявление наркоманов»…

— Есть! Есть…

— Шубин! Сплошная проверка судимых за вымогательство… Акопян! Все личные связи семьи Шерстобитовых… Авдеенко! Срочные запросы в соседние области по неопознанным детским трупам…

— Есть! Есть! Есть!..

Словно генерал перед боем, Игорь всмотрелся в обращенные к нему лица — молодые и пожилые, веселые и хмурые, лукавые и простодушные — самые разные, как и у всех людей на свете, и подумал, что предстоят им — о-ох! — многотрудные денечки. И скомандовал:

— Все свободны! Кроме Иванова и Строева, вы останьтесь…

Оперативники гурьбой вывалились в коридор. Оставшимся, понизив голос, Игорь сказал:

— Ты, Иванов, получишь в таксопарке двадцать такси, я с Лившицем договорился; прикрепишь к машинам наших водителей. Для тебя, Строев, задание особое, тонкое. Поедешь в тюрьму, потолкуешь с заключенными. Послушаешь, какие

у них суждения…

* * *

Утро не принесло новостей в дом Шерстобитовых. Так же потерянно стояла у окна Зоя, прикуривая одну сигарету от другой, бессмысленно носилась по квартире Лариса. Звонил телефон, Сергей погасшим голосом отвечал: «Нет-нет… ничего нового… Спасибо… Отдадим, лишь бы…» — и торопливо бросал трубку.

Лидия Николаевна на кухне, впившись невидящими глазами в икону Богородицы, шептала исступленно: «Господи!.. Справедлив Ты, Господи… Да жестока справедливость Твоя… аки нож!.. Прости меня, грешницу… помилуй, Господи! Не ропщу, Господи, — милости прошу…»

Выскакивала из своего дупла безголосая кукушка, отмеряя неумолимо истекающие часы мучительного и бесплодного ожидания.

Зоя подошла к секретеру, взяла новую пачку «Мальборо», трясущимися руками распечатала, закурила. За окном раздался громкий треск — хлопая крыльями, на подоконник опустились голуби. Словно желая прогнать их поскорей, Зоя быстро вернулась к окну, прижалась к нему лицом. И мгновенно напряглась: по улице шел

паренек в синей куртке, вязаной шапочке с помпоном.

Не помня себя, она сорвалась с места, уронив на ковер горящую сигарету, простоволосая, в одном платье выскочила на улицу. Паренек ушел уже метров на двести. Зоя мчалась по тротуару, кричала исступленно: «Марат! Мара-атик!..» Она почти догнала его, когда мальчик услышал крик и обернулся, и Зоя увидела незнакомое лицо…

Ссутулившись, глотая слезы, побрела домой. Вошла в комнатку Марата, бессильно опустилась на его кровать. Перед глазами были любимые игрушки Марата в углу, его парта, его книжная полка…

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ПЛУЖНИКОВ

Обещанные на вчера осадки погода в полной мере отпустила нам сегодня — машина с трудом двигалась сквозь мутную пелену дождя вперемежку со снегом. «Дворники» на лобовом стекле трудолюбиво стирали эту кашу, но к следующему взмаху стекло снова покрывалось ею. Шофер Валера, который обычно крутил баранку одним пальцем, на сей раз вцепился в нее обеими руками, но и это не помогло, на одном из поворотов машину закрутило, и, сделав полную циркуля-

цию, мы едва не врезались в светофорный столб. Выровняв машину, Валера отер рукавом куртки пот со лба и взмолился:

— Игорь Сергеевич, хоть вы бы на автобазе поговорили: когда же наконец шиповки выдадут?

Я удивился:

— При чем здесь я?

— Как — при чем? Вас там уважают! — уверенно сказал Валера.

— Ладно, Валера, не преувеличивай… Приехали.

Валера вырулил к длинной, как океанский лайнер, гостинице «Интурист». В вестибюле ее находилась сберкасса, где мы должны были встретиться с Сергеем.

Два швейцара в ярко-синих мундирах и роскошных маршальских фуражках охраняли вход в гостиницу. Над зеркальными дверями красовалась вывеска: «Посторонним вход воспрещен».

Замечательно, что с течением лет множество изначальных понятий нашей жизни претерпело столь существенные изменения, что превратилось потихоньку в свою противоположность. Швейцары, которые должны были когда-то зазывать людей в гостиницу, всячески помогать им там поселиться, сегодня ретиво исполняли

функции ВОХРы, не впуская и не выпуская без пропуска «посторонних», за исключением проституток с душистыми десятками в ладошках и важных деловиков, чуть ли не самых главных фигур на доске нашего сегодняшнего бытия… Я посторонился, пропуская в дверях группу индусов в дубленках поверх простыней, в которые они были завернуты. Прислушавшись к их оживленному разговору, один из генерал-швейцаров спросил другого:

— Слышь, Федор, чего это он говорит?

Мордатый, надутый спесью швейцар буркнул недовольно:

— Кабы я понимал, чего они говорят, я бы тут не стоял…

Ой, лукавил Федор Игнатьич Жильцов, майор внутренней службы в отставке, не от темноты своей он стал швейцаром, а от жадности, много выше нынче швейцарские доходы майорского оклада — даже с выслугой лет… Ну да бог с ним.

Прошелся по вестибюлю, заглянул в помещение сберкассы. За столиком в глубине, опершись подбородком на сжатые кулаки, сидел Сергей Шерстобитов. Лицо у него было мрачное, под глазами набрякшие мешки, невидящим взглядом он уставился на лежавшие перед ним две тол-

стые пачки денег, перехлестнутые банковской бандеролью. Я подошел к окошку, взял несколько бланков ордеров, огляделся — никого подозрительно вокруг не было видно — и подошел к Сергею:

— Разрешите?

Он молча кивнул, чуть отодвинулся, освобождая мне место.

Я достал авторучку, изобразил что-то на ордере — на всякий случай, для маскировки — и спросил, глядя на деньги:

— Собрали?

— Шести тысяч не хватает, — разлепил губы Сергей.

Я черкнул ручкой по ордеру, сказал:

— Это хорошо. Надо с ними поторговаться.

— Чего хорошего, — возразил Сергей. — Да и торговаться пока не приходится, не звонят они…

Он вытащил деньги из бандероли, принялся их пересчитывать, не останавливаясь, спросил тоскливо:

— Чего тянут?..

— Ну как — *«чего тянут!»* — сказал я с уверенностью, которой мне самому сильно недоставало. — Хотят убедиться, что нет ловушки. Что вы надежно в их руках.

Сергей продолжал считать купюры. От него ощутимо пахло коньяком, но случай не тот, чтоб морализировать. Да и нетрезвым он не был — просто у каждого свой способ держаться в седле. Так что я с чистой совестью продолжал наступать:

— Для них самое главное сейчас — вас терроризировать.

— Меня?! — удивился Сергей.

— Ну, вас обоих.

Я осмотрелся. За столами в сберкассе никого не было, лишь у окошка контролера стоял с аккредитивом в руках какой-то командированный среднеазиатского вида.

— Я вот всю ночь думал: какое у них слабое место? И выходит — момент передачи выкупа. Всю остальную игру, все эти переговоры с вами они могут вести… ну, заочно, что ли.

— Это как? — не понял Сергей.

— Телефонные звонки, записки, почта… Посыльный, на худой конец.

— Ага.

— А при получении выкупа они должны встретиться с вами напрямую!

— Пожалуй, — подумав, согласился Сергей. — Ну и что?

Я сказал как можно легче:

— А то, что если вы с нами заодно — им конец. Они, между прочим, тоже это понимают.

— Наверное… — сказал Сергей. — И все-таки… Может, мне… самому?..

Сомнения обуревали его, мне это было по-человечески понятно, и я не представлял, как же мне его заставить, уговорить, убедить, — ведь я сам знал так мало об этом бесчеловечном преступлении, а вернее сказать, понятия не имел об этом проклятом киднеппинге. Но я оставался криминалистом, профессионалом человеческой беды, и точно знал, что с преступником нельзя входить ни в какую сделку, потому что любая сделка предполагает элементарную порядочность с обеих сторон, а вот этого как раз в уголовниках нет и быть не может — обязательно наврет, исхитрится, обманет! Люди частенько, увы, совершают аморальные поступки, но далеко не все эти поступки относятся к разряду преступлений. А вот любая уголовщина — всегда аморальна, что бы там ни говорили о благородных разбойниках, этих нынешних Робин Гудах, которые отнимают «только у богатых», да, у богатых, но лишь себе в карман! Мой немалый опыт сыщика не имел ни единого исключения. Нет, нельзя с ними сговариваться! И я принялся горячо убеждать

Шерстобитова:

— Ну, Сергей Иванович, мы же обо всем договорились с вами! Ведь мы вам не мешаем: делайте свое дело, а мы будем делать свое… — Сергей недоверчиво смотрел на меня, и я лихорадочно подбирал аргументы: — Нам ведь тоже надо все продумать. Сгруппироваться, что ли. Нужно дать преступникам «проявить» себя!

Я видел, что Сергей не понимает меня. Он спросил медленно:

— В каком смысле — «проявить»?

— В таком — они же все равно как-то высовываются! Вот нам и нужно — следов накопить, собрать информацию, в том числе обо всех подозрительных субъектах. А они… как бы это сказать, ну, если они сначала для нас вроде призраков, то постепенно, судя по тому, что они говорят и делают, мы начинаем их себе представлять…

По глазам Сергея я видел, что пока мало преуспел. Надо как-то затащить, вовлечь его в этот разговор.

— Мы же не сидим сложа руки, — бормотал я. — Да и вы в какой-то мере придете в себя от первой паники.

Сергей с укоризной глянул на меня, и я понял, что говорю что-то не то. Попробуем с другого

боку:

— Кстати, я не успел спросить вас при первой встрече. Сергей Иванович, вы хоть кого-нибудь подозреваете? Может, враги какие-то… у вас или у Зои Михайловны?

Сергей сложил деньги, запихнул их в обертку, сказал задумчиво:

— Какие еще там враги… Так, разве что недоброжелатели какие-нибудь, завистники. А так… Чтоб такое! — Он остановился, лицо его оживилось: — Тут жена вспомнила одного. Он за ней ухаживал когда-то, а она ему отказала. И он ей грозился… Да ну, ерунда! — Сергей махнул рукой.

— Нет, все-таки: чем грозился-то?

— Он сказал — когда будешь, мол, счастлива, приду и отомщу… Как в рассказе у Пушкина.

— «Выстрел»!

— Ну да, «Выстрел»…

— А когда это было?

— Было-то давным-давно. А вот встретились они на днях.

От какого-то неясного предчувствия у меня сбилось на миг дыхание, и я спросил торопливо:

— На днях? И что произошло?

— Да произойти-то ничего не произошло, просто он спросил, так это, со значением: «Ну что,

счастлива?» А Зоя сдуру показала на Маратика и говорит: «А как же!..» Он усмехнулся — Зое теперь кажется, что нехорошо как-то он усмехнулся, прямо перекосило его. Ну и все, на том кончилось.

Интересный эпизод. В жизни чего только не бывает. Я достал записную книжку:

— Любопытно. Как его?..

— Суземов Вадим Дмитриевич.

— Су-зе-мов… Проверим аккуратненько, — я убрал записную книжку, сказал доверительно: — Значит, договорились, Сергей Иванович, надо сделать так, чтобы преступники поверили — вы с нами дела не имеете.

— А как их заставить? — уныло развел руками Шерстобитов.

— Придумывайте, что хотите. Например, можете сказать, что мы приходили, предлагали засаду. А жена, мол, нас погнала… Что, между прочим, правда. Ну и так далее.

Сергей тяжело поднялся, сгреб со стола деньги, распихал их по карманам. Я торопился с последними инструкциями:

— Я вас очень прошу — не спешите исполнять их приказы, оставляйте для нас хоть немного времени. Понимаете, второпях мы можем засветиться… вам же хуже! И еще: когда они будут

звонить, не кладите трубку сразу, выждите пару минут. Наши связисты попытаются выяснить, откуда они звонят. Кто знает, может, Маратка там и находится…

Сергей поднял на меня воспаленные, с красными прожилками глаза:

— Вы всерьез думаете… что есть шансы?

Я ответил не сразу.

Мне еще ночью успели порассказать о Шерстобитовых, семья-то была в нашем городе видная. Я уже и раньше немало слышал о Сергее, о непростом его браке с Зоей Михайловной, о позднем, горячо желанном сыне, и теперь с острым сочувствием смотрел на этого матерого здоровенного мужика, толкового смелого геолога, которому в тайге, в тундре, в горах пришлось пережить всякое, и все он выдюжил, и по жизни шел трудно, да прямо, и надо же было, чтобы несчастье, какое и в бреду не привидится, пало на этого простого, честного человека…

— …Есть! Есть шансы, Сергей. И я очень надеюсь… Только ты мне должен доверять. — Я хотел как-то поддержать его, ободрить, хотя бы положить руку ему на плечо. Но здесь это было неуместно, и я просто сказал от души: — Поверь, Сергей, я за вас так переживаю! Ведь с моим Ан-

дрюшкой то же самое могло случиться.

* * *

У меня было полно дел в городе, но сперва надо заскочить в управление, узнать, нет ли каких новостей.

Электронное табло в зале дежурного по области показывало десять тридцать семь. Дежурный диктовал по селектору очередной циркуляр, и, дожидаясь его, я огляделся. Шла обычная работа. На светящейся во всю стену схеме города выделялись номера отделений милиции, мигали красные лампочки — символы нераскрытых преступлений, одна из них — на улице, где жили Шерстобитовы… на телеэкранах мелькали потоки автомобилей, шли занятые своими повседневными делами люди, стрекотал телетайп, жужжали зуммеры, вспыхивали и гасли разноцветные лампочки на голубых пультах, негромко разговаривали сотрудники.

За соседним столом бился, визжал в зарешеченном динамике женский голос:

— Дежурненький, в общежитии на Запольной пацаны дерутся! Цепями!.. Каб не убили кого!

Дежурный нажал кнопку на пульте:

— Двадцать шестое, у вас драка на Заполь-

ной…

На следующем пульте:

— Начальник, у нас бульдозер в котлован свалился!..

Сразу же реплика помдежурного:

— Седьмое, у вас на стройке ЧП, поглядите…

— Милиция, соседка своего мужика по башке огрела сковородой с картошкой… — ползет из динамика вкрадчивый старушечий шепоток. — До крови!..

— Живой?

— На лавке лежит.

— Адрес?

— Чапаевская, два.

— Вызывайте скорую. Из отделения сейчас подъедут.

Начальник дежурной части, закончив циркуляр, деловито черкал что-то в толстом журнале. Запищал динамик громкой связи, дежурный нажал кнопку:

— Товарищ подполковник, девятое, Чернов. Тут гражданка с заявлением… Говорите, гражданочка…

Взволнованный женский голос:

— У нас дочка пропала! Утром пошла во двор гулять, а сейчас хватились — и нету нигде!

— Сколько лет девочке? — деловито спросил дежурный.

— Девять… В третий класс ходит. Зовут Лариса.

— Родители кто?

— Стекольниковы… Наталья Петровна — это я. И…

Дежурный перебил:

— Да нет! Занимаетесь чем? Где работаете?

— Отец в депо работает, — озадаченно сказала женщина. — А я — на канатном заводе.

— Ага… Хорошо, — по лицу дежурного неуловимо скользнуло удовлетворенное выражение, и хотя женщине наверняка невдомек было, чего же тут хорошего, мы с ним друг друга поняли. А дежурному девятого он скомандовал: — Чернов! Оформи заявление и прими неотложные меры. К тринадцати доложишь. При необнаружении дадим в циркуляр. Отбой…

Лампочка с цифрой «9» на его пульте погасла, тут же вспыхнула другая — большой город жил своей напряженной жизнью. Но для меня новостей пока не было.

* * *

Теперь — в таксопарк. Эту сеть мне хотелось забросить собственными руками. Конечно, всех

таксистов я опросить не смогу, их больше тысячи в городе, с ними побеседуют наши ребята. Опросят всех, поголовно, ведь один из них наверняка увез Марата с двумя похитителями, в этом-то можно не сомневаться. Андрюшка видел их собственными глазами. Я же собирался побеседовать хотя бы с несколькими, чтобы наметить канву разговора для своих сыщиков: спрашивать напрямую о Марате не хотелось, поскольку нельзя было исключить вариант сговора таксиста с преступниками.

Я расположился в учебном классе таксопарка. По стенам были развешаны плакаты с поперечными, а может, и продольными разрезами автомобильных агрегатов, напоминавшие давно забытые схемы разруба туш в мясных магазинах. В просторное окно виделся двор таксопарка, забитый желтыми в шашечку «Волгами». Я разложил на столе приготовленный по моей просьбе отделом кадров аккуратно разграфленный список водителей. А вот и они — ввалились веселой гурьбой в кабинет.

— Ребята, мы занимаемся сейчас одной интересной историей, — сказал я несколько туманно. — И просим помочь.

— А нам расскажете эту историю? — спросил

широкоплечий вихрастый парень в кожанке.

— Обязательно, — заверил я. — Как только разберемся… Итак, вопрос первый: вы все работали вчера в первую смену?

— Все…

— Тогда второй, и последний вопрос: кто что делал в час дня? Ну, где был, кого вез и тому подобное… — Я отметил в списке галочкой первую фамилию. — Суров!

— Я и есть Суров, — сказал вихрастый. — Золушку, что ль, ищете?

Шоферы засмеялись.

— Золушку не Золушку, но в этом роде. — Я тоже улыбнулся. — Расскажу потом, не сомневайтесь. Так что, Суров?

— Я лично в это время обедал, — сказал Суров.

— Ясно. На здоровье… — сказал я и отметил в списке: «обедал». — Ким.

Высокий, очень худой парень, похожий высокомерным красивым лицом на рок-певца Виктора Цоя, развел руками:

— Я на проспекте Победы куковал: пассажиров не было…

Дальше пошло в том же духе: «возил женщину по магазинам», «обедал», «возил почту», «вернулся в парк», «ремонтировался», «работал по

наряду»…

Совсем молоденький Лямин сообщил:

— Отвез двоих мужиков от универмага в гостиницу.

— Опиши, — попросил я.

— Пожилые… — сказал Лямин басом. — Лет по тридцать пять — сорок. На руках покупки… Оба в шляпах.

— Одни?

— Золушки с ними точно не было, — с серьезным лицом схохмил Лямин.

— Ясно. Поехали дальше…

Моя сеть, увы, оставалась пустой.

* * *

У Шерстобитовых все было по-прежнему. Сергей, уронив голову на руки, неподвижно сидел за столом у телефона. Зое, безотрывно смотревшей в окно, мать рассказывала:

— …Две недели его не было и вдруг — сам явился! Прибежал, малец-то, голый и босый. Оказывается, его цыгане украли…

Поморщившись, Зоя перебила:

— О чем вы говорите, мама! Цыгане своих не знают, куда девать! Вы уж мне-то не рассказывайте, сколько я ими занималась…

Зазвонил телефон.

— Сергей Иванович? Снова Плужников… У меня один вопрос возник. Вам такая фамилия знакома — Карягин? Василий Филиппович?

— Карягин? — переспросил Сергей. — Васька Карягин, топограф? Знаю, он у меня в партии работал. А что?

Зоя, прислушавшись, подошла к параллельному аппарату.

Плужников сказал:

— Да вот, есть сигнал, что расстались вы плохо. Грозил он вам будто.

— Расстались мы действительно неважно, — задумался Сергей. — Пил он сильно. Я его сколько раз предупреждал. Ну и… пришлось выгнать.

— И что? — терпеливо спросил Плужников.

— Да ничего. Напился напоследок — и орал…

— А что именно орал?

— Да ерунду какую-то.

— Постарайтесь вспомнить эту ерунду, — попросил Плужников.

— Ну-у… «Я тебе *сделаю,* век будешь помнить!»… Или что-то вроде этого. — Сергей покосился на Зою. — А вы его подозреваете?

— Мы такие факты проверяем, — уклончиво сказал Плужников. — Мало ли… Вы-то сами как

считаете?

— Да нет, что вы, Игорь Сергеевич, — сказал Сергей смущенно. — Он пьянь, конечно, и балбес, нет слов… Но такую жуть на человека подумать! Не-ет, он на это не способен.

Зоя устало положила трубку. Не было сил подниматься из глубокого кресла. Снова повисла в квартире мертвая тишина, и она забылась ненадолго…

И сразу же увидела Марата.

Она укладывала его спать, а он не хотел оставаться один, гладил ее руку:

— Не уходи, мамочка…

— Уже поздно, сынок. Спи! Завтра мне расскажешь свои сны.

— А ты не уходи — тогда сама увидишь, что мне приснится.

Наждаком по коже резанул звонок похитителя, разрушил видение. Гортанный голос бандита звучал громко и отчетливо, будто из соседней комнаты.

— Сергей? Ну что — готов?

— Ребята, самой малости еще не хватает, — жалобно сказал Сергей.

— Машину продай, — посоветовал преступник.

— Так это же долго!

— А нам не к спеху. Это тебе надо подсуетиться.

— Да мы и так суетимся — уже весь город гудит!

— Да-а? Весь город гудит? — проговорил вымогатель и спросил с угрозой: — И что?..

Сергей очертя голову бросился в разработанную комбинацию:

— А то, что с телевидения приходили! И милиция в курсе.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи! — заинтересовался преступник.

— Мы же деньги у людей собираем, приходится чего-то говорить им... — принялся сбивчиво объяснять Сергей. — Худые-то вести не лежат на месте... один другому передает.

— И что? — повторил преступник.

— Что-что! Утром приезжают с телевидения — у вас, мол, ребенок пропал? Как да что? Давайте фотокарточку Марата, мы по городской программе покажем...

— А ты?

— Погнали мы их — не ваше, мол, дело...

— А милиция?

— Звонили: верно ли говорят люди про сына? Я ответил, что зря болтают, он у тетки... У нас,

говорю, семейный конфликт, сами разберемся. — Сергей отвечал быстро, заученно.

Преступник спросил деловито:

— Что менты сказали?

— Отвязались пока. Так что уговор держу, — голос Сергея предательски дрогнул. — Слушай… А как там Марат? Беспокоюсь я…

— Не беспокойся. Жив-здоров.

— Послушай, мы ведь все делаем… — смиренно и просительно сказал Сергей. — Пусть Марат позвонит.

Преступник захохотал:

— Наглеешь! Может, еще на свиданку его тебе привезти?

Тяжело дыша, Сергей молчал. Потом закричал с неожиданной яростью:

— Врешь ты мне все! — Тише, с отчаянием: — Не верю я, что Марат…

Голос его перехватило, он хватал воздух губами и молчал. Вымогатель вроде бы помягчел, смилостивился:

— Да не вру, жив ваш красавчик.

И засмеялся.

Сергей тяжело сглотнул и сказал дрожащим голосом:

— Я хотел бы убедиться… Ребята, милые, доро-

гие… Дайте мне убедиться… Ведь звонил же он! Я на все пойду… для вас!

— Я не против, — сказал преступник доброжелательно. — Да только звонить он не может. Он теперь в другом месте.

Сергей напрягся, заговорил торопливо:

— Н-ну… ну, пусть скажет день рождения матери! Да, вот! Пусть скажет, что прошлым летом случилось в деревне!

— Ишь ты, выдумщик! — снова засмеялся негодяй. — Ну ладно, перезвоню… Если, конечно, устроит нас твое сообщение про милицию.

— Так я рассказал, как оно есть.

— То-то и оно. Ты капитально подумай, как от них избавиться.

— А чего там думать! — с жаром зачастил Сергей. — Деньги отдам, заберу мальчишку, и все! А милиции скажу — у тетки он, ангиной болеет, а так — все в порядке! Да они сами-то не больно рвутся искать.

— Ишь как просто! Не-ет, дорогой, — охладил его пыл преступник. — Ты всерьез подумай, как с ментами разделаться. И как выкуп будешь передавать — чтобы полный ажур был!

— Ладно, — послушно сказал Сергей.

— Напиши свой план на бумаге. И не забы-

вай… — Голос похитителя опять зазвучал холодной угрозой: — Слышь? Голова вашего щенка у меня в закладе!

* * *

Постепенно набирала обороты машина розыска. Криминалистическая лаборатория уже несколько часов беспрерывно печатала фотографию Марата — каждый сотрудник должен был иметь ее при себе…

Срочно составлялись оперативные группы — резерва, слежения, захвата; людей требовалось много, и их собирали отовсюду — с других участков, из сельских районов области, даже отзывали из отпусков. Выдавали снаряжение, оружие, инструктировали — и держали на сборных пунктах в состоянии боевой готовности.

Розыскник Авдеенко все утро не отходил от телетайпа: еще ночью он передал в соседние области ориентировку о преступлении, фотографию Марата и теперь собирал информацию; к счастью, нигде у «соседей» неопознанных детских трупов не было.

Участковые усердно прочесывали подвалы и чердаки, заглядывали в нежилые помещения, вообще — во всякие закоулки, где можно было бы

спрятать ребенка.

Начальник техотдела Иванов получал в таксопарке машины с шашечками.

Дежурная часть незамедлительно передавала уголовному розыску все сообщения службы «02», которые могли иметь хоть какое-нибудь отношение к делу.

Следственная группа нащупывала свои пути, проверяя первые наметившиеся версии…

Машина розыска набирала обороты — пока что вслепую. Это не было бессмыслицей: когда однажды, в конце концов, возникнет живой горячий след, она будет готова к мгновенной реакции, к осмысленной, целеустремленной работе.

* * *

Сыщики из райотделов под предлогом выявления наркоманов проверяли «веселые» квартиры.

Пожилой, очень серьезный оперативник Сорокин разговаривал на кухне коммуналки с рыжей женщиной в застиранном, но аккуратном ситцевом халатике. Отвечая на вопросы сыщика, женщина одновременно качала орущего младенца и помешивала ложкой манную кашу в кастрюльке на плите.

— …Соседка, что ли? Клавка? — Женщина смор-

щилась, как от лимона. — Да что о ней говорить? Шелапутная.

— Это в чем проявляется? — поинтересовался Сорокин.

Женщина сняла кастрюльку с огня и сказала осуждающе:

— Как — в чем проявляется? Молодая баба, здоровая — пьет, не работает, всю дорогу у нее шпана ошивается, уголовники.

— Даже уголовники?

— А то! — Она вылила кашу в блюдце, вытащила из тумбочки ложку. — Я вон сказала как-то, чтоб ночью не орали, малёнку не заснуть… Дак один, Костька, взял со стола финку. «Засохни, — говорит, — а то счас язык отрежу». У меня голос на месяц пропал!

— А где она сейчас?

— Где-где! Небось в очереди за вином стоит… — Рыжая пошла по коридору, толчком ноги отворила дверь: — Полюбуйтесь, как молодая женщина себя держит!

Сорокин заглянул в полутемную, неопрятную комнату. Убогая мебель была покрыта пылью, с потолка на проводе сиротливо свисала голая лампочка. Мутное окно без занавески, в углу груда бутылок, посреди объедков на столе грязная

тряпка. Пусто.

— А детей она сюда не приводила? — спросил Сорокин.

— Детей? — удивилась соседка. — Еще детей ей не хватало!

Сыщик вздохнул, сокрушенно покачал головой.

* * *

Выполнять «тонкое» задание в тюрьме Возный послал Строева. Заместитель начальника тюрьмы — полный, с круглым бабьим лицом подполковник Любочкин — встретил молодого сыщика радушно.

— О-о, кого я вижу, сам уголовный розыск пожаловал! Доброго утречка, товарищ Строев!

Сыщик, улыбаясь, пожал пухлую руку подполковника:

— Доброго, доброго, Папа Карло…

На это обращение, приставшее к нему с легкой руки какого-то зубоскала-карманника, Любочкин не обижался: добрейший, неизвестно как попавший на свою суровую должность человек, он был любезен со всеми — включая и самых свирепых зэков, разговаривал с людьми мягко, ласково, и любимым его выражением были «доброе утреч-

ко» и «доброе здоровьичко».

«Ну и что, — говаривал он своим подчиненным. — Я Папа Карло, вы — мои Буратины. Вот постругаю еще маленько, может, какой толк с вас будет…»

Арестанты его не боялись, доверяли. Некоторые, освободившись, писали ему о своем житье-бытье. Вот и сейчас он держал в руках конверт.

— Что, очередной птенец оперился? — кивнул на конверт Строев.

Любочкин покачал головой:

— Это пока от птенцовой матери. Она тут на свиданке с ним была, послушай, чего пишет… — Он достал из конверта письмо, надел очки: — «Витька мой человеком становится. Поправился, ногти стрижены, уши чистые. Большое вам материнское спасибо, гражданин начальник». Понял?

— Понял, гражданин начальник, — усмехнулся Строев. — Я потому к вам и подался. Есть одно дельце деликатное, надо с арестантиками пошептаться, как вы умеете — душевно. Воззвать, так сказать, к их гражданским чувствам…

— С гражданским-то чувством у них как раз перебои, — сокрушенно сказал Любочкин.

— Ну, тогда просто к человеческим.

— А в чем дело-то?

— Вот в чем…

* * *

Вадим Суземов, неудачливый претендент на руку Зои, жил в старой части города у своей теперешней жены, имевшей домик в «частном секторе». К нему-то и направлялись сейчас оперативники Толмачев и Карев.

Осторожно выбирая для своих щегольских мокасин сухие места между стылыми лужами, Карев рассуждал:

— Не верю я, чтобы в наше время мужик на такое решился. Подумаешь — отказалась баба замуж выходить! Радоваться надо! Тем более когда это было…

— Ты с позиции вечного холостяка судишь, — рассудительно сказал щупленький Толмачев, похожий в свои тридцать лет на студента-первокурсника. — А в жизни всякое бывает. Иной существует тихо-мирно, а потом вдруг такой фортель выбросит — караул! Так что проверить нужно.

— Кто спорит, — буркнул Карев.

— Меня только смущает, что мы премся к нему вот так, сразу в лоб — колись, мужик! Ну и конспирация!

Дома по узкой улочке были спрятаны за заборами, укрыты фруктовыми деревьями и кустарниками. Разглядывая номер на покосившемся домишке под старой шиферной крышей, Карев сказал:

— Конспирация — понятие растяжимое. Прежде к соседям заглянем, вокруг побродим, поспрошаем. Тут особо спешить не надо.

— Да уж наверное, — согласился Толмачев. — Ведь Игорь Сергеевич почему рискнул? Есть, мол, данные, что Суземов этот — мужик порядочный… По всем статьям, так сказать, приличный.

— Ну, это как смотреть, — возразил Карев. — На работе говорят — вспыльчивый, самолюбивый. Такие вполне на месть способны.

— Но у Плужникова какой расчет? Суземов, что ни говори, не уголовник. Если он даже и решился выкрасть пацана — после нашего с ним разговора вряд ли станет продолжать это дело. Ну — засветился, значит надо кончать по-хорошему.

Карев поскользнулся, из-под ног его брызнула грязная снеговая каша. Стряхивая бурые капли с мокасин, он сказал угрюмо:

— Если уже не поздно.

* * *

Тем временем Плужников разговаривал в подсобке ресторанной кухни с молодой чернобровой поварихой. Женщина беспокойно посматривала в распахнутую дверь цеха на плиту, где скворча жарились на противне пирожки.

— Будто про мэнэ прыдумано… — нараспев жаловалась женщина, и глаза ее полнились слезами. — У дивках плакала, замужем — голосила… И пыв, и быв, и гуляв…

— У вас семья-то какая? — участливо спросил Игорь.

Женщина вытерла краем косынки глаза, сказала со вздохом:

— Трое: вин, дочка та я.

— А как он к дочке относится?

— Колы трэзвый — любыть, — сказала она неуверенно и вдруг всполошилась: — Ой, божечки, пироги горять!

Она бросилась к плите. Игорь от дверей сказал сумрачно:

— Я бы и от горелого пирога не отказался, с утра не емши…

— Да боже ж мий! — обрадовалась женщина и, положив из противня несколько пирожков на

тарелку, протянула Плужникову: — Йишты на здоровья!

Взяв горячий пирожок и перекидывая его с ладони на ладонь, Игорь засомневался:

— А с чем они? Жив буду?

Женщина серьезно сказала:

— Будэтэ, будэтэ… — и заулыбалась: — Воны ж с капустою!

Игорь набросился на еду. Мимо них две толстые поварихи пронесли на оструганной палке здоровенный бак с супом, распространявшим острый аромат укропа и лука. Игорь с сожалением посмотрел на последний пирожок, проглотил его и спросил:

— Значит, когда трезвый — любит?

Молодое, чуть тронутое морщинками лицо женщины омрачилось. Она опустила голову. Игорь спокойно продолжал:

— И от большой любви хотел собственную дочку продать?

Женщина тяжело вздохнула.

— Отвечайте, отвечайте, Оксана Васильевна, — потребовал Плужников, доставая из кармана сложенный вчетверо тетрадный листок. — Вы же сами заявление писали. Да не стесняйтесь вы! От нас, как от врачей, секретов нет. Сколько он

хотел за нее?

Не поднимая лица, залившегося краской, женщина пробормотала:

— Висэмьсот рублив.

— А кому он хотел ее сбыть?

— Нэ знаю я… Балакав одно и тэ ж: «До хороших людэй». — Она подняла, наконец, покрасневшие глаза: — Тильки ж вы зрозумийты — сэ цэ сдуру, вин же пыв тоди страшэнно!

— А сейчас? — ухмыльнулся Игорь.

— ЛТП пройшов. Пье, алэ нэ каждый дэнь… Пысала ж пив року тому, а вы хватылыся!

— Хвати-ились… — недовольно пробурчал Плужников. — Вас много, а я один. Где он сейчас?

— Вчора в рэйс уихав. На тры дни.

Плужников покачал головой:

— Ну и ну… А пирожки у вас вкусные…

— Так я ж вам заверну на дорожку! — с готовностью сказала Оксана и бросилась к плите.

* * *

Из-за двери, добротно обитой коричневым дерматином с черными пуговицами, доносились звуки семейного скандала. Слышимость, несмотря на пуговицы, была отличная, и до сыщиков

отчетливо доносился визгливый женский голос:

— Пропадаешь черт-те где! А явишься, все тебе не так! Пельмени ему надоели!..

— Перестань, Мария, — бубнил мужчина. — При детях…

— А что — дети? — возражал женский голос. — Ты о них только дома и вспоминаешь…

— Еще что скажешь?

— Скажу! Меня — будто и вовсе нет! Подай — прими — пошла вон! — заходилась женщина.

— Перестань! — крикнул мужчина.

— Не перестану! Ты и женился-то Зойке назло…

Сыщики с интересом прислушались.

— Опять ты возникаешь, Мария, — устало сказал мужчина. — Прекрати, наконец!

Голоса удалились вглубь квартиры, и Толмачев нажал кнопку звонка. Послышались быстрые легкие шаги, и дверь открыла стройная, приветливо улыбающаяся, опрятно одетая женщина в очках. Карев даже опешил немного, настолько ее облик не вязался с только что слышанной сценой. Запнувшись на мгновенье, он промямлил:

— Здравствуйте… мы хотели бы повидать Вадима Дмитриевича.

— Входите… — любезно сказала женщина.

Карев чуть не споткнулся — под ногами валялся надувной крокодил, рядом лежала наряженная кукла.

Из глубины квартиры доносились детские голоса. Женщина оттолкнула ногой деревянный грузовик, позвала ласковым голосом:

— Олечка! Кликни папу, к нему пришли…

В коридоре появился полный мужчина в синих спортивных штанах, из которых выпирало солидное брюшко. На плечах у него восседал раскрасневшийся мальчишка, из-за спины выглядывала девочка с бантиками в косичках.

Карев потянул из верхнего кармана пиджака красную книжечку:

— Мы из уголовного розыска, Вадим Дмитриевич. Хотели бы поговорить с вами.

Судя по испуганному интересу и любопытству, с которым Суземов смотрел на сыщиков, милиционеры были в этом доме впервые. Суземов медленно опустил мальчишку на пол, переспросил раздельно:

— Из уголовного? Розыска? А что случилось?

Карев перевел взгляд на женщину.

Та догадалась, скомандовала:

— Ребята, марш на кухню! — и увела их из прихожей.

Толмачев взял быка за рога:

— Вадим Дмитриевич, вы знаете, что произошло у Зои Михайловны Шерстобитовой?

Глаза у Суземова забегали, он осторожно посмотрел в сторону кухни, переспросил шепотом:

— У Зои? Что?.. Что у нее стряслось?

Толмачев сказал негромко:

— У нее похитили сына.

На лице Суземова изобразилось крайнее недоумение.

— Похитили? — повторил он. — Кто? Зачем?

Карев сказал с нажимом:

— «Зачем?» — это другой вопрос. А вот — «кто»?.. Как вы думаете — кто?!

— Я как думаю? — спросил ошеломленно Суземов. — Да я первый раз об этом слышу! Почему вы решили…

— Потому что вы грозились! — громким шепотом перебил Толмачев.

— Да-да, именно вы грозились отомстить Зое… — спокойно сказал Карев. — Помните?

— Господи, только этого еще мне не хватало! — простонал Суземов, с ужасом поглядывая на кухню, — он явно боялся, что жена услышит их разговор.

Безжалостно-громко Карев переспросил:

— Так что — помните?

— Потише, я вас умоляю, — пролепетал Сузе-мов. — Помню! Конечно помню. Но ведь сколько лет прошло… это же детские глупости.

Он жалобно смотрел на сыщиков, ища сочувствия. Те молчали, и Суземов, прижав пухлые руки к груди, сказал искренне:

— Я… Я потом сам над собою смеялся! — Он помолчал, собираясь с мыслями, и вдруг вспомнил: — Да я же их видел совсем недавно — Зою и… и мальчика…

Он остановился, увидев в коридоре жену. Когда она ушла в комнату, спросил быстро:

— А что с мальчиком? Его, кажется, Марат зовут?

Оперативники переглянулись, и Карев сказал:

— Мальчика мы ищем… — Вцепился жестоким взглядом в бегающие глаза Суземова, добавил веско, почти с угрозой: — И найдем…

* * *

В камере городской тюрьмы было шумно — зэки обедали. Свет падал в помещение из пробитых под самым потолком узких окон, забранных «намордниками», и был он от этого серый, тусклый, неприятный. Некоторые ели «рыбкин суп»

прямо на своих нарах, другие расположились за дощатым столом в центре камеры. Посреди стола возвышался бачок с баландой, перед обедающими стояли алюминиевые миски, захватанные эмалированные кружки с чаем, всюду валялись объедки рыбы, хлебные крошки, искромсанные куски лука.

«Пахан», пожилой вор с широченными плечами и лбом мыслителя, в застиранной майке-сетке, из-под которой виднелась живописная татуировка, ел неторопливо, сосредоточенно. Лишь изредка бросал он косые взгляды на балагурящих молодых сокамерников.

Один из них, Шкет, маленький, тщедушный, быстрый, рассказывал:

— …Встает Сявка, и держит речь. Мы, говорит, граждане судьи, люди темные, законов не знаем — чего можно украсть, чего нельзя!

Дружный гогот покрыл его слова. Шкет продолжал:

— А судья, очкарик, на полном сурьезе объясняет: ничего, говорит, граждане воры, красть нельзя!..

Пахан слегка ощерился — это означало у него улыбку.

Сидевший рядом с ним молодой уголовник,

губастый, с крупными, как булыжник, зубами, вел свое:

— …Допустим, так — воруем: и деньги, и шмотки, радио там, хрусталь… Хошь церкву стырь — ништяк. Но чтоб пацана свести, да его же голову выменивать — не-е, про такое я на пересылках не слыхал! — И он с сердцем хрястнул обглоданный рыбий хребет на цементный пол, отмытый до тусклого блеска.

— Ладно слюни-то пускать, — сипло сказал с нар рябой парень с низким гладким лбом и колючими глазами, сидевший за убийство. — Какая разница, шмотки взять или щенка в залог?

— Ух ты, «слю-уни»! — обиделся губастый. — А ты бы сам стал?..

— При чем здесь я… — недовольно сказал парень.

— То-то и оно… Хмырь болотный! — Неожиданно вмешался Пахан, и остальные замолчали, прислушиваясь к его неприятному скрипучему голосу. — Нету в блатном законе такой подлянки! Пролезло — возьми вещь, рыжевье, бабки возьми[3]… А в душу лезть — это… у-у, с-сука…

Задохнувшись от недостатка слов, он смачно

---

[3] Примечания: 3

Воровской жаргон: *рыжевье* — золото, *бабки* — деньги.

плюнул.

Рябой убийца досадливо махнул рукой и отвернулся к стене. В камере ненадолго наступила тишина, слышались лишь за окнами отдаленные сигналы автомобилей. Худой темнолицый арестант с торчащими, как у собаки, ушами, молча хлебавший свою баланду, сказал вдруг:

— Слышь, Пахан, а я ведь этого Шерстобитова… про которого Папа Карло говорил… я его знаю. Я у него в партии, в тайге, работал…

— Ну? — Пахан поднял на него глаза.

— Правильный мужик. Справедливый. Ты ведь знаешь такого — Кольку Лопатника?

— Ну?

— Срок ему ломился, одеяла казенные по пьянке на село сволок. Так его Сергей прикрыл, не дал пропасть. Я к тому, что хмыри эти точно рассчитали, с его паца-ном-то.

Пахан зевнул, спросил недовольно:

— В смысле?..

— Умный пацан, хороший. Сергей ему письма все писал, чуть не каждый день. А жена у него, люди говорили, начальница, стерва. Вот из своих кто-то и навел…

Пахан кивнул. Шкет, подсевший на разговор поближе, сказал, ухмыляясь:

— Выпустили бы нас отсюдова, мы бы эту падлу, дешевый его рот, в два счета нашли! И Папе Карле в лучшем виде представили…

— А то! — согласился темнолицый. — Ишь, додумался…

Сидевший за столом напротив них карманник Шарабан, по-детски пухлогубый, с симпатичными ямочками на щеках, сказал вдруг:

— Я с одним сидел с таким… какой «додумался»…

Блеклые заросшие лица с интересом обратились к нему. Даже жилистый хрыч, сидевший по-турецки на «вертолете» у самой двери камеры, рядом с парашей, и не принимавший доселе участия в разговоре, поднялся и подошел к столу. А Шарабан продолжал:

— За фальшу он чалился — сбывал липовые червонцы. Его тогда менты долго мотали — кто, мол, их «рисовал». Он не в сознанке. Нашел в трамвае — и все! Не сдал, короче, подельника…

— Молоток! — одобрительно заметил Шкет.

— Ну! Очень он его ценил, подельника. Я, говорит, до него стекло грыз, чтоб копейку зашибить. А с ним — зажил! Он, говорит, такой орел — кого хошь объегорит. Так что никакого понта нету — его продавать…

— Так что он придумал-то? — перебил Пахан, вытирая грязным платком толстую потную шею.

— А вот это самое — вымогать! Я ему — на кой? Будто украсть нельзя? Или там отнять? А он мне — дурачок, надо так сделать, чтобы фраер отдал свои бабки сам, да еще в ножки кланялся! А как? — спрашиваю. Очень просто, говорит, есть два способа жить не тужить. Либо, говорит, найду бабу богатую, обязательно чтоб с мужем-начальником, «уговорю» ее сперва, а потом буду с нее тянуть, сколько захочу, — пусть только рыпнется…

Шарабан вытащил пачку «Примы», не спеша закурил. Хрыч с «вертолета» спросил неторопливо:

— Либо?..

— А либо, еще лучше, подыщу, говорит, людей денежных, деловиков или там торговых, и ребятенка у них выкраду, спрячу. Выкуп! Бабки или смерть! Ясно, они за щенка этого из собственной шкуры выпрыгнут — чистое дело!..

— Куда чище, — презрительно сплюнул Пахан. — Потрох подлючий.

Где-то в городе пулеметной очередью протрещал мотоциклетный глушитель. Видимо, это вызвало у Шкета ассоциацию с милицией. Он повернулся к Пахану.

— Слышь… Может, капнуть про него ментам? — сказал он неуверенно.

Тот поковырял спичкой в зубах, недовольно проскрипел:

— Еще чего! Вот кабы он мне попался… — Пахан тяжело встал из-за стола, вразвалку подошел к параше, зажурчал. — …Я бы из него бефстроганов нарезал…

— Все ж таки времена теперь не те, — сказал ему в спину осмелевший Шкет. — Менты нынче другие пошли.

— Заглохни, Шкет! — застегиваясь, лениво сказал старый вор. — Менты в любые времена с нами крутые!

— Ну, не все! Тот же Папа Карло…

— Цыц! — рассвирепел Пахан. — Порожняк гоняешь, Шкет. Мусорам стучать — не воровское это дело. Пусть сами ищут.

В насквозь прокуренной камере стало тихо. За спиной пахана Шарабан состроил недовольную мину и перемигнулся со Шкетом…

* * *

За столом в гостиной Сергей трудился над планом выкупа. Прикурив одну сигарету от другой, вздыхал, рвал бумагу.

Зоя от окна сказала:

— Ну что ты дурью мучаешься! Они же сами обелиск выбрали, вот и пиши — место подходящее, высокое… И открытое — за пять километров подходы видно, засаде спрятаться негде.

Добросовестный Сергей возразил:

— А если потом на шоссе возьмут?

— Это его проблемы, — зло бросила Зоя. Пошла к столу, присела на подлокотник кресла: — Не захочется, пусть, наоборот, в людном месте встретится, в толпе.

— Как это?

— Ну как, как — заладил! Возьмет чемоданчик из рук в руки, и все дела. Напиши — пусть не сомневается, нам сын дороже!

Сергей склонился над бумагой.

Позвонили в дверь. Зоя открыла — перед ней стоял навытяжку давешний ее посетитель, горбоносый зав овощной базой Ошурков. У Зои гневно поднялась бровь, но Ошурков, торопливо стащив с головы огромную лисью шапку и прижав ее к груди, зашептал проникновенно:

— Зоя Михайловна, дорогая, мы так переживаем! Весь коллектив сочувствует. Я почему себе позволил… В беде люди должны помогать друг другу.

Плутовские глазки его излучали искреннее и взволнованное сопереживание. Зоя отошла к двери гостиной, тихо прикрыла ее, слабо, вымученно улыбнулась. Ошурков воодушевился:

— Зоя Михайловна, раз эти негодяи требуют… Вот мы собрали, что могли, — пусть они подавятся!

В руке у него появились две пачки денег, крест-накрест перехваченных банковской оберткой. Он деликатно положил их на подзеркальник, шепнул:

— Здесь десять…

— Да что вы, зачем… Я даже не знаю, как… — из приличия начала Зоя.

Ошурков замахал короткими ручками:

— Потом, Зоя Михайловна, все потом! Ведь прямо душа за вас изболелась.

Пятясь, он спиной открыл дверь и уже на площадке натянул на голову свое меховое чудо.

— Спасибо, мой дорогой, — растроганно сказала Зоя.

— Да что вы, не стоит… — Ошурков вдруг хлопнул себя по лбу и выхватил откуда-то из-под полы дубленки блок «Мальборо»: — Чуть не забыл, вы же курите!

Он протянул Зое нарядную упаковочку — «Дай

Бог удачи!» — и побежал вниз по лестнице.

В комнате зазвонил телефон. Зоя торопливо вошла в гостиную, взяла параллельную трубку, услышала хриплый голос преступника:

— Ну что, написал план?

— Заканчиваю, — сказал Сергей.

— Валяй… Потом отвезешь во Дворец пионеров. Знаешь? Там позади статуя белая, пионерочка с трубой. В десять часов подъедешь, за статуей положишь конверт — и двигай.

— Понял.

— Мой ответ в двенадцать получишь. Где — потом скажу.

— Все сделаю! — бодрым голосом сказал Сергей, запнулся и после паузы спросил тихо: — Слушай, а что… Марат?

— Ничего.

— Но мы же с тобой договорились…

Преступник засмеялся:

— Змей он, твой Марат!

— В каком смысле? — осторожно спросил Сергей.

— Я ему говорю — отец на выкуп согласен. А он мне — я бы, говорит, на его месте лучше ноги тебе переломал!

Зоя и Сергей изумленно, обрадованно перегля-

нулись.

— Это на него похоже, — не удержался Сергей. — А вопросы?..

— Вот еще, вопросы, — проворчал вымогатель. — Ну да ладно. Двадцать третье мая — день рождения…

Он замолчал. Сергей спросил неторопливо:

— А что летом случилось? В деревне?

Преступник помедлил, потом сказал неохотно:

— Да не помнит он. Мал еще. Ну все, больше у меня время нет! — И бросил трубку.

Зоя распечатала «Мальборо».

* * *

В следственной камере городской тюрьмы Шарабан чувствовал себя как дома: даже на узком табурете, привинченном к полу в углу, исхитрился устроиться удобно, как в кресле, положив ногу на ногу и держа ее руками. На вопросы Игоря отвечал старательно, вдумчиво, стараясь не упустить подробности.

— Он что — очень жадный? — допытывался Плужников.

— Жадный, — охотно подтвердил Шарабан, но, подумав, уточнил: — А вернее сказать, может, не то что жадный, а просто ему всегда бабки

нужны.

— Они всем нужны, — улыбнулся Игорь.

— Не, ему особенно: он себя анашой ускоряет! Как говорится, «божьей травкой».

— А-а, ну тогда понятно.

— Вот он и рыл землю… то одно, то другое — пока не надумали они с подельником открыть катран. Ну, хату, где собираются картежники…

— Да знаю я! — перебил Игорь.

— Ну да… Игра, конечно, идет по-крупному, большие тыщи на кону. А они игрочишек обслуживают: рюмка коньяку для гостей дорогих — червонец. Колода новая, нераспечатанная, — четвертак. Утомился кто — пожалуйста, шлюхи молоденькие, стольник штука, отдыхайте на здоровье. Ну и тому подобное. Навар добрый!

— И все-таки бросили это дело? Почему?

— Так ведь наши навалились! — Шарабан широко развел руками, удивляясь непонятливости Плужникова. — Фартовые. Залетели туда ночью с пушками: «Ну-ка, фраера, руки в гору, бабки, котлы[4], рыжевье на стол, пока кишки на голову не намотали!» Ну, картежники народ жидкий, с ходу под стол полезли. А наши добро похватали,

---

[4] Примечания: 4

Котлы — часы (на воровском жаргоне).

шлюх потрахали — и приветики…

Шарабан сладко зажмурился, будто сам участвовал в этом замечательном мероприятии. Глядя на него, Игорь ухмылялся.

— Ну и что дальше? — спросил он.

— А что дальше? — повторил Шарабан. — Если катран засветился, туда ходить не будут, картежники — они ушлые… вот и пришлось прикрыть дело. Так он жалковал, мой приятель!

— Тогда и начал фальшивые деньги делать? — спросил Плужников.

Шарабан почесал в затылке:

— Он-то их не делал. Это напарник его… А он только разменивал. Ну и подзалетел как-то в «Гастрономе», на обэхаэсника нарвался…

— Понятно, — кивнул Игорь. — А не говорил он, шантажом — тоже с компаньоном займется?

— Шантажом? — не понял Шарабан.

— Ну, вымогательством.

— А-а! Не-е, не знаю. Это ведь он так, мечтал пока в камере… Ему еще сидеть сколько было.

Игорь побарабанил пальцами по столу.

— Так-так… Ты не вспомнил, как его зовут?

— Валюн.

— А фамилия?

— Фамилию не знаю… — Шарабан напрягся,

честно пытаясь вспомнить. — Вертухай вроде его на «Нэ» вызывал[5]. А может, на «Пэ»... Не, не помню.

Уголовник сокрушенно вздохнул. Игорь сказал насмешливо:

— Эх ты-ы, кликуха твоя — Шарабан. То есть значит — голова! Должен быть умный!

Шарабан расплылся в добродушной улыбке:

— Это не от ума прозвали, просто башка здоровая...

* * *

В штабе решено было посмотреть, кто придет во Дворец пионеров за конвертом с планом. Перед операцией сыщиков инструктировал Возный. Он был краток:

— Ты, Саша, наблюдаешь за статуей. Увидишь кого — себя не проявляй, дай взять конверт и пошел за ним. Трогать преступника не надо... Ты, Любочкин, перенимаешь наблюдение у Саши и тоже «ведешь» объект скрытно... Василий Иванович, твой участок от дома семь и до угла... Гусев! Вы с Хайруллиным перекрываете выходы

---

[5] Примечания: 5

Вызывая арестанта из камеры, надзиратель оглашает только первую букву его фамилии.

из сквера… Связь по рации. Не болтать, не курить, не отвлекаться. Всем все ясно?

К ночи подморозило и края луж затянул тонкий ледок. Сыщики заняли свои посты на подходах к Дворцу пионеров незаметно, благо вокруг было пустынно, лишь прогуливал в сквере свою собаку толстый старик с палкой, да и тот вскоре ушел.

В десять вечера появилась «Волга» Сергея. Он подрулил к скверу, прошел в условленное место, положил конверт. Постоял несколько минут около машины, глядя по сторонам, словно ожидая, что к нему кто-то подойдет, потом махнул рукой и уехал. Было тихо, темно и холодно.

* * *

Плужников сидел рядом с шофером в оперативной «Волге». Возный разместился на заднем сиденье, оттеснив своей мощной тушей в самый угол салона офицера милиции в форме.

— …Я на что надеюсь, — говорил он Игорю, — что удастся «довести» его до логова.

Игорь с сомнением покачал головой:

— Вовсе не факт, что за конвертом кто-то придет.

— Тогда я вообще не понимаю — ну, всю эту

их затею с планом Шерстобитова. На кой он им? Сами придумать не могут?

— Придумать-то они могут. И придумают, надо полагать, — отозвался Игорь. — А сейчас, я думаю, они просто водят его, как рыбу на крючке.

— Зачем?

— Мне кажется, это у них, так сказать, психологический ход, — зло сказал Плужников. — Нервы хотят Сергею помотать, притомить его.

— Не исключено, — согласился Возный. — А может, прощупывают его на связь с нами. Ты ж понимаешь, нужен им этот его план!

— Черт их знает, — пожал плечами Игорь. — Тут любые варианты возможны. Но они должны понимать, что момент выкупа для них — самый главный. И тут они ищут для себя гарантии…

В эфире было тихо, лишь изредка оперативники давали знать о себе короткими репликами. После очередной связи Возный вдруг сказал недовольно:

— Хорошо, что у нас жулики темные. А то бы всю нашу конспирацию поломали…

— Да-а? — удивился Плужников. — Это каким же макаром?

Возный кивнул на громоздкий, неуклюжий корпус рации:

— Техника-то допотопная! Они бы запросто могли перехватывать наши разговоры…

Игорь засмеялся:

— Пришлось бы нам индейцев нанимать!

— А при чем здесь индейцы?

— При том, что во время войны они у американцев вели все военные передачи по радио — на своих пламенных наречиях. Японцы хоть и перехватывали эти разговоры, а расшифровать ни одного не могли…

— Да-а, молодцы американцы… — вздохнул Возный. Посмотрел на часы. — Однако! Уже полодиннадцатого, а сигналов пока никаких…

* * *

Протарахтел по улице поношенным дизелем самосвал, и снова стало тихо. Саша напряженно всматривался в темно-фиолетовый сумрак… Хрустнула ветка. Саша прислушался: снова хруст веток, гравия, явственные шаги… У статуи пионерки с горном появился силуэт человека.

Вот человек нагнулся, пошарил в прошлогодней жухлой траве… Выпрямился. Вышел на дорожку…

И вдруг, не таясь, побежал в сторону улицы!

В эфире поднялась тихая паника. Машина

Плужникова стояла в конце квартала, за углом. «Юрий Петрович! — хрипела рация. — Объект бежит! Может скрыться!»

— Продолжайте вести! — осипшим от волнения голосом распоряжался Возный.

Сотрудники сравнительно легко «передавали» беглеца один другому, пока он не добежал до «зоны» Василия Ивановича — здесь в каждом доме была подворотня.

И снова рация, одышливый голос:

— Юрий Петрович, на связи четвертый! Объект бежит, скрытно вести невозможно!

И настойчиво Возный:

— Веди, Василий Иванович, дорогой, веди!..

Неизвестный легко бежал по улице. Остановился около нового пятиэтажного дома на мгновение и круто завернул в подворотню, под арку… Задыхаясь, еле поспевал за ним пожилой сыщик. Вот и он добежал до арки — под ней открывалась перспектива длинного проходного двора. Захрипел отчаянно в решетку переговорного устройства:

— Юрий Петрович! Он сейчас запросто скроется! Тут черт ногу сломит! Бежит шибко!

— Не боись, Василий Иванович, сейчас его Гусев встретит, — подбодрил его Возный. — Отдохнешь скоро.

Подключился живой испуганный тенорок Гусева:

— Юрий Петрович, он бежит, собака! Че делать?

— Гони за ним! Не отставай!

Желваки катались по скулам вошедшего в азарт погони Возного. Игорь напряженно вслушивался в радиопереговоры. Снова Гусев:

— Юрий Петрович! Он видит меня!

— Веди, тебе говорят! — рявкнул Возный. — Преследуй!

Он повернулся к водителю:

— Вперед, по Саввинской, Алик. Сейчас мы его увидим…

Машина с выключенными фарами рванулась по темной улице, на перекрестке шофер круто завернул направо. Взревел мотор, «Волга», набирая обороты, помчалась по Саввинской. Редкие уличные фонари почти не освещали путь.

— Юрий Петрович, упусти-или! — рванулся панический голос Гусева из динамика, и в этот момент навстречу им полыхнули сильные жигулевские фары, которые осветили выскочившего из подворотни человека метрах в пятидесяти от них. Человек замер на мгновение и кривыми скачками, будто заяц, помчался по мостовой че-

рез дорогу. Встречная машина едва не сбила его, но он увернулся и побежал дальше по тротуару.

— Давай! — азартно крикнул Возный, водитель включил дальний свет, и бесконечные палящие лучи прожекторов цепко схватили бегущую фигуру. «Волга» зарулила на встречную полосу и в несколько секунд настигла беглеца. Завизжали тормоза, заскрипела, притершись к бордюру, покрышка, и машина стала.

Возный распахнул заднюю дверь.

— Погоди! — крикнул ему Плужников, но было уже поздно — сыщик пробкой вылетел из машины, следом за ним выскочил офицер.

— Стой! Стрелять буду! — крикнул человеку офицер. — Ты почему бежишь?

Молодой патлатый парень затравленно оглянулся — сзади по тротуару бежали сыщики. Но воспринял нелепый вопрос как должное и сказал заученно:

— Испугался!

Он и впрямь с испугом смотрел на пистолет, направленный в него Возным. И наверное, забыл, что у него самого в руке слепо, равнодушно блестит лезвие финки.

Возный сказал сипло:

— Ах, вот так! Испугался… Ладно, брось нож!

Документы!

— Один очень умный человек заметил, что смелость хирурга не должна превышать его умения! — едко сказал Плужников, когда Возный вернулся в машину. — Ты не думаешь, что к нашему брату это еще больше относится?

— Что значит — умения? — упрямо пробормотал Возный. — Поймали ведь…

— Да ты что, не понимаешь, каких делов натворил, черт бы тебя побрал! — разъярился Игорь. — Для чего ты его задержал?

Возный сделал слабую попытку оправдаться:

— Так у меня ж выхода не было! Его уже потеряли, ты ведь сам слышал. — Он кивнул на рацию. — Смылся бы с концами — и все!

— Но мы не собирались его брать, — не унимался Игорь. — Проследить, по возможности, и больше ничего.

— Он же бросился наутек…

— Правильно. А вы как собака за кошкой, следом! — ворчал Игорь. — Ты не подумал, что он, может, нарочно бежал, нас провоцировал?

— Сейчас узнаем, — буркнул сыщик. Повозился на сиденье и добавил виновато: — А вообще-то, если честно, — напортачил. Простить себе не могу, что в азарт вошел…

Он забился в угол и замолчал.

* * *

В насквозь прокуренной дежурке едко пахло керосином — задержанному «катали пальцы». Плохо одетый молодой парень, в шапке кудрявых, давно нечесаных и нестриженых волос, был зол, смотрел исподлобья. Когда закончили дактилоскопирование, он развалился на «железнодорожной» скамье, вытянув длинные ноги в модных, но очень потрепанных башмаках.

— Ваш адрес? — спросил из-за барьера дежурный.

Парень с готовностью сообщил:

— Бомж. Или, по-старому, бич…

Дежурный обмакнул ручку в чернильницу, нацепил очки, пробормотал:

— Ага… так и запишем — без определенного места жительства. Документов не имеется.

Плужников подошел к парню поближе, велел строго:

— Ну-ка, расскажи, как было дело.

Оттирая тряпкой с пальцев черную мастику, парень сказал равнодушно:

— Ну-у… шемонался я утром по вокзалу…

— А как ты там оказался?

На красивом, хотя и заросшем трехдневной щетиной лице парня мелькнула усмешка.

— Проездом.

Дежурный пояснил:

— Высадили из курганского поезда, товарищ майор. За безбилетный проезд. Вот акт вокзальной милиции… — Он протянул Игорю бумагу.

— Точно, высадили… — Парень кивнул кудлатой головой, похлопал по бортам рваной дешевой куртки. — В карманах — воздух. А жрать хочется! Тут идет мимо этот… с усами. И на меня смотрит. Я говорю: «Эй, друг, одолжи на телеграмму!» А он мне: «Ты кто такой?» — «Иностранец, — говорю. — Интурист — не видишь?» Он залыбился. «Вижу, — говорит, — а что бы ты делал, если б зашиб хорошую деньгу?» — «Машину купил бы, — говорю. — А потом — невесту бы нашел…» — «Ладно, — говорит, — иностранец. Поработаешь со мной — зашибешь хоть на свадьбу».

Плужников улыбался доброжелательно, слушал с интересом:

— Ну-ну, дальше.

Парень попросил сигарету, закурил, продолжил:

— «А чего, — спрашиваю, — делать?» — «Да

ну, — говорит, — ерунда для начала! Подберешь в одном месте письмо и бегом, дворами, ко мне, я буду ждать в машине. Отдашь конверт — получишь стольник. Только бегом, понял? Обязательно!»

— А что в письме? — спросил Игорь.

— Почем я знаю? — искренне удивился бомж. — Мне-то какое дело?

— А почему бегом?

Бомж хитро сощурил подпухшие глаза:

— Кабы можно было знать, почему бегом, да что в конверте, письмо бы за пятак послали. А не за стольник…

— И то верно, — охотно согласился Плужников. — Ну, дальше.

— Покормил он меня, показал статую, дорогу до машины — и все. И вот он я — у вас!

— Понятно… — пробормотал Игорь, и улыбка сошла с его лица.

Парень этого не заметил, встал со скамейки и провозгласил:

— Невезучего камень и на подъеме догонит! Это про меня сказано — ни за что, я вижу, срок мне мотается! — И театрально раскланялся.

— Ты еще и артист! — зло сказал Игорь. — Какая машина у этого… усатого?

— «Москвич».

— Цвет?

— Красный.

— А номер?

Бомж молча пожал плечами.

Ясно было, что он больше ничего не знает. Не стесняясь его присутствием, Игорь сказал Возному сокрушенно:

— Чистый «подсадной». Он его видел первый и последний раз в жизни.

— Надеюсь, не последний, — упрямо проворчал Возный. — Авось на очной ставке встретятся…

Телефонный разговор вымогателя с Сергеем был коротким:

— Давай к памятнику, на то же место. Возьмешь посылку. Быстро!

— Слушай… — начал Сергей, но уже заверещали гудки отбоя.

* * *

Сергей мчался знакомой дорогой к обелиску. Наконец вот она, стоянка. Тормознул, схватил карманный фонарик и побежал к памятнику. В мятом жалком лучике фонаря Сергей сразу же увидел школьный ранец Марата. Схватил его,

чтобы открыть, но скис фонарь. Сергей беспомощно огляделся — тьма кругом. Прыгая через две ступеньки, помчался вниз. У машины было светлее. Сергей бросил ранец на крыло, открыл замочек. Учебники, тетради заскользили по полированной поверхности капота. Под тетрадями оказался какой-то белый тряпичный сверток. Сергей вытащил его и с ужасом увидел, что тряпка пропиталась влажными темно-красными пятнами… Сергей похолодел. Долго не решался прикоснуться к свертку… Наконец дрожащими пальцами развернул тряпицу — и, едва сдержав крик, с ужасом отдернул руки: перед ним лежал окровавленный мясной ком. Лишь через несколько мучительных мгновений он понял, что этот ком — отрезанное ухо теленка! Сдавленный стон вырвался из его груди, он неотрывно, загипнотизированно смотрел на страшное послание…

Пошел дождь вперемешку со снегом. Падавшие на лицо влажные холодные капли привели Сергея в чувство. Он снова заглянул в ранец и на самом дне его увидел записку — кусок грубой оберточной бумаги, исписанной кривыми печатными буквами, сел в машину, включил освещение и прочитал:

«СЕРГЕЙ ТВОЙ ПЛАН ДРУЖИТЬ С МЕНТАМИ – НЕ ПОДХОДИТ. ТЫ ЗАВАЛИЛ НАШЕГО ПАРНЯ ЗА ЭТО БУДЕШ ПЛАТИТЬ 70 ТЫСЯЧ. СОБЕРИ БЫСТРО.

НЕ ОТВЯЖЕШСЯ ОТ МУСОРОВ – УБЬЮ МАРАТА. ЖДИ».

Крупная непроизвольная дрожь сотрясала Сергея. Стучали зубы, тряслись губы, подбородок, руки… Покрасневшие глаза слезились. Он вылез из машины, нашарил в чехле заднего сиденья фляжку, открыл ее. Непослушными пальцами отвинтил крышку, торопливо сделал несколько больших глотков… Постоял, опершись на дверь, потом рукавом куртки отер пот с лица, бросил в машину ранец, сел за руль, поехал.

У первого же телефона-автомата он остановился, осторожно посмотрел по сторонам — улица была пустынна. Вошел в будку, набрал номер Плужникова, сказал хрипло:

— Милиция?.. Шерстобитов! Кого вы там… схватили?

— Бродягу! — растерянно выпалил Игорь.

— Ах, бродягу! — выкрикнул Сергей. — *Завалили!* Вы их человека завалили! Теперь они убьют Марата!

— Сергей Иванович!

— Что — Сергей Иванович? Всё! Катитесь вы с вашей помощью!

— Сергей Иванович, послушайте!

— Всё, всё, всё! Отстаньте от нас!

— Поймите, Сергей Иванович, все так получилось нелепо, — пытался объяснить Плужников. — Этот бродяга бегом бежал… можно сказать, сам на милиционера напоролся! Сергей Иванович, дорогой, мы теперь будем особенно осторожны!

Хотя Игорь и покривил немножко душой, но вовлечь Сергея в разговор ему удалось.

— Да вижу я, чего вы сто́ите… — тоскливо отозвался тот. — Не зря Зоя боялась.

— Но ведь это чистая случайность, — извинился Плужников.

— Хватит! Хватит мне ваших случайностей! — повторил Сергей. — Как будет — так будет.

— Сергей Иванович, да выслушайте вы хотя бы…

— Не надо меня уговаривать, — сказал Сергей, но трубку не бросил, выглянул на улицу — нет ли кого подозрительного.

— Я не уговариваю, — проникновенно сказал Игорь. — Я хочу, чтобы ты понял. Ребенок — ваш, да. Но это не вещь! Не предмет неодушевленный!

Это живой человек!

— И что?

— Мы *обязаны* его искать! Обязаны! Мы за него в ответе… — Тон Плужникова стал строгим, жестким: — Сообрази наконец: вашего согласия никто не спрашивает, черт возьми! В городе паника, мы все на ушах стоим, из сил выбиваемся!

Энергия ярости в Сергее иссякла, и он сказал вяло:

— Да я-то все понимаю. Вы бы Зое это объяснили.

— Но ты же не Зоя! — разъярился Игорь. — Ты ведь мужик! Мы все равно с вас глаз не спустим. А будешь прятаться — нас завалишь… Ну, будь мужиком, Сергей, держись!

— Я боюсь, — тихо сказал Сергей. — Они могут убить Марата!

— Конечно! Поэтому их и надо взять как можно скорей! Игорь помолчал немного, решил быть откровенным: — Подумай, Сергей: если мы их не повяжем, то… И Марата не спасем, и другие ребята завтра окажутся под ударом. Пойми — с бандитами добром не сговориться!

Сергей тяжело вздохнул, выговорил с болью:

— Я все понимаю. Только выхода не вижу.

— Выход — держаться вместе! — горячо сказал

Игорь. — Иначе — нет надежды! Пожалуйста, Сергей, соберись, очень прошу! И от нас не отрывайся.

Сергей повесил трубку. Уперся лбом в холодную равнодушную морду автомата, простонал с отчаяньем: «Господи, что же делать?..»

И Плужников обессиленно смотрел на телефон, не слыша визгливых гудков отбоя. За эти сутки лицо его осунулось, под глазами набрякли мешки. Он расстегнул ворот форменной рубашки, сказал, глядя мимо Возного, в темное окно:

— Знаешь, Юрий Иванович, у меня все время такое чувство, будто все это с моим Андреем происходит. Жуть…

* * *

Страшное послание бандитов лежало на столе в гостиной.

Зоя билась в истерике, бабушка причитала по Марату, как по покойнику. Лариса тихо плакала на кухне. Сергей бессмысленно листал тетрадки Марата.

— Достукался со своей милицией! — выкрикнула Зоя. — Теперь видишь, как они «работают»? А я ребенка потеряю!

Сергей лишь вжимал голову в плечи.

Зоя прижала к губам фотографию Марата, твердила с рыданиями:

— Мальчик мой золотой! Солнышко мое любимое… Погубили мы тебя, не сберегли…

Сергей приблизился к ней, ласково прикоснулся к ее плечу, но она раздраженно стряхнула его руку:

— Перестань! Господи, да что же это за мужик такой! Мямля! Тряпка!.. Каждый им командует, кто захочет. И как я с тобой столько лет прожила?

Сергей молчал, не оправдывался, только смотрел на нее скорбно и вздыхал.

Яростный звон телефона будто разбудил в часах старую кукушку, и она выскочила наружу, но голоса у нее по-прежнему не было.

Звонил похититель.

— Ты все понял? — спросил он Сергея спокойно-пренебрежительно.

— Послушай, это все случайно получилось, — побледнев от страха, зачастил Сергей. — Этот, ваш, прямо на милиционера выскочил. Тот его останавливает, а он — с финкой!..

— Это менты тебе доложили? — издевательски засмеялся преступник.

— Да не доложили… у меня там родственник работает, — залепетал Сергей. — В паспортном.

И тогда Зоя, как всегда слушавшая по другому аппарату, вмешалась в разговор:

— Алло! — Голос у нее от волнения сел, и она схватилась рукой за горло. — Слушай внимательно: тебе не с ним, а со мной надо разговаривать… — слова ее звучали сипло, полукрик-полушепотом, — со мной. Я мать! Ребенок мой, пойми!

— Ну и что? — равнодушно сказал преступник.

— А то, что я этого тюфяка, мужа своего, теперь близко не подпущу! — Голос у нее то и дело срывался, в нем появились просительные, умоляющие интонации: — Ребята, милые, поверьте мне, матери… Я вам клянусь — милиции духу не будет! Поверьте! Меня весь город знает — я слово свое держу! И деньги соберу, сколько просите, все… Поверьте мне, умоляю!

И, не удержавшись, тоненько заскулила, заплакала.

Вымогатель послушал, спросил более миролюбиво:

— И за мужа ручаешься?

— Ручаюсь! — Зоя вдруг овладела голосом, закричала громко: — Он меня слушается! Он

осторожно все сделает, как вы скажете.

— Ну что ж, последний раз попробуем, — согласился преступник и добавил с угрозой: — Только помни, на носу заруби: обманешь — себя обманешь. Не меня!

Тяжело дыша, как после бега, Зоя сказала мужу:

— Все, Сергей. С милицией *кончено.* Точка! Ни под каким видом. Ты понял? Или опять будешь болтаться… на две ярмарки?!

— Зоя, Зоечка, ты не права! — взмолился Сергей. — Вся надежда, что они помогут! Как же ты не понимаешь? Не видишь разве, что они вытворяют, эти бандиты?!

— Хва-атит! — Зоя изо всех сил ударила кулаком по столу, на лбу у нее вздулась жила. — Хватит спорить! Я запрещаю! Ребенок — мой, и мне решать! Я отвечаю.

Сергей набычился, сказал тихо, упрямо:

— Я тоже отвечаю.

— Нет! Нет! Нет! — исступленно закричала Зоя, теряя от ярости и горя последние остатки самообладания. — Ребенок — мой! Понимаешь — *мой!* А не *твой.* Я хочу, чтобы ты знал…

Сергей отошел к окну, долго всматривался в промозглую ночную тьму, молчал. А потом ска-

зал ровно и горько:

— Я давно знаю, Зоя. Но это не имеет значения…

Сергей спал на диване. Забылся, не раздевшись, даже не сняв ботинок. Глухой сон сомкнулся над ним, как воды над брошенным камнем. Лишь изредка он скрипел во сне зубами, бормотал что-то, постанывал.

Зоя в халате, с мокрым полотенцем на лбу, лежала на застеленной кровати в спальне. Около нее на тумбочке стояли аптечные пузырьки. Лариса налила в стакан с водой чуть не полпузырька валерьянки, подала сестре, сказала участливо:

— Выпей, Зой. Уснешь хоть на часок.

Зоя горестно покачала головой.

— Ну выпей, тебе еще силы понадобятся, — уговаривала Лариса.

Зоя, морщась, проглотила лекарство. Лариса взяла у нее стакан, погасила верхний свет и тихо вышла…

…Плещется вода в ванной, нежное тепло малыша передается ладоням. Он радостно шлепает по воде ручонками, весело улыбается беззубым ртом…

…Резкий запах камфоры и судорожное напря-

жение крохотного родного тельца, надсадный крик и жалобный плач; на щеках у мальчика компресс, ему больно…

…Счастливый, смеющийся, в новенькой школьной форме Марат протягивает огромный букет учительнице на Празднике первоклассников…

…Сосредоточенный, серьезный, уже в очках, он учится играть на флейте. Звучит простенькая грустная мелодия «Сурка»…

…Бесконечный, ярко освещенный коридор странно-искаженной геометрической формы. Гладкая блестящая дверь, о которую бьется Марат, царапает ее пальцами, стонет… Поворачивает к матери замученное страдальческое лицо с закрытыми глазами, шепчет: «Пить!.. Пить!..» Плачет. Опускается на сверкающий пол, по рукам его струится кровь, ноги связаны толстой веревкой. «Мама… пи-ить… мамочка…» — шепчут запекшиеся губы.

Кошмары. Бредовые сновиденья.

Со стоном, с мучительным криком Зоя проснулась. Господи, за что такая казнь? К ней подбежала Лариса, обняла, погладила по голове, Зоя шептала:

— Боже мой… Нельзя… нельзя так. Я так с ума сойду… Надо что-то делать.

Лариса сказала ей тихо:

— Зайка, есть женщина одна, турчанка… Гадает. Люди говорят — так верно! Все видит, насквозь. Сходи завтра, а?

Зоя устало кивнула.

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ПЛУЖНИКОВ

Рабочий день мой вчера крепко затянулся: допрос бомжа, отработка с ним на фотороботе внешности похитителя, проверка поступающих со всех сторон сообщений, ознакомление с разными подозрительными типами — все это продолжалось до глубокой ночи, и лишь под утро удалось прихватить в кабинете минуток полтораста. Начавшийся часов в шесть перезвон телефонов живо поднял меня с дивана. Вместе с каплями ледяной воды из крана я стряхнул с себя сонное оцепенение и направился к Возному, звучный густой бас которого уже раздавался из его кабинета.

Я толкнул дверь — Возный, придерживая плечом телефонную трубку, наливал из чайника кипяток в большую фаянсовую кружку с надписью: «Дорогому папочке на день рождения от Саши». Мельком глянув на меня, он кивнул на чайник — будешь, мол? Я охотно согласился,

хотя, конечно, правильнее было бы сейчас выпить крепкого кофе со сгущенным молоком. Но с растворимым кофе у нас постоянные перебои, а разводить бодягу с варкой молотого некогда, вот и обходимся чаем. Закончив разговор, Возный молча, забыв поздороваться, протянул мне конфетку, налил в стакан жидкого чаю. Зажужжал селектор:

— Товарищ начальник! Чернов, из девятого отделения… Я насчет девочки…

Возный посмотрел в листок на столе, переспросил:

— Свекольниковой?

— Так точно, Свекольниковой Ларисы, — подтвердил Чернов. — До сих пор — ничего…

Я взял свой чай, отошел к окну. Чисто вымытое стекло слегка подрагивало от ревевшего внизу автомобильного потока. Поглаживая веточки пышной герани, которой был уставлен весь подоконник, я слушал разговор.

— Плохо… — сумрачно говорил Возный. — Соберите все данные, приметы девочки — и оформляйте в сводку.

— Слушаюсь! — Чернов помедлил немного и сказал: — Юрий Иванович, еще два сигнала по телефону.

— Что еще? — недовольно спросил сыщик.

— Подростков ищут родители…

— Что-нибудь серьезное?

— Трудно сказать. Пока — вроде нет, тьфу-тьфу, не сглазить.

— Ладно, доложи дежурному и действуй по обстановке. В случае чего — звони мне… — Возный потер крепкий кудрявый затылок, отключил селектор. Взял чайник с плитки, долил себе кипятка.

— У нас какой-то бумеранг получается, — сказал он хмуро. — Чем больше мы действуем, чем больше людей охватываем — тем больше паника. Все эти наши опросы-допросы на другой день возвращаются к нам же в виде слухов, домыслов всяких, «сигналов». Вон уже троих детей ищут…

Я пожал плечами:

— Ничего не попишешь, неизбежный эффект. По-своему это неплохо, что люди реагируют…

— Ну да, они реагируют, а нам — разбирайся, — ворчал Возный. — Кстати, как думаешь, Игорь Сергеевич, что делать с этим… Суземовым? «Женихом»-то? Ребята считают — на него не похоже.

— Мне тоже кажется, — сказал я, возвращаясь к столу. — Я показал его фотографию Андрюшке моему. Нет, говорит, не из тех. Категорически. Но

вычеркивать его из списка, наверное, еще рано… Пусть кто-нибудь из твоих ребят понаблюдает за его передвижениями.

В дверь вежливо постучали.

— Можно! — крикнул Возный.

Вошел худенький аккуратный майор Мурашов.

— У меня рапорт, Юрий Петрович, — сказал он, протягивая бумаги.

— Читай вслух! — неторопливо велел Возный. — А то у тебя почерк плохой.

Мурашов удивленно посмотрел на сыщика:

— Впервые слышу. Но — пожалуйста… — И принялся читать скороговоркой:

«Начальнику угрозыска УВД… Докладываю: по факту похищения подростка Шерстобитова Марата силами оперативных работников и наружной службы путем поквартирного обхода проверены адреса и лица, сомнительные на причастность к похищению. Выявлены граждане антиобщественного поведения; не работающие; ранее судимые; живущие не по средствам получаемой зарплаты; бродяги; проститутки… Список на 225 адресов прилагается, по нему идет индивидуальная проверка.

Лица, не подходящие под приметы похи-

тителей, а также имеющие алиби, из списка исключаются… Старший инспектор постовой и патрульной службы майор милиции Мурашов».

— Во, перл! — сказал Возный восхищенно, однако, глянув на вытянувшееся веснушчатое лицо Мурашова, протянул ему обе руки и добродушно добавил: — Молодец, Иван Тимофеевич, спасибо за службу. Давай дальше! Только поконкретней.

— Слушаюсь! — Майор взял под козырек и быстро вышел.

Я взял его бумаги — вопреки утверждению Возного, список был исполнен роскошным «чертежным» почерком, аккуратно, под линеечку разграфлен, против адресов стояли галочки, тире, кружочки, прочерки, и всем своим видом документ внушал надежду, что работа по нему ведется самым добросовестным образом. Увы, пока что от этого было мало толку, и я сказал Возному:

— Приметы, проверки, сообщения… А мерзавцы наши будто растворились! Исчезли бесследно… — Я прошелся по кабинету. — Но ведь так не бывает! Следы обязательно остаются, что я их не нашел, это я их не вижу! А негодяи действуют, да еще как нахально! По телефону названивают, ставят условия… И мы никак их прищучить не можем, даже приметы показать по телевизору — и то не

имеем права!

— Ну что об этом толковать, Игорь Сергеевич, — сказал Возный рассудительно. — Ты не переживай. Как говорится, условия игры.

— Ничего себе, игра! Скажу тебе откровенно, меня предчувствие беды… ну… ни на минуту не оставляет! И от этого руки-ноги отнимаются! Я все на наших с тобой пацанов примеряю. Что им стоило Андрею или твоему Сашке этих щенков предложить? Клюнули бы, как миленькие!

— Перестань, Игорь Сергеевич, что-то на тебя не похоже, — с укором сказал Возный. — Не паникуй. А что касается нас с тобой, не нужны мы родной мафии, она без нас обходится: все свои проблемы через начальников да через генералов решает. А денег с нас не возьмешь — нету…

Зазвонил телефон. Возный взял трубку, разговаривал кодом — «да-да», «нет-нет», что-то записывал. Потом сказал несколько загадочно:

— Тут вот подсказывают историю одну. Не знаю, сгодится она или как…

— Можно без предисловий? — перебил я.

— Угу, — кивнул Возный. — В общем, есть один мужик. Судимый ранее. Сейчас — «индивидуал», джинсу гонит, пояса там разные, ну и тому подобное. Продает все это на ярмарке.

— Так…

— Года полтора назад у него украли новенького «жигуля». И то же самое — потребовали выкуп.

— За собственную тачку?! — удивился я.

— О чем и речь. Тысяч пять, как будто. Подробностей я, правда, не знаю, только машину свою он получил.

— А уголовное дело возбуждали?

Возный засмеялся:

— Конечно, нет. Вор у вора дубинку украл — они промеж себя договорились. Но деятель этот вроде бы сказал тогда: «Ладно, меня на тачке накололи, так я для себя другой выкуп найду».

— Вон что… Тогда ясно. А как его?

— Агапов Степан, по кличке Жало.

— Елки-палки, так бы сразу и говорил: я его знаю! Ну-ка, поехали к нему.

Машина подкатила к пестрому ряду ярмарочных заведений. Возный показал мне палатку рядом с чебуречной и исчез. Я подошел вплотную к торговой точке, расписанной какими-то не существующими в природе диковинными птицами — не то попугаями, не то пеликанами. Около палатки стояли две девицы, одна из них полненькая, аппетитная, беззастенчиво являла миру свои ляжки, меряя джинсовую юбку с бахромой.

В проеме за прилавком, завешанным всяческим «вареным» товаром, красовался моложавый крепкий мужик в широкополой шляпе, надвинутой на глаза. Конечно, он. Жало! Несколько лет назад он проходил у меня по делу об ограблении универмага, в пустяковой роли скупщика краденого — к собственному счастью. И вот он уже на свободе — торгует!

— Здорово, Жало! — громко сказал я, усмехаясь. — Сколько зим, сколько лет! Что, не узнаешь меня?

— Еще как узнаю! — живо и тоже усмехаясь отозвался Агапов. — Почему-то некоторые вещи запоминаются. Узнаю-узнаю… Разве что забурели вы маленько, товарищ капитан, начальником стали. Раньше молодые были, пешочком больше, а теперь, гляжу, на «Волге»!

— Забуреешь тут с вами, — сказал я строго. — И я уже давно майор.

— Ну извините, — сказал Агапов неторопливо, посматривая хитрым черным глазом, как я ощупываю болтающиеся на ветру джинсы.

Я кивнул на его замечательную шляпу:

— А чего «стетсон» свой не снимаешь?

Агапов пожал плечами, вздохнул и приподнял шляпу — под нею оказалась неожиданная при

его молодом смуглом лице и густых смоляных бакенбардах сверкающая лысина.

— Вот чего!.. Был когда-то волос, да сглазили, суки, — сказал он сокрушенно. — Он у меня вон откуда начинался…

И показал двумя сложенными над бровями пальцами, какой буйный был у него «волос».

— Да ты не горюй, — сказал я ему доброжелательно. — Один ученый японец установил, что лысые никогда не болеют раком желудка!

— Слава богу! — сказал Агапов равнодушно и, поскольку моя увертюра, видимо, начала его тяготить, перешел к делу: — Как я понимаю, у вас там что-то случилось? Так я вас слушаю очень внимательно.

Я сказал безмятежно:

— Не-а. Это я тебя слушаю.

— Тогда ошибочка! — удивился Агапов. — У меня к вам вопросов нет. Вы же не обэхаэсэс, а?

— И что с того?

— А то, что я свой ножик в землю закопал, — гордо сообщил Агапов. — Я «варенкой» торгую, вон она, перед вами! Так что вам *сдавать*!

— Ну что ж, мне так мне, — сказал я покладисто. — Поведай, друг милый Жало, что за история приключилась с твоими «жигулями»?

На подвижном хитром лице деловика мелькнуло искреннее удивление, потом он секунду соображал, потом выпалил:

— Это он, ментокрылый мусоршмит, накапал! Вот козел!

Пришел мой черед удивиться:

— Кто-кто? Какой еще «мусоршмит»?!

— Да опер ваш, Валера Строев! Недоволен, что я телок его не так, видишь ли, обслуживаю. А где мне, спрашивается, итальянский товар взять? Я польскую-то джинсу с трудом добываю, с лапой…

— Да какая разница, кто накапал! — перебил я поток его красноречия. — Я тебя по существу спрашиваю.

Агапов подозрительно посмотрел на меня.

— И вы бросаете государственные дела, лично приезжаете из-за такого фуфла?

— Ну почему фуфла… — неопределенно сказал я.

— Полного фуфла и ерунды! — категорически сказал Жало. — Дело давнее и списанное. К тому же мое личное. Я…

Он вдруг запнулся, видно, его осенила неожиданная мысль, и, засмеявшись, спросил:

— Слушайте, товарищ начальник! Никак вы его

заловили? И он раскололся на моего «жигуля»?

Я улыбнулся ему открыто, доверчиво:

— Ну, предположим. Поделись, как дело было.

— Боюсь соврать… — начал Агапов осторожно, я быстро перебил его:

— Ты боишься правду сказать! Ну, смелее!

Жало хитро глянул на меня, помолчал, помотал башкой, сказал наконец:

— Стоп-стоп! Не надо брать меня на понт, сэр! Я только сейчас врубился… — Он выставил передо мной крепкие смуглые ладони, и на остром лице его отчетливо отразилась напряженная работа мысли. — Та-ак… Вы ищете Зойкиного мальчишку… И думаете: раз *этот* мог тянуть с меня за «жигуля»…

Он остановился, с сомнением покачал головой. Я ждал.

— Нет. Вряд ли… — сказал Агапов. — Он, конечно, подонок, но-о…

— Погоди-погоди про «подонка», — перебил я. — Говорят, кое-кто грозился: «Меня, мол, на тачке накололи, так я свой выкуп найду».

— Обижаете, Игорь Сергеевич! Неужто я на такую сволочь похож? — завопил Жало и, усмехнувшись, кивнул на девчонок-покупательниц: — Вон мой выкуп! Я его уже нашел!

— Ну, может быть, — не стал спорить я. — А все-таки: как того подонка фамилия?

Агапов помотал головой.

— Телись-телись, Степан, — ласково попросил я. — Ну? Кто он?

Агапов заткнул пальцами уши, закрыл глаза и сказал уперто:

— Не знаю, не знал и знать не хочу! — открыл глаза и добавил: — Это не по моей части — *закладывать*.

Конечно, чужие убеждения надо уважать, но мне нужна была информация. Я и спросил:

— А запальной «фирмой» без патента торговать, «варенками» этими, — по твоей части?

— У меня есть патент! — гордо возразил Агапов.

— Ага. А также десяток «негров», которые на тебя горбят. Подпольно, само собой…

— Ну-у, круто, товарищ начальник… — обиженно заныл Жало.

На помощь к нему подоспели девицы с отобранной джинсой. Агапов аккуратно завернул юбку, получил деньги.

Но я не отставал:

— Чего — «круто»? Думаешь, тебя только обэхаэсэс может достать? У нас тоже руки длинные,

забыл? Ну-ка, толкуй, про что спрашиваю!

Агапов потер сизые щеки ладонями, сказал лениво, медленно:

— Удовольствия меня лишаете, граждане командиры.

— Какого еще удовольствия? — не понял я.

— Я сам собирался с ним посчитаться, Игорь Сергеевич. Душу отвести. Чтобы век, падло, помнил, хлебом клянусь… — сказал Агапов, и глаза у него были уже не веселые и хитрые, а злые, колючие, опасные. И ходили по скулам темные чугунные желваки.

Я смотрел на него и думал, что люди, с которыми мне приходится иметь дело, часто напоминают капусту, — чтобы разобраться, снимаешь с кочана один лист за другим, рассматриваешь, интересуешься, пробуешь — а в середке, в конце концов, горькая несъедобная кочерыжка. Но Агапов мне таким не казался, что-то в нем вызывало во мне симпатию, и я доверительно положил ему руку на плечо.

— Ты что, не соображаешь, Степан? У нас дело серьезное, человеческое, это не ваши блатные игры, — сказал я душевно. — Дай его нам. Если не тот, кого мы ищем, вернем, бери его… Ну а если, дал бы бог, тот самый — он нам за все ответит! За

сегодня, за завтра и за три года вперед!

Жало надвинул на глаза свое «барсолино», сразу став похожим на сицилийского кинобандита, и сказал сумрачно:

— Купавин Эдуард. Хуторская, двенадцать, частный дом.

К палатке подошел Возный. Наклонившись ко мне, прошептал:

— Таксист нашелся! Который их увез!

— О-о! Где он?

— Пошли.

Я протянул Агапову руку, он с достоинством пожал ее:

— Заходите, фирмовые джинсы подберу! — И хитро подмигнул мне.

— Зайду, — заверил я. — Сколько можно без штанов ходить!..

Маленький тщедушный таксист стоял около своей машины. Был он бледен, взволнован, форменную фуражку свою безжалостно мял в руках и рассказывал, шмыгая толстым ноздрястым носом, сбивчиво, но охотно:

— Как сейчас помню: высадил около универмага армяночку, толстенькую такую... тронул. И тут же мне мужик с тротуара рукой машет, три пальца показывает.

— Это еще что за сигнал? — деловито спросил Возный.

— Ну-у… у нас так говорят — маленький трояк лучше большого «мерси». Спешат… — Таксист шмыгнул носом, вяло улыбнулся. — Да-а… с ним еще двое — мужик и пацан.

— Пацана запомнил? — спросил я.

— Как сказать? — замялся таксист. — Нам пассажиров разглядывать особо некогда. В очках он был, помню… Маленькие такие круглые очочки.

Я достал из кармана фотографии нескольких мальчишек:

— Посмотрите. Повнимательней.

Шофер долго рассматривал карточки, потом не очень уверенно ткнул пальцем в фотографию Марата:

— Кажись, этот.

Мы с Возным переглянулись. Я прикурил сигарету, сказал:

— Хорошо. Как вас зовут-то?

— Андрей Васильевич.

— Отлично, Андрей Васильевич. Значит, посадили вы их — и что?

— Этот, какой останавливал, он со мной сел. Ехай, говорит, на Тургеневскую, где почта…

Еще вчера я стоял около универмага, на месте

похищения, и силился представить себе образ действий преступников, систему, хотя бы примерный маршрут, но никаких исходных данных, кроме слов Андрюшки — «сели в такси и уехали», — не было. Сегодня появилась надежда. Я рванул дверную ручку такси:

— Поехали! На месте покажете.

Через пять минут мы были около универмага. Притормозив у стоянки, таксист сказал:

— Вот здесь они сели.

— Давай, тем же самым маршрутом, — сказал я, и машина тронулась. — Что по дороге было, Андрей Васильевич?

— Да ничего, — хмыкнул таксист. — Езды-то на полтинник.

— Напрягитесь, Андрей Васильевич, — попросил я. — Вспомните. От вас сейчас очень многое зависит. Разговоры какие-нибудь были?

Таксист наморщил лоб, подумал, потом сказал виновато:

— Мальчик спросил чего-то. Вроде насчет котенка… А может, щенка — не помню, ей-богу. А второй мужик пацану: «Погоди, дорогой, сейчас приедем, сам увидишь».

Водитель рассказывал явно «в цвет» — не осталось сомнений, что именно он увез похитителей

и Марата. Я похвалил его:

— Молодец, Андрей Васильевич! Это крайне важно, то, что вы говорите. Припомните, еще о чем-нибудь они толковали?

— Да нет, молчали они, — уверенно сказал приободрившийся таксист. — Но вот что дальше было, вам, наверное, интересно…

— Давай-давай, шеф, — подхватился Возный. — Нам все интересно!

Машина подвернула к тротуару, на секунду остановилась около двухэтажного деревянного дома с вывеской почтового отделения.

— Вот здесь вышли они… — (Машина тронулась дальше.) — Дали трояк, я поехал. Метров через двести машет мне женщина. Посадил — ей обратно к универмагу. Я, естественно, разворачиваюсь, вот на этом месте…

Таксист принял вправо и лихо развернул машину.

— …Только газанул, глядь, мои пассажиры с пацаном садятся в «москвич», видать, он их дожидался… Стоял вон там у тротуара… — Водитель остановил машину и рукой показал, где стоял «москвич».

— А номер «москвича»? — спросил Возный с надеждой.

Водитель помотал головой:

— Ни к чему он мне… Кабы знато было!

— Ну хотя бы цвет! — взмолился я.

— Цвет я помню. Красный! Это точно!

Я сидел в такси и разглядывал ничем не примечательное место проезжей части рядом с почтой, занятое сейчас каким-то фургоном, место, с которого красный «москвич» увез Марата. Вот так материализуются фантомы: я ведь мечтал проделать маршрут преступников хотя бы мысленно. Маршрут оборвался, но зато четко проявился красный «москвич». Ведь бомж тоже говорил о красном «москвиче». Не так уж мало.

Мы вернулись на ярмарку к нашей машине, и я показал таксисту фото Суземова.

— Не, такого я не видал, — сказал он твердо.

Как непосредственный исполнитель похищения неудачливый жених отпадал окончательно. Я достал из портфеля фотороботы, нарисованные со слов моего Андрюшки.

Таксист с интересом осмотрел снимки, сказал нерешительно:

— Чудные! Вон — этот тощий, с усами… И этот, толстомордый… Вроде те самые. А в тот же момент — не похожи… — И добавил более уверенно: — Шапки такие, это точно!

— Спасибо большое, Андрей Васильевич, вы нам очень помогли, — сказал я проникновенно. — Теперь давайте подъедем в управление, с вами еще немного эксперты поколдуют.

— Сгорел мой план, я чувствую, — буркнул, впрочем без особого сожаления, таксист.

Возный его утешил:

— Ничего, друг, я тебе справку на среднесдельную дам.

Оставив таксиста экспертам — они потолкуют с ним подробно о приметах преступников, чтобы уточнить фотороботы, и попытаются вытянуть из него сведения об оттенке красного цвета «москвича», — я отправился «проведать» Купавина. Миновав центр, машина переехала мост через реку и остановилась в начале Хуторской улицы — длинной череды частных домов, укрывшихся в глубине участков. Пронизывающий сырой ветер с реки издевался над беззащитными фруктовыми деревьями — они слабо сопротивлялись ему, метались, шумели.

На углу меня уже ждал Кирюшин, пожилой участковый, мой давний знакомый. Я вышел из машины, торопливо поздоровался с ним, и мы пошли нечетной стороной.

— Подозрительный тип, этот Эдик, знаю я

его, — выкладывал Кирюшин. — Живет не по средствам зарплаты, вечно около него всякие темные личности шьются. Наркота попадалась.

— В каком смысле — попадалась? — насторожился я.

— В смысле — на глаза мне попадалась, — уточнил Кирюшин. — Я ведь многих знаю, кто ширяется да подкуривает. Но ведь не пойман — не вор.

— Ну, вспомни еще что-нибудь, — попросил я.

Кирюшин сдвинул фуражку на лоб, почесал в затылке.

— Ну что еще… Сам он голубятник заядлый. Жена тихая, забитая, детей нету… — Жидкий ручеек информации иссяк на глазах, и участковый с облегчением кивнул на противоположную сторону улицы: — Вон его дом!

Не останавливаясь, мы прошли мимо убогого одноэтажного строения, скособочившегося за голыми узловатыми низкорослыми яблоньками. На калитке была прибита фанерная табличка «№ 12. КУПАВИНЫ».

— Разглядеть его поподробней есть возможность? — спросил я.

— Трудно сказать. У них тут принцип: чем выше забор, тем лучше сосед.

— Ну, у него-то забор — одно название, — заметил я. — Хорошо бы подбросить сюда наблюдателя.

И поскольку Кирюшин помалкивал, я напрягся и вспомнил:

— По-моему, в этом районе где-то наш сотрудник живет?

— Так точно. Баландин, из наружной службы! — обрадовался участковый. — Через два дома, в шестнадцатом номере. Ну и память у вас, Игорь Сергеевич!

— Не жалуюсь.

— Я так смекаю, с его чердака двор Купавина — на ладошке!

Я усмехнулся уважительно:

— С тобой, Кирюшин, тоже не пропадешь…

Участковый разгладил усы, и на грубом, как кора, лице его тенью скользнула усмешка.

* * *

Богослужение шло к концу, торжественно-печально пел небольшой хор. Среди верующих, вся в черном, стояла на коленях бабушка Лидия Николаевна и шептала, закрыв глаза:

— Господи преблагий, превеликий, прости грехи рабе Твоей… Господи, прости грех смертный

дочери… Господи, сохрани отрока невинного… Господи, помоги!

Слабло мерцала в ее руках длинная тонкая свечка.

Богослужение кончилось. Лидия Николаевна поставила свечку и нерешительно подошла к священнику.

— Батюшка, горе у нас.

Священник склонил голову.

— Внука моего злодеи украли, — тихо продолжала бабушка. — Держат его невесть где и денег требуют.

Брови священника изумленно поднялись.

— Убить грозятся, — слезы катились у нее неостановимо. — Батюшка, Христом Богом молю, что нам делать?

Священник еле заметно пожал плечами, на лице было написано недоумение. Он возложил руки на ее голову:

— Молись, раба Божия, о спасении отрока…

— Марата, — подсказала бабушка.

— Марата… И я помолюсь о спасении его. — И совсем другим, деловым тоном спросил: — А что в милиции говорят?

— Не знаю. Бандиты эти не велят к милиции обращаться.

— Понятное дело. Только без милиции вы вряд ли обойдетесь, — сказал священник. — Просите, пусть помогают.

— Хорошо, батюшка. Только у меня к вам просьба превеликая.

— Да?

— В храм Божий тьма народу ходит. Может, слышал кто. Вам скажут… Заставьте век Бога молить, дайте нам знать.

— Рука Господа не сократилась, чтобы спасать, — пробормотал священник. — И ухо Его не отяжелело, чтобы слышать.

Лидия Николаевна вышла из храма. Игорь встретил ее на ступеньках. Подошел, поздоровался. Старуха сдержанно кивнула в ответ.

— Извините, что я вот так, — сказал Игорь. — Мне позарез надо поговорить с вами.

— Нам же нельзя, — чуть не плача, сказала Лидия Николаевна.

— Ради Марата, Лидия Николаевна!

Лидия Николаевна опустила голову.

— Мы работаем день и ночь. Поймите, чтобы найти преступника, — торопливо заговорил Игорь, — *нужно* всех проверить, кто к вам имел отношение! Нам нужно знать о вашей семье все!

Неподалеку от входа в церковь, в сквере, они

присели на скамейку.

* * *

Гадалка, молодая, со вкусом одетая красивая женщина с грозным черным лицом, задумчиво, напряженно рассматривала Зоину ладонь и, не поднимая глаз, говорила:

— …Жизнь у тебя долгая… Страстей много… Ты женщина яркая, богатая, а в мужиках нету опоры… Льнут к тебе мелкие, слабые. Сами прислониться хотят… Потому и сердце твое — молчаливое, и нет у тебя счастья бабьего… И любишь ты на целом свете только свой казенный дом…

Зоя завороженно слушала прорицательницу, а та ласково, утешающе гладила ее руку.

— Давай посмотрим, что карты скажут.

Карты тасовала быстро, они стрижами летали в ее холеных ловких руках. На мгновение заглянула к Зое в глаза.

— Гадать на тебя будем?

— На меня, — промолвила Зоя.

Гадалка перегнула колоду, с треском пропустила карты под пальцем. Остановилась на червовой даме. Разложила причудливый пасьянс, сняла со спиртовки кофе, налила только себе, прихлебну-

ла, всмотрелась в карты, нахмурилась.

— У тебя беда, голубушка. На сердце смертельная рана, — указала на туза и девятку пик. — Опасность, а то и смерть сама — рядом с этим молодым человеком. Все твои мысли на нем… С этим и ко мне пришла. Он тебе сын, да?

— Сын, — помертвевшими губами прошептала Зоя.

— Вижу пожилую даму… Она прямо к сердцу твоему ложится… Вот светлая карта, ее и твоя, рядом… Вся она в этой печали. Но дело ее — только любовь и молитва.

Зоя с доверием смотрела на прорицательницу.

— А в голове у тебя деньги большие… Не иметь, не получать… Расставаться! Не знаю — отнимут или, может, украдут… А вот это, — она показала на короля и шестерку пик, — военный. Офицер. Собирался к тебе в дом для разговора… Не захотела ты его… То ли не веришь ему, то ли он тебе не нужен. Или, может, боишься…

Зоя с изумлением вскинула на нее глаза, поежилась, вспомнив о Плужникове…

— Что дома у тебя? Выпали одиночество, слезы и печаль… Да еще спор, неприятный разговор с мужем. Может, из-за денег или из-за этого офицера. — Гадалка сделала крохотный глоток кофе,

собрала и снова перетасовала карты. — А вот и бубновый король, это человек из прошлой твоей жизни. Выпадает тебе скорое свидание с ним и душевный разговор. Что-то он знает про твою беду…

Гадалка взяла сигарету, закурила.

— Возьми своей рукой три карты — это судьба твоя.

Зоя дрожащими пальцами вытащила карты.

— И здесь остались слезы твои, деньги, бубновый король и скорый разговор с ним, — сказала гадалка.

— А сын? — выдохнула Зоя.

Гадалка снова перетасовала карты, бросила седьмицу на стол.

— Жив он. Болен. Страдает в чужом доме, один, рядом — никого.

— И что же с ним будет?

— Не вижу… Закрыта его судьба черной картой. Не вижу. — Гадалка развела руками. — Приходи через семь дней. А может, бубновый король тебе скажет.

* * *

В кабинете Плужникова за столом важно восседал его сынишка.

Сам Игорь водил по заросшим щекам электробритвой перед небольшим зеркалом, вделанным во внутреннюю дверь сейфа.

На столе стоял термос. Андрей деловито раскладывал на газете обед: сыр, яйца, бутерброды, соленый огурец.

— Что еще мама сказала?

— Что она тебя выпишет.

— Не имеет права, — серьезно сказал Игорь. — Я только два дня отсутствую, по закону надо шесть месяцев.

— Вот и хорошо, — так же серьезно сказал Андрей. — Ты нам еще пригодишься.

— Я тоже так думаю. — Игорь закончил бритье, протер лицо одеколоном и закрыл сейф. — Что ребята в школе говорят?..

— Костя Завальнюк предложил разбиться на группы, человека по три, — искать Марата по всему городу. По чердакам, подвалам, квартиры прослушивать… Иди ешь, пока кофе горячий… — Андрюшка освободил отцу место за столом. — Но я лично думаю — бесполезно, они его где-то в гараже прячут.

— Не скажи! Пацаны иной раз такое сообразят, что нам сроду в голову не придет. Ты скажи ребятам — пусть думают, и сам думай, как помочь

Маратке. Я к этому отношусь серьезно…

Игорь налил себе кофе и принялся за завтрак. Глядя на него, Андрюшка сказал задумчиво:

— Интересно, они его кормят?

— Надеюсь… — Игорь не удержал вздоха.

* * *

Женщины остановились около дома с ветеринарной аптекой внизу, Лариса поцеловала Зою, подтолкнула ее: «Иди!»

Зоя вошла в подъезд. Нерешительно, медленно поднималась по лестнице мимо забавных сказочных сюжетов, которыми были расписаны стены. Перед дверью на втором этаже остановилась, достала из сумочки зеркало, посмотрелась… и быстро нажала кнопку звонка.

Дверь открыл невысокий смуглый мужчина в халате и шлепанцах. Увидев женщину, он изумленно отступил:

— Зоя?

Она прислонилась к его груди и заплакала. Слегка отстранившись, он бережно снял с нее дубленку.

Они вошли в большую светлую комнату, обставленную богатой мебелью. У окна стоял мольберт, по стенам висели рисунки, эскизы — какие-то

лики в нимбах, религиозные символы; животные как на плакате. В подрамнике — незаконченная аляповатая картина на колхозную тему.

— Чему обязан?! — спросил хозяин напряженно, резко откинув падавшую на глаза прядь.

— Марата украли, — сдавленно, торопливо заговорила Зоя. — Какие-то бандиты. Требуют выкупа, угрожают убить!

— Ну и мерзавцы! Где он?

— Не знаю, не говорят… Алеша, его надо спасти, понимаешь — спасти-и!

Несчастная женщина опять зарыдала.

— А что милиция? — спросил он участливо.

— Я не хочу с ними дела иметь! — Она налила себе воды из графина и жадно выпила. Закурила. — Ты мне должен помочь!

— Я? — хмуро сказал Алексей. — С тех пор как меня поперли из адвокатов, извини, денежек не стало.

— Да при чем здесь деньги! — закричала Зоя. — Деньги есть, но они их не берут! Всё крутят чего-то.

— Наверное, боятся, — предположил Алексей.

— Чего им бояться? Я отдаю деньги и забираю Марата.

— Правонарушителю всегда есть чего боять-

ся, — спокойно сказал Алексей. — Например, что ты заодно с милицией.

— Да ты что, меня не знаешь! — беспомощно прошептала Зоя и с мольбой добавила: — Помоги! Ты ведь для этой публики авторитет, они сейчас, наверное, с тобой советуются.

Алексей молчал. Зоя подошла, взяла его руку и прижала к губам.

— Алеша, вспомни, как долго нам было хорошо. Ты ведь умный, талантливый.

Красивое лицо его передернулось.

— Долго, — сказал он язвительно. — Но с каких это пор я снова стал умным и талантливым? Год назад я превратился в «неудачника» да еще «с амбицией». Разве не твои слова? Ведь стоило мне проколоться, как ты умыла руки. А-а, ладно… Что я должен сделать?

— Связаться с ними. Сергей не может найти общего языка, — сбивчиво заговорила Зоя, — а тебе они поверят.

— И я передам им выкуп? Ты это имеешь в виду?

Она кивнула.

Алексей запахнул халат, прошелся по комнате, закурил трубку.

— М-да-а, интересный вариант, — сказал он

наконец. — Пожалуй… Хотя… Нет, ничего не выйдет.

— Почему, Алеша? — спросила Зоя.

— А если их поймает милиция? — сощурил он свои холодные глаза.

— Опять милиция! — с досадой воскликнула она. — Я же тебе сказала…

— Все-таки допустим, — настаивал он. — Тогда к моей замечательной биографии добавится еще связь с уголовниками. Практически — соучастие.

— О чем ты говоришь? — изумленно сказала Зоя.

— Ты забыла? Разве не твои коллеги, — он желчно усмехнулся, — вся эта начальственная свора, вся эта исполкомовская шваль — давили меня, как клопа? Каждая моя защита была шедевром, ей бы Плевако позавидовал! А они кричали: «Хапуга! Подпольный адвокат! У клиентов деньги берет!» Как будто все эти судьи и прокуроры не берут! Только они берут ни за что, а я честно работал на клиента. И за это меня поставили вне общества.

Ярость Алексея была неподдельной. Зоя с испугом и удивлением смотрела на него.

— Пригодилось, слава богу, что малевать умею, — продолжал он. — Каторжаню ради куска

хлеба. Вон, вся эта пачкотня по заказу, для колхозного клуба. А это для часовни в церкви. Мне все едино.

Он обвел рукой свои творения, словно забыв о той беде, что привела к нему Зою. А она, опустившись в кресло, тихо плакала.

— Теперь ты плачешь, — сказал он медленно. — А тогда была с ними заодно. Как я тебя умолял заступиться! А ты за карьеру свою испугалась. Тут же забыла и про меня, и про любовь…

Зоя поднялась, подошла к окну, оперлась локтями о подоконник.

— Верно мне нагадали, — тоскливо сказала она, — «встретишь приличного человека — обязательно тюфяк, мямля. А сто́ящий мужик попадется — так он подонок!».

Алексей быстро посмотрел на нее, сказал примирительно:

— Извини… Я, конечно, понимаю твое горе. Но ребенок найдется, я не сомневаюсь… Ведь им нужны только деньги, так ведь?

Зоя молча направилась к двери.

— Давай подождем еще немного, — идя следом, добавил Алексей. — В случае чего я подключаюсь… Да не плачь ты, все будет хорошо.

Выйдя из парадного, Зоя лицом к лицу столкну-

лась с Плужниковым.

— Вы что это за мной ходите? — резко спросила она.

— Я за вами не хожу, — смущенно сказал Игорь. — Поверьте, Зоя Михайловна, это случайность.

— Да-а? Случайность? — зло прищурилась Зоя.

— Полнейшая! Хотя и шли мы, скорей всего, по одному адресу…

— Какие еще у нас с вами могут быть общие адреса? — сказала Зоя сквозь зубы. — Зачем вы меня подставляете? Нас не должны видеть вместе!

— Вы отчасти сами виноваты, — как можно смиреннее ответил Игорь. — Вы же не хотите иметь со мною дела! Вот и приходится задавать свои вопросы другим людям.

— Вы уже показали класс работы. Отстаньте от меня!

— Не могу. Я ищу украденного ребенка, и мне нужно во многом разобраться. — Игорь старался говорить спокойно, но раздражение уже начало прорываться наружу. — В том числе, в связях вашей семьи.

— И вы нагло лезете в чужую личную жизнь?! — звенящим от бешенства голосом сказала Зоя. — По какому праву?!

— Такая у меня работа, — по-прежнему смиренно ответил Игорь.

— Завтра у вас будет другая работа! — угрожающе сказала Зоя. — Если вы не перестанете…

— Зоя Михайловна, возьмите себя в руки, — сказал Игорь сочувственно.

— Господи, да что же это такое происходит! — Зоя окончательно потеряла самообладание. — Или милиция больше не подчиняется советской власти?

Игорь покачал головой.

— Вы еще не вся советская власть, Зоя Михайловна. А я — не вся милиция. Давайте лучше поговорим как люди.

Зоя круто повернулась и пошла прочь.

Игорь громко спросил ее в спину:

— Вы застали Волохова?

Зоя остановилась, замерла, повернула к нему побледневшее лицо. Огляделась и торопливо пошла к подъезду. Игорь последовал за ней. На площадке у почтовых ящиков они остановились.

— Что он вам сказал? — спросил Игорь требовательно.

— Он ничего не знает, — прошептала Зоя.

— Это правда, что он ваш бывший любовник?

— Вам что за дело… — Губы у нее дрожали. —

Ерунда какая…

— Но ведь вы его подозреваете. Иначе бы вы сюда не пришли, — объяснил Игорь. — То есть я хотел сказать, в таком состоянии.

Зоя молча закурила сигарету.

— Зоя Михайловна, вам одной с этим не справиться! — горячо, искренне зашептал Игорь. — Дайте вам помочь. Почему вы его подозреваете?

Зоя сдалась — заговорила неживым, надтреснутым голосом:

— Какие там подозрения! Но раз уж вы пронюхали, скажу… Волохов очень умный человек, очень опытный. Вот он мог бы мне помочь. Но не захотел. Наши отношения давно закончились — я сама виновата… Здесь и вам делать нечего…

* * *

Уже вечерело, когда в дверь Шерстобитовых позвонили. Вошли две соседки. Стояли затаив дыхание, со скорбными лицами, как в доме, где лежит покойник. Одна, очень полная, в бедном пальтишке, держала в руке разграфленный лист бумаги.

Зоя вопросительно посмотрела на них.

Женщина смущенно-почтительно сказала:

— Зоя Михайловна, вы уж извините… про беду

вашу прознали. Ну и решили, как говорится, подсобить по-соседски. Собрали деньжат маленько… кто сколько мог…

Она почтительно протянула Зое свою бумагу, а вторая женщина вынула из газеты пачку денег, в которой были и двадцатипятирублевки, и десятки, но главным образом — пятерки и трояки.

— Триста восемьдесят два рубля, — робко сказала она. — По списку…

— Не обижайтесь, — сказала полная и развела руками: — У самих дети.

И, не сдержавшись, громко всхлипнула. И разрыдалась. Лариса бросилась ей на шею, бормоча: «Тетя Варя, тетя Варя, горе-то какое…», и все женщины плакали в голос, и Сергей не мог удержаться от слез.

Раздался новый звонок в дверь, и Лариса побежала открывать.

Вошел мужчина лет тридцати, небольшого роста, без шапки, прилично одетый, в галстуке. На серьезном лице лежала печать важности.

— У вас большое несчастье, — сказал он, не здороваясь. — У вас похитили ребенка.

Из кухни выглянула бабушка.

— Мне известно, — продолжал мужчина ровным голосом, — зачем его похитили и кто

похитил.

Все застыли.

— Я знаю также, где он находится, — добавил мужчина важно.

— Где? — выдохнула Зоя.

Мужчина величественным жестом показал вниз.

— Под землей! Я вижу! Вижу огромный серый замок… На стене черепа священных зверей — оленя, волка, льва, козла, обезьяны, крота и кошки! Я вижу подземный сводчатый зал, узкие высокие колонны…

Монотонный вначале голос напрягся, стал взволнованным, напевным, мужчина словно декламировал, водя по лицам потрясенных слушателей близко посаженными пронзительно-черными глазами.

— Я вижу громадный камин из серых камней. В нем пылают буковые поленья. С них капает расплавленная смола.

Сергей с испуганным недоумением посмотрел на Зою. Бабушка прислонилась к стене. Соседки застыли у вешалки. А неизвестный с каждым словом все более возбуждался. Узкие усики топорщились над толстыми, неестественно красными губами.

— Стол пиршественный посреди зала, — почти кричал он. — Драгоценная посуда из хрусталя, серебра и олова! Я вижу, как окружают его жрецы Великого Молоха! Они гневаются, они жаждут и алчут!..

Первой от оцепенения очнулась Лариса.

— Послушайте, о чем вы? — закричала она. — Кто вы такой?!.

Мужчина разразился сатанинским хохотом, обнажив в жутком оскале мелкие, словно семечки, серые зубы.

— Я посланец Молоха! Я ангел смерти Гавриил! — В ужасном возбуждении он уже заглатывал слова, шепелявил, бубнил, утиный нос его покраснел, на губах показалась пена. — Жрецы жаждут и алчут трапезы! Догорают буковые поленья, а тельца все нет! Все нет! Все нет! Дитя — телец жертвенный! Он должен сгореть!

— Да он сумасшедший! — крикнул Сергей.

И нечеловечески закричала Зоя, бросилась на безумца, царапая его лицо.

А тот продолжал вопить:

— Я демон Сатурн! Я ангел Шамаил! Я пожру детей своих…

Сергей схватил в охапку дико отбивавшегося несчастного и поволок его вон. Свалка продолжа-

лась на лестнице и во дворе.

— Душевнобольной. Потерял ребенка в пожаре, — сказал Плужников. — Говорят, вообще-то он тихий.

Возный покачал головой. Сидели они в следственной камере тюрьмы. Посреди камеры на вмурованном в пол табурете Шарабан внимательно рассматривал фотографии.

— Вот этот! — сказал он уверенно, протягивая выбранную карточку.

Игорь взял снимок. Анфас и профиль: лысоватый мужчина средних лет, сильная шея, морщинистый лоб, резкие складки вдоль тонкогубого рта, колючий взгляд исподлобья. Жесткая щеточка усов.

— Ну, я побежал, — сказал Возный и вышел.

— «Кличка — „Валет“», — прочитал Игорь. — А ты сказал — Валюн.

— Какая разница — Валюн, Валет, — беспечно махнул рукой Шарабан.

— И потом, за ним не числятся фальшивые деньги. Он за другое сидел.

— Я что — прокурор? Он сказал — я повторил.

— Так что — точно он? — переспросил Игорь.

— Да голову на отрез, — засмеялся Шарабан. — Его разве спутаешь!

— Уважаешь ты его, — поддел Игорь.

— Представьте! — развел руками Шарабан. — Мы, вообще-то, не любим аферистов: дешевки продажные, а хотят быть умнее всех! Но этот — особенный. Камеру держит — во как! Любому урке укорот.

— Чем же он берет? — полюбопытствовал Игорь.

— Ну-у, здоровый, жилистый, самбу знает. А главное — духарь: из любого требуху вмиг вытряхнет! Ему бы уркой быть, а не аферистом.

— Чего ж он уркой не стал?

— Объяснял: фраера из-за пятерки по башке треснешь, а срок по самую маковку намотают. Нужно, говорит, так сделать, чтобы фраер свои бабки сам принес, да еще в ножки кланялся.

— Мудре-ец! — ухмыльнулся Игорь и снова взял в руки снимок.

На нижнем обрезе было напечатано:

«Нарыжный, он же Зимовец, Вячеслав Васильевич. Кличка — „Валет“. Уголовная окраска — мошенник».

* * *

Вечером Зою навестил Первый. Сухощавый, подвижный, несмотря на свои семьдесят лет, Илья

Семенович сбросил на руки Сергею элегантное короткое пальто, быстро прошел в гостиную. Сергей из деликатности остался в передней.

Гость взял Зою за обе руки, сказал сочувственно:

— Все знаю, Зоя Михайловна. Мне доложили.

Зоя заплакала.

— Нет-нет, не дело, Зоя Михайловна. Вам надо, как никогда, держаться… — пожурил гость.

— Я держусь, Илья Семенович, — сказала Зоя сквозь слезы.

Перый покачал головой:

— Поверьте, я вам искренне соболезную. И надеюсь, что все обойдется.

— Лишь бы жив был, — прошептала Зоя.

Илья Семенович прошелся по комнате, сухо пощелкивая пальцами. Остановился около серванта и, разглядывая фотографию Марата, сказал уверенно:

— Конечно, жив… Но-о… я слышал, вы собираетесь выполнить их требования, этих… рэкетиров?

Зоя обреченно кивнула.

Илья Семенович сказал как можно мягче:

— Понимаете, Зоя Михайловна, этого не стоит делать. С террористами нельзя сговариваться,

сейчас на том весь мир стоит.

— При чем здесь мир, — выдавила из себя Зоя. — У них мой сын!

— И тем не менее вы должны учитывать свое положение — на вас ведь сейчас весь город смотрит. А вы перед самыми выборами пойдете на сделку с уголовниками. Представляете, как наши крикуны возрадуются: милиция бездействует, власти смыкаются с преступниками. И так далее. Не-ет, это не годится.

Зоя стиснула виски:

— Что же мне делать, Илья Семенович! Ведь бандиты грозятся убить Марата!

— Не посмеют! — сказал Первый веско, будто бандиты находились в его подчинении. — Да и генералу я дал указание — пошевеливаться…

— Хорошо… — выговорила Зоя, уставившись невидящим взглядом в депутатский значок высокого гостя.

— Вот и молодец! — Первый снова пожал обе руки Зои и уже в дверях сказал бодро: — Не падайте духом, Зоя Михайловна, держитесь, мы с вами.

* * *

Телефон зазвонил лишь около десяти.

— Ну что, собрал?.. — спросил преступник.

— Триста не хватает, — ответил Сергей и посмотрел на Зою. Она кивнула. Сергей уверенно продолжал: — Но ты не сомневайся…

— Замолкни! — перебил преступник. — Времени нет! Сложи все в дипломат и валяй на вокзал. Оттуда позвони жене. Денег возьми на билет.

Отбой. Сергей открыл кейс, где уже лежали деньги и облигации. Трясущимися руками нацарапал записку: «Ребята, я все сделал. Остальное за мной. Прошу, отдайте ребенка!» Положил записку поверх денег, защелкнул замок.

— Сергей, — сказала Зоя хриплым от волнения голосом, — не вздумай за собой милицию тащить. Сейчас все решится.

— Но ты же обещала Первому… — несмело начал Сергей.

Зоя перебила:

— Это я *ему* обещала, — жестко проговорила она. — А ты делай, как я велю. И смотри, если я узнаю, что ты…

Сергей, не дослушав, направился к дверям.

* * *

«Волга» вылетела на улицу. Следом за ней потянулось «такси».

Пассажир «такси» нагнулся, сказал в микро-

фон:

— Следую за объектом. Направление — к центру города.

* * *

— Алло, Зоя? Это Алексей, — сказал Волохов, удобно устроившись на тахте.

— Я слушаю, — прозвучал в трубке ее недовольный голос.

— Ну, что нового?

— Сергей повез деньги, — глухо сказала Зоя.

— Ну, даст бог, привезет мальца, — сказал Алексей.

— О-ох, не знаю…

— Привезет-привезет. Кстати, милиция-то хоть подстрахует его?

— Зачем? Я же тебе говорила. Обойдемся без них.

— Наверное, ты права… Ну ладно, бог в помощь! Я еще позвоню.

* * *

Участковый Козлов, аккуратный, в форме с иголочки, держа в руках фото Нарыжного, говорил Игорю:

— Знаю Валета, он у меня на учете. Освободился в прошлом году. Живет в доме химкомбината, Лесная, 6. Ведет себя тихо.

— Все мошенники ведут себя тихо, — отозвался Игорь. — Семья?

— Жена и, кажется, двое детей.

— Квартира отдельная?

— Однокомнатная, на втором этаже.

— Значит, такое тебе срочное задание, Козлов: разузнай о нем буквально все. Это раз. И второе: надо как-то под любым видом заглянуть к нему домой, поглядеть, как там и что.

— Я могу сходить, — с готовностью вызвался Козлов.

— Козло-ов! — укоризненно протянул Игорь. — Он ничего не должен знать. Есть кто-нибудь толковый в ЖЭКе?

— Ну?

— Пусть расчетную книжку проверит… или водопровод, в этом роде…

* * *

Сергей остановился на привокзальной площади. Внимательно посмотрел на прилипшее к нему «такси». Вошел в будку телефона-автомата.

— Еще не звонили, — сказала Зоя.

Сергей вышел из будки и закурил…

В небольшой квартирке Валета было тихо. Старший мальчик, зевая, доделывал за столом уроки, младший тер слипающиеся глаза, но от телевизора не отходил.

Подвижная седая женщина из ЖЭКа, держа в руках расчетную книжку, выговаривала хозяйке:

— Что же это вы, граждане Нарыжные! Третий месяц за квартиру не плачено! Небось, как талоны на сахар получать, так вы первые.

На лице хозяйки была написана скука.

— У нас Славка плотит, — равнодушно отозвалась она. — Скажу ему.

— А где сам-то?

— Да хрен его знает, где он целыми днями шемонается, — сказала хозяйка с неожиданной злостью. — Дал на месяц восемьдесят рваных — кота из-под стола нечем выманить.

— А он что, не работает?

— Работает, — угрюмо ответила женщина. — Нашел работенку — от людей совестно. В крематории, покойников жгет. Тьфу!

Посетительница сочувственно покивала. Потом сказала озабоченно:

— Где-то вода льется… Краны, что ль?.. — И

пошла в ванную, завешанную постиранным бельем. Деловито привернула тонкую нитку воды, струившуюся из крана…

* * *

Зоя сидела за столом, уставившись на телефон. Перевела взгляд на часы — стрелки будто остановились. Судорожно вздохнула, с трудом поднялась, взяла переполненную пепельницу, шаркая ногами, пошла на кухню, напилась. Дотащилась до ванной, безразлично посмотрела на себя в зеркало. Лицо, еще позавчера молодое, красивое, — словно припорошилось пылью, поблекло, показались морщины, глаза покраснели, подернулись пленкой, как у больной птицы… Наждаком по коже резанул звонок.

Зоя опрометью бросилась к телефону.

— Муж звонил? — спросил преступник.

— Звонил! Он ждет на вокзале.

— Пусть возвращается.

— И что?

— А ничего… не надо выкупа.

— Почему?.. — У Зои пропал голос.

— На нем менты висят.

— Ты что врешь! — исступленно закричала Зоя. — Никто на нем не висит, мы же договори-

лись! Он повез вам выкуп! Господи, за что вы издеваетесь над нами?

Преступник молчал.

— Может, Марата нет уже? — прошептала Зоя. — Скажи!.. Нет его?.. — (Молчание.) — Алло, ты меня слышишь?

— Слышу, — спокойно сказал бандит.

— Тогда слушай внимательно, ты-ы! Если с моим сыном что-нибудь случится, я тебя найду. Я вас всех под землей найду! Я очень хочу по-хорошему… Но если что… я вас живьем сожгу! Понял? Живьем!

— Вот это разговор, — довольно, со смешком сказал бандит. — Ладно, жив твой щенок. Слушай, что делать: пусть Сергей идет в камеру хранения, четвертая секция, ячейка седьмая, код А-000. Что там будет — пускай заберет… Давай!

— Алло, дежурный? Центр связи…

— Слушаю вас, Центр.

— Преступник звонил из автомата сто девяносто восемь на Битумной. Слышимость плохая. Что-то насчет камеры хранения на вокзале…

— Вас понял. Продолжайте…

* * *

В камере хранения было малолюдно. Неторопливо, вразвалочку прохаживался постовой, привычно оглядывая помещение. Подозрительного вида мужчина недовольно, искоса посмотрел на милиционера, отвернулся. Милиционер двинулся к выходу, мужчина проводил его долгим недобрым взглядом.

Сергей бегом спустился по лестнице, нашел нужную ячейку, открыл ее. Вытащил записку на грубой оберточной бумаге:

> «ДАВАЙ ПУЛЕЙ НА СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ, ЗА МОГИЛОЙ ТВОЕГО ДЕДА ФЕДОРА. МИНУТЫ НЕ ТЕРЯЙ. **НЕ ВЗДУМАЙ ЗВОНИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ!** СМОТРИМ ЗА ТОБОЙ ВЕЗДЕ».

Сергей вышел к машине, с тоской поглядел на будку автомата, увидел подошедшего к «такси» давешнего пассажира. Открывая дверцу, уронил записку на асфальт. Встретился с пассажиром взглядом, указал глазами на записку. Пассажир еле заметно кивнул.

Сергей завел машину, поехал.

* * *

Возный нажал кнопку на пульте.

— Тридцать девятый! Сейчас — на Старое кладбище. С вами поедет Соснин, покажет место. Подходить скрытно, не приближаться. Запомните: ваша задача — только наблюдать!

— Вас понял, товарищ майор!

— Блин горелый! — отключив связь, с сердцем сказал Возный. — Нервы мотают, сволочи… Ишь, от камеры хранения отказались и для засады на кладбище сроку не дали.

— Интересно, Битумная — другой конец города, — сказал Игорь. — Очередной трюк. Выкупа на кладбище они тоже брать не будут.

— Наверное, — согласился Возный. — Между прочим, они впервые прокололись с этой встречей на могиле деда.

— Конечно. Такие детали могут знать только близкие…

* * *

От вокзала Сергей ехал вдоль железной дороги. Журавли водокачек вытянули длинные шеи, белели в ночи пакгаузы, тянулся бесконеч-

ный состав нефтяных цистерн. Вот и переезд — шлагбаум был опущен, по путям курсировал маневровый паровоз. Сергей остановил машину.

А две оперативные «Волги» бешено мчались другой дорогой. К кладбищу подъехали раньше Сергея. Один за другим сотрудники выходили из машин и растворялись в ночной тьме…

* * *

Сергей нажал на тормоза — Старое кладбище. У ворот подслеповатый фонарь освещал жуткую скульптурную группу на стене: мускулистый парень в могиле спрятал голову в руки, лицо отвернул от скорбящих матери, отца, жены, а ребенок на ее руках радуется жизни, тянется к веткам деревьев, в корнях которого запуталась голова его отца.

Ссутулившись, Сергей побрел по главной аллее. Сотрудники неслышно пробирались к участку, где был похоронен дед Федор Шерстобитов.

Сергей подошел к скромному надгробью с надписью: «Шерстобитов Федор Иванович. 1870–1940». Посветил фонарем — ничего. Зашел в ограду и за плитой обнаружил белую тряпку, на которой лежала бутылка. Сергей взял ее в руки, осветил — внутри опять была записка. Он с остер-

венением ударил бутылку о бетон цветника, стекло разлетелось со звоном.

Развернул кусок картона от коробки «Казбека». На обороте разобрал:

«ЧЕРЕЗ 10 МИНУТ БУДЬ В ГОСТИНИЦЕ „ЦЕЛИННИК“. ОПОЗДАЕШ – ПОЖАЛЕЕШ. ТВОЙ СЫН БЛИЗКО».

Сергей бегом сорвался с места, лишь мельком посветив на часы. И в то же мгновение разом, как по приказу, погасли все фонари.

Опергруппа заметила его уход с опозданием. Торопливо, по-прежнему скрытно группа покидала кладбище. Кто-то прихватил с собой тряпку и осколки бутылки.

Сергей мчался на предельной скорости. По лбу его текли струйки пота. Он открыл ветровик, и холодный воздух ударил в разгоряченное лицо, он жадно вдыхал его. Покрышки пронзительно визжали на поворотах, и Сергей сразу же вновь набирал скорость, не обращая внимания на жалобный звон передач, натужный вой перегретого двигателя. Выскочил на проспект, ведущий к центру, увидел одинокое такси на стоянке. Оглянулся — никого за ним не было. Он резко затормозил, развернулся, подъехал к такси:

— Слушай, друг, как проехать к «Целинни-ку»? — спросил он водителя прямо через окно.

Таксист показал рукой по направлению к цен-тру.

Через несколько секунд показались два опера-тивных «такси». Первое круто затормозило около машины на стоянке. К водителю подскочил опе-ративник с красной книжечкой в руке.

— Уголовный розыск!.. Белая «Волга» тут не проезжала?

— Только что! — с готовностью ответил так-сист. — Шеф спросил, как проехать к «Целин-нику».

— Спасибо, командир, с меня причитается! — крикнул сыщик.

Уже из машины передал по рации:

— Гостиница «Целинник».

На площади Маркса, где находилась гостиница, было малолюдно. Сергей стоял с «дипломатом» в руке у входа, вертел головой по сторонам. Ни-кого. Он демонстративно положил чемоданчик на капот «Волги».

Из гостиницы вышел высокий мужчина в шля-пе и в сапогах. Он поглядел на пустую стоянку и неторопливо направился к Сергею. Тот встретил его напряженным, выжидательным взглядом.

Мужчина подошел вплотную, наклонившись, заговорщицки шепнул:

— Меня дожидаешься?

— Наверное, — растерянно проговорил Сергей.

— Во, молодец! — Мужчина хлопнул Сергея по плечу, захохотал, и сразу стало заметно, что он сильно пьян. — Где бутылку достать?

— Не, друг, я не по этому делу…

Сергей решительно отстранил его и вошел в будку телефона-автомата.

— Алло! Велели перезвонить через пять минут, — сразу ответила Зоя.

* * *

На экране телевизора в дежурной части шел местный брейк-данс: огневая чечетка сменялась лихими коленцами вприсядку, чубатые казачки бросались на шпагат, падали на руки и вертелись на ладонях ничуть не хуже знаменитых ньюйоркцев.

— Похоже, они начали операцию всерьез, — сказал Возный. — Ты посмотри, как они его гоняют. И наши силы заодно растягивают.

— А связи нет, — вздохнул Игорь. — Одна была надежда на телефон. Но бандюги это предусмотрели… Э-эх, могли же мы дать Сергею переговорник!

Он бы еще на кладбище сказал, куда едет.

— Опыта в таких делах нет, — развел руками Возный. — Спасибо Сергею, таксисту успел передать, а то бы и вовсе его потеряли. Во всяком случае, деньги еще при нем.

— Ох, за пацана страшно… Ты знаешь, я из Москвы получил обзор. Случаев, правда, немного, но есть такие жуткие. В Ереване один мерзавец организовал кражу собственных племянников, близняшек.

— Ну-ну? — подвинулся к нему Возный. — В каком возрасте?

— По семь лет. Он им не показывался, чтоб не узнали. А потом на них случайно наткнулся…

— И что?

— Убили. — Игорь судорожно вздохнул. — Представляешь, убили, а деньги у родителей продолжали тянуть. И перестали звонить, только когда мальчишек нашли в канале.

— А тех?

— Взяли. Три бандита. С высшим образованием… Их уже расстреляли…

— Пусть переедет площадь, — давал лаконичные указания бандит. Зоя слушала. — Станет у «Юности». Увидит белый «жигуль» номер 39–17, спросит: «Вы от Алика?» Потом пусть отдаст

«дипломат». Через час получите сына. Поняла? Только не вздумайте фокусничать!

Сергей выскочил из будки, сел в машину, завел мотор, огляделся. Никого вокруг видно не было. Заглушил. Вышел, открыл капот, сделал вид, что копается в двигателе. Выждав минутку, сел в машину, покрутил стартер. Выскочил опять, вставил заводную ручку — безрезультатно.

Взял с сиденья кейс и побежал через пустынную площадь, на противоположном конце которой светилась неоновая вывеска гостиницы «Юность». Он явно давал время милиции.

И милиция его не теряла: такси с зелеными огоньками, частные машины, «рафик», даже быстроходный автобус ЛАЗ, занимали ключевые позиции на огромной площади и прилегающих к ней улицах.

Белый «жигуль» 39–17 вырулил на стоянку перед «Юностью». К нему подбежал Сергей, бросил взгляд на номер.

— Ты от Алика? — спросил он, едва переводя дыхание.

Круглое, толстое лицо водителя выражало неподдельное любопытство.

— Да, от Алика, — сказал он, помедлив.

— Вот. — Сергей протянул чемоданчик, вгля-

делся, запоминая этого человека: живые черные глаза, курносый нос, двойной подбородок.

Водитель взял кейс, включил передачу и поехал.

Сергей тоскливо посмотрел ему вслед, судорожно вздохнул и направился через площадь к машине. Его роль была окончена.

И пока он брел, волоча ноги, в огромном пустынном пространстве своего одиночества, в эфире разносилась радиокоманда:

— Срочно передать в штаб установочные данные владельца «жигулей» 39–17, привлечь участкового и оперативника по месту жительства.

«Жигуль» неспешно ехал по трассе, приближаясь к «Волге» ГАИ. Инспектор перешел улицу, поднял жезл. «Жигуль» послушно остановился, водитель опустил стекло, вопросительно посмотрел на инспектора.

— Инспектор Еремеев. Ваши документы.

— А что, товарищ начальник?

— Ничего, проверка документов. — Инспектор взял права, посмотрел их. Краем глаза он видел, что кейс лежит на сиденье. — А почему у вас левый габарит не горит, Александр Алексеевич?

Водитель вылез из машины, глянул на под-

фарники.

— Видать, лампочка сгорела, — спокойно сказал он. — Заменим, товарищ начальник.

Не отдавая документы, Еремеев спросил благодушно:

— Далеко следуете? — И демонстративно принюхался.

Водитель заухмылялся всем своим круглым лицом:

— Упаси бог, начальник! Ни-ни… Еду к приятелю, по делу.

— Ага… А с кем встречались сейчас около «Юности»? — неожиданно спросил Еремеев без всякого уже благодушия, серые пробойные глаза его так и вцепились в растерявшегося водителя.

— Да-а… так… это… тоже приятель… — промямлил тот.

— Как его зовут?

— Не знаю… то есть… это…

— Не знаете, как приятеля зовут? — усмехнулся Еремеев.

— Да собственно говоря… ну… друг попросил… ну, поручение дал… — путался шофер.

— Вот что, гражданин Белов, кончайте дурака валять! И не врите! Вами уголовный розыск интересуется!

Черные круглые глазки Белова широко раскрылись:

— А при чем тут уголовный розыск?

— А кто «при чем»? — быстро спросил инспектор.

— Ну-у… вы, наверное… ГАИ…

— А-а! Калымим, что ли? — догадался Еремеев.

— Ну! — чуть ли не обрадовался Белов. — Попросили тут помочь…

…В «Волге» ГАИ хрипела рация:

— …владелец «жигулей» 39–17 Белов Александр Алексеевич, инженер производственного объединения «Строймаш». По месту жительства характеризуется положительно, по уголовному розыску компрматериалов нет…

…А Белов тем временем рассказывал:

— …Я, говорит, спешу: надо в командировку, а дел еще выше крыши. Ну и нанял меня на два часа… сейчас ведь разрешается. Поездили по городу, потом вышел — на Алтунинской, возле дома, где магазин «Кооператор». Я, говорит, пойду чемодан собирать, а ты через полчаса подъедешь к «Юности», тебе там «дипломат» отдадут, с документами, привезешь сюда. Вот этот… — Он кивнул на сиденье рядом с водительским.

— Номер квартиры? — дополнительно спросил

Еремеев.

— Не знаю! Он велел у магазина стать — из окна меня увидит и выйдет… Или жена его. Возьмет документы… ну и со мной рассчитается. Вот и все.

— Ясно. Дайте ключи… — Еремеев спрятал права Белова в карман и отошел к «Волге». Белов с недоумением и испугом смотрел ему вслед.

Вернувшись, Еремеев сказал:

— Значит так, гражданин Белов. Не знаю, волей там или неволей — потом разберемся! — вы помогаете особо опасным преступникам.

— Да я… — У Белова отвисла челюсть.

Еремеев перебил:

— Сейчас поедете, отдадите «дипломат». И моментально уберетесь оттуда! Про наш разговор — ни звука! Спугнете их — вам конец! Вы-то никуда не денетесь! — И он выразительным жестом показал Белову петлю на шее. — Ясно?

— Не сомневайтесь, товарищ начальник, все сделаю… — угодливо зачастил Белов.

— Тогда — вперед! — Еремеев вернул водителю ключи.

Уже садясь в машину, Белов спросил робко:

— Это что… с пацанчиком этим?.. Кого украли?

— Давай-давай! — рявкнул Еремеев. — Поехал!..

* * *

Место встречи — магазин «Кооператор» в первом этаже большого дома — было выбрано бандитами превосходно: широкий, ярко освещенный проспект далеко просматривался в обе стороны, а отход обеспечивался глубокой аркой, которая вела в небольшой темный двор, заросший густыми высокими кустами. А из этого двора тянулись еще два проходных, выходящих на густую улочку. Через них-то и подтягивались незаметно сотрудники, а радиомашины контролировали все транспортные пути.

На противоположной стороне проспекта, по диагонали от «Кооператора», остановился УАЗ, ярко расписанный рекламой отечественной радиоаппаратуры. Стенки кузова скрывали от посторонних взглядов Плужникова и Возного, расположившихся с оператором внутри, а шофер сразу же притушил фары, надвинул на глаза кепку и «обозначил» крепкий сон. Дом «Кооператора» был отлично виден через лобовое стекло машины.

— Что-то сомневаюсь… что он здесь живет, — сказал Возный, скептически посматривая на сплошь темные окна дома; светился лишь верти-

кальный ряд лестничных клеток.

— Не-ет, это для них слишком просто, — согласился Игорь. — Я думаю, наблюдают откуда-нибудь с лестницы.

И замолчал: к дому подъехал белый «жигуль».

Водитель вылез из машины и уставился на темные окна.

— Тоже подставной, — сказал Игорь. — Еще одна жертва бандита… Ведь он его в большу-ую беду затащил.

— Да-а… Все — чужими руками, — отозвался Возный. — Хи-итрован…

Ожил динамик: «Центральная! В переулке за проходным двором, в двадцати метрах по ходу, красный „москвич“, номер СП 91–19. На переднем сиденье спит человек».

— Он? — вслух подумал Игорь. — Вряд ли… Я думаю, он до самого конца не появится.

— Вполне возможно. Во всяком случае, номер иногородний, — заметил Возный и взял микрофон. — С «москвича» глаз не спускать! Проверить по номеру принадлежность…

— Я чего боюсь, — сказал Игорь, напряженно всматриваясь в белый «жигуль», — они ведь, скорее всего, туда, где ребенок… деньги не повезут.

— А куда повезут?

— Не знаю, не в этом дело. Эта сволочь не хочет рисковать. Но соображает: как ни крутись, любой подставной — хоть ты их десять найми! — должен привести к нему. А если Сергей с нами заодно, значит риск остается.

— И что из этого?

— Если его подручных схватят с выкупом, он будет шантажировать уже нас с тобой! Ребенком!

— Кишка тонка! Мы не слабонервные! — зло сощурился Возный. — Возьмем подручных — я из них душу вытрясу!

— А что будет с мальчишкой?

— Не знаю… Может, его и так давно в живых нет… — мрачно сказал Возный. — А эти есть. И их надо взять!

— Марат — в первую очередь! — упрямо сказал Игорь. — Я думаю…

— Постой!.. — перебил Возный.

Из-под арки вышла небольшого роста полная женщина.

Нетвердой походкой, покачиваясь, она прошла мимо «жигуля», дошла до угла дома, огляделась и вернулась к машине. Белов, прислонясь к дверце, выжидательно смотрел на нее.

— Ты к Алику? — спросила его женщина.

Белов кивнул.

— Давай бумажки! — И она протянула ему деньги.

Белов открыл дверцу, взял с сиденья кейс и отдал ей. Она взяла чемоданчик и неторопливо пошла под арку. Белов остолбенело смотрел ей вслед…

Потом плюхнулся на сиденье, с лязгом воткнул скорость и, шваркнув шинами, помчался прочь. На мостовой ветер шевелил две скомканные двадцатипятирублевки…

А женщина пересекла двор, скрываемая кустарником, направилась к подворотне — и тут из глубокой тени от стены отделился человек. Он торопливо схватил «дипломат» и бросился в узкий проход следующего двора.

Женщина вернулась на проспект, остановилась на краю тротуара, оглядываясь по сторонам.

Возный сказал в микрофон:

— Попробуйте подать ей такси. Вдруг…

Мужчина вышел из подворотни на глухую улочку. Водитель «москвича» — человек с худым рыжеусым лицом, в меховой шапке — «проснулся», завел мотор, открыл дверцу. Мужчина с кейсом быстро сел в машину, и она сорвалась с места. Впереди, в том же направлении, двинулась оперативная машина, дала себя обогнать

«москвичу».

…Машина такси мчалась по середине проезжей части. Голосующую на тротуаре женщину таксист проскочил, потом развернулся и вырулил прямо к пассажирке. Та решительно рванула дверь, уселась рядом с шофером и велела:

— На Соловьевку!

— А там?..

— Около аптеки… — Пассажирка устало прикрыла глаза. Водитель искоса наблюдал за нею: размалеванное малиновое лицо, ярко накрашенные губы, дешевое пальтишко, резиновые боты.

Похрипывала включенная рация. Таксист щелкнул тумблером и спросил игриво:

— А может, покатаемся?..

…В УАЗе динамик повторил вопрос. Сыщики напряженно слушали.

Пассажирка, помедлив, сказала тягуче:

— Покататься можно… Я не против… А выпить найдется?

Шофер засмеялся:

— Во, неугомонная! Бутылочку небось уже скушала?

— Ну и что?

— Да ничего, молодец! Как тебя зовут-то?

— Света.

— Очень приятно! — галантно сказал шофер. — Жалко, бутылочки у меня нет.

— А кататься — на халяву? Нет уж, давай домой…

— Жалко… — повторил шофер и сказал в микрофон: — Диспетчер, двадцать восьмая… Вызовы есть?

— Вы освобождаетесь? — сразу спросил мужской голос.

— Отвезу пассажирку на Соловьевку — и свободен.

— Вас понял, — ответил голос. — Вызову.

— Брать? — вслух подумал Возный. — Свое она сделала, едет домой. Возьмем — никто не заметит. Можно сразу допрашивать…

— А если она доложиться едет? Пока деньги прячут? — возразил Игорь. — И не дождутся ее…

— Это вряд ли. Она же согласилась кататься?

— Мало ли что! Подождем…

Не спеша, соблюдая правила, «москвич» катил по улицам города. Его ненавязчиво сопровождали оперативники…

Соловьевка была одноэтажной — проехав аптеку, «такси» остановилось у неприглядной хибары с подслеповатыми окнами, вросшими в землю.

Света вышла, и, разворачиваясь в узком проезде, «таксист» видел, как она достала из сумки ключ, открыла дверь и вошла в дом.

На прямой широкой улице «москвич» плавно принял вправо и вдруг, без сигнала поворота, круто развернулся в обратном направлении. Шедшая за ним оперативная машина степенно проследовала мимо, пока сыщик панически вопил в рацию: «…вдруг развернулась! Это проверка!..» — «Ладно, следуйте дальше, — велела рация. — Их сейчас на Савеловском спуске перехватят».

На Савеловском улица круто брала вверх, и серенький оперативный «жигуль», выехав из переулка, без труда мог догнать тихоходный «москвич». Мелькали незрячие лица домов, редкие фонари горели воспаленным оранжевым светом. Было холодно, скользко, пустынно. Следовать за «москвичом», оставаясь незамеченным, было невероятно трудно.

УАЗ двигался в направлении погони — вот и он миновал Савеловский спуск. Возный включил свет в кабине, мельком глянул на Плужникова: ввалившиеся щеки, запавшие глаза… Сказал сочувственно:

— Ну и видок у тебя, Плужников!

Игорь пожал плечами:

— Третью ночь пашем. Ничего удивительного… — Помолчал немного. — Я все про тот случай вспоминаю, ереванский… В глазах близнецы стоят. Бьемся, мучаемся, а может, все это… зря.

— Перестань, Игорь, не психуй, — укоризненно сказал Возный. — Бандитов ликвидировать — разве это зря?..

Заговорил динамик:

— Юрий Петрович! Объект финтит: крутит по переулкам туда-сюда… он обязательно нас срисует!

— Держитесь, ребята, — совсем не по-служебному сказал Возный. — Район окружен, ему особо деваться некуда.

А «москвич» утюжил один и тот же переулок. «Жигуль» держался на почтительном расстоянии, ухитряясь — пока — использовать лишь ему ведомые объезды и проходные дворы…

* * *

Не отходя от окна, Зоя напряженно вглядывалась в ночную темень. Сергей сидел за столом у телефона, положив голову на руки. Неслышно скользила по квартире Лариса. Пластом, словно покойник, вытянулась на кровати бабушка.

— Час уже прошел… — робко сказала Лариса.

Сергей поднял голову, посмотрел на часы:

— Час двадцать…

Зоя хрустела пальцами…

* * *

«Москвич» въехал в распахнутые ворота небольшого базарчика. «Жигуль» пронесся мимо, объехал квартал, тормознул на углу — вдали мелькнули красные габаритные фонари… Снова на одной прямой. И вдруг неожиданный поворот — поперек бульвара по пешеходной дорожке. «Жигуль» на бешеной скорости объехал бульвар и… никого, «москвич» пропал бесследно. «Жигуль» заметался по улицам, переулкам — никого!

В машине Возного стоял панический крик:

— Юрий Петрович, потеряли! Нет его нигде!

— Докрутились… — мрачно сказал Возный. — Я говорил: надо брать! — И в микрофон: — Всем экипажам! Прочесывать район, заглядывать во дворы, во все закоулки… в темпе!

— Он ведь из района не выехал, — сказал Игорь. — Давай и мы здесь покрутимся…

— Поехали! — приказал Возный.

Машина тронулась. Сыщик сказал сквозь зубы:

— Теперь если увидим их — все, берем!

— Наверное… — безнадежно кивнул Игорь. — В

конце концов, не могут же они все быть подставными…

— Ха! По крайней мере, двое — соучастники. Не считая женщины, — уверенно сказал Возный. — И мы их самих сделаем заложниками. Сдадут нам главаря как миленькие…

— А если он убьет Марата?

— Побоится — если еще не убил… За похищение отвечать — одно. А за убийство — шлёпка. Две большие разницы…

Было по-прежнему темно, ветер носил редкие снежки, они вспыхивали на мгновенье под тусклыми уличными фонарями. В кабине свет был выключен, мягкое зеленое свечение приборного щита наблюдению не мешало… Ожила рация:

— Первый! Информационный центр…

— Слушаю.

— Справка по «москвичу» 91–19.

— Ну-ну-ну! — Сыщики так и подались к динамику.

— На учете в Рогожском районе. Владелец Титов Дмитрий Иванович, 1960 года рождения, уроженец деревни Солодное Рогожского района, работает весовщиком на рынке.

Игорь резко поднял голову:

— Солодное? Погоди… — Игорь напряженно

вспоминал, бормоча: — Солодное… Солодное… Есть!! — Закрыв глаза, он сказал по памяти: — «Нарыжный, он же Зимовец Вячеслав Васильевич, 1958 года рождения, уроженец деревни Солодное…» Валет!

— Совпадение?.. — Возный усмехнулся, покачал головой: — Не-е, так не бывает. Поехали к его дому. — И шоферу: — Лесная улица…

Оперативный «жигуль» не спеша ехал по узкому переулку. Неожиданно из бокового проезда впереди вынырнул красный «москвич».

— Первый, Первый! — радостно заверещал сыщик. — «Москвич» показался!

— Где? — крикнул Возный.

— На Садовой, в начале улицы.

— Поведите его еще маленько, — просительно сказал Возный. — В крайнем случае — внаглую.

Игорь уставился в план города.

— Юрий Петрович, это я, Седьмой… — снова заговорил «жигуль», но голос у сыщика был растерянный. — В «москвиче» остался один шофер!

— Не отставайте! — бросил Возный.

Игорь протянул ему планшет:

— Садовая здесь, рядом, — сказал он, задыхаясь. — А вот крематорий… Он на работу побежал.

— Мы раньше поспеем, — сказал Возный и ве-

лел шоферу: — Крути на Садовую!

Белый, мертвенный в ночи, свет фар озарял всю улицу. В конце ее высилось темно-серое квадратное здание крематория. С верхушки трубы ветер срывал клочья черного дыма. УАЗ подъехал к ритуальному залу.

— Служебный вход с той стороны, — сказал Возный шоферу. — Давай, Федор.

Машина спряталась в тени огромного мусоросборника.

Возный вынул «макарова» из кобуры в петле под мышкой, снял с предохранителя, дослал патрон. И положил пистолет в карман…

…«Москвича» преследовали уже откровенно. И когда преступник выехал на загородное шоссе и стало ясно, что ни в какой «адрес» он не привезет, «жигуль» резко набрал скорость, пошел на обгон. Один из сыщиков открыл окно и жестом приказал водителю остановиться.

И хотя опознавательных знаков милиции на «жигуле» не было, «москвич» послушно зарулил на обочину. Оперативник подбежал к нему с пистолетом в руке. Водитель — невысокий толстый парень с растерянным одутловатым лицом — вылез наружу.

— Уголовный розыск! — коротко, зло крикнул

опер. — Документы!

Парень протянул удостоверение. Подошли еще два оперативника.

— Куда ехал? — спросил опер, даже не заглядывая в документы.

Парень молчал.

— Ну?! Онемел, что ли? — Голос опера звенел от волнения.

— Да так… просто… — разлепил наконец запекшиеся губы задержанный. — Катался.

— Еще не придумал? — насмешливо сказал опер. — Ладно, с нами поедешь… Руки!

На запястьях преступника щелкнули никелированные наручники.

* * *

Меж двумя домами напротив крематория беззвучно возникла длинная тень. Человек осторожно выглянул на улицу. Помедлив немного, решительно пересек площадку перед служебным входом. Прижимая к себе чемоданчик, прокрался вдоль стены к двери. Скользнул в подъезд, пошел вверх по короткой лестнице. На площадке его ожидали Игорь и Возный. Увидев их, мужчина застыл. Шагнул назад.

— Не надо! — громко сказал Игорь. — Стоять на

месте! Вы арестованы!

Переплетенье труб, мерцанье приборов, огромный кремулятор с никелированными дверцами топок, мощный рокот вентиляторов — кремационный зал напоминал бы машинное отделение большого парохода, если бы не закрытый кумачовый гроб на тележке перед печью да три других, ожидавших своей очереди в «накопителе».

Двое дежурных машинистов сидели за столом с пивом и нехитрой снедью. Третий стоял близ открытой топки печи, в глубине которой бушевало адское оранжево-белое пламя с очертаниями раскаленного пылающего гроба. Все они оторопело смотрели на возбужденных вооруженных сыщиков и мрачного, злого Нарыжного.

Возный отодвинул локтем еду на столе, положил чемоданчик и раскрыл его — кейс доверху был набит пачками денег и облигаций.

— Где Марат? — свистящим шепотом спросил Плужников.

Валет смотрел мимо него остекленевшими глазами.

— Где ребенок, я тебя спрашиваю? — грозно повторил Игорь.

Преступник молчал, острое худое лицо его было безжизненно.

— Где украденный ребенок? — спросил Игорь у машинистов.

— Он… ребенка украл? — оцепенело повторил один из них, лысый, толстомордый, с золотыми зубами, и почему-то посмотрел на ревущую разверстую топку.

Остальные невольно последовали за его взглядом. Он помедлил немного и сказал дрожащим голосом, выставив вперед, словно защищаясь, ладони:

— Мы его здесь видели!

— Того самого? — догадался другой и, вскочив на ноги, визгливо закричал Валету: — Твоя, значит, работа! У-у, козел, все тебе мало, пасть твоя ненасытная! А другие из-за тебя…

Он осекся, перехватив косой взгляд собутыльника.

— И не думайте, товарищ начальник, — сказал тот уверенно, — здесь пацана не было.

* * *

В машине Возного преступник сидел, съежившись, подперев подбородок рукой. Худощавый нос нависал над тонкой верхней губой. Подумав, выдавил из себя:

— Ваша взяла… Все скажу, — голос у него был

хрипловатый, гортанный.

— Где ребенок? — быстро спросил Игорь.

Валет криво улыбнулся:

— Откуда я знаю? Я к нему не касался.

— А чего ж тогда расскажешь? — удивился Игорь.

— Ну-у… про себя. Про ошибку свою…

— И какая же твоя ошибка?

— Не по зубам кусок схватил… — Придя в себя после первого испуга, Валет пытался разговаривать легко, бесшабашно.

— Ну, покайся, — бросил Игорь.

— Каюсь. Услышал я, что пропал пацан у нашей командирши. Ну и решил попользоваться… — Валет притворно вздохнул. — Да вот, не судьба. Снова пыхтеть придется.

— Видишь, как все просто, — насмешливо сказал Возный. — Обыкновенный мошенник.

Игорь улыбнулся и терпеливо спросил:

— А где же все-таки пацан?

— Откуда я знаю? Мало ли… Может, утонул, — равнодушно сказал Валет.

Игорь долго молчал, сосредоточенно, тяжело рассматривая его.

— Не верите? — спросил Валет.

Игорь нехорошо усмехнулся.

— Мразь! — сказал он. — Ты думаешь, я с тобой в бирюльки играю? Ты у меня сам в покойники первый кандидат.

Выдержка изменила Валету, он вскинул на Игоря блеклые, выцветшие от страха глаза и закричал истерически:

— За что?

— За это самое… — зловеще сказал Игорь. — Скоро увидишь.

* * *

Как в калейдоскопе, менялись в кабинете люди.

…Вошел Андрюшка. Нарыжный сидел у стены среди двух мужчин — так требуется при опознании. Андрюшка посмотрел на них и уверенно ткнул пальцем в Нарыжного — он!

…Нарыжный сел с краю. Вошел тщедушный таксист, осмотрел не спеша всех троих и кинул в сторону бандита — этот!

…Конвойный ввел бродягу-бича. Тот сразу же разглядел Валета и, широко ухмыляясь, пошел к нему с протянутой для пожатия рукой. Валет хмуро оттолкнул его.

— …Я ничего не знала! — визжала маленькая, круглая, задастая Света. — Вечером познакоми-

лись, выпили бутылку… Потом привел меня во двор, выйди, говорит, на улицу, к «Кооператору», возьми у фраера чемодан. И мне принеси… Еще на десять бутылок дам… и на такси.

— А что в чемодане? — спросил Плужников.

— Он сказал — анаша… а мне-то что, я не задуриваюсь.

…Владелец белых «жигулей» тряс жирными щеками посреди кабинета, бурно жестикулировал, что-то говорил, указывая на Валета, и тут же поворачивался к Светлане, изображая передачу кейса…

Когда опустел кабинет, Возный спросил:

— Ну как, Валет?

Преступник молчал, уставившись пустым взглядом в окно.

— Зря упрямишься, Нарыжный, — подключился Плужников и провел пальцем по горлу: — Доказательств — во!

Валет презрительно выпятил нижнюю губу.

— Ты небось гадаешь сейчас — кто тебя сдал? — Возный иронически ухмыльнулся. — Так я тебе скажу: твои же братья-уголовнички из тюряги. Ты даже им противен, как крыса поганая…

Валет пожал плечами.

— Ну что ж, тогда послушай своего родствен-

ника.

Игорь нажал кнопку, и конвоир ввел в кабинет Титова, владельца «москвича». Снял с него наручники и встал у двери.

Титов, маленький, толстенький, до смерти перепуганный, в сторону Валета старался не смотреть. Валет же уставился на него, как питон на кролика, и, поймав-таки его взгляд, чуть заметно покачал головой. Титов отвернулся.

— Повторите нам вкратце, Дмитрий Иванович, свои показания, — сказал Игорь.

Заискивающе глядя ему в глаза, Титов торопливо заговорил:

— Ну, короче… вызвал он меня из деревни. Помочь, говорит, надо в одном деле… На новую машину заработаешь.

— Кончай свистеть, гнида! — угрожающе проскрипел Валет.

— Помолчи! — посоветовал Игорь.

— Не вру я, ей-богу, все как есть говорю. Показал он мне в зоопарке пацана… потом, на другой день, мы его возле школы дождались. Ну, зазвал он его вроде за щенками…

— Замолчи, гад! — крикнул Валет.

— Ты напрасно нервничаешь, — сказал Плужников. — Даже если он замолчит, уже ничего не

изменишь. Продолжайте, Титов.

— …Уехали на такси, — бубнил Титов. — Потом в «москвич» пересели… На шоссе за городом велел остановиться… И ушел с пацаном. Потом вернулся… один.

* * *

Опустошенные, измученные, все трое сидели — и молчали.

Часы показывали два ночи.

Наконец Игорь сказал устало:

— Ну на что ты надеешься, Нарыжный?

— Покурить мне нужно… — хрипло сказал Валет. — Душа божьей травки просит… Дадите — тогда поговорим.

— На-ка, выкуси! — Игорь показал преступнику кукиш. — Еще чего, дури ему подавай! Ты у меня и так заговоришь! Как миленький…

В кабинет вошел и тихо стал в дверях Сергей. Только руки, теребившие ушанку, выдавали его волнение. А Игорь продолжал:

— Если пацана не найдем, значит ты его убил. И труп спрятал… Все ясно. Так и так ответишь за убийство. Лучше сознавайся.

Валет с преувеличенным вниманием слушал его, отводя взгляд от Сергея. А тот подошел к нему

вплотную и спросил тихо:

— Где мой сын?

Валет опустил голову.

— Если он неживой… все равно отдай… не мучай! — Голос Сергея сорвался на рыдание. — Слышишь, ты-ы!..

Преступник молчал. Задыхаясь от ненависти, Сергей крикнул:

— Ты… бандюга… ты что думаешь? От суда, от них отвертеться? — Он кивнул на следователей. — А я?.. Про меня ты забыл? Я тебя вот этими руками… — Он поднял перед отпрянувшим Валетом огромные кулаки. — Я тебя на куски разорву!

Плужников подскочил к Сергею, обнял за плечи, оттесняя от побледневшего, съежившегося Валета. По лицу негодяя было видно, что в его твердой решимости молчать появилась трещина. Он и сказал сдавленно:

— Ладно, поехали… Покажу… — И обреченно махнул рукой.

* * *

С надсадным воем сирен рванулась кавалькада автомобилей сквозь ночь. Лишь только тронулись, Игорь спросил:

— Где он?..

Преступник помялся, сказал неохотно:

— За химкомбинатом.

— Где?

— В трансформаторной будке.

— С кем?

Валет боязливо покосился на Сергея, поежился:

— Ни с кем. Сам…

— Врет он! — с ненавистью сказал Возный.

Город кончился. Серая лента шоссе стремительно мчалась навстречу, мелькали по обочинам деревья.

— За мостом налево… — сказал Валет.

Свернули на проселок, поехали вдоль неширокой речки. Она не замерзала круглый год, стремительно несла свои мутные воды, над которыми клубился белесый пар… На опушке редкого леса показалось одинокое приземистое строение.

— Здесь… — шепнул Валет.

Переваливаясь через колдобины, УАЗ подъехал к будке, фары ярко осветили грязную облупившуюся побелку. Люди стремительно рванулись к помещению.

На железной двери висел огромный замок. Возный дернул за дужку — оказалось, замок висит на

одной петле. Потянул за ручку, дверь с мерзким скрипом отворилась.

Плужников включил фонарь. Мятый слабый луч его обшарил замусоренный дощатый настил, куски толя в углу, какое-то тряпье… Пусто! Блеснуло стекло. Игорь поднял раздавленные маленькие очки в круглой детской оправе.

Возный включил общий свет. За хлипкой рейкой барьера-ограждения тихо, ровно гудели трансформаторы, на стене меж фарфоровых изоляторов грозно поблескивали красной медью высоковольтные шины с надписью зеленой краской: «6000 вольт».

Игорь посмотрел в лицо бандиту. Оно напоминало гипсовую маску, только глаза поблескивали из-под бровей остро, как у зверя.

Сергей, прикусив губу, сделал шаг к нему. Валет отодвинулся, выставив вперед ладони, скованные наручниками. От страха, от острого душевного волнения лоб его покрылся неровными красными пятнами.

— Он здесь был! Ты что! — прошептал Валет.

Сергей сгреб бандита за грудь и ударил о стену с такой силой, что послышался хруст костей. Возный и Плужников смотрели в сторону.

— Мужики-и! — отчаянно заверещал Валет.

Сергей снова ударил негодяя о стену, и тот обвис в его мощных руках.

— Говори, гад! — прохрипел Сергей.

— Не знаю, куда он делся. Вчера здесь был, — простонал Валет.

— Врешь, мерзавец! — закричал Сергей. — Не висни, живым от меня не уйдешь!..

Переводя дух, он, видно, ослабил хватку, потому что бандит неожиданно толкнул его в лицо скованными руками, отскочил в сторону и, спружинив, взлетел в воздух; в каком-то немыслимом прыжке карате, в падении навзничь, он с чудовищной силой ударил Сергея ногами в грудь. Не устояв, Сергей упал спиной на жалкий барьер, проломил его и... в то же мгновение всех оглушил громовой треск электрического разряда. Неимоверная оранжевая молния прыгнула с медной высоковольтной шины, ударила Сергея и превратилась в яростную слепящую дугу. Вспыхнули волосы, почернело лицо не успевшего даже вскрикнуть Сергея. К нему бросился Игорь, схватил за борта куртки, оттянул на деревянный настил. Дуга с шипением сникла и исчезла. Сергей был без сознания.

— Давай его на землю... Искусственное дыхание!

Вместе с Возным они потащили Сергея из будки.

* * *

Валет лежал на полу как мертвый.

— Вставай! Еще належишься. — Возный пнул бандита и поставил его на ноги.

— Я не хотел! Так получилось, — охваченный ужасом, бормотал преступник. — Откуда я знал… Поверьте, ребята! Я все скажу!

— Ну, говори, — сипло бросил Игорь.

— Это он его увел, сволочь! Всех перехитрить хотел, а меня подставил!

— Кто? — крикнул Игорь.

— Напарник мой, с-сука! Это он все придумал!

— Ах, у тебя все-таки был напарник, — с едкой насмешкой произнес сыщик. — Кто такой, как зовут? Адрес?

— Поехали, начальник, я покажу, — плачущим голосом воскликнул Валет. — Разговаривать некогда!

Распростертым на земле Сергеем занимались врачи «скорой»…

И снова кавалькада неслась по ночной дороге, мелькали, прыгали, мчались навстречу деревья под свист осатаневшего ветра.

В одной из машин сидела Зоя.

У переезда задержались, пропуская состав. Мелькали длинные лакированные коробки вагонов, судорожно бились на стыках рельс колеса.

Валет торопливо, заискивающе объяснял:

— «Я, — говорит, — гений! Талант! А они (ну, власти, значит) меня поденщиком сделали. Не выйдет!» Вот и выдумывал: то катран для картежников, то фальшивые царские червонцы под золото… Мильон ему снился. А я, дурак, за него пыхтел! Хватит подставляться, пускай теперь сам…

Перемигнулись красные огни концевого вагона — шлагбаум поднялся. Вой сирен, стремительный пролет по улицам спящего города. Дом с ветеринарной аптекой внизу, лестница с расписными стенами…

Дверь отворила молодая женщина. Алексей сидел в кресле у камина, ноги были укутаны пледом. Сумрачное лицо, волнистая прядь на высоком гладком лбу… Мгновенный просверк бешеной досады и ненависти в глазах…

Зоя вбежала в парадное, устремилась вверх по лестнице. На площадке второго этажа у раскрытой двери Алексея увидела милиционера… Осознав, куда ее вызвали, без чувств сползла по

стене.

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ПЛУЖНИКОВ

Валет сосредоточенно рассматривал блестящие браслеты на своих руках. Хозяин оставался в кресле, поглядывая на сообщника с ненавистью и отвращением.

— В который раз спрашиваю: где ребенок? — Я старался говорить ровно, сдержанно. — Он жив?

Преступник молчал, и тогда я неожиданно переменил тему:

— Вы ведь и в церкви малюете понемногу?

— А что, и это нельзя? — отозвался тот злобно.

— Да нет, можно. Только вчера вечером вас видели около трансформаторной будки, с тяжелой ношей.

— Интере-есно, — протянул Алексей. — И кто же?

Возный удивленно посмотрел на меня, и я пояснил:

— Звонил священник, отец Андриан… Этого живописца прихожанка узнала.

— Лихо, святой отец! — делано восхитился Алексей.

— И это ему нипочем! — развел руками Воз-

ный. — Не-ет, для него один резон — страх. Страх за свою поганую шкуру!

— Вот ты его на страх и бери, — слабо усмехнулся я. — Мне характер мой ватный не позволяет… Давай!

— Вы обо мне толкуете, будто меня вовсе нету, — разлепил толстые губы Алексей.

— Тебя и не будет скоро, — яростно сказал Возный. — Выдай ребенка, подонок, это твой единственный шанс! Куда ты денешься!

И снова похититель презрительно усмехнулся.

Лицо Возного исказилось ненавистью, он выхватил из кармана пистолет, бросился к преступнику, ткнул ему ствол под ухо и закричал.

— Ты еще смеешься, нелюдь?! — исступленно крикнул он. — Ну-ка, говори, мразь, где мальчишка, пока я тебя не прикончил!

Алексей в ужасе вжал голову в плечи, зажмурил глаза. Отталкивая рукой пистолет, закричал:

— Оставьте меня! Вы в тюрьму за это пойдете!

Возный отступил на полшага, но оружия не опустил.

И тут молчавший доселе Валет поймал глазами мой взгляд и подбородком выразительно указал на книжные полки, среди которых виднелся небольшой магнитофончик. Я взял его в руки,

Валет усердно закивал головой. Я посмотрел на Алексея — тот впился в аппарат помертвевшим взглядом.

Нажал клавишу — шорохи, шум, обрывок какой-то записи и — мальчишечий голос: «Папа! Папочка!.. Это я!.. Они меня тут… Пап!»

В наступившей грозной тишине Алексей изнеможенно откинул голову на спинку кресла, рукавом отер пот со лба.

— Я сдаюсь, — почти шепотом заговорил он. — Кончено, сдаюсь… Не вам, жлобье, — я сдаюсь судьбе! Все. Устал — и от этих сумасшедших дней, и от всей своей бессмысленной жизни. — Он воздел руки к потолку, и голос его поднялся до истерического крика: — Бог вложил в меня так много и не дал самого главного — удачи!

— Правильно сделал, — усмехнулся я. — Любая твоя удача — всем поперек горла… Ладно, куда ты спрятал ребенка?

Алексей встал, молча направился к выходу.

* * *

И снова машины сгрудились вокруг трансформаторной будки. Из такси вышла Зоя. Подъехала «скорая помощь»… Ветер ярился, его злобные ледяные порывы пронизывали людей насквозь.

Низко над редколесьем неслись черные рваные тучи. Поисковая группа толпилась вокруг преступника. На жухлой прошлогодней траве виднелись глубокие шрамы от буксовавших колес, и, вглядываясь в них, он сказал:

— Здесь где-то начинается газовая траншея… — Резкий холодный рывок ветра отхватил и унес конец фразы, но и без слов было понятно, в каком направлении надо искать.

Люди гурьбой двинулись через лесок, который просвечивали, как прожекторы, столбы дальнего света автомобильных фар.

— Вот… — сдавленно сказал Алексей и указал на поросшую кустарником канаву, уходившую к реке.

Ломая кусты и сучья низкорослых деревьев, мы бросились вдоль канавы. Кто-то кричал на бегу: «Ма-ра-ат! Мара-атик!.. Мара-ат!..» Ответа не было.

Канава стала шире, глубже, но бежать по ней было невозможно: как только я ступил на хрупкий наст, сразу же провалился по колено в чуть подмерзшую болотную жижу. Чертыхаясь, выбрался, побежал краем траншеи, быстро обогнал всю группу и помчался впереди, светя себе сильным фонарем. Следом за мной бежала Зоя. Дно

траншеи было ровным, его видно было до самого поворота в густых зарослях кустарника.

Внезапно Зоя вскрикнула, резко остановилась. Нагнулась. Сразу два фонаря осветили ее. Она медленно выпрямилась, в руках у нее была детская кроссовка.

— Его!.. Это его-о!.. — отчаянно закричала Зоя, с рыданием прижимая кроссовку к лицу.

Я бросился дальше, Зоя от меня не отставала. Обогнув поворот, я сразу увидел темную массу завала на дне траншеи. Острый луч высветил нагромождение веток, стеблей камыша, кусков толя. Я остановился, в затылок мне тяжело дышали Зоя и Возный. Осторожно ступая по скользкому краю траншеи, я приблизился к завалу, дотянулся до комля длинной камышины, потащил его на себя. Стебель подался, повлек за собой рваный кусок толя… Лучи уже нескольких фонарей освещали завал, и когда я вытянул толь, показался синий рукав куртки с ярко-красными звездочками.

Проваливаясь в болотную жижу, я спустился к завалу, но чем ближе было к нему, тем медленнее я двигался. Остановился. И другие застыли. Никто не решался подойти ближе, первым увидеть…

Наконец мучительным усилием воли я одо-

лел оцепенение и шагнул вперед. Лихорадочно сбрасывал куски толя, сучья, камыш — пока не открылась маленькая, безжизненно скорчившаяся фигурка в низко надвинутой на лицо красной шерстяной шапочке с помпоном… И маленькие детские руки, туго связанные веревкой…

Я припал к Марату, сдвинул с его лица шапочку — глаза ребенка были полуоткрыты, мертвенно отсвечивали в лучах фонарей…

Подхватил маленькое тельце на руки, устремился, с трудом вытаскивая ноги из болота, по дну траншеи — назад. Я задыхался, пот градом катился по лицу, но ребенка держал бережно, крепко…

Слышались вокруг возгласы: «Жив?.. Да где там… Неживой…»

Возный и Зоя бежали рядом, поддерживая меня, пока не закричал кто-то: «Врач!.. Врач здесь!..» Возный сорвал с себя куртку, расстелил ее на высоком гребне траншеи и помог мне положить мальчика.

Врач «скорой», в белом халате поверх пальто, приник к губам ребенка, открыл пальцами безжизненные веки, расстегнул курточку, чтобы послушать сердце.

Непослушными руками, зубами рвал Возный

узлы на веревке, опутавшей руки Марата.

Напряженное мучительное безмолвие вдруг взорвалось безумным исступленным криком Зои: «Не-ет! Не-е-ет! Мальчик мой!..»

И снова — мертвая тишина… Наконец доктор неуверенно прошептал:

— Сердце… — И сразу же ликующий крик его: — Я слышу сердце!!

Укол… Еще один… Ребенок слабо застонал. Я схватил его на руки и побежал по траншее к машине…

«Скорая», надсадно завывая сиреной, рванула с места в сопровождении милицейского мотоцикла.

Погасли автомобильные фары, и стало видно, что наступает утро. Сквозь слабую дымку тумана лица людей, столпившихся вокруг преступника, казались размытыми, призрачными, ненастоящими.

Заглядывая мне в глаза, Алексей сказал искательно:

— О-ох… Жив! Слава Богу!..

Я отвернулся. А Возный смотрел на бандита. Долго, внимательно, будто хотел навсегда его запомнить. Потом покачал головой, бросил с омерзением: «У-у, нелюдь!..» — и смачно плюнул.

Поодаль шелестела, бормотала река. А поднимающееся солнце размывало на горизонте черноту ночного неба.

Аркадий и Георгий Вайнеры. Не потерять человека

«Прошу дать мне учиться...»

«...Пусть босым в мерзкую ледяную слякоть, пусть за двадцать верст, пусть полуголодным, при свете дымной лучины — лишь бы учиться». «Прошу дать мне учиться!» — чье сердце не тронет эта мольба? «Прошу дать мне учиться», — просит Саша Чеканов. Что случилось, кто осмелился в наше время помешать учиться пятнадцатилетнему мальчику, пионеру?..

...Тишина треснула и разлетелась многоголосым грохотом. И влажный прохладный сумрак за сараем исчез мгновенно, потому что в небе тяжело вспухли гроздья яркого света — голубого, красного, желтого. Они расцветали пылающими причудливыми фантасмагориями и какое-то неуловимое мгновенье висели в небе неподвижно, и тогда со двора взлетал и доносился сюда, за сарай, счастливый крик ребят, и в их крике, яростном, веселом, задорном, жила надежда, что ракеты так и будут висеть в стылом ночном небе, не рассыпаясь, не тускнея, серебристым неверным сиянием. Долго, до рассвета.

Но фейерверк разлетался в мириады быстро

остывающих искр, неудержимо падающих на землю, и темнота догоняла их на лету, врываясь первой в узкий проулок за сараем, затопляя его страхом и тоскливым напряжением. И хотя темнота была сейчас нужнее, при свете ракет праздничного салюта было не так страшно.

Снова громыхнул залп. Сашка сплюнул и сказал:

— Если застряну в форточке, влезай на сарай и тащи меня назад за ноги.

— Ладно, не дрейфь, вытащу, — сказал Игорь.

Сашка дал ему «леща» по шее и передразнил:

— «Не дрейфь!» Сопляк!

Подпрыгнул и уцепился за край крыши сарая. Мгновенье его тело висело свободно, потом снова спружинило, и, резко подтянувшись, он уже лежал животом на крыше. Ослепительно вспыхнула ракета, и его ноги замерли. Хлынула темнота, и ноги исчезли где-то там, наверху, и раздался сердитый Сашкин шепот:

— Не сопи, шкет паршивый!

И снова грохнули неподалеку ракетницы, снова стало светло, как днем, но Сашка уже перебежал крышу сарая и прижался к выступу окна на втором этаже. После яркого света глаза не успевали привыкнуть к мраку, но Игорь разглядел, что

Сашка уже открыл форточку. И снова залп, свет, искры, темнота. И было не слышно, как щелкнул затвор шпингалета, только в неживом свете догорающих ракет Игорь видел, что Сашка исчез в окне. Потом из окна высунул голову:

— Давай, лезь. Добро пожаловать.

Спрыгивая с крыши на подоконник, Игорь потерял равновесие, нелепо замахал руками, чуть не вывалился из окна и тяжело грохнулся на пол комнаты. Сашка дал ему подзатыльник:

— Ботинки сыми — соседи услышат.

Обыскивали квартиру быстро — хозяева могли скоро вернуться.

— Жалко, сумку не взяли, много унести не сможем, — сказал Игорь.

— Не жадничай. Хватит. На тебе зажигалку, — сказал Сашка.

Вторую зажигалку, покрасивее, он положил в свой карман. Еще забрали паспорт хозяйки, магнитофонные ленты, кучу авторучек, два ножа, пистолет. Хороший пистолет, шестизарядный. Почти как настоящий. И на игрушку-то не похож.

Влезли на подоконник, притворили за собой раму, перебрались на крышу сарая, спустились в проулок. Низкие облака светились дымным

пронзительным светом отраженной иллюминации. Игорь посмотрел паспорт и сказал:

— Слушай, а паспорт-то нам зачем?

— А ни за чем! Выкинь его. Или бабке подари.

— Сказал тоже! Что, у моей бабки паспорта нету? Я его порву лучше.

— Порви.

Порвал. Обрывки бросил в бидон с краской, который оставили здесь маляры. Прямо под окнами обворованной квартиры.

— Пошли?

— Пошли, — сказал Игорь.

Снова с шипением взлетели ракеты. Салют еще продолжался…

Их задержали через два часа двадцать минут. Через сто сорок минут после совершения преступления они превратились в подследственных. Салют давно кончился, и в городе шел дождь…

…Жил со своей матерью, одинокой малограмотной женщиной Александрой Ивановной Чекановой, мальчик Саша. Неважного поведения был паренек. Бездельничал, воровал по мелочи и поэтому попал в поле зрения милиции. Детская комната сообщила суду: «Саша Чеканов до прошлого года состоял в отделении милиции на учете как мелкий воришка, запущенный в воспи-

тании…» Мы, правда, не знаем, с какого времени занимался Саша нехорошими делами. Во всяком случае — «до прошлого года». Потом, по-видимому, перестал. Так или иначе, в прошлом году Сашу сняли с учета, поскольку «проведенная с ним работа дала положительные результаты». Но вскоре Саша Чеканов снова был изобличен в краже — на сей раз государственного имущества. Впервые в своей жизни Саша предстал перед следователем прокуратуры. Четырнадцать лет было похитителю лекарств из ближайшей аптеки. И хотя количество украденных медикаментов было невелико, сам антураж хищения выглядел вполне солидно: не как-нибудь, а со взломом, под покровом ночной темноты.

Прокуратура рассудила, что Чеканов — несовершеннолетний, что перед следствием он предстал впервые. Наконец, что ущерб, причиненный им аптеке, возмещен. Поэтому в возбуждении уголовного дела против Саши отказала и специально обратила на него внимание районной Комиссии по делам несовершеннолетних.

Правильное, обоснованное решение? По-видимому, правильное. Во всяком случае на том этапе. Парнишка из слабой семьи, мягкий еще, как глина, — четырнадцать лет всего, — лепи из

него хорошего человека. С любовью лепи — толк будет, обязательно будет! Маловат он еще для роли обвиняемого. Предполагалось, что ребенка окружат добрые заботливые руки. Много рук: матери, школы, общественности, Комиссии по делам несовершеннолетних. Увы!..

Из обычной школы Сашу перевели учиться в шестой класс школы-интерната. Впрочем, стоит ли говорить «учиться», когда Саша лишь отбывал повинность. По мере возможности отлынивал от уроков. По мере возможности развлекался. А развлечения эти, с учетом «духовных запросов» Саши, носили совсем не мальчишеский характер. Очень любил избивать девчонок. И оскорблять их.

Учителя говорят, что Саша Чеканов очень способный парень. И очень здоровый, физически сильный. Да и зовут его почти как славного героя-комсомольца Сашу Чекалина. Все данные для того, чтобы стать вожаком, любимцем мальчишек. Это просто закон ребячьего мира. Но — нет, не любят Чеканова ребята. Не любят и боятся. Почему? По разным причинам. Вот пример. Живет в интернате мальчик — Сережа Цырюльников. Сирота. Хороший спокойный паренек. Однажды ребята проснулись от его душераздирающего

крика. Он сидел на своей кровати, держась за ногу, и по лицу без удержу катились слезы. Оказалось, Чеканов вложил между пальцами ноги спящего мальчика горящую сигарету. Отвратительна жестокость этой «шутки».

«…Чеканов жесток. Чеканов неоднократно замечался в кражах, а у малышей отнимал деньги, — характеризует Сашу школа. — Он курит, ругается. Физический труд презирает, понятия о чести, совести, долге — не имеет.

В общеобразовательной школе имел по поведению „удовлетворительно“, в интернате — *нетерпим*. Прогуливает, бродяжничает, не ночует. В 8-й класс переводится с удовлетворительной оценкой по поведению. Все меры воспитательного воздействия школа-интернат использовала».

Все ли? Откровенно говоря, у нас такого впечатления не сложилось. И вот почему. Практика показывает, что воспитательный процесс наиболее успешен там, где своего противника — безнравственность, невоспитанность — он встречает «на дальних подступах», когда он не дает росткам зла оформиться и окрепнуть, превратиться в уверенность, в мировоззрение, в философию. И главным оружием воспитания в этих случаях является

неотвратимость ответственности за любое, пусть самое незначительное прегрешение: соврал, обидел, надерзил, испортил — *отвечай*! Отвечай *совестью*. А к такой ответственности должен, может и повседневно призывает *коллектив*, в котором ты живешь, — твои товарищи. Мы часто недооцениваем могучее воспитательное *взаимодействие* ребячьего коллектива.

К сожалению, чаще приходится сталкиваться с детскостью, незрелостью школьного комсомола, увлеченного самыми высокими, самыми благородными общественными идеалами, но не замечающего — по своей житейской неопытности — обыкновенных ям и кочек прямо под ногами.

Кто же, как не школа, ее педагогические и общественные силы могли и должны были направить пристальное внимание школьных комсомольцев, ребячий коллектив на одного — всего лишь одного! — мальчишку, взяться за него общими силами: неужели их недостало бы, чтобы раскрыть Саше глаза на его жизнь, устыдить, растормошить, чем-то увлечь его?.. Но этого не произошло, целый коллектив молча глотал Сашины «художества» и *ни разу не дал ему отпора*! Просто его не любили. И все. Но коли так

— ладно, Саше и не нужна их любовь, не нужны ему в школе товарищи, друзья. Он вполне удовлетворится «дружками» с улицы…

Подвиг героя-комсомольца Саши Чекалина побудил ребят из 6-го класса одной из школ на Урале, по примеру воинов, зачислить его в свое «подразделение», имя его сделать знаменем в жизни и работе. Красными чернилами вписывает классный руководитель 6-го «Б» фамилию героя в классный журнал, и ежедневно по очереди ребята отвечают «за Сашу» уроки, отвечают так, чтобы быть достойными его памяти… Ведомость Сашиных оценок за четверть — хороших отметок — получает лучший ученик класса. Надо ли говорить, как собирает ребят воедино, как подтягивает их, ведет к добрым делам равнение на любимого героя? И можно ли помыслить, что такой коллектив молча пройдет мимо «художеств», подобных тем, что вытворял его почти однофамилец?

Но в школе, где раньше учился Саша Чеканов, а потом и в интернате — прошли.

Зримо, на глазах педагогов, возникает взрывоопасная ситуация — живет рядом с нами парень, который:

не учится;
хулиганит;
курит;
сквернословит;
бродяжничает;
ворует;
отнимает у малышей деньги.
Этот парень:
жесток;
физический труд презирает (вероятно, и умственный тоже);
понятия о чести, совести, долге — не имеет.

Не надо быть оракулом, чтобы предсказать: на наших глазах скоро погибнет человеческая личность, в которой развитие получили только плохие задатки, а хорошие — никакого. Или почти никакого.

Простейшая задача на сообразительность: чего следует ожидать в ближайшем будущем от ленивого, хулиганящего, бродяжничающего подростка, беспринципного и презирающего труд?

Конечно, было бы приятно узнать:

«В один прекрасный день в Саше произошел нравственный перелом. Он стал добрым, полюбил труд, учебу, товарищей и каждое утро приносил в школу букет цветов…»

Но ведь чудес на свете не бывает. Действительность, как правило, прозаична.

Может быть и другой ответ: «В одну ужасную ночь Александр, вооружившись острым ножом, совершил разбойное нападение…»

Нет. К счастью, этого тоже не случилось. Поэтому, забегая вперед, предоставим слово для ответа на нашу задачу адвокату и следователю.

Адвокат: «…Чеканову пятнадцать лет, и его действия необходимо рассматривать сквозь призму психологии, которая присуща подросткам его возраста. Чеканов мечтал иметь транзистор и кассеты для магнитофона…»

Следователь: «…Чеканов, предварительно договорившись со своим товарищем Голованиным, совершил кражу различных вещей из квартиры гр-на Бакурина, то есть преступление, предусмотренное ст. 144, ч. II УК РСФСР».

Да, Саша Чеканов, в соответствии с «призмой своей психологии», взял полюбившиеся ему, но — увы! — чужие вещи. Не больше и не меньше. А произошло это так.

Во дворе гулял Голованин Игорь. В свои тринадцать лет этот «джентльмен удачи» учился уже (!) в четвертом классе. Пустяками Игорь не занимался, поэтому он, пока другие ребята гоняли в

футбол, деловито сообщил Саше Чеканову:

— Слушай, вон в той квартире есть «Спидола», магнитофон, авторучки, зажигалки, и вообще — богато живут. Я с ихним пацаном познакомился и дома у него был — все сам видел.

— А как залезть? — сразу уразумел Саша.

— Да вон, с крыши сарая прямо в окно, — сказал Игорь.

— Годится. Значит, как стемнеет, — назначил операцию Саша.

Чем она закончилась, уже известно.

Игорю повезло. Как «лицо, не достигшее возраста, при котором наступает уголовная ответственность», он был от таковой освобожден, и дальнейшую заботу о нем прокуратура поручила все той же Комиссии по делам несовершеннолетних.

Какие же меры могла принять к мальчишке комиссия?

Надо сказать, что арсенал воспитательных мер, которым располагают Комиссии по делам несовершеннолетних, довольно широк и разнообразен. Здесь и трудоустройство, и официальная передача подростков под надзор родителей либо общественных воспитателей, более того, особенно «трудные» ребята могут быть переданы на

поруки коллективам трудящихся. Каждая из этих мер в первую очередь предполагает неусыпный надзор за подростком со стороны взрослых и кропотливую воспитательную работу.

К числу мер морального воздействия на самих подростков относятся публично объявляемые *предупреждение, выговор или общественное порицание;* в надлежащих случаях Комиссия может обязать подростка принести публичное (или в иной форме) извинение лицу, потерпевшему от его действий.

Работающие несовершеннолетние за серьезные проступки могут быть наказаны штрафом (до 30 руб.).

Крайней мерой непосредственного воздействия на подростка является направление в специальные воспитательные учреждения типа интернатов-спецшкол (с 11 до 14 лет), а для подростков с 14 до 18 лет — специальные профессионально-технические училища, СПТУ, где основной упор делается на труд, на приобретение профессии и где, помимо учителей, над исправлением ребят работают *воспитатели*.

Само собою разумеется, что выбор конкретной воспитательной меры — дело чрезвычайно тонкое, многое здесь зависит от индивидуальных

особенностей несовершеннолетнего, характера правонарушения, условий в семье.

К большому сожалению, надо признать, что меры, избранные Комиссией по отношению к Игорю Голованину, по-видимому, мало чем отличались от тех, которые применяли к Саше. И вот меньше чем через восемь месяцев после происшествия мы разговариваем с капитаном милиции Маргаритой Алексеевной Михайловой, отдавшей восемнадцать лет жизни работе с «трудными» детьми. Горестно вздохнув, она рассказывает:

— Здесь, в детской комнате милиции, мы делаем все, что можем, для перевоспитания оступившихся ребят. Вот и с Игорем: очень он трудный, очень запущенный парнишка, и мы глаз с него не спускаем, работаем с ним повседневно, не теряем надежды. А результаты?.. Игорь уже дважды совершил кражу… Но мы все равно боремся за него.

Верим. Верим, что Маргарита Алексеевна испытывает настоящую боль за Игоря, «парня без детства», как она его называет. Верим, что она борется за него своими средствами. Но факты — упрямая вещь. Следствие по первой краже, осуждение Чеканова и — снова две кражи. И снова — безнаказанность. Нет, неладно и с этой

судьбой. И мы не верим, что Игоря можно перевоспитать, не изменив самым крутым образом весь строй его нынешней жизни. Хотя бы при помощи СПТУ. Если этого не сделать, то — наиболее вероятно — он сядет на скамью подсудимых, как только достигнет требуемого законом «возраста уголовной ответственности». А пока… пока он гуляет, учится в четвертом классе и ворует у учительниц деньги на лакомства. Пока…

— Что же делать? — спросит читатель.

Практика убеждает нас, что можно сделать многое. Чтобы не ходить далеко за примерами, возьмем опыт работы с подростками в подмосковном городе Пущине, где, как и во многих других городах страны, в текущем году за несовершеннолетними не числится *ни одного преступления*.

Как удалось этого добиться жителям города? Может быть, им повезло — все подростки с самого начала оказались такими сознательными или, на худой конец, такими тихонями, паиньками, такими от природы «законопослушными»? К сожалению, такого не бывает. С приездом строителей нового города появились и новые жители — дети, а где дети, там — наряду со всеми присущими им чудесными качествами — и озорство, лень и порою безнадзорность, ведущая к право-

нарушениям… С увеличением населения город естественно пополнялся детьми и волей-неволей росло количество (и, не скроем, «качество») детских правонарушений.

Тогда-то и встал вопрос о работе с детьми, о своевременном выявлении тех, кто пошел неправильным путем, об оказании им помощи. Возникли и «сопутствующие» проблемы: пресечение дурного влияния взрослых правонарушителей, воздействие на неблагополучные семьи, где родители не занимались воспитанием детей или своим аморальным поведением отрицательно влияли на них.

«Мы понимали, что сотрудникам милиции не под силу одним справиться с этой большой работой, — рассказал на конференции в Управлении внутренних дел Московской области, посвященной вопросам правонарушений среди несовершеннолетних, один из энтузиастов, внештатный инспектор детской комнаты милиции на общественных началах А. Г. Полянский. — В связи с этим мы создали в микрорайонах города семнадцать детских комнат милиции на общественных началах.

Мы хотели, чтобы люди нашего города были такими же красивыми, как и сам город. Наша

общественность стремилась оградить детей от дурных дорог, от склонности к тунеядству, к легкой жизни. Мы отдавали себе отчет в том, что для подобной работы нужны энтузиасты, любящие детей, умеющие находить к ним подход, способные вывести подростка на правильный и честный путь, завоевать у него авторитет личным примером…»

Таких людей, искренне любящих ребят, обладающих педагогическим чутьем, разбирающихся в психологических особенностях подростков, нашлось немало. В единый строй, независимо от различия служебных уровней и загруженности по работе, встали инженеры и рабочие, научные сотрудники и медицинские сестры, физкультурники и бухгалтеры, культпросветработники и коменданты. Свои усилия они направили на решение трех главных задач:

на выявление детей, совершающих правонарушения, и на работу по их исправлению;

на работу с неблагополучными семьями;

на организацию *досуга* подростков по месту жительства.

Энтузиасты исходили из того, что одними «душеспасительными» беседами с подростками и их родителями не обойдешься, — было ясно, что

для безнадзорных и трудновоспитуемых ребят необходимо найти занятие по душе, оторвать от пустого времяпровождения, бесцельного блуждания по улицам и так далее. Для начала решили создать несколько кружков — радиотехнический, авиамодельный, спортсекции, клуб интернациональной дружбы, молодежный клуб «Дельфин». Осуществить все это на деле оказалось не так-то просто, но на то и общественность — великая сила: после основательных дебатов и споров, найдя серьезную поддержку в партийных организациях города, люди получили от горисполкома необходимые помещения, сами оборудовали их, с помощью подростков оформили стенды, создали библиотеки. И — принялись за дело.

Инженер Юрий Валерьянович Шавлинский, руководитель радиотехнического кружка, организовал занятия для девятнадцати ребят. Постепенно вовлеченные в интересное дело, ребята стали заниматься дважды в неделю. При этом Юрий Валерьянович решил не ограничиваться «платоническим» обучением радиотехнике; ребята получают серьезную, «взрослую» специальность, по всей форме сдают своему шефу зачеты и получают официальный разряд. Но это еще не все: учитель, являющийся начальником

цеха, принимает ребят к себе на работу, продолжая и дальше учить их — и добру, и ремеслу. Не удивительно, что многие его подшефные сняты с учета в детской комнате милиции, хорошо трудятся. А те, кто постарше, служат в рядах Советской армии, успешно применяют на службе полученные в радиокружке знания и поминают добрым словом своего воспитателя.

Вот и выходит, что не так уж безнадежны дела у «неисправимых» — им просто не хватает хорошего и умного друга.

Но вернемся к Саше. У него дела обстояли совсем плохо. Ему предъявили обвинение и предали суду.

Несомненная юридическая вина Чеканова была установлена. Глубокое и серьезное судебное разбирательство дела выявило «крайнюю запущенность в воспитании подростка». С учетом всех обстоятельств дела Саша был осужден к трем годам лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних.

Зададимся естественным, коль речь идет о подростке, сомнением: разве столь суровые меры были так уж необходимы? Давайте рассмотрим этот вопрос. В двух аспектах, характерных, кстати, для нашего уголовного права в целом:

наказание и воспитание.

Преступление, совершенное Сашей, карается по закону лишением свободы на срок до пяти лет. С учетом личности Саши — того, что он систематически воровал по мелочи, что ранее он уже совершил кражу государственного имущества, — наказание трудно признать чрезмерно суровым.

С другой стороны, наказанию подвергся пятнадцатилетний мальчик. Мальчик, допустивший за свою короткую жизнь столько антиобщественных проявлений, что их с избытком хватило бы на пятерых взрослых, плохих взрослых. Мальчик, на которого пытались воздействовать общепринятые воспитательные силы — семья, школа, общественность, остался социально невоспитанным. В чем же здесь дело?

Есть простая истина: человек воспитывается, формируется под объединенным влиянием трех основных факторов — семьи, школы, общества. Вне этих факторов — это установлено наблюдениями ученых — вырастает не человек, а животное. Вместе с тем воздействие семьи, школы и общества осложнено бесчисленными, порой не поддающимися учету, ненаправленными влияниями на формирующийся мозг маленького человека. А. И. Куприн писал, что внешние впе-

чатления входят в душу ребенка «со стихийной мощью». «Каждый свет и цвет, каждый фальшивый и музыкальный звук, — писал он, — …идут на созидание того могущественного здания, которому имя человек».

Педагогика знает, что проблема социальной невоспитанности, или, как иногда говорят, «моральной запущенности» подростка, возникает там, где на стыке воспитательных сил появляется брешь: на ребенка не «работает» семья, или отключилась школа, или недостаточно внимательны представители общества. Или, что еще хуже, бездействуют, а то и вступают в противоречие сразу несколько элементов этой системы.

Как все это выглядело в случае с Сашей?

Вот что рассказывает о семье его мать Александра Ивановна Чеканова:

«Я — 58-летняя малограмотная вдова, пенсионерка, брак с отцом Саши не зарегистрирован.

Отец Саши жив, но к нему не ходит.

Дома была очень плохая обстановка. Беспрерывные ссоры, ругань, драки происходили на глазах у Саши. Поэтому он вырос жестоким…»

Классная руководительница Никитина подтверждает и уточняет: «Он жестокий мальчик. Его боится собственная мать, которая не прини-

мает никаких мер к сыну…»

Александра Ивановна, видимо, ощущала, что за сыном нужен особый надзор. «Мать с целью контроля за сыном устроилась на работу в интернат, — сообщает дирекция школы, — но вскоре бросила работу». Ощущала, но до конца, видимо, не осознала и теперь плачет: ее материнское сердце ищет причину — почему сын стал вором.

Ищет — и «находит»: «Саша был хорошим парнем, но переменился после знакомства с Голованиным, стал воровать…» Злодею-совратителю, Голованину Игорю то есть, в момент суда-то было 13 лет, а ведь когда Саша стал воровать, Игоря еще водили в детский сад… Но слишком часто, увы, материнская любовь слепа…

А Саше, между прочим, аргумент матери понравился. Он рассудил, что этаким совращенным ягненком он выглядит лучше. И незамедлительно является из-под его пера «кассационная жалоба»: «Я совершил кражу по предводительству Голованина Игоря». Но о позиции Саши позже…

Из физики все знают, что электрический ток движется по пути наименьшего сопротивления. Представляется аксиомой, что бездельничать легче, чем учиться или работать; что сдержанность дается труднее распущенности, а съесть

мороженое — гораздо приятнее, чем обойтись без него. Но мы уже видели, что поток жизни, входящий в душу парня или девчонки «со стихийной мощью», состоит из света прямого и отраженного, звуков «фальшивых и музыкальных». Первая задача здоровой семьи — отфильтровать этот поток, объяснить и показать маленькому человеку, что *легче* — не значит *лучше*, что добро и радость всегда достаются трудно, но становятся от этого лишь желанней и полнее.

Судьба обездолила Сашу семьей: дома он видел лень, жестокость, сквернословие, торжество грубой силы бродяги-отца; атмосферу ссор, ругани, драк; мать, которая боится собственного сына.

Значит, вся надежда на школу.

Сказать, что школа была безразлична к поведению Саши, к его судьбе, — нельзя. Воспитывали его и убеждением и, как говорится, принуждением. Применяли сильные меры: перевели из обычной школы в школу-интернат. Не помогло. Применили чрезвычайную меру: решением педсовета Саша был исключен из школы… на неделю. На суде педагоги развели руками: «Не подействовало. Даже не пришел к нам, не извинился». Педагоги школы убеждены, что исключение на неделю — выдающаяся по воспитательной

силе мера. Не случайно характеристику Саши заключают слова: «Все меры воспитательного воздействия школа-интернат использовала». Так ли это? Не совсем, пожалуй. В одной недоработке школу можно упрекнуть. И этот упрек народный суд сформулировал в частном определении в адрес школы: «Хотя поведение Чеканова явно выходило за пределы детского озорства, специальных мер в отношении него — отдельного педагогического совета, привлечения Комиссии по делам несовершеннолетних — не принималось...»

А такие *специальные* меры требовались — насущно и давно. Не случайно воспитательница Саши заявила в суде: «Мы просим *изолировать* Чеканова, т. к. пребывание его в школе *нетерпимо*». И нам кажется, что если бы Сашу — с помощью Комиссии по делам несовершеннолетних, заботам которой его поручили еще после кражи из аптеки, — поместили в специальное воспитательное учреждение для детей и подростков, то это принесло бы двойную пользу: во-первых, уберегли бы его самого от совершения преступления и уголовного наказания. А во-вторых, оздоровили бы и детский коллектив, на который он несомненно действовал разлагающе,

мешал остальным ребятам нормально жить и учиться.

В подобных случаях мы часто сталкиваемся с многочисленными и разнообразными упреками школе, сводящимися к тому, что она не хочет «поработать» над «трудными» ребятами, а стремится избавиться от них. В результате эти «трудные» окончательно, мол, выбиваются из колеи и становятся на путь правонарушений.

Но ведь есть «трудные» и «трудные»...

Есть лентяи, шалуны, легкомысленные ребята. Они доступны влиянию товарищей и учителей, пионерской организации и комсомола. Порицание вызывает у них стыд, а наказание — боль. У них есть совесть и гордость.

А есть такие, как Саша Чеканов. Они презирают товарищей и ненавидят учителей. На порицание они плевать хотели, а школьные наказания — исключения на неделю! — им просто на руку: в ненаказанном виде он прогуливает нелегально, а в наказанном — на «законном основании», по решению педагогов.

Обычные педагогические приемы в таких условиях оказываются, как правило, недействительными. И хотя бывают исключения — они лишь подтверждают правило.

Надо ли упрекать школу в бессилии? Вопрос этот очень непростой. И решать его одним и тем же приемом негоже.

С одной стороны, мы твердо убеждены во всесилии здорового детского коллектива, который с помощью мудрых и гибких педагогов способен держать в строю, направлять и выправлять самых «трудных». Но создание такого коллектива, способного саморазвиваться долгие годы, — искусство. Может быть, самое сложное из всех.

Будем же реалистами. Уже сейчас нам не хватает не то чтобы мастеров педагогики, а просто учителей — с каждым годом все больше. Уже всерьез думаем мы об обучении с помощью машин (представьте их в роли воспитателей!). Уже сейчас нам необходимо вводить все более жесткие, однозначные правила в школьный процесс — иначе он не только не достигнет высот искусства, а просто затрещит по швам. Индивидуальная, филигранная педагогика пока остается, увы, роскошью.

В самом деле, для всех детей школа располагает одним и тем же ассортиментом воспитательных средств и наказаний, равно для рядового озорника, отличника и «трудного» — такого, как Саша. Единственное, что может сделать школа

для «трудных», — это большую часть воспитательного процесса, большую часть внимания педагогического коллектива и общественных организаций уделить им, неизбежно обойдя при этом остальных детей. И в общем-то, обычно школы так и поступают, фокусируя свою воспитательную деятельность на «трудных». Уже очевидны издержки этого положения, потери, которые несут в результате остальные дети.

Можно было бы подумать, стоит ли с этим мириться, если бы потери восполнялись большими успехами в воспитании «трудных». К сожалению, надо признать, что усилия школы порою оказываются безрезультатными. И это не удивительно, потому что, испытав все средства воспитания «убеждением», школа располагает весьма убогим арсеналом для воспитания «принуждением». Действительно, школьные средства наказания, являясь вполне эффективными для обычных детей, на «трудных» не оказывают никакого или почти никакого влияния. О «действенности» самой сильной «воспитательной меры» свидетельствует письмо, которое прислал нам из колонии шестнадцатилетний Владимир Ефграфов: «Когда я пошел по преступной дороге, меня несколько раз разбирали на педсовете и даже

исключали на две недели из школы за то, что в пьяном виде я пришел в школу и приглашал учительницу немецкого языка на танцы. Вот и погулял я две недели в свое удовольствие».

Зачастую возникает необходимость *заставить* «трудного» вести себя хорошо и учиться, но *как*? У школы нет возможности заставить лентяя и хулигана во имя его же блага вести себя правильно. Во имя интересов тысяч, во имя правильного и непрерывного процесса обучения — есть нужда быть посуровее в применении мер к «молодым да ранним», не желающим с этими интересами считаться. Не о казни ведь — только о принуждении, разумном и необходимом, идет речь. И тут возникает обидный и смешной парадокс: наше общество признает нормальным, правильным и справедливым, когда меры *принуждения* — а на юридическом языке это неизбежно сочетается с *наказанием* — применяются к недобросовестным *взрослым*, чей воспитательный процесс, в сущности, уже закончился. И в то же время по отношению к детям, у которых этот воспитательный процесс только начинается, серьезные меры принуждения (возможного в рамках наказания) вызывают несогласие, недоброжелательство и зачастую активное сопротивление со стороны

довольно широкого круга людей. Мотив — «ведь это ребенок, его надо пожалеть, к нему надо быть поснисходительнее» и так далее. Характерно, что такое сопротивление носит обычно безответственный характер.

Взять того же Сашу Чеканова. На суде произошла любопытная история. С ходатайством об освобождении Саши от уголовной ответственности обратилась одна из городских больниц Москвы. В протоколе общего собрания сотрудников от 24 июня было отмечено, что преступление Саши обсуждалось коллективом больницы, что на собрании выступала мать Саши и он сам. Подросток заявил, что очень раскаивается в совершенном преступлении и обещает честно трудиться. В связи с этим коллектив ходатайствовал о передаче Саши ему на поруки («с тем, чтобы взять его под строгий и постоянный контроль») и выделил общественного защитника.

Но суд присмотрелся к датам. Оказалось, что Саша Чеканов, за которого 24 июня ручался коллектив больницы, устроился туда на работу санитаром 26 июня! Воистину, темпоральные чудеса. Но этого еще мало. Выяснилось, что на этом «собрании» ни Саша, ни его мать вообще не присутствовали и приписанные им «про-

чувствованные» слова просто выдуманы. Вот она, оборотная сторона «милосердного добродействa» — преступное равнодушие к судьбе ребенка. Лишь бы вытащить из суда — а там хоть трава не расти. Совершенно правильно суд направил в адрес главного врача больницы и секретаря парторганизации частное определение «о безответственном отношении к вопросу о взятии на поруки и перевоспитанию».

Однако адвокат Саши продолжил линию защиты мальчишки от грозящего ему уголовного наказания «любой ценой».

Конечно, защита — прямой профессиональный долг адвоката. Но выбор ее средств должен быть, дипломатично выражаясь, корректным. Защитник пренебрег богатым опытом своих коллег, советских адвокатов, которые широко пользуются судебным процессом, чтобы внести свою лепту в правильное воспитание подростка, показать, в какой отвратительный тупик он свалился, наметить пути спасения его человеческой личности, его, как раньше говорили, «души».

Нет, адвокат бросился спасать его «тело», полагая, что забота о «душе» в компетенцию защитника не входит. Он сказал:

— Товарищи судьи! Мой подзащитный, как вы

видели, взял малоценные вещи по своему мальчишескому разумению. Он не взял более ценных вещей, и это свидетельствует о том, что в основе его действий были не корысть и не расчет…

Суд не оспаривал доводы защитника, но на мере наказания это не отразилось. И тогда в кассационной жалобе, доказывая, что суд не прав, адвокат пишет:

«Суд не учел *чистосердечного раскаяния* Чеканова и ходатайства больницы о поруках. Не лишайте его свободы!»

Присмотримся к доводам защиты. Во-первых, «чистосердечное раскаяние». *Раскаиваться* — по Далю — значит *«убиваться совестью»*. Посмотрим, как Саша Чеканов «убивался совестью», да еще «чистосердечно».

Все характеристики, все свидетельства о его проступках он начисто, категорически отрицал на суде. Лишь то, что было доказано документально, неопровержимо, юридически, — он вынужден был признавать, и уныло бубнил в этих случаях: «Да, было, но я поступил необдуманно…» Помните: проникнув в чужую квартиру, «несмышленыш» разулся, чтобы его шаги не услышали соседи. Интересно, он это тоже сделал «необдуманно»? А позже, уловив настроение

матери, стал сваливать основную вину на «опытного подстрекателя и главаря» Голованина…

Вот так он «чистосердечно раскаялся». Далее, адвокат негодует, что суд не учел ходатайства больницы о поруках. Это — зная, что ходатайство — «липа» чистейшей воды и что суд уже направил по нему свое частное определение. Это что — расчет на то, что кассационная инстанция проглядит в деле фальсифицированные материалы? Или защитник искренне считает, что коллективу дано право ходатайствовать о принятии на поруки человека, не работающего в этом коллективе и ему неизвестного, и что можно при этом стряпать фальшивые документы? Но перейдем к заключительному аккорду кассационной жалобы: «Не лишайте его свободы!»

Свободы *чего*? Свободы дальше бездельничать, хулиганить в школе и на улице, свободы воровать и издеваться над младшими ребятами? Свободы мешать нормально учиться и работать целому ребячьему коллективу? И наконец — свободы (в убеждении познанной безнаказанности) распущенности, развития антиобщественных инстинктов, «роста» преступной индивидуальности?

…Три года отпустил Саше суд на то, чтобы в

труде, в условиях жесткой дисциплины, обязательной учебы он стал нормальным парнем и осознал твердость закона.

Обязательная учеба — один из важных воспитательных факторов в воспитательно-трудовых колониях. Дело в том, что большинство несовершеннолетних преступников — второгодники. «…Почти 80 % подростков, привлеченных к уголовной ответственности, не учились в школе, 60 % из них составляют второгодники», — подчеркивал в одном из выступлений министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков.

Ученые юристы и педагоги отмечают, что иллюзия знаний («я это в прошлом году проходил…») порождает у подростка наплевательское отношение к урокам. Отсюда — прогулы, значит — масса свободного времени — потребность веселее занять себя — улица, дурная компания — преступление. Цепь замкнулась! А иногда, наоборот, второгодничество порождает в подростке неуверенность в себе, ощущение собственной никчемности, бездарности, что ли, и отсюда — естественное стремление «показать себя» в другой сфере. То есть — на улице. И снова замыкается та же цепь.

Многие из несовершеннолетних преступников

не понимают этой причинной связи, даже когда гром уже грянул. Еще не понимает этого и Саша Чеканов. Пока. Пока он еще пытается отвертеться от воспитания, которое ему кажется ненужным. «Я раньше недопонимал, что делал, — пишет он в городской суд. — Сейчас же, сидя в тюрьме, я понял, что поступал необдуманно. Прошу дать мне учиться на благо Родины…»

Ты еще многого не понял, Саша, и тебе еще много предстоит учиться, работать, привыкать жить с людьми по-человечески. Твою просьбу удовлетворят. Учись.

«У меня есть увеличительное стекло. Правда, оно уменьшает...»

Родился человек. Он растет, развивается физически, умственно, постигает нравственные установки общества. Процесс восприятия нравственных рубежей обычно протекает медленнее физического и умственного развития. Доктор юридических наук М. А. Ефимов отмечает: социологией и педагогикой доказано, что если современный человек физически созревает к восемнадцати годам, то его социальное «созревание» продолжается до двадцати пяти лет, и этот период — от восемнадцати до двадцати пяти — наиболее трудный в процессе становления личности.

И здесь мы сталкиваемся с горьким, но, к сожалению, объективным фактом: преступность подростков явно и непосредственно связана с их социальным недоразвитием. Молодой человек созрел физически и умственно; во всяком случае он осознает антиобщественный характер своих проступков. А вот нравственно он инфантилен, у него не хватает социальной воспитанности

предписать себе такое поведение, какого требует от него общество. Нам могут возразить, что сказанное в полной мере относится и ко взрослым преступникам. До известной степени — да, относится. Но следует иметь в виду, что взрослый преступник — это установившаяся личность, и преступление зачастую является объективным выражением его мировоззрения, его социальной позиции. Эго вовсе не означает, что его нельзя перевоспитать, — можно, и это убедительно доказывает наша исправительно-трудовая практика.

Но правонарушитель-подросток, как правило, либо вообще не успел приобрести социального лица, либо развитие его нравственности находится в самом зародышевом состоянии. Это более податливый материал, надо лишь умно, с любовью и умением размягчить, снять то плохое, что уже успело развиться, и вылепить новое — то, что требуется нашему обществу. Это легче, чем перевоспитывать взрослого преступника, и неизмеримо важнее (выводы статистики — 60 процентов взрослых рецидивистов совершили свое первое преступление подростками. Это те самые подростки, для которых не нашлось добрых и умелых воспитателей, рук духовных скульпторов). Очень важно и то, что характер

большинства преступлений подростков отличается по своему объективному выражению и субъективной направленности от преступлений взрослых. Например, специфическая направленность ряда так называемых корыстных преступлений несовершеннолетних, о которой мы еще будем говорить. Далее, анализ большого количества «детских» преступлений, а затем и данных статистики приводит к интересному выводу: гораздо чаще, чем взрослые, подростки совершают преступления группой (в 70–75 процентах случаев) и довольно редко — в одиночку.

Почему? Для начала мы обратились к преступности взрослых и выяснили: как правило, ни один взрослый преступник не вербует себе соучастников без действительной на то необходимости, когда он видит, что в одиночку намеченного преступления ему не совершить, что ему нужны соисполнители, пособники, укрыватели и так далее — список соучастников подробно разработан уголовными кодексами. Поэтому совершенно не случайно уголовное законодательство относит групповые преступления к числу более опасных, нежели одиночные, — ведь именно тот факт, что преступники собрались в группу — шайку, позволил им совершить преступление! И закон,

соответственно, предусматривает для них более суровые наказания.

Подростки же, собираясь в группу, даже для совершения предумышленного преступления, почти никогда не преследуют тех целей, которые свойственны взрослым, формирующимся в преступную группу. Просто вместе им веселее, интересней, можно похвастаться перед другом своей смелостью, силой или, наоборот, не обнаружить свою робость. «Стихийный коллективизм» — стремление к объединению, к простым и легким контактам — одно из ярко выраженных свойств психологии молодежи. Но направление, общественная тенденция каждой группы находятся в строгой зависимости от того, какие начала в ней преобладают. Авторитет хороших, сильных ребят, умное, ненавязчивое положительное влияние старших ведут группу к настоящему коллективизму. Равнодушие, а иногда и дурной пример взрослых, засилье испортившихся, склонных к правонарушениям подростков превращают эту группу в шайку…

…Участковый инспектор Лебедев стоял в темном дворе школы и мысленно прикидывал, кто бы из ребят мог третьего дня забраться в школу, взломать кабинеты и украсть электроприборы.

Перебирал в памяти одного, другого. Нет, не этот, не тот, не похоже… Тихо, темно. Вдруг он услышал где-то наверху стук. Поднял голову — нет, ничего не видно. Снова стук, шорох. Ага, вот на самом верху пожарной лестницы показалась тень человека. Потом еще одна. Тихо, крадучись, начинают спускаться по лестнице. Надо дать им спуститься пониже…

«Когда люди оказались на середине лестницы, — рассказывает Лебедев, — я громко скомандовал им: «Приказываю спускаться, задумаете бежать — стреляю!»

Люди спустились с неба на землю и под конвоем участкового направились в отделение милиции. Уже перед самым входом один из них постарался выбросить в снег молоток-гвоздодер. Но не тут-то было: Лебедев заметил эту «акцию» и велел нарушителю поднять свой инструмент. Так началось дело о краже государственного имущества «группой лиц с применением технических средств».

«Группа лиц» состояла из двух Юр — Щелкунова Юры, семнадцати лет, и Бычкова Юры, шестнадцати лет. «Техническими средствами» был молоток-гвоздодер.

Не вступая с задержанными в долгие переговоры, дежурный предложил Щелкунову

опорожнить свои карманы. И тогда на стол перед изумленными милиционерами легли: «…фонарь, микрофон, стереоскоп, авторучки, карандаши, фотопленки, батарейки, радиолампы, ключи, радиовилка, видоискатель, счетчик, электромотор, отвертка, отражатель, насечка, карманный русско-английский словарь, две коробки с тушью для ресниц, линзы, перочинный нож, два шкива, три ферритовых стержня, дамское зеркальце, тряпка и 10 копеек» (из протокола задержания).

Диапазон интересов, как видите, огромный. Но напрасно дежурный облегченно вздохнул, закончив список всех вышеуказанных предметов. Участковый инспектор Лебедев неумолимо сказал:

— У них еще рюкзак.

И на стол вывалился аналогичный ассортимент изделий… еще сотни наименований! И тогда Щелкунов, обреченно махнув рукой — эх, мол, все равно теперь, — сказал:

— У нас еще много чего дома есть. Магнитофон. И увеличительные стекла. Правда, они уменьшают…

Ночевали в отделении. Потом, утром, пошли обыски, осмотры, протоколы, выезды и все прочее, положенное по закону. Потом встреча со

следователем, предъявление обвинения и — камера следственного изолятора. Потому что за три вечерние вылазки — третьего, седьмого и одиннадцатого февраля — оба Юры ухитрились натаскать из двух школ разных вещей на сумму свыше восьмисот рублей. В чем и сознались чистосердечно…

«…Подсудимые совершили преступление, представляющее значительную опасность для нашего общества. Однако суд считает, что исправление подсудимых возможно без изоляции их от общества, так как оба — несовершеннолетние, оба — раскаялись. Суд учитывает, что в семьях подсудимые не получили надлежащего воспитания, так как росли без отцов… На основании изложенного *суд приговорил*:

…назначить наказание каждому в виде двух лет лишения свободы *условно, с испытательным сроком в течение двух лет*».

Те из читателей, которые обрадовались за ребят, так удачно выпутавшихся из беды, поспешили. Вынуждены разочаровать их: они прочитали всего лишь выдержку из приговора суда, по которому Бычков и Щелкунов были осуждены за полгода до событий в школе. Да-да, оказывается, еще полгода назад ребята проявили

настолько живой интерес к электрическим и геодезическим приборам на соседней стройке, что не остановились перед кражей, варварски изуродовав дорогие вещи при разборке. А уж потом было следствие и суд, приговор которого мы процитировали. Итак, два года условно, с испытательным сроком в течение двух лет.

И новое — аналогичное, в составе той же «группы» преступление через полгода. Что же это за рецидивисты такие, что их «вскормило», что толкнуло на новое преступление? Давайте разбираться вместе.

Сначала о сущности обоих преступлений. В юридической формулировке — это «тайное похищение государственного или общественного имущества (кража)... совершенная повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или с применением технических средств» (ч. 2 статьи 89 Уголовного кодекса РСФСР). Корыстное преступление. Обратите внимание на эти «или». Каждое из них перечисляет обстоятельства, квалифицирующие простую кражу. Наши ребята собрали все эти признаки вместе: кража совершена не только повторно, но и многократно; по предварительному сговору группой лиц — факт; с применением технических средств

— бесспорно (недаром Щелкунов пытался выбросить хоть один «квалифицирующий признак»). Следующий существенный факт: кражами причинялся немалый имущественный ущерб государственным организациям. Хотя похищенное, за исключением поломанного, и было возвращено владельцам.

Итак, совершено корыстное преступление против социалистической собственности, которое суд резонно оценил как «представляющее значительную опасность для нашего общества». А теперь заглянем по другую сторону дела, посмотрим, какую же корысть извлекли из этого корыстного преступления наши злоумышленники? Вывод горький, обидный: они, эти взрослые дети, опасным, противозаконным, преступным путем добыли понравившиеся им *игрушки*! Судите сами. Отвечая на вопрос о том, как он оценивает свои наклонности, Щелкунов — святая простота — ответил: «Наклонностей своих мы не разбирали: просто лазили, ломали, тащили. Бычков — радиолюбитель, это он вдохновил меня на кражу радиодеталей: я помогал ему как товарищ. А уж магнитофон стащили для меня: очень хотелось магнитофона!»

Бычков. «Я совершил эту кражу потому, что

хотел иметь все эти детали и пользоваться ими. Я любил заниматься радиоделом, но на детали у меня не было денег. Так что инициатором был я…»

Объективности ради отметим, что ни одной из похищенных деталей ребята сбыть не пытались, даже не думали об этом. Все, и целое, и поломанное, лежало дома.

Подтверждением нашей мысли о специфической «корыстности» Бычкова и Щелкунова являются некоторые наблюдения. Они сводятся к тому, что корысть в «детских» преступлениях чаще всего не является самоцелью, кража не становится средством обогащения. Она играет, если так можно выразиться, прикладную роль. Ученые давно заметили, что даже в чисто «корыстных» преступлениях виновные обычно стремятся к непосредственному удовлетворению собственных потребностей в лакомствах, куреве, в худшем случае — в выпивке. А когда похищаются вещи, то это зачастую предметы, представляющие для ребят, как и в нашем случае, самостоятельный, не эквивалентный их денежной стоимости интерес: игрушки, оружие, спортивный инвентарь, культтовары, радио– и электротехнические детали…

Здесь нелишне отметить, что оба парня не курили и не употребляли спиртного. Один из

свидетелей, школьник Валерий Оболенский, заявил по этому поводу: «Ребята не выпивали, не имели к этому склонности; Бычков очень любил радиодело…» Аналогичные отзывы дала общественность, милиция, родители. В чем же дело, отсутствует даже такой чуть ли не постоянный фактор преступления, как пьянство? Что же привело ребят к преступлению, а потом, после такого, казалось бы, сурового урока, как следствие, суд и условное осуждение, — к рецидиву?

Мы считаем, что ответ может быть один: социальная незрелость, невоспитанность, неумение отказаться от капризного детского «хочу!» — все это привело к первому преступлению. Но преступление было раскрыто, оно не осталось безнаказанным. Вся следственная и судебная процедура должна была оказать свое воспитательное воздействие на юных правонарушителей. Должна была, но не оказала. Почему? Да потому, что ни один из воспитательных факторов, в том числе и юридическая процедура, не может оказаться действенным сам по себе, в отрыве от усилий всей среды, в которой живут несовершеннолетние нарушители. А судебный приговор, со всеми его условиями и обязательствами, повис в воздухе, оказался, как мы сейчас это увидим, без

малейшего фундамента, без какой бы то ни было твердой почвы.

Во-первых, семьи. Семья Щелкунова — это его мать, Галина Петровна, 1928 года рождения, служащая ресторана «Поплавок», и отчим Нехорошев Л. Н., 1938 года рождения, шофер. Вот как описала обстоятельства последнего преступления мать: «10 февраля мой сын принес домой „Комету“, и они с Бычковым до вечера ее крутили. А в шесть часов пришел мой муж и выгнал ребят. Юрий взял свой чемодан и ушел. А потом был арестован. Больше ничего сообщить не могу».

И все. «Крутил» магнитофон, а откуда он взялся, а чем был занят сын вечером, когда «муж его выгнал»… Этим она не интересовалась, ничего этого она не знала.

Мать Бычкова так описывает обстановку в доме Щелкуновых: «У них постоянная пьянка, так как его мать пьет вместе со своим сожителем… Когда ребята принесли задушенных ими голубей, то мать Щелкунова обрадовалась, помогла их приготовить, хотя я возмущалась этим». Своего родного отца Юра Щелкунов не знал: «Без отца я остался в возрасте двух лет и помню о нем лишь то, что он дрался…» Мать поясняет: «Отец Юры был неоднократно судим, а потом умер».

А вот другая семья. Слово Евгении Ивановне Бычковой, образование 6 классов, не замужем: «Юра — единственный ребенок. Мужа у меня нет. В нашей семье никто, кроме сына, не судим. С семи лет он проводил свободное время на улице. Когда стал работать — не успевал учить уроки и бросил школу. Появилось свободное время, которое проводил на улице… Я много работала и не могла уследить за каждым его шагом».

Вот обстановка в семьях: в одной пьянка, равнодушие к парню; в другой — крайняя занятость матери, безнадзорность; в обоих — безотцовщина. Бычков Юра сказал: «Моя связь с отцом ограничивается алиментами».

Отношение матерей к преступлению ребят.

ЩЕЛКУНОВА. Я думала, что он взрослый. Что получил хороший урок в прошлый раз. Но я ошиблась в нем. Он не оправдал моего доверия.

Позвольте спросить, Галина Петровна: а почему вы думали, что Юра — взрослый? Потому что ему семнадцать лет? И почему он «не оправдал вашего доверия»? Разве его перевоспитание заключалось в вашем пассивном «доверии», оказанном, кстати, непонятно на каком основании? Разве не следовало взять его под жесточайший контроль, всю себя отдать этому делу, искать

помощи везде — у администрации, общественности, государственных органов, вместо того чтобы оказывать ему «доверие», которого он не заслужил, но которое зато ничего, никаких усилий вам не стоило?..

БЫЧКОВА. Я считаю, что к уголовной ответственности мой сын привлечен правильно. *Здесь моя вина, это я не углядела за ним.* Я много работала и не могла уследить за каждым его шагом, а общественность этим тоже не занималась…

Сказано, по крайней мере, честно и прямо.

Итак, семьи, не сумевшие воспитать ребят честными. Семьи, оказавшиеся полностью беспомощными в еще более сложной задаче их перевоспитания после первого суда. Но ведь семья — это первичная ячейка нашего общества. Общество не может быть равнодушно к положению в семье, к судьбе мальчишки? Не может. Но отдельные его представители — иногда бывают. Тогда наступают тяжелые потери. Вот как в этом случае.

Во-первых, выясним, как реагировала на существование двух Юр общественность по месту их жительства. Вот письмо домового комитета:

«По месту жительства Бычков и Щелкунов характеризуются отрицательно. Судимы за кражу

на стройке (спасибо за информацию). Домком при обсуждении *положительной* характеристики надеялся, что Бычков и Щелкунов еще молоды и в дальнейшем учтут, что они на скамье подсудимых. Но они этого не учли и вторично попали под суд…»

Обратите, пожалуйста, внимание, насколько сходна позиция домкома с позицией матери Щелкунова: дали ребятам положительные характеристики, то есть «оказали доверие», надеялись, что они «учтут»! А вот неблагодарные мальчишки взяли — и не «учли»! Да-а, «оказать доверие», положиться на то, что запущенные в воспитании ребята — *сами «учтут»* — до чего ж ни к чему не обязывающая позиция. Ни хлопот, ни забот — просто надо положиться на ребят, пусть сами себя перевоспитывают…

«…До домкома *дошли сведения, что Бычков участвовал в поломке газетной витрины…», «…за последнее время в доме стали пропадать электролампочки, газеты и журналы из почтовых ящиков, засовываться в замки квартир булавки, проволока, гвозди…»*

Нет, домком вовсе не намекает на то, что во всех этих делах участвуют Бычков и Щелкунов. Просто происходят вот такие неприятности, и домком,

по-видимому, надеется, что их учтут при избрании меры наказания Бычкову и Щелкунову.

Вот и вся позиция общественности. Ни слова о семьях ребят, ни слова о том, что делалось для их исправления, ни слова об их ребячьих склонностях. Их просто не знают в домкоме, не говоря уже о том, что никому и в голову не пришло заняться ими, поработать, узнать, чем они дышат, как-то помочь. Полное равнодушие… А ведь еще после первой кражи, которую Бычков, как и последующие, объяснил радиолюбительством (и у нас нет никаких оснований сомневаться в его душевной приверженности всем этим конденсаторам, сопротивлениям, ферритовым стержням), можно было, необходимо было направить его страсть в правильное русло, связать его с организациями детского творчества, приучить к коллективному труду вместе с другими ребятами.

Но общественники ребят просто не знают. А раз не знают, то рассчитывать на то, что с ребятами будут работать по-настоящему, перевоспитывать их, не приходится, как и в данном случае. Теперь их будут перевоспитывать в колонии, по приговору суда.

Пошли дальше. Ведь оба парня работали. Может быть, рабочий коллектив оказывал на них

доброе влияние, но не помогло, преступление совершилось вопреки этому влиянию? Узнаем, что после окончания профессионально-технического училища Бычков поступил работать в СУ-58 «Моссантехстроя» № 1. Числился там в течение восьми месяцев, из которых шесть прогулял, а в январе вообще бросил работу. Единственная мера, которую предприняли, — поговорили с матерью подростка. Не помогло. И на этом успокоились.

А вот характеристика Щелкунова из СУ-151: «За период работы ничем не отличился, исполнительный, замкнутый». И все. Восемь слов. Ни звука о прошлой судимости, о мерах по перевоспитанию «трудного» подростка. Читая эту характеристику, мы впали в некоторое сомнение. «Не может быть, — подумали мы, — чтобы суд, вынося приговор об условном наказании подростка, не возложил обязанностей по его перевоспитанию на коллектив, в котором он работает». Снова перелистали дело, открыли приговор. Да, конечно, мы не ошиблись: «Осужденного Щелкунова передать на перевоспитание коллективу треста»...

Перевоспитали. По характеристике видно, как «серьезно» занимались Щелкуновым в коллективе, как «выполнили» свой гражданский долг, как

исполнили приговор суда, имеющий силу закона! В этой связи характерны показания матери Щелкунова: «Перевоспитания в коллективе Юра не чувствовал, *его даже не приняли в члены профсоюза*, не говоря уже о наблюдении и контроле».

Остается только пожалеть, что суд, рассматривавший второе дело подростков, не вынес в адрес общественных организаций «Моспроммонтажа» соответствующего частного определения. И не в том дело, что из-за этого в тресте не накажут ответственных за бюрократическое равнодушие. Просто, если история повторится — а она имеет такое свойство, — в коллективе снова потеряют человека...

Парадоксально, что подобные обидные потери случаются в наше время, когда заводская, фабричная общественность почти повсеместно считает борьбу за возвращение в строй оступившегося подростка своим кровным делом. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять практику хотя бы нескольких крупных предприятий, расположенных в разных местах страны.

На Магнитогорском металлургическом комбинате начали с того, что подошли к проблеме по-научному: изучили причины «текучести» кадров рабочих-подростков. Выяснилось, что

уходят с предприятия, не «адаптируются» подростки главным образом со стажем менее одного года. Почему же они не уживаются? Чтобы ответить на этот вопрос, следовало, по-видимому, в первую очередь узнать: а зачем они пришли? Оказалось — 40 процентов стали рабочими, не чувствуя себя готовыми к вузу. Они же в первую очередь и уходили. 17 процентов привела на завод материальная необходимость, 15 процентов — стремление к самостоятельности. Остальных — нежелание учиться в школе. Эта последняя категория обычно и поставляла «трудных».

Как бы то ни было, представителям всех этих категорий требовалось дать специальность — и по способностям, и по душе (а как быть с проблемой механического, «черного» труда — ведь он еще пока что существует, и кто-то же должен его выполнять?!). Тем не менее решили заинтересовать ребят, особенно «трудных», создать для них не только возможности повышения профессионального и культурного уровня, но и развивать их творческие и спортивные способности, организовать при помощи шефов-комсомольцев их досуг, не забывая стимулировать учебу в школе не только морально, но и материально: так, при благополучном окончании очередного класса

школы или получении хорошего аттестата зрелости ребятам в торжественной обстановке, в присутствии остальных рабочих, присваивают следующий разряд и награждают премиями, путевками и так далее. Простая человеческая сердечность; внимание, не вызывающее дополнительных материальных затрат и окупающееся сторицей!

Из числа тех, кто наряду с освоением профессии хорошо учится, ежеквартально выбирается самый достойный — и на общем рабочем собрании объявляется о присвоении ему звания «лучшего молодого рабочего». Вместе с чрезвычайно лестным для него почетом и уважением коллектива, подросток получает то или иное материальное поощрение. Например, десятки ребят, отличников учебы, получили бесплатные туристские путевки в самые заманчивые места страны.

Опытные рабочие и старшие комсомольцы знают, как важно занять досуг ребят: в нерабочее время, предварительно изучив индивидуальные интересы и склонности подростков, они привлекают их в кружки, секции, клубы по интересам. Поэтому вы не увидите ребят с Магнитки праздношатающимися.

Комсомольцы Северского трубного завода,

наряду с подобными мерами, постоянно приглашают подростков в заводской Дворец культуры — посмотреть интересный кинофильм, принять участие в диспуте, повеселиться на вечере отдыха, послушать увлекательную лекцию. А спортивные соревнования на заводском стадионе, где, кстати, проводятся игры первенства страны по футболу! И все это, разумеется, бесплатно, так же как и пользование на спортивной базе лыжами, коньками и другим спортивным инвентарем.

Очень интересно — и очень бы неплохо другим руководителям принять к сведению, — что директор Магнитки, человек, ведающий огромным предприятием, занятый так, что это даже представить трудно, находит время *не реже одного раза в месяц* проводить с начальниками цехов совещание, *специально* посвященное жизни и работе подростков.

Интересно и то, что рабочий путь подростка на заводе начинается беседой с его родителями, не формальной, а очень заинтересованной, по существу позволяющей выбрать индивидуальные формы воспитания, не травмируя при этом гордость подростка.

Сережа Гриневский, парень, в свое время силь-

но «подпорченный» улицей, успевший узнать и выпивку, и карты, и мелкое воровство, и поножовщину даже, сказал нам по этому поводу:

«Ну и что же, что с родителями? Мне это ничего, подумаешь! Зато я чуть не со второго дня понял, что здесь на меня не смотрят как на сопливого сосунка. Все тебе — на́, только будь человеком. И завод, честно говоря, стал мне вроде как дом родной, я здесь — хозяин, ну, вместе с ребятами, конечно… И вижу к себе интерес, заботу человеческую, по-настоящему. Знаете, гордость даже какая-то появилась — за себя, за ребят за наших… — И смущенно улыбается: — Рабочий класс, по всей форме! Мне вон еще девятнадцати нет, а я 170–180 рэ вышибаю…»

В Ярославле так же любовно осваивают лучшие формы работы с подростками. Живет там один парень, Любогоров Константин. Работает на моторном, учится в вечерней школе, успешно занимается спортом. А ведь еще недавно, вернувшись в родной город из мест заключения с твердым решением жить честно, наплакался. Не брали на работу — и все тут! И за каждым очередным отказом читалось: «Возьмешь тебя, а ты снова под суд угодишь, да еще с собой троих затащишь».

Здесь надо сказать несколько слов об отношении организаций и предприятий к трудоустройству таких ребят. Конечно, предприятие, деятельность которого подчинена хозрасчету, предпочитает, в идеале, чтобы все его рабочие были сплошь дисциплинированными и «правопорядочными». Но ведь общество наше кровно заинтересовано в том, чтобы как можно больше оступившихся вернулось в строй. И предприятие, являющееся органом нашего общества, не должно во имя хозрасчета, а главным образом — во имя спокойной жизни, противоречить этой главной общественной установке.

Все это прекрасно понимают в Ярославле, куда приехал Любогоров. Комсомольский отдел кадров принял его внимательно, приветливо, узнали, к какой работе Константин склонен, в короткий срок оформили на работу, дали общежитие. Это лишь один эпизод из деятельности комсомольского отдела кадров, но дает он достаточно яркое представление об огромных возможностях этой новой формы комсомольской работы с подростками. Не пренебрегают ярославцы и другими формами. Помимо прочего, при моторном заводе организован молодежный клуб «Бригантина». Многие члены его — бывшие и настоящие «труд-

ные» с завода. При создании клуба комсомольцы руководствовались интересной мыслью: несмотря на всю важность индивидуальных решений, индивидуальной работы, на каком-то определенном этапе, на какое-то время важнее на базе *общего интереса, общего дела* сплотить весь коллектив, добиться, чтобы он приобрел свое лицо. Так и получилось: интересуясь поначалу лишь возможностью бесплатно, беспрепятственно пройти в кино или на танцы в Дом культуры, ребята постепенно увлеклись проводившимися в «Бригантине» живо, по-настоящему, с огоньком диспутами — о любви, о спорте, о политике, даже о моде. Увлеклись до того, что многие стали активистами клуба уже у себя в цехах. Теперь вопрос о «трудных» вызывает скорее улыбку, чем озабоченность: о чем, мол, речь? Есть, конечно, ребята с трудными характерами, «занозистые», но чтобы правонарушители… нет, этого давно уже не слыхать.

Вот так решают проблему «трудных» по-настоящему, по-родительски заинтересованные взрослые. Поэтому, когда вглядываешься в историю заброшенных всеми — да, да, именно *заброшенных* — ребят, Бычкова и Щелкунова, в первую очередь поражает активное бюрократи-

ческое равнодушие по отношению к ним. Мы не оговорились: именно активное и именно бюрократическое равнодушие — ребят послали к черту не просто, а по всем правилам бюрократического искусства, обвесив их ярлыками и справками. Мы настаиваем на этой формулировке и беремся ее обосновать, совершив в этой связи несколько неожиданный, но, на наш взгляд, убедительный экскурс назад.

Если читатель помнит, Бычков и Щелкунов совершили свое последнее преступление в три приема: 3, 7 и 11 февраля. В промежутке между кражами 3 и 7 февраля, оказывается, ребята вновь стояли перед народным судом. Пятого февраля народный суд вынес следующее определение:

«Бычков и Щелкунов осуждены за хищение социалистической собственности… В настоящее время они просят применить к ним амнистию, освободить от наказания, обещают впредь не совершать преступлений. *Суд считает, что просьба Щелкунова и Бычкова подлежит удовлетворению, ибо они положительно характеризуются…*» И ребят освободили от наказания, пусть условного, но все же *наказания*, применив к ним высокий акт государственного гуманизма — амнистию.

И вот возникает психологический казус. Ребя-

та, имеющие *условное* наказание, обратились в суд, чтобы снять его. Значит, наказание *морально* тяготило осужденных, им неприятно было чувствовать себя судимыми. И вместе с тем, в силу их крайней социальной незрелости, невоспитанности, они никак не связывали это свое неприятное *юридическое* положение с теми *фактическими* преступными действиями, которые они буквально в то же время совершили. И самое важное, что *опять-таки буквально в то же время* они неизбежно попали в поле зрения государственных и общественных органов, заботам которых были поручены. Потому что для решения вопроса о применении амнистии к Бычкову и Щелкунову суд обратился в эти организации с запросом о характеристике ребят. Казалось бы, уж теперь-то, в преддверии такого важного дела, куда как своевременно всерьез поинтересоваться ребятами, посмотреть, чем и как они живут, буквально влезть к ним в душу. Ну, хотя бы разъяснить смысл *амнистии*, которая самой гуманностью своей говорит оступившимся: ты совершил преступление, ты был наказан; но государство прощает тебя, верит, что нового преступления ты уже никогда не совершишь; досрочно освобождает тебя от наказания и откры-

вает все дороги, потому что по закону ты даже не будешь считаться *судимым*. Только *не совершай больше преступлений*!

Но никто даже не поговорил с ребятами. Гораздо проще оказалось прикинуть: не было ли на «характеризуемых» сигналов? Не было? И хорошо. И в суд пошли «положительные характеристики». А Бычков и Щелкунов по-прежнему остались в ощущении, что судимость — это одно, а преступления — совсем другое. Равнодушие принесло свои плоды: единственная, просто уникальная возможность на деле доказать ребятам неразрывную связь между преступлением и судимостью была упущена. И новое преступление совершилось.

Министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков сказал на одной из встреч с московскими писателями: «К сожалению, *перевоспитание* правонарушителей зачастую ничем не отличается от их предыдущего *воспитания*. Одним из страшных факторов такого «воспитания» является монотонность, докучливое однообразие форм и методов его, стремление «отметиться в мероприятии, а не достичь какой-либо реальной цели».

Выдающимся образцом методики такого «вос-

питания» явилась одна из радиопередач, которую нам довелось услышать. Ведущий зачитал очень личное, очень доверительное письмо девушки, просившей помочь ее знакомому: хороший парень связался с дурной компанией, стал выпивать, запустил учебу, и, естественно, девушка беспокоилась о том, как бы все это не кончилось плохо. Затем ведущий отметил, что, на его взгляд, проблема этого парня имеет общественное значение. «Пусть ваш знакомый нам пишет, — сказал радиовоспитатель, — и мы будем давать ему советы во всесоюзном масштабе». Вот это действительно масштаб!..

Еще один пример бюрократического стремления ограничиться галочкой в графе «воспитательные мероприятия». На Алимджанском мясоконсервном комбинате, где трудится много подростков, был создан совет содействия семье и школе.

Позднее выяснилось, что совет бездействует. Стали интересоваться — почему? Оказалось, что два члена совета из пяти — постоянные «клиенты» городского вытрезвителя. Вот и спрашивается: о чем думали, выбирая такой «работоспособный» орган, — о детях или о «мероприятии»?

Равнодушие. Бюрократизм. Все мы знаем, что это нетерпимое в нашем обществе зло. Но во сто крат оно нетерпимей и опасней, когда дело касается воспитания «трудных» детей. Ведь это не обычная *служба*, этим делом надо заниматься с любовью, с болью в сердце за каждого неустроенного, по существу несчастного, ребенка. Даже если такой подросток живет весело и разгульно, он все равно несчастен, но лишь по младости ума не понимает своего положения. Один из воспитанников колонии, отвечая на наш вопрос, как на его жизнь влияла скука, сообщил: «Скучать мне приходилось, потому что я жил один. Но скука на мою жизнь не влияла, и я с ней не боролся. К моему преступлению скука никакого отношения не имеет... — И гордо добавил: — Я „попал“, наоборот, от веселой жизни...»

Парень убежден, что оказался в местах заключения от «веселой жизни», а то, что эта веселая жизнь и была как раз оборотной стороной, «лекарством» от его скуки, — ему не ясно. И именно потому мы говорили о воспитании подростков людьми, имеющими призвание к этому и относящимися с любовью к ним, к «трудным». Это отвечает принципам нашего общества, ставящего гуманизм, дружбу между людьми — превыше

всего. Именно потому, что наше общество принципиально отличается от капиталистического, с его индивидуализмом, разобщенностью, одиночеством, — мы имеем все возможности перевоспитания подростков, страдающих болезнями роста. Знакомство с десятками юных правонарушителей, с сотнями уголовных дел убеждает, что органических поражений в нравственном здоровье нашей молодежи нет, что их преступления и проступки, в основном, — последствия *педагогических* потерь. И значит, только от нас с вами, от нашей доброй воли и умения зависит, сможем ли мы возвратить к добрым делам и нормальной человеческой жизни сотни неплохих, в сущности, ребят.

Естественно, сразу же возникает вопрос: как это сделать? Поскольку главной нашей темой являются правонарушения и правонарушители, мы будем говорить об этих весьма специфических явлениях, о тех мерах, которые к ним принимаются обществом, и о том, что, по нашему мнению, следовало бы делать.

Коль скоро преступление не удалось предотвратить и оно уже совершилось, перевоспитание правонарушителей происходит в основном в рамках назначенных им наказаний. Наказания

эти могут быть различными, но основная разница между ними определяется одним критерием: связано или не связано наказание с лишением свободы. Само собой разумеется, это различие определяет и весьма существенную разницу в методах и формах воспитательной работы. Если говорить о наиболее суровой форме наказания — лишении свободы, то следует иметь в виду особенность социалистического подхода к этой форме, оценки ее назначения в нашем обществе, коренное отличие ее от соответствующей формы в капиталистическом обществе. И если в капиталистическом обществе основными целями уголовного наказания являются кара преступнику за содеянное и его изоляция от общества, то в социалистическом государстве основной целью уголовного наказания является не только кара, но и «*исправление и перевоспитание* осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений... Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ст. 20 Уголовного кодекса РСФСР).

Говоря о наказании как о карательном меро-

приятии, К. Маркс подчеркивал: «...со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием». Следовательно, понятие *наказания*, лишь осмысленное по-новому, наделенное новым смыслом и, главное, новыми целями, может оказаться действенным средством борьбы с преступностью. Все эти правовые положения больше всего относятся к преступности несовершеннолетних, находящихся, в силу своего возраста, еще в стадии естественного социального воспитания и наиболее подверженных действию воспитательных процессов.

Итак, *исправление и перевоспитание* в первую очередь.

Исправление в рамках уголовного наказания и его средствами. Каково оно и каким оно должно быть?

Подростки, осужденные к лишению свободы, направляются для отбытия наказания в специальные воспитательно-трудовые колонии. На базе накопленного опыта, научных рекомендаций, под надзором общественных организаций и прокуратуры колонии ведут огромную работу, единственная и главная цель которой — исправление оступившихся ребят, воспитание в них твердых нравственных принципов, пони-

мания не только правовых основ общества, но и высоких духовных ценностей его. При этом карательный элемент наказания по существу заключается в ограничении личной свободы подростка, поскольку в остальном он ведет образ жизни, сходный с образом жизни своих свободных сверстников. Здесь, как нигде, четко реализуется известный принцип: с несовершеннолетним правонарушителем борются за него же самого, и это определяет те меры *принуждения*, которые к нему применяются. А именно — подросток правилами колонии *обязан* учиться, *обязан честно* трудиться, *обязан* хорошо вести себя, выполняя требования режима, опять-таки всецело направленные к моральному и умственному возмужанию его, к укреплению его здоровья.

Убедительным свидетельством благотворного влияния колонии на своих воспитанников, помимо того, что большинство бывших «колонистов» никогда не возвращается к преступной деятельности, является их собственное мнение о ней. И вот что они говорят: «Здесь, в колонии, мне привили любовь к труду и книгам, потому что раньше я не любил ни того ни другого...» (Михайлюк Сергей, 1960 года рождения).

«Я считаю, что в колонии нас воспитывают

правильно, — пишет нам воспитанник колонии Леонид Дроздов, семнадцати лет. — Воспитатели здесь люди чуткие, сердечные, но в то же время они умеют и спросить...» Далее парень критикует некоторые порядки в колонии. И вот направленность этой критики больше всего говорит о том благотворном направлении, в котором движется воспитание колониста. «У нас плоховато поставлено производство, — пишет он. — Нас в механической мастерской тридцать пять человек, а верстаков только пятнадцать, и то же самое у токарей и слесарей. Еще неважно с физкультурой — кроме баскетбола и волейбола, нет больше ничего. И кружков маловато».

Согласитесь, что это отрадно — в предельно откровенном письме, которое прислал нам Леонид и которое, кстати, он озаглавил «Вся моя непутевая жизнь», он критикует не пищу колонистскую, не развлечения, сетует не на строгость режима, не на трудности — нет, он недоволен организацией трудового процесса, трудового обучения, постановкой кружкового и физкультурного дела. Это свидетельствует о важных переломных процессах в душе бывшего «грозы улицы», как он сам себя называет. И то, что парень озабочен этими вопросами, что именно они определяют круг его

главных интересов, ярко свидетельствует о социальном созревании Дроздова, о его приобщении к пониманию важности моральных ценностей — даже больше, чем официальная характеристика администрации колонии о хорошем поведении Леонида, выполнении учебных и производственных заданий.

Вот письмо воспитанника Болотникова: «В школе у меня была легкая жизнь, пропускал уроки, когда хотелось. С первых дней жизни в колонии мне пришлось очень тяжело — в смысле привыкать к режиму. Но сейчас я уже привык и считаю, что данный режим и воспитательные работы правильны...»

Характерно и другое: большинство ребят, воспитанников трудовых колоний, с которыми мы разговаривали или которые писали нам, вспоминают свои «непутевые» годы с горечью и обидой, сожалея о том, что они сами себя обокрали. И в большинстве этих высказываний сквозит стремление выйти из колонии на правильную трудовую дорогу жизни. Один из ребят сказал нам: «Все мои мысли — к освобождению и к дальнейшим планам — работать, учиться, жить по-человечески...» И те немногие воспитанники, которые нарушают режим в колонии, вызывают

у остальных ребят гнев и раздражение, потому что мешают им навсегда расстаться с прежними дурными привычками и взглядами. В этой связи небезынтересно заметить, что многие ребята в своих письмах из колоний сетуют на то, что воспитатели слишком мягко относятся к злостным нарушителям режима, настаивают на том, чтобы «каленым железом» выжигать попытки насадить в колонии «уличные» или тем более «блатные» нравы. Вот они, элементы социальной воспитанности, которой были лишены вчерашние правонарушители, сегодня уже активно восстающие против антиобщественных проявлений.

Можно смело сказать, что одно из видных мест в борьбе за ликвидацию правонарушений среди несовершеннолетних занимает воспитательный коллектив колонии.

«Сложность выполнения этой задачи, — сказал на научно-практической конференции УВД Московской области начальник колонии Г. П. Шевченко, — заключается в том, что контингент подростков, поступающих в колонию, имеет, как правило, низкий уровень этического развития… многие из них ленивы, эгоистичны, не желают и не умеют учиться, склонны к приспособленчеству.

Воспитание в условиях ВТК — дело весьма тонкое. Здесь не всегда и не для всех ясно различимы границы между требовательностью — и придирчивостью, внушением — и нотацией, необходимой подчас острасткой — и запугиванием. Недостаточно чуткий сотрудник может незаметно для себя переступить столь тонкие границы, и это несомненно отразится на психике подростка».

Как же формируется в колонии воздействие педагогического коллектива на воспитательный процесс? Прежде всего, строго соблюдается принцип: «Каждый сотрудник колонии — воспитатель». Каждый! Чтобы этот принцип не остался красивой фразой, подавляющее большинство сотрудников колонии (не только воспитательский состав!) осуществляет индивидуальное шефство над подростками. Взаимоотношения с воспитанниками коллектив строит прежде всего на доверительных началах. «Ты должен исправиться, — повседневно внушают ребятам воспитатели. — Нам небезразлично, каким ты вернешься домой, к родителям, на производство, в общество».

Вся жизнь колонии подчинена строгому распорядку дня. Утром — физзарядка, обязательная

учеба в школе, затем — работа в учебно-производственных мастерских, участие в спортивно-массовых и культурных мероприятиях. Все это — под постоянным контролем учителей, мастеров, воспитателей; в итоге — у воспитанников полностью отсутствует возможность для бесцельного времяпровождения. Используя педагогический опыт А. С. Макаренко, колония ввела в воспитательный процесс элементы военизации: ходят ребята строем, с песней, торжественные линейки устраиваются под звуки оркестра (составленного, естественно, из колонистов), обязательно отдается рапорт, торжественно выносится красное знамя.

Приобщение осужденных подростков к честной трудовой жизни в процессе отбывания наказания, а следовательно, в процессе перевоспитания во многом зависит от возможности получения ими в колонии рабочей специальности, от того, насколько прочными будут приобретенные ими навыки и умение. Для решения этих задач колония располагает и производственной базой, и необходимыми кадрами. Достаточно сказать, что за год ребята выпускают промышленной продукции более чем на три с половиной миллиона рублей; но главное — участвуя в изготовлении

довольно сложных изделий, они приобретают необходимые навыки для своей будущей трудовой жизни. Интересно отметить здесь, что для достижения максимального педагогического эффекта на производстве внедрены формы работы, характерные для самых передовых промышленных коллективов страны: сдача продукции с первого предъявления, участие в рационализаторской деятельности, личные трудовые обязательства, посвящение учеников в рабочие, освоение смежной операции и второй специальности. При этом за шестичасовой рабочий день воспитанники выполняют план в среднем на 103–107 процентов.

Сущность принципа приобщения ребят к труду очень ярко выражена в лозунге, который помещен на видном месте в актовом зале:

«Трудно – поможем;
Не умеешь – научим;
Не хочешь – заставим!»

Однако, помимо трудовой деятельности, важнейшим фактором исправления и перевоспитания остается школа, провозглашающая тот же принцип: «Трудно — поможем…» Педагогический коллектив ее озабочен в первую очередь задачей

привить учащимся желание и *умение* учиться — качества, которых большинство поступающих в колонию подростков, как уже говорилось, лишено.

Поэтому о работе учителя в колонии судят не только по тому, как он дает уроки, но и по его воспитательной деятельности.

Воспитанникам систематически прививается уважение к советским законам, к нормам коммунистической морали, чувство ответственности перед обществом, государством за свои поступки. В результате большой разъяснительной работы ребята раскаиваются в совершенных ранее преступлениях, ощущают искреннюю горечь за свои неправильные поступки, за напрасно потерянные годы. Письма к бывшим своим дружкам с советом покончить навсегда преступную деятельность — обычное явление в колонии. Более того, по своей инициативе ребята зачастую стремятся возместить (за счет заработков в колонии) тот ущерб, который они причинили своими действиями на свободе. Не может не тронуть пробуждение в ребячьих сердцах чувства сыновнего долга: воспитанники высылают престарелым и больным родителям ежегодно около четырех тысяч рублей из своих заработков.

Много времени и внимания уделяется политическому просвещению воспитанников, встречам их со знатными людьми страны. Регулярно проводятся диспуты, тематические вечера, читательские конференции, вечера самодеятельности, спортивные олимпиады. С воспитанниками ведут переписку, бывают у них в гостях виднейшие военачальники, старые большевики.

Серьезнейшее внимание уделяется в колонии делу формирования ребячьего коллектива, созданию общественности в лучшем смысле этого слова. Советы воспитанников, общественные комиссии, добровольная дружина и штаб соревнования дают возможность привлечь к общественной работе подавляющее большинство ребят.

Этот краткий, отнюдь не претендующий на полноту рассказ, конечно же, не может охватить всю многогранную деятельность колонии, которая дала путевку в жизнь сотням и тысячам подростков, ставших сейчас учеными и инженерами, военнослужащими и учителями, техниками и просто квалифицированными рабочими, и во всех случаях — добрыми и порядочными людьми.

Можно было бы многое рассказать о наших ко-

лониях, о тех самоотверженных и бескорыстных людях, которые в них работают, отдавая все свои силы, всю душу спасению заблудших ребят, к которым они зачастую относятся просто по-отечески, по-матерински. Мы не боимся упрека в сентиментальности. Просто мы наверняка знаем, что такие люди, как майор Владимир Иванович Федосенко, начальник воспитательно-трудовой колонии в Курской области, относятся к своим воспитанникам неизмеримо лучше, чем иные отцы и матери. Можно было бы написать целую книгу о развитой и умной системе педагогических мер в колониях для несовершеннолетних, о тех прекрасных результатах, которых колонии добиваются. Наконец, о насущных нуждах и слабых местах этих поистине гуманных учреждений, главная задача которых, как мы уже говорили, *не карать, а исправлять, воспитывать*. К сожалению, объем этой книги лишает нас такой возможности, хотя кое о чем, наиболее важном, сказать просто необходимо. Речь идет не о том, что кое-где не хватает учебного и производственного оборудования, что где-то плохо с жилыми помещениями, что имеются отдельные неувязки и трудности. Это, в конце концов, вопросы технического порядка, и так или иначе они решаются.

Мы хотим сказать о главном — о кадрах воспитателей колоний. Объяснять роль и значение этого института излишне — всем понятно, что воспитатель колонии — это высшая и последняя инстанция в борьбе за переделку преступника в человека. И если он не справится с этой задачей, то с ней уже не справится никто. И человек будет навсегда потерян — и для себя, и для общества. Тем не менее, знакомясь с положением дел в этой области, мы столкнулись с печальным противоречием: все есть у колоний — и деньги, и оборудование, и транспорт, и питание для воспитанников, не то что в двадцатые годы, когда полуголодные ребята ютились в нетопленых помещениях, — не хватает лишь кадров воспитателей, то есть главного капитала колоний. А ведь есть такой мощный резерв педагогических сил, как выпускники и даже старшекурсники педагогических средних и высших учебных заведений, которые, несомненно, нужнее в колониях, чем где бы то ни было.

Наша пресса уже писала о ценной инициативе Пензенского педагогического института, где несколько лет назад на общественных началах создали факультет организаторов военно-патриотической работы. Будущие педагоги — слушатели

факультета — учились быть руководителями оборонно-массовой работы в школах. Студенты-юноши занимаются на мотоциклетном, радиолюбительском, стрелковом, парашютном, авто– и авиамодельном отделениях, а девушки получают на факультете специальность медсестер. В первый год каждый осваивает одну из военнотехнических специальностей и сдает нормы комплекса «Готов к защите Родины». В течение второго года приобретает квалификацию инструктора или судьи по одной из этих специальностей… Нетрудно увидеть, как мало требуется, чтобы подготовленные подобным образом молодые педагоги смогли стать желанными наставниками, желанными старшими друзьями «уличных» подростков…

В жизни нашего общества стало традицией: где всего труднее, там в первые ряды выходят комсомольцы. Думается, что если бы комсомол взял шефство над воспитательно-трудовыми колониями, если бы лучшие комсомольцы — молодые педагоги стали воспитателями детей с изломанной судьбой, чтобы помочь им вернуться к людям настоящими полноценными строителями светлого завтра, — не было бы дела для них более благородного и благодарного.

«...Я остался без внимания»

24 ноября, входя в школьный актовый зал, каждый обнаруживал окурки, табачный дым и нецензурное слово поперек белоснежного киноэкрана...

Скажете, ЧП? Напротив — в школе благодушие и спокойствие. «Черт бы их побрал, этих озорников, — не нашли где курить и материться. Будто для этого нет уборной!»

И оценка даже выставлена — озорство. Искать виновных, поднимать большой разговор на педсовете, в пионерской и комсомольской организациях — нет повода...

Когда в школу, где мы когда-то учились, чуть натопленную по скудному послевоенному пайку, привозили кинопередвижку и учитель физики развешивал на стене простыню-экран, восторгу нашему не было предела. Сейчас мы стали богаче: почти в каждой школе своя киноаппаратура и стационарный экран в своем актовом зале, телевизор, мощный радиоузел. Мы стали богаче — и мы стали беднее: беднее радостью, достающейся так просто, так естественно, так обязательно. Испортили экран. Ну и что? Завтра

установят новый, а матерное ругательство… что делать, даже Павка Корчагин, случалось, ругался нехорошими словами…

Зато когда в школе, где учится наша маленькая знакомая Наташа, первоклассники помыли испачканные ими же парты, некоторые родители подняли скандал: «Заставлять маленьких детей работать?! Что, уборщиц не хватает? Так мы бы сами эти парты помыли, да и окна заодно…»

Вот так подчас мы протягиваем своим детям вместе с хлебом и камень.

В средней школе одного маленького городка под Ярославлем ребятами овладела идея — создать собственную киностудию. Снять фильм о родной школе. О себе. О своем городе. Кинулись к директору: помогите, нужны деньги! Тот слукавил: ассигнований, мол, нету. Но совет — дам. Ваши руки нужны в соседнем колхозе — заработайте!

Через три месяца энтузиасты распаковывали оборудование: проектор, две кинокамеры, экран, бачки и прочее. Надо было видеть, как бережно, любовно обращались ребята с этим имуществом — оно было *свое* в лучшем, самом честном смысле этого слова: заработанное собственными руками. Видимо, любому мальчишке и любой девчонке

полезно поработать своими руками, через свой труд познать, что школьное, *казенное* имущество — тоже *свое*, хотя и в высшем, государственном, «взрослом» смысле. Только тогда, только через собственные усилия, через собственный трудовой пот и гудящую от напряжения спину ты поймешь, что значит *создать вещь на земле*. Тогда ты бережно отнесешься к ней, окажешь уважение трудовым рукам, которые создали ее, почувствуешь благодарность к людям, которые принесли ее тебе: на́, пользуйся на здоровье!

Все это вроде совсем просто, понятно, и доказывать тут совсем нечего. Но всякий раз, когда первоклассникам предлагают помыть парты, а восьмиклассникам поработать на производстве или в поле, — поднимается тихий, но яростный шум: детям мешают учиться, детей заставляют «ишачить»! Нате вам, школьные тети и дяди, рубль на уборщицу! Нате вам, дорогие дети, десятку на турпоездку! Непедагогично «платить» детям деньги, заставлять их работать! (Куда «педагогичнее»: «На, Васенька, рубль за пятерку по геометрии!»)

И часто — слишком часто! — школа смиряется с этой позицией, комсомол стыдливо отворачивается, а подросток, опустив глаза, протягивает

ладонью вверх свою руку. Руку, которая, старательно выведя фамилию в ведомости, могла бы гордо сгрести получку в окошке заводской кассы. Руку, умеющую окучивать картошку и вытачивать гайки, способную собрать телевизор, сделать электромашину для физкабинета или сшить чехол для школьного рояля…

Но вернемся к школе, где не состоялось ЧП. Поскольку происшествие замолчали, через неделю, 30 ноября, таинственные «озорники» вновь вышли на боевую тропу.

В актовом зале в это время должен был идти урок эстетики. Учения о прекрасном, об искусстве и о художественном творчестве.

Но урок эстетики по неизвестным нам причинам не состоялся, — может быть, плохо чувствовал себя учитель или, может, в школе было неважно с самой эстетикой. Образовавшееся «окно» заняли восьмиклассницы. Они репетировали свои выступления для вечера художественной самодеятельности. Но тут в зал, сломав замок, ворвалась группа ребят. Девчонки со слезами оставили поле боя, в которое превратился актовый зал. И во всей школе не нашлось «верной руки», чтобы оказаться им другом. Им — и тем, кто ворвался в актовый зал.

На заре истории небезызвестные вандалы (варвары, гунны, татаро-монголы), врываясь в город, истребляли население, уничтожали дома, грабили имущество и культурные ценности, предавали огню все, что могло гореть.

Новые «хозяева» актового зала не истребили население, не разрушили дом. И за то спасибо. Они стали резвиться.

Поиграли в «хоккей». Для этого пришлось оторвать дверную ручку — не ходить же за настоящей шайбой к физруку.

Разломали стулья. Частично для использования в качестве клюшек, а частично для других целей, для каких — вы сейчас же увидите.

Обломками стульев не без труда порвали висевшие на стенах портреты знаменитых людей.

Ножкой стула разбили выключатели.

Оторвали по одной (только по одной!) клавише от рояля. Каждый.

Сожгли все те же злополучные портреты. С применением технических средств: привязали к рамам веревки и подожгли их.

Покурили. С устатку. И ушли…

А теперь немного приподнимем маски, скрывающие лица наших команчей. Это ученики все той же школы. У них в это время шел *урок труда*.

Кстати заметим, что «трудились» они факультативно, в отрыве от своего класса и от своего учителя, покинув их без спросу.

Что же школа? Педагоги, общественность?

А ничего. Судя по «принятым мерам» — ровно ничего. По-прежнему никакого ЧП. Все тихо и спокойно. Преступники — а ведь наши «озорники» в этот момент уже были *преступниками* в самом прямом смысле этого слова — неизвестны. Восьмиклассницы, *знающие* виновников в лицо, — не в счет. Да и стоит ли их расспрашивать? Все-таки — громкий скандал, репутация школы, как говорится, сор из избы, могут неправильно понять и так далее и тому подобное.

Не думайте, однако, что грозное педагогическое оружие ржавело в ножнах. Отнюдь. Уже назавтра наших героев не допустили к занятиям. Оказалось, что… они к тому же выбили в школе стекло. Приговор: до тех пор пока они его сами не вставят, на уроки их не допускать. Осужденные очень «испугались» и снова пошли в актовый зал, где они обычно учились эстетике…

Поскольку рояль вызывал в них, по-видимому, особую ненависть, они стащили с него чехол. Разорвали его в клочья, обрывками «украсили» люстру и разорванные портреты. Покурили.

Потом взгромоздились на рояль и… нагадили на него. Еще покурили. И ушли. Все.

На этот раз даже многотерпеливая и мягкосердечная школа не выдержала надругательства. Обратились в милицию, и прозаические хмурые дяди из уголовного розыска в тот же день не только установили виновников, но и не постеснялись дать вещам истинные имена. Так, через неделю после первого случая в школе впервые прозвучали слова: *«преступление», «хулиганство», «дело номер…».*

Не стало «Славика», «Саши», «Юры», «Пети» — их место заняли граждане: Синицын, Малахов, Гриценко, Моргунов, Косолапов. Такова особенность юридической процедуры: она имеет дело с ответственными за свои поступки членами общества, личность которых устанавливается в первую очередь фамилией. На скамье подсудимых — ученики восьмого класса граждане Синицын, 14 лет 7 месяцев, и Малахов, 15 лет 4 месяцев, обвиняемые по части второй статьи 206 Уголовного кодекса РСФСР. То есть в злостном хулиганстве — «действиях, связанных с явным неуважением к обществу и отличающихся исключительной дерзостью или цинизмом».

Следствием и судом установлено, что подсуди-

мые совершили именно такие исключительные действия. Да они и сами этого не отрицают. Состав преступления налицо, и суд выносит приговор: по два года лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних *каждому*. Так Слава Синицын и Саша Малахов на заре своей жизни за короткий срок изведали все уголовные ипостаси: *преступник — обвиняемый — подсудимый — осужденный*. И лишь в печальном качестве осужденных они обрели наконец то, что давно утратили: они снова стали *воспитанниками*. Именно так называются подростки, содержащиеся в воспитательно-трудовых колониях.

Анализируя это дело, мы обратили внимание на два обстоятельства, характерные для таких дел вообще. О них хочется поговорить в первую очередь.

Обстоятельство первое. Несовершеннолетние обвиняемые до такой степени вовлекаются в юридическую процедуру уголовного процесса (и увлекаются ею сами), что *нравственная* сторона их поступков, их *моральная* оценка нередко отходят на задний план, стираются, превращаются в некую необсуждаемую данность. Поэтому вы нечасто встретите в материалах

подобных дел вопрос следователя, судьи: «Как, почему ты мог *решиться* на подлость, на ложь, на бесчестность?» — и уж ни в коем случае — членораздельный ответ на этот вопрос. Объяснения подростков обычно звучат так: «Потому», «Сам не знаю», «Дурак был», «Так уж получилось», «Больше не буду». К сожалению, следствие и суд не добиваются правильных ответов на этот вопрос. Хотя при определенной настойчивости, с доброй помощью педагогов, психологов, специалистов по детскому воспитанию они могли бы их добиться. А объяснять, насколько важно для последующей профилактики знать от самих подростков истинные причины их правонарушений, — излишне. Но — нет, их спрашивают прежде всего: «Каким способом ты совершил преступление? Когда, где, с кем, с каким умыслом?» При этом вопрос обычно задается о «преступлении» — почему-то боятся назвать живым словом то, что они совершили. На допросе подросток слышит: «Когда ты совершил преступление?», а не «Когда ты изуродовал товарища?». И его сознание фиксирует совершенное *правонарушение*, то есть *юридически неправильное* с его стороны действие, а выбитый им у человека глаз — забывается, стирается в памяти, исчезает. Это влечет за собой

«прейскурантное» отношение к совершенному, подросток начинает заниматься «вычислением»: «Так, значит, я нарушил статью такую-то; по ней положено столько-то; учтем, что я малолетка, плюс хорошая характеристика от соседей — скинут столько-то». А нравственного мучения, того, что мы называем *раскаянием*, — не наступает, потому что если подросток и сожалеет, то зачастую лишь о том, что его *накажут*. А *что именно* совершено — он в юридических дебрях-то и забыл.

Одна из причин этого явления, на наш взгляд, кроется и в том, что еще слишком часто по поводу преступления несовершеннолетнего начинается широкая кампания со стороны самых различных сил в защиту юного хулигана, грабителя, даже насильника, от… судебного приговора. Соседи, представители общественных организаций по месту работы родителей, даже пострадавшая школа в описываемом случае настаивали на одном: «Не сажать детишек». Не скупясь при этом на «самое серьезное осуждение их шалости». Вот, например, соседи Малахова по дому. *До суда*, кстати сказать, они дали ему самую прохладную характеристику: «…Все это — недопустимое хулиганство, и мы, взрослые, не в состоянии даже понять его мотивов…»

А на суде: «…ребята арестованы, как будто они *опасные* преступники… Это ведь страшно — два года колонии за детское озорство!..»

Добросердечие соседей трогает. Ну а если бы «озорники» развлекались не в общественном доме, а в ваших квартирах, товарищи соседи? Уверены, что вашей доброй жалости к «шалунам» сильно поубавилось бы… Какое наказание вы бы потребовали для них? Или вы считаете, что к *вашему пианино* или к портрету *вашего дедушки* они бы отнеслись с большим почтением?

Вспоминается давняя, двадцатых годов, история о том, как некого молодого беспризорника-хулигана с большим трудом, опасностью для своего лица и обмундирования доставлял в отделение усталый пожилой милиционер. Неожиданно их остановил властным жестом солидный гражданин нэпманского облика, возмущенный тем, что «терзают несчастного ребенка». Гражданин потребовал немедленно освободить «бедное дитя». Нравы в те времена были много проще, и милиционер, чья сознательность пришла в тяжкое противоречие с возмущением против непрошеного доброхота, вдруг отпустил руку хулигана, отер пот со лба и предложил беспризорнику: «Дашь ему в морду — отпущу!» Мгновение спустя,

вынимая из лужи свою шляпу, солидный гражданин орал милиционеру: «Ну что же вы смотрите, ловите, держите хулигана, в тюрьму его!..»

Давно это было. И мы не оправдываем того милиционера. Но, сами понимаете, многое зависит от «точки зрения»...

Кстати, несколько слов об «озорниках» и «шалунах». Почему-то эти понятия кое-кто предпочитает противопоставлять понятию «хулиганство», предполагая, что «озорство» и «шалость» допустимы и естественны.

Обратимся к Далю. Объясняя слово «шалость», он приводит два значения его: «Невинная шутка» или «Вредная, непристойная, глупая забава от безделья». Если первое значение слова отграничивает его от хулиганства, то второе — приближает к нему вплотную. А «озорничать»? Здесь уже положительный оттенок совсем пропадает: «1. Буянить, буйствовать, нагло самовольничать. 2. Пакостить, портить, вредить из шалости».

Вот что такое «озорство», которое, как видите, от современного понятия «хулиганство» мало чем отличается...

А теперь вернемся к нашим «озорникам», попробуем подумать над путями, которыми они пришли к преступлению. В частности, что

они представляли собою раньше? Перед нами характеристика Малахова, подписанная его учительницей в четвертом классе. Хорошая характеристика. И на суде она рассказывает, что мальчик был спокойный, прилежный, неплохо учился. С искренней горечью и недоумением спрашивает учительница и себя и других: «Где упустили Сашу? Что? Как поправить?»

Все было в норме и у одиннадцатилетнего Синицына.

А позднее, в седьмом, восьмом классах?.. Картина резко меняется: двойки, неуважение к старшим, дерзость и прогулы. Бесконечные прогулы. Больше того: Синицын в туристическом походе напивается допьяна. Напоминаем — задолго до совершенного им в возрасте четырнадцати лет и семи месяцев преступления! ЧП? Били в набат? Выясняли обстоятельства пьянки ребенка, чтобы с корнем вырвать причины? Нет. Мы спрашивали потом у педагогов: «Что, может быть, в школах полным-полно таких вот Синицыных? Может, недосуг каждым заниматься в отдельности?» И нам смущенно отвечали, что нет, мол, такие ребята — это досадные исключении, их единицы, конечно, надо было обратить внимание, да вот не получилось как-то, видно, руки не дошли…

Вот так: «не обратили внимания», «руки не дошли». И тогда Синицын Слава, четырнадцати лет, позволил себе снова напиться. Да так, что его доставили в отделение милиции. Может быть, теперь-то «дойдут руки»? Ничего подобного, все остается по-старому. И тогда Синицын, окончательно распоясавшись, через три недели пойдет громить родную школу…

Одно время среди криминалистов была распространена так называемая «теория скученности». Ее сторонники справедливо считали, что одной из важнейших причин возникновения преступности несовершеннолетних является их «скученность» в переполненных коммунальных квартирах, где они легко и просто, будто коклюш, перенимали друг от друга все плохое. Что ж, заглянем домой к нашим «героям», — может быть, и они учились плохому в тесной квартире, друг от друга заражаясь гнилью, как плотно набитые в ящик помидоры? Ничуть не бывало: большинство хулиганов живут в *отдельных* квартирах, в «условиях хорошего материального обеспечения» (из акта обследования). Отпадает для этого случая «теория скученности». Пойдем дальше: а кто же их родители?

Читаем характеристики. Отец Саши — Малахов

Сергей Иванович:

«…Работает на заводе „Рассвет“. Слесарь 5-го разряда. Добросовестный исполнительный работник. Активно участвует в общественной жизни цеха — физорг. С. И. Малахов — ударник коммунистического труда»…

«…Малахова Зинаида Ивановна — приемщица на фабрике химчистки. Отличная производственница».

«…Синицына Зоя Александровна — дворник ЖЭК-16. Замечаний не имеет, безотказно относится к любой работе…»

И так далее.

Выходит, что и здесь все благополучно? Ну-ка, а что об этом говорит милиция? Коротенькая сухая справка: «Оба отца — Малахов и Синицын — пьянствуют, воспитанием своих детей не занимаются». Коротко, но… ясно.

А вот письмо соседей, тех, что просили за Сашу:

«…Малахов-отец — пьяница, сквернослов и буян, напившись, выгоняет семью из дома ночью… В душе Саши годами *накапливалось озлобление*, и приходится удивляться, как оно не вылилось раньше…»

Вот тебе раз! А где же вы раньше-то были,

дорогие товарищи, что же вы молчали? Вы же общественность! Ведь, обращаясь в суд с коллективным письмом, вы выступаете именно как общественный коллектив! Вот вы сами удивляетесь, почему «не вылилось раньше Сашино озлобление»? Да к тому же еще неизвестно, в какую форму, может быть, и пострашнее, поопаснее, могло оно «вылиться»?

И товарищи из отделения милиции констатируют, что «оба отца — пьяницы и воспитанием детей не занимаются». Ошибаетесь, дорогие друзья. Это общественность, это мы с вами в данном случае не занимаемся воспитанием Славы и Саши. А отцы-то их как раз и *воспитывали*! И воспитывали плохо: пьянкой, кулаком и матюгом.

И именно это воспитание взяло верх. Вот что говорил А. С. Макаренко:

«Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету, — все это имеет для ребенка

большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут».

И конечно, тяжелый упрек приходится бросить товарищам с производства: как, на базе каких критериев присвоили Малахову высокое и почетное звание ударника коммунистического труда? Но это — разговор особый…

Итак, ни родители, ни общественность наших школьников по-настоящему не воспитывали. Кто же еще мог остановить ребят? Школа? А что школа? Ребята к ней были равнодушны, и школа платила им… той же монетой. Они зевали, получали двойки и прогуливали. А школа за проступки наказывала их недопущением до уроков… И тогда будущие обвиняемые снова прогуливали. И в то время как педагоги спокойно ждали, что мальчишки вставят разбитые стекла, они так же спокойно разносили в клочья актовый зал. Разносили именно *спокойно*, а не в пароксизме

умоисступления; *деловито*, методично выбирая, а что бы еще сломать, а как бы еще напакостить?

Педагоги разведут, может быть, руками и скажут: «Что же мы могли сделать с этими хулиганами, с этими пакостниками?» Может быть, кроме «отлучения» от уроков, и нет у педагогов средств?

Что ж, напомним им: ходатайствуя перед судебными инстанциями об освобождении ребят из-под стражи, школа писала: «Нет никакой необходимости лишать их свободы, коллектив школы сможет перевоспитать Синицына и Малахова менее жесткими, но не менее действенными средствами...»[6]

Мы не станем скрывать, что ловим педагогов на слове, сказанном в очень острый момент, когда репутация всей школы была под угрозой... И все-таки о «не менее действенных средствах» сказано здраво. Именно школа, именно педагоги являются той главной силой, которая заботливо выращивает, воспитывает миллионы и миллио-

---

[6] Примечания: 6

К слову сказать, школьную общественность и педагогов не оставили без дела: некоторых менее активных соучастников дебоша следственные органы сочли нецелесообразным привлекать к уголовной ответственности (кого — из-за совсем малого возраста, кого — в силу меньшей опасности поступков). Перевоспитание их было поручено школе и Комиссии по делам несовершеннолетних.

ны полноценных, высоконравственных, умелых и честных советских людей. О беспредельных возможностях этой могущественной силы свидетельствует опыт тысяч школ, сотен тысяч учителей.

Теперь можно считать, что мы разобрались в обстановке, предшествовавшей преступлению: влияние плохой семьи, безразличие школы, молчаливость общественности — все это факторы, на фоне которых родилось преступление.

Ну а сами виновники, что они-то? К сожалению, перед ними как следует вопрос, зачем, почему они все это натворили, не поставили. Выглядит это так. Их официально (в присутствии адвокатов) допросили: «Признаете ли вы себя виновными в том, что тогда-то, там-то, совместно с такими-то совершили то-то?» Каждый ответил: «Да, я признаю себя виновным в том, что совершил хулиганские действия. А было это так…» — и следует рассказ о том, *как* это было.

Лишь по тому, с каким пониманием, обстоятельностью и злой радостью делалось то, что потом и образовало «состав преступления», можно судить о побуждениях ребят. Эти побуждения были *хулиганскими*. Здесь мы сталкиваемся с одним из «трудных» аспектов уголовного права.

Дело в том, что большинство преступлений совершается на почве каких-то конкретных ощутимых мотивов: из корысти, мести, ревности, страха и так далее. Хулиганство же, по представлениям нормального здравомыслящего человека, — это совершенно безмотивная деятельность. Конечно, с точки зрения тонкой психологии, это не совсем так: хулиган желает покуражиться, себя «показать» — знай наших, иногда — утвердиться в собственном мнении. «Портрет» хулигана ярко нарисован еще в Библии: «Он между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него». Именно подобно дикому ослу он совершает бессмысленные поступки, пренебрегая уважением к обществу, людям и стараясь сделать что-нибудь, в меру своих сил, особенно дерзкое или циничное. Ну как можно оценить поведение парня, который, желая привлечь к себе внимание любимой девушки, ночью выстрелил через окно в ее комнату из ракетницы? Анекдот? Легенда? Нет, эта история произошла недавно. Осветительная ракета взорвалась в небольшой комнате, отчего сразу возник сильный пожар. Спавшая в комнате девушка, перепуганная до смерти, выпрыгнула из окна на улицу. «Поклонник» перевыполнил свою задачу — теперь уж на него обратила вни-

мание не только девушка, но и милиция. Ну чем не дикий осел?

А так как наука установила, что в отличие от дикого осла хулиган не только осознает свои поступки, но и *желает* их совершать в свое удовольствие, — его за это наказывают, и весьма строго.

Понимали Синицын и компания, что они делают в актовом зале? Судя по тому, как они прекрасно понимают все остальное, — безусловно. Они лишь рассчитывали, что это сойдет им с рук, как бывало раньше, — и просчитались. Тогда-то и появились их слезные заверения: «Если б мы знали, что за это будут судить, мы бы…» Выходит, и после всего: если б знали, что *не будут* судить, тогда *можно было бы*?! И это не игра слов. Дело не в том, что ребята чего-то недопоняли, дело не только в их социальной и семейной невоспитанности, но и в их личной распущенности, в осознанном стремлении продемонстрировать свое неуважение к обществу, поразить его варварской циничностью и той «смелостью», имя которой — сестра трусости. Эх, посмотрели бы на себя сами — какими пришибленными, жалкими выглядели они на следствии и суде…

Именно к такому выводу и пришел суд, справед-

ливо посчитавший, что подростки, умышленно и осознанно совершившие столь дерзкие антиобщественные действия, остро нуждаются в *специальном режиме воспитания*. Режиме, способном остановить ребят в самом начале опасного пути, опасного и далеко ведущего. Режиме, который в условиях неослабного контроля и влияния со стороны опытных воспитателей призван и может восполнить пробелы, допущенные семьей и школой: усилить, а вернее, начать правильное воспитание подростков. Таков режим воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних.

А сам правонарушитель? Что ж, сам он в этих условиях имеет полную возможность понять и осознать простую истину: закон общества, в котором ты живешь, надо свято соблюдать. Нельзя оскорблять общество безнаказанно. В противном случае придется дорого расплачиваться. Причем расплачиваться придется самому.

И нам кажется, что Слава Синицын и Саша Малахов поймут эту истину, а когда поймут, то вряд ли одобрят позицию, занятую на суде их адвокатами. В судебном заседании защитник задал Синицыну вопрос, в высшей мере «педагогичный»:

— Скажите, Синицын, все ли сделала школа для вашего воспитания?

«Несмышленыш» поспешил бодро заявить:

— Нет, не все! Я прогуливал, потому что классный руководитель болел, а я *остался без внимания*! Я прогуливал, а дома не знали, потому что школа не сообщала…

А защитник Малахова поставил перед судом более скромную задачу. «*Смягчающим* обстоятельством, — заявил он, — является плохая воспитательная работа в школе, в частности недопущение Синицына и Малахова к занятиям…» Почему плохая воспитательная работа школы должна *смягчать* персональную ответственность хулигана? Непонятно… Хочется лишь надеяться, что адвокат случайно, неумышленно спутал не слишком похожие понятия *«объясняет»* и *«смягчает»*…

Педагоги и ученые, судьи и работники милиции, родители и общественники — все в один голос утверждают: «трудный» подросток, находящийся в неблагополучной обстановке, даже ступивший уже на скользкий путь правонарушений, — вовсе не обречен перейти роковую грань преступления. Из тысяч «трудных» ребят лишь единицы оказываются на скамье подсудимых,

остальные — с помощью взрослых, а главным образом *сами* — преодолевают неблагоприятные факторы и становятся людьми.

И это лишний раз подтверждает, что, сколько бы ни было *причин*, отрицательно повлиявших на несовершеннолетнего преступника, мера его *личной ответственности* от них не зависит; эти причины лишь *объясняют его вину, но не смягчают его ответственность*.

Мы бы не стали касаться выступлений защитников, если бы они не отражали порочную тенденцию, сквозящую в позиции некоторых адвокатов, педагогов, журналистов, — тенденцию освободить подростка от личной ответственности, сложив ее на кого угодно — на семью, школу, милицию.

В области судебной защиты несовершеннолетних эта тенденция тем более нетерпима, что большинство адвокатов самым добросовестным образом сочетают задачи защиты интересов подсудимых со своей ролью активных помощников правосудия. Более того — особый порядок судебной защиты несовершеннолетних представляет адвокатам максимальную свободу творчества — они допускаются к материалам уголовного дела еще в процессе следствия и имеют полную

возможность способствовать как полноте и объективности расследования, так и началу перевоспитания своих подзащитных. Большинство адвокатов именно так и поступает: оставаясь профессионалами, защитниками в уголовном деле, они становятся грамотными, опытными, взволнованными воспитателями. Поэтому мы сразу хотим оговориться, что наша критика в адрес защиты касается только тех немногих, но еще встречающихся недобросовестных адвокатов, которые в своей деятельности не только нарушают закон, но и — что самое главное — искаженной позицией своей продолжают процесс нравственного уродования подростка, воспитывают в нем стремление уйти от заслуженной ответственности *любой ценой* и показывают, *как* это делается.

Вряд ли за многими фамилиями, которые мы уже привели и еще приведем, возникнет синтетический образ некоего преступника, который сначала был хулиганом, потом стал вором, затем — грабителем, разбойником и, наконец, убийцей.

Слишком разные люди предстают перед нами, слишком разные судьбы, разные поступки. Но во всем этом разнообразии существуют определенные закономерности причин и следствий. Вот

проследить возникновение и развитие этих закономерностей мы и стараемся, поскольку именно в них скрыты корни преступности, и в особенности — преступности несовершеннолетних.

…К этому событию готовились заранее, готовились всем классом. И вот солнечным теплым днем 16 сентября школьники вместе с классным руководителем отправились на долгожданную экскурсию, по местам боевой славы. Вышли на станции Дубосеково, походной колонной направились к памятнику героям-панфиловцам, взволнованно слушали рассказ об их бессмертном подвиге.

К вечеру разбили лагерь в лесу. Поставили палатки, приготовили ужин. Сидели вокруг костра, пели песни, разговаривали… Когда совсем стемнело, разошлись по своим палаткам, заснули. Лишь двое, которым не спалось, тихо беседовали около угасающего костра. Мирный лагерь наших ребят…

…Неожиданно из тьмы леса к огню шагнул человек, ребята подняли головы.

— Эй, вы! — сказал человек. — Дайте закурить!

— Мы не курим, — сказали ребята.

— А выпивка у вас найдется?

— Да нет, мы непьющие, — сказал один.

— Мы школьники, — пояснил второй.

— Ах, шко-оль-ники, — протянул гость. — Значит, выпивки нету, говорите? Ну, это мы сейчас проверим. — Повернулся к лесу и залихватски, по-разбойничьи засвистел…

Вернемся на несколько часов назад, в вагон электрички, мчащейся в сторону Дубосекова. В вагоне жарко, тесно: тысячи людей едут сегодня, в этот мягкий осенний вечер, за грибами — на редкость грибной выдалась осень. В вагоне — не повернуться, грибники стоят в проходах, на площадках, оживленно обсуждают предстоящие приключения. Настроение, несмотря на жару и тесноту, благодушное, обычных вагонных споров не слышно. Две скамейки в вагоне заняты молодыми ребятами — тоже, видать, за грибами собрались: большая корзина стоит в проходе между скамейками. Правда, полный, чисто выбритый мужчина, нежно поддерживающий стоящую рядом с ним жену, косится на ребят недовольно: видно, было бы ему больше по душе, если бы мальчишки уступили местечко женщине. Да и занятие их не очень ему нравится: ребята азартно хлопают по крышке корзины засаленными картами, выкрикивая время от времени не самые красивые слова. Но ребята молодые, здоровен-

ные, да и водочкой от них попахивает, — поэтому мужчина предпочитает отвлечь внимание супруги любым способом. Отвернулись от ребят и другие пассажиры, стоящие около их скамеек.

А ребята играют себе, ни на кого внимания не обращают. Наигрались, открыли корзину, достали водочку. Выпили, покрякали, закусили. Никто на них внимания не обращает, ну и они никого — пока — не трогают. Так и прибыли в Дубосеково. Побродили по окрестностям, облюбовали место для ночлега. Благодать! Тихо, спокойно, воздух прекрасный, небо вызвездило. А вон, в отдалении, костер чей-то горит. И в жилах быстро носится молодая, горячая, вспененная водкой кровь.

— А что, сынки, не «одолжить» ли нам у тех костерщиков еще водочки на пропой души? — предложил Артемов.

— А если по шеям накостыляют? — спросил осторожный Казарин.

— Да ты что! Во-первых, нас вон сколько, а во-вторых, пошлем Славку на разведку. Если там пижоны, он нам свистнет — вывалимся из леса, так они от страха богу души отдадут, — сказал Шагаев. — Пошерудим как следует, глядишь, чего прихватим…

Нападение было организовано по всем прави-

лам. Лагерь школьников окружили, вооружились палками и стали ждать. И вот Славка залился соловьем-разбойником: можно нападать.

Школьники — и ребята, и девчонки — сладко спали, когда раздался дикий рев, шум, ругань, вопли. Они еще не успели толком проснуться, когда на них стали валиться палатки, и снаружи — прямо по палаткам — обрушился град ударов палками. Били нещадно и не глядя — кого и куда, мальчишек и девчонок, били и приговаривали: «Не ходите в наш лес! Не ездите за нашими грибами!»

Это произошло в пяти километрах от места, где погибли панфиловцы, которые отдали жизнь за то, чтобы все леса были общими.

Разгромив школьный лагерь, избив до крови ребят, порезав и порвав палатки, налетчики исчезли во тьме ночной, унеся с собой продукты детей и их вещи. Усталые и довольные, они вернулись к своей стоянке, похвастались друг перед другом «подвигами», припрятали трофеи и захрапели. Там же, еще сонные, они были задержаны работниками милиции и отправлены в следственную тюрьму.

Так окончился их отдых в выходной день.

Так окончилась школьная экскурсия.

Что же это за дикая выходка, как ее квалифицировать?

Опять толковать про детское «озорство»? Опять выяснять, не бездумная ли это «шалость»? Единственный взрослый человек среди школьников, учительница, рассказывает:

— Было темно, и было очень страшно видеть происходящее… Хулиганы, ругаясь нецензурно, избивали детей палками, представляясь «деревенскими», они кричали — зачем мы приехали в «их» лес за грибами!..

…Вы не раз ночевали в палатках, в лесу, в поле. Вы взрослые здоровые люди. Но, честное слово, если бы ночью в лесу на вас, сонных, вдруг завалилась палатка и под жуткие вопли вас стали избивать сквозь брезент палками, — вы бы наверняка испугались. Надо полагать, любой бы испугался! Так представьте же себе ночной ужас детей, мальчишек и девчонок, оказавшихся жертвами этого безобразного нападения! Представьте их горечь и душевную травму.

Органы следствия квалифицировали налет как «злостное, исключительно дерзкое хулиганство и грабеж». Вот так хулиганство подростков обросло корыстью и приобрело от этого оттенок еще более опасный с юридической и омерзительный

с моральной точки зрения. Подросток-хулиган превратился в хулигана-грабителя, и мы видим психологическую закономерность в таком превращении. Позже мы рассмотрим этот вопрос более подробно, а сейчас вернемся к истории и причинам происшествия в Дубосекове.

На следствии стали разбираться — кто же эти «лесные разбойники»?

При свете дня выглядели они совсем не страшно — обыкновенные подростки, которых легко можно было бы спутать с их жертвами: такие же тренировочные костюмы, такие же потрепанные кеды, такие же непослушные вихры на макушках. А вот «под вихрами» творилось что-то не то: привычка к безделью, неуважение к людям, склонность к выпивке, отсутствие стремлений, душевная пустота.

Откуда же эти качества? Разбираемся дальше: живут ребята в одном доме, большом московском доме; семьи у всех не то чтобы хрестоматийно «неблагополучные», но и не такие уж надежные: двое ребят воспитываются без отцов, у одного — отец пьет; у родителей четвертого — семейный разлад — не до детей… В школе дела идут через пень-колоду… В детской комнате милиции — на учете как хулиганы…

«Сначала гоняли во дворе в футбол, — рассказывает Артемов, — все нормально было. Потом разбили как-то стекло у соседа, он выскочил и — драться. Ну, он нас — мы его. Милиция, конечно… Ладно, больше не велели во дворе играть, сказали, инструктора по физкультуре пришлют. Пришел инструктор, принес шашки и велел в красном уголке устраиваться, чтобы людей не беспокоить. Еще обещал в бассейн устроить. И верно, устроил. Раза два съездили в бассейн, всем ребятам очень понравилось, а тут тренерша говорит: „Вы тут под ногами путаетесь, а воды для спортсменов не хватает. Больше не ходите — вы не перспективные…“ Ну, снова во дворе сидим, курим или в карты играем, а то на улицу пойдем, с ребятами из дома восемнадцать выпьем по маленькой, ходим… Бывало, и подеремся, отлупим кого-нибудь. Тогда в милицию таскали: поругают, побеседуют и отпустят…»

Непростая ситуация: живут ребята сами по себе, без надзора, без повседневного контроля, без представления о том, как интересно и с пользой занять досуг. Дурно влияют друг на друга: вместе шатаются праздно, вместе пьют «по маленькой», играют в карты, дерутся. До беды уже совсем недалеко…

И когда она случится, будет обязательно задан вопрос: «Кто виноват?»

На поверхности — ответ: виноваты неблагополучные семьи, безнадзорность, нежелание занять подростков физической и иной культурой, формализм местного инспектора милиции: «поругают, побеседуют и отпустят...».

Но только ли в этом дело?

Ведь в доме наших «героев» живут еще тридцать их сверстников. И отец имеется не у каждого, и пьют некоторые родители, двойки и тройки кое у кого случаются, спортсменов среди них не так уж густо, и в драмкружок не все ходят. А не курят, к рюмке дороги не знают, карт в руки не берут. И за город грабить не ездят! В чем же дело? Почему их-то не толкнули на преступление те же самые дворовые, неблагоприятные условия?

Да потому, что они выпивать, воровать, хулиганить — *не хотят*! Потому что им нравится жить *честно*!

Все они — и хорошие, и плохие — уже достаточно взрослые, чтобы *выбирать* свой путь; мы не будем углубляться здесь в сложнейший вопрос о свободе воли, о том, почему один человек ведет себя так, а другой иначе, — важно то, что подросток, юноша *способен* выбрать свой путь и,

как выражаются ученые, предписать себе вполне определенное общественное поведение.

И Артемов с дружками выбрали: пьянку, хулиганство, грабеж. Они *хотели* выпивать и хулиганить, им *понравилась* идея совершить ограбление, и они абсолютно сознательно не стали себя ограничивать в соблазне.

Теперь им придется отвечать за это перед людьми и законом, но их личной ответственностью вопрос не ограничивается. Потому что закон не случайно требует выяснения «причин и условий, *способствовавших* совершению преступления», и такими причинами, безусловно, явились безнадзорность и, не побоимся этого слова, одиночество подростков, на которых никто не обращал внимания.

…Шутливая возня давно уже переросла в драку, противники ожесточенно тузили друг друга, толкались и даже царапались, но перевеса ни с одной стороны не наблюдалось. Неожиданно какая-то посторонняя сила разняла драчунов, далеко отбросила в разные стороны. «Ах, так!» — заорали мальчишки и дружно бросились на того, кто разнял их, но через мгновение, успев только увидеть ринувшиеся на них небо и стены соседних домов, грохнулись на лопатки. Придя в себя

и открыв глаза, они с удивлением услышали: «Ну вот что, „герои“, хватит этой безграмотной возни! Завтра приходите ко мне в Инфизкульт, я вас научу настоящей борьбе». Таким несколько необычным способом познакомился со своими будущими учениками студент Института физической культуры мастер спорта Каро Бабаян.

И ученики пришли в спортивную школу при Инфизкульте. Эту школу на общественных началах организовали энтузиасты — секретарь райкома комсомола В. Куприянов, начальник райуправления внутренних дел Н. Корнев, сотрудники института Н. Богатырев, Э. Лемеш, Т. Михеев. Коллектив будущей спортшколы они собрали тоже несколько необычно. Ознакомившись в детской комнате милиции с личными делами «трудных» ребят, они разослали им по домашним адресам открытки: ребят приглашали на встречу со знаменитыми чемпионами. Нет нужды объяснять, что встреча с чемпионом — всегда праздник для мальчишки, будь он хоть сто раз «трудным».

Встреча состоялась. Ребята зачарованно слушали знаменитых спортсменов, которые запросто, почти по-домашнему, разговаривали с ними, рассказывали о своих, очень разных и очень

интересных, путях в большой спорт. А потом инициаторы встречи рассказали ребятам, что при институте создана новая спортивная школа, в которую готовы принять всех, не делая различий между «перспективными» и простыми смертными. Мальчишкам предложение понравилось — ведь раньше они уже пытались поступить в разные спортсекции, но там искали лишь таких ребят, из которых можно было бы вскоре сделать чемпионов. Так вот и получалось, что многие ребята, любившие спорт, оставались за стенами спортшкол. Здесь этого не произошло: ребят в соответствии с их желанием приняли в секции вольной борьбы, самбо, бокса, тяжелой атлетики, волейбола, баскетбола. Подростки, проводившие на улице ежедневно по пять-шесть часов, а выходные дни — вообще с утра до вечера, оказались занятыми добрым и полезным делом, увлеклись им, стали лучше учиться в школе, жизнь их наполнилась содержанием. И естественно, стало не до уличных «геройств» — это оказалось скучным и совсем непочтенным делом… Не говоря уже о привычке курить, склонности выпить иной раз — настоящему спортсмену, находящемуся на настоящем спортивном режиме, даже слышать об этом смешно!..

Рассказ о благотворном влиянии спорта на воспитание ребят вообще и «трудных» в особенности можно было бы продолжить, благо жизнь дает нам тысячи и тысячи ярких примеров. Нам же хочется подчеркнуть, что в помощь добрым усилиям энтузиастов — спортивные сооружения нашей страны, которые летом одномоментно могут принять *двадцать миллионов* человек, — это три с лишним тысячи стадионов, более сорока тысяч спортивных залов, около пяти тысяч туристско-оздоровительных лагерей. Десятки и сотни тысяч ребят встали зимою на коньки при проведении организованной несколько лет назад ЦК ВЛКСМ и ЦК спортивных обществ и организаций СССР «Олимпийской снежинки»; десятки тысяч подростков приобщились к лыжному спорту при проведении походов по местам боевой славы…

При всем том главным человеком, в руках которого остаются судьбы «трудных», является энтузиаст. Их, к счастью, много сейчас, энтузиастов, и с каждым годом становится все больше. Об одном из них писала «Правда»:

«В Дзержинском районе Перми Колесникова знают хорошо. Он свой человек в райисполкоме. Его знают в райкоме партии. Еще в 1957 году

был избран председателем уличного комитета. Особенно популярен среди детворы. Он любимец многих поколений дворовых хоккейных команд и гроза хулиганов. Это он построил во дворе дома по улице Качалова прекрасную хоккейную коробку, которая вот уже четыре года не имеет себе равных в городе. Это он соорудил лучший в Перми тир. И лыжная база — тоже детище его рук. Тут, кроме 500 пар лыж, есть бильярдная, радиоузел, кухня с буфетом.

Кто же такой Владимир Афанасьевич Колесников? Распорядитель кредитов, солидный строительный подрядчик, высокопоставленный администратор? Ни то, ни другое, ни третье! Владимир Афанасьевич — рабочий. Мастер на все руки. Природная смекалка, любовь к технике, а главное, энтузиазм сделали его незаменимым человеком в любом начинании...»

Когда Колесникова спросили, как он построил хоккейное поле, он ответил просто:

— Возникла идея чем-то увлечь ребят. Собрал их и предложил для начала разбить футбольное поле. Родители помогли. Все лето ребята гоняли мяч. А с наступлением заморозков уже сами предложили построить хоккейную коробку...

— Но для этого требуются материалы?!

— Конечно. Пришлось поработать всем вместе на близлежащих стройках. В награду получили отходы досок и еще кое-что…

Владимир Афанасьевич скромно умолчал о том, сколько труда он сам вложил во все начинание. О том, как ездил по новостройкам и подбирал все, что бросали строители: бракованные блоки, битый кирпич, трубы для отопления. О том, как монтировал эти трубы, сам тянул электропроводку. А сейчас на катке прекрасный лед, яркое праздничное освещение, теплая раздевалка. Под звуки музыки с утра до вечера катаются дети. На этой единственной в районе хоккейной площадке тренируются и проводят соревнования несколько хоккейных команд, завоевывают призы за красоту семь групп фигурного катания… А хулиганов в округе нет, и «трудные» что-то перевелись…

Самое прекрасное в нашей действительности — это то, что Колесников не исключение, не одиночка, таких энтузиастов мы знаем много, и тем горше досада оттого, что рядом с нашими дубосековскими «туристами» вовремя не оказалось хотя бы одного из них. Может быть, совсем по-другому сложились бы их судьбы…

«Я ей прощаю...»

...Погода была плохая, делать было нечего, и от скуки, побродив со своим случайным знакомым Валерием Осокиным по улицам, Оля решила заглянуть на огонек к приятельнице Лиде. Там и верно оказалось веселее, чем на улице: в гостях у Лиды был дальний родственник Николай, приехавший из Свердловска. Николаю показалось, что вновь пришедших надо угостить, и он решил сходить в магазин за вином. Валерка, двадцатидвухлетний бывалый парень, уже успевший отсидеть за хулиганство, вызвал Ольгу в коридор. Вернувшись в комнату, она предложила проводить гостя, чтобы он не заблудился. Тот охотно согласился. Ушли. Вскоре поднялся и Валерка.

— Пойду прогуляюсь, — сказал он и, хотя хозяева удерживали его, оделся и вышел...

...Николай и Ольга шли из магазина. Внезапно раздался тихий свист. Ольга оглянулась и увидела Валерку.

— Ой, совсем забыла, мне надо позвонить маме, — сказала она Николаю. — Вот здесь, в парадном, есть телефон, зайдем, позвоним.

Зашли в парадное. Через несколько секунд

хлопнула входная дверь, и в подъезд ворвался Осокин.

— Ты что же делаешь, негодяй! — закричал он Николаю. — Ты что же это мою девчонку по парадным водишь?!

С этими словами он нанес приезжему такой удар, что тот покатился по ступенькам, разбив голову в кровь. Осокин снова подскочил к нему.

— Я тебе покажу, как девчонок насиловать! — и с этими словами полез к «насильнику» в карман.

Тот, видимо, сообразил, что попал в скверную и не больно-то элегантную историю. Он послушно позволил грабителю забрать сто рублей и удалиться. Вместе с ним ушла и девчонка…

Вот так, в одночасье, ребята обеспечили себя финансами, а местное отделение милиции — новым уголовным делом.

Даже самые ярые оптимисты из числа наших читателей не стали бы фантазировать, что «вырученные» деньги Осокин и Костина потратили на билеты в консерваторию, экскурсионную поездку в Архангельское, покупку книг или, на худой конец, куска хлеба. И были бы правы. Потому что деньги, предназначенные Николаем на покупку меховых ботинок жене и теплого пальто сынишке (зи́мы-то в Свердловске холодные!),

были за два дня пропиты самым примитивным, нефешенебельным образом. Естественно, уголовный розыск нашел Валерку и Ольгу. Началось следствие…

Легко предвидеть, что специалисты по части детектива сразу ощетинятся. «Позвольте, — скажут они, — чушь какая-то! Ведь ребята ограбили знакомого человека и должны были понимать, что их немедленно разоблачат! О чем же они думали?!»

Сразу ответим: да ни о чем они не думали. Правда, потом, на следствии, Осокин процедит сквозь зубы:

— Он мне сам деньги отдал. Чтобы мы его не опозорили перед знакомыми…

То есть расчет на «провинциальную» стеснительность Николая, на его нежелание «позориться». А то, что отнятые деньги трудно заработаны, что они нужны семье и что это важнее неприятностей, связанных с «обвинением», придуманным Осокиным, — им и в голову не приходило, как и то, что за грабеж надо отвечать перед судом.

Здесь уместно привести результаты исследования, предпринятого доктором юридических наук М. А. Ефимовым. Опросив большую группу людей, осужденных за различные преступления, он

установил, что 27 процентов правонарушителей в прошлом отказывались совершить то или иное преступление, опасаясь уголовной ответственности. Зато представители самой большой группы — 51,4 процента — откровенно признались, что когда они совершали преступление, то «вообще об уголовной ответственности не думали». «Вообще не думали…» — это ведь наводит на самые грустные размышления. Почему не думали? И предположить, что все дело в легкомыслии, трудно. Скорее напрашивается вывод о том, что мы имеем дело с потерями правовой пропаганды, которая должна была бы стать неотъемлемой частью воспитания подростков. Должна была бы стать, но, к великому сожалению, пока еще не стала ею. А ведь именно правовая пропаганда должна и могла бы внушить людям с отроческих лет наряду с другими правовыми положениями идеи *тяжести*, позорности наказания, но главное — *неотвратимости его*. Ибо ясное, надежно внушенное понимание того, что наказание за преступление *неотвратимо* и как бы является принадлежностью его, что наказание так же неизбежно связано с преступлением, как скрипка со смычком, — резко повысило бы количество людей, остановившихся перед совершением

преступления хотя бы из боязни наказания… Повторяем: это прямое, кровное дело правовой пропаганды, правового воспитания.

Ученые-юристы неоднократно возвращались к этой проблеме. Выводы из проводившихся ими исследований однозначны: правовая осведомленность населения недостаточна и необходимость всемерного расширения правовой пропаганды бесспорна. Крупный советский ученый в области права, доктор юридических наук, профессор Б. С. Никифоров писал:

«Мы далеки от наивной веры философов-просветителей в то, что если каждому дать в руки Уголовный кодекс, то преступность незамедлительно исчезнет. Но мы убеждены, что кодексы должны печататься в достаточном количестве, чтобы каждый мог взять их в руки.

Важнее, однако, другое:…необходимо обучать основам права тех, кто учится, и должен, и хочет учиться, — детей и молодежь. О пользе этого распространяться нет надобности, но надо и надо повторять, что вопреки мнению, бытующему среди невежд, правовые связи между людьми в обществе — увлекательнейшая область человеческих отношений, и это — вернейший залог того, что их изучение можно сделать содержа-

тельным и интересным. Общими стараниями школы и института, помноженными на настойчивость печати, радио и телевидения, мы можем и должны добиваться того, чтобы люди, живущие в системе права и дышащие атмосферой права, по возможности „с младых ногтей“ отдавали себе отчет в этом и понимали значение и огромную ценность этого».

ЦК КПСС в своих постановлениях, посвященных правовой пропаганде среди населения, обратил особое внимание на необходимость возведения фундамента той самой правовой пропаганды для всех, о которой идет разговор. Было отмечено, что правовое воспитание — это составная часть идеологической работы партии по формированию нового человека нашего общества, неотрывно связанная с общими задачами воспитания молодежи.

Эти важные партийные документы подчеркивают, что эффективность правового воспитания и правовой пропаганды находится в непосредственной зависимости от уровня квалификации пропагандистов и организации всего дела, значимость которого трудно переоценить.

В развитие решений партии о правовой пропаганде коллегии министерств юстиции и

просвещения приняли постановления, регламентирующие преподавание основ права в школах, были открыты преподавательские факультеты правовых знаний и приняты меры к подготовке методологической литературы в этой области.

Уже в 1969/70 учебном году в отдельных школах ввели факультативные занятия правом по специально составленной программе. Впоследствии подробная программа была разработана и утверждена Государственным комитетом Совета министров СССР по профессионально-техническому образованию и Министерством юстиции СССР. Программа была рассчитана на 20 учебных часов, во время которых учащихся ознакомили с основами государственного, административного, гражданского и уголовного права.

Сейчас преподавание основ права ведется практически во всех школах и профтехучилищах. Занятия наряду с педагогами ведут работники милиции, суда, прокуратуры, и появляющийся опыт дает основания для самых оптимистических выводов.

В ряде школ и училищ, помимо изучения теории права, учащиеся посещают судебные заседания, практикуются в составлении правовых документов по архивным материалам. Непосред-

ственное присутствие на процессе, безусловно, оказывает на ребят сильнейшее воспитательное воздействие, эмоционально окрашивая полученные ими теоретические знания.

Председатель секции права организации общества «Знание» по Советскому району Москвы М. Алейник писал: «Эффективность, полезность уроков по правоведению ни у кого не вызывает сомнений. Если в начале занятий ответы учащихся были робкими, неумелыми, то к концу их мы увидели, насколько вдумчивее, содержательнее, граждански зрелее они стали. Руководство, педагогический состав училищ, да и сами учащиеся единодушно отмечают связанные с занятиями повышение интереса к книгам, активизацию общественной работы, улучшение дисциплины в училищах. Статистика показывает и некоторое снижение преступности и антиобщественных проявлений среди учащихся района».

Наряду с введением преподавания основ права в школах и ПТУ, правовая пропаганда ведется и по другим каналам. В районах Комиссии по делам несовершеннолетних совместно с представителями милиции, суда и прокуратуры разрабатывают и осуществляют специальные планы проведения лекций и бесед на правовые темы для молодежи

предприятий, школ и ПТУ.

В каждой школе инспектор детской комнаты милиции совместно с дирекцией составляет и проводит в жизнь план занятий по основам советского законодательства.

И хотя еще рано говорить о конкретных положительных результатах всей этой деятельности (статистике всегда требуется некоторая дистанция!), можно не сомневаться в том, что эти результаты не замедлят сказаться в самом ближайшем будущем…

А теперь вернемся к Ольге Костиной.

Милиция, как положено, возбудила уголовное дело, разыскала Ольгу, и она оказалась под следствием. Впрочем, сказать «под следствием» будет не совсем точно, потому что, хотя в милиции Ольгу и допрашивали наряду с остальными свидетелями, центральной фигурой следствия она не стала и ходила не в обвиняемых, а в «свидетелях». Вот тут-то и произошло то, о чем мы говорили уже раньше. И следствие, и сама Ольга оказались настолько втянутыми в юридическую процедуру процесса, что моральная сторона события, *оценка* конкретных, отвратительных действий Ольги и Осокина даже не отошли на второй план, а просто совсем стерлись, забылись,

стушевались. Никто не заострил вопроса на том, что случилось с шестнадцатилетней девушкой, что понесло ее с такой стремительной силой в пропасть? Ведь о девчонке-то еще совсем недавно никто не мог сказать ничего плохого! Хотя, как выяснилось, в последнее время она привлекла внимание домкома неразборчивостью своих знакомств. Много позже — и вы увидите сейчас, насколько трагической оказалась эта волокита, — следствие установило, что совсем недавно, два месяца назад, Ольга познакомилась с одним парнем, Соловьевым, и сразу же, по-девчоночьи, увлеклась им, полюбила, решила выйти за него замуж. Плохой был парень Соловьев — вор, наркоман, бездельник. Но это не остановило Ольгу — она со всей категоричностью юности решила перевоспитать его, не представляя, что такая задача для нее непосильна. Наоборот, Соловьев сам стал ее «перевоспитывать» — сразу же и всерьез! Начались пьянки, гулянки.

«Сначала я пила только в компании и только красное — чтобы не обидеть друзей, — рассказывала впоследствии Ольга. — Ну а потом… и белое тоже… Мне это нравилось, с ними было не скучно… Знали ли они, что я несовершеннолетняя? Конечно, знали…» В этом застолье быстро и ре-

шительно переоценивались Олины моральные ценности, и в ее душе не нашлось нравственной плотины, способной противостоять влиянию Соловьева и его дружков. И вот уже кажется девчонке, что отнять у подвыпившего человека деньги — это здóрово, это почти подвиг. И когда Осокин «вносит предложение» ограбить Николая, Ольга голосует «за» и активно, на равных, участвует в преступлении…

Потом началось уголовное дело, но в жизни Ольги, в ее мировоззрении ничего не изменилось. Ей никто не помог осознать, никто не заставил задуматься над тем, в какой грязи она барахтается и на грани какой ответственности она стоит. Все подменила сухая юридическая процедура.

По-прежнему Ольга живет в семье, которая заведомо попустительствует ее «дружбе» с вором, наркоманом, психически неполноценным человеком. Василий Семенович, ее отец, слесарь ЖЭК-4, пьющий и потом буйный во хмелю, равнодушно скажет на суде: «До Нового года Ольга была хорошей девочкой. А потом познакомилась с Соловьевым, захотела выйти за него замуж, перевоспитать его… Конечно, недоглядели за дочкой…» Недоглядели.

По-прежнему «…на территории микрорайона

Ольга в непристойном поведении не замечается». Это из характеристики общественности дома, которая много сделала для Ольги, но могла сделать еще больше — судите сами: «…Девушка требует особого наблюдения и воспитания, чтобы не быть в дурной компании. Хорошего влияния родителей для нее недостаточно. Домком, видя такое неустойчивое поведение со стороны Ольги Костиной, прикрепил к ней общественницу Межеркукур, очень влиятельную и опытную, которая систематически наблюдала за поведением Ольги и проводила с ней беседы. Первое время это имело положительные результаты. Олю надо во что бы то ни стало оторвать от дурной компании…» Хорошие рекомендации, но почему они адресованы кому-то? Почему сам домком — а мы верим, что там немало «опытных и влиятельных» людей, — не реализовал их? Что помешало? Почему недотянули, ведь девчонка-то еще не пропала, ведь еще не поздно было?

Хочется в этой связи вспомнить историю одной девушки, может быть и не очень «типичную» (впрочем, «типичность» при перевоспитании подростков проявляется только в самых общих вопросах; сам же процесс перевоспитания конкретного подростка должен быть до предела

индивидуализирован, какой бы то ни было штамп здесь особенно нетерпим), историю, удивительно схожую поначалу с судьбой Ольги Костиной, — даже звали ту девушку тоже Ольгой.

Ольга Парамонова, забросив школу, очень увлеклась нарядами. И еще ее очень интересовали молодые ребята, с которыми она свела знакомство на танцах в парке. Новые приятели Ольги любили развлечения, танцы и нарядно одетых девушек со свободными взглядами на «мораль предков». Стараясь соответствовать своим «интересным» друзьям, Ольга быстро научилась курить, «шикарно» выпивать рюмку водки без закуски и лихо танцевать шейк. Вот только с нарядами были перебои: родители не возражали кормить ее и кое-как одевать, но модный брючный костюм превосходил их воображение и был к тому же не по средствам. Ольга нашла «выход»: обойдя знакомых, она обещала одному достать холодильник, другой — дефицитный костюм джерси, третьей «фирменный» мохеровый шарф. И так далее, и тому подобное. Под все эти обещания она, разумеется, получила наличные. Так она решила проблему с нарядами, все остальное, казалось ей, складывалось как нельзя лучше. Жизнь казалась превосходной: приятели, танцы,

выпивка — все было, а косых взглядов соседей во дворе чуть еще хмельная от выпитого накануне Ольга старалась не замечать.

Вскоре, однако, во всю эту «романтику» самым неприятным образом ворвалась «проза жизни». Сначала тяжелый и довольно-таки унизительный разговор в домовом комитете, члены которого не постеснялись должным образом охарактеризовать поведение Ольги, а на другой день — и в милиции, где ее финансовые операции признали «злоупотреблением доверием», то есть элементарным мошенничеством. Девице пригрозили наказанием и велели вернуть людям деньги.

Ольга не знала, что вслед за этим общественность дома, где она родилась, и детская комната милиции, куда она попала впервые, занялись ее судьбой вплотную. Добрые, умудренные опытом люди видели, что девушка пошла по плохому пути, и решили помешать ей в этом. Но, поскольку Ольга о таком решении ничего еще не знала, она продолжала жить по-прежнему. Сплошные развлечения, безделье, новые — и опять сомнительные — финансовые комбинации — и новые «нотации» общественников и милиции.

Людмила Сергеевна Пахомова, председатель

домкома, быстрее всех осознала, что когда добрые советы любящих людей кажутся «надоедливыми нотациями» — толку от них не будет. Решено было организовать над Ольгой персональное шефство.

«Главное, что меня заботило, — рассказывает Людмила Сергеевна, — это правильный выбор шефа. У нас уже был печальный случай, когда мы назначили шефа „по списку“, не раздумывая, в какой мере сочетаются индивидуальные особенности шефа и подростка. В итоге подросток, который, как выяснилось впоследствии, тяготел к авиамоделизму и радиотехнике, ужасно тосковал на всевозможных „мероприятиях“ по истории, куда считал своим долгом водить его шеф — ярый любитель и приверженец этой науки. Неудивительно, что никакого контакта между ними не возникло, и парень стал оббегать своего шефа третьей улицей; в итоге весьма почтенный человек зря потерял свое время, а у мальчишки возникло еще большее неверие во взрослых и даже недоброжелательность к ним».

Выбор общественности пал на Валю Грицман, комсомолку, учительницу музыки, соседку Ольги по дому. Валя знала Ольгу и, обдумав свои возможности, согласилась шефствовать над нею.

Для начала Валя пришла в семью Ольги и, надо сказать, была встречена там не слишком-то радушно. «Мы не воспитали? — сказала с насмешкой мать Ольги. — Ну-ну, поглядим, как ты воспитаешь...» Но это не обескуражило Валю, тем более что Ольге она сразу понравилась: молодая, энергичная, красивая — Валя как-то с первого взгляда заставляла людей верить в ее силы.

Вале удалось уговорить Ольгу вернуться к учебе — устроила ее в вечернюю школу, а вскоре Ольга — опять же с помощью Вали — пошла работать. Почти ежедневно встречаясь с Ольгой, Валя всячески стремилась привить ей навыки честности и трудолюбия, и сама была в этом — спокойно и ненавязчиво — лучшим примером. При планировании досуга своей подшефной Валя исходила из того, что правильное эстетическое воспитание — это лучший способ борьбы с дурными привычками и плохим вкусом, привитым Ольге ее «дружками». Начав с приглашения девушки на юношеский устный журнал «Галактика», Валя стала водить Ольгу на интересные содержательные кинофильмы, доставала билеты на выступления молодежного эстрадного ансамбля, на литературные вечера, популярные симфонические концерты. Однажды Ольга робко

попросила у Вали разрешения взять с собою на концерт знакомых девочек. Когда после концерта они возвращались домой и Валя увлеченно «объясняла» девушкам только что услышанную музыку, она неожиданно перехватила взгляд Ольги — восторженный, горделивый: смотрите, девочки, завидуйте, какая у меня старшая подруга!

Самоотверженное, любовное воспитание не пропало даром: Оля Парамонова постепенно изменила поведение, рассталась с дурной компанией, отдала из своей зарплаты долги. Уголовное дело против нее прекращено, и смысл происшедшего не в том, что она сейчас без колебания предпочтет концерт любой танцульке, смысл в том, что девочка по-настоящему нравственно возродилась, вернулась к доброму пути, с которого ее теперь не так-то легко свернуть.

К несчастью, у Ольги Костиной не нашлось такой подруги, как Валя Грицман, к несчастью, ее общественное воспитание ограничилось нотациями…

Комсомольская организация, в которой состояла Ольга, тоже обошла ее вниманием. «…Член ВЛКСМ, порученную работу выполняла, в общественной жизни не участвовала, с 22 февраля на

работу не выходит…» (А 22 февраля Ольга участвовала в ограблении Николая.)

На работу не выходит ваша девчонка, которая хотя «в общественной жизни не участвовала», но ведь «порученную работу выполняла». Почему она вдруг на работу не выходит? Заболела, может быть, или стряслось что-нибудь другое? Узнать бы, что стряслось-то, а узнавши — помочь разобраться в себе и в своих делах! Да вот не узнали, бросили девушку, бросили — другого слова мы и не находим.

Как же так? Ведь это уже вполне «взрослый», работающий на производстве комсомол! Это именно тот отряд молодежи, которому принадлежит главная роль в воспитании подростков! Именно в его ряды ежегодно вливается свыше полумиллиона молодых людей, окончивших школу и приступивших к работе.

Обычная человеческая душевность, хорошая взволнованность за судьбу младшего товарища, дружеская рука, протянутая вовремя, могли бы удержать Ольгу от падения, вернуть в нормальную человеческую семью. Но комсомольцы оказались равнодушными — и девчонка осталась одна. Впрочем, не одна — она по-прежнему с Соловьевым. А он не дремлет — он воспитывает

ее по-своему. «Мы ездили с Соловьевым в автобусах, — рассказывает Ольга, — и он занимался карманными кражами...» Ничего не скажешь — метод «наглядного обучения». И ей по-прежнему нравится ее жизнь — сначала легкие деньги, потом — гулянка. Но всему приходит конец, трагедия завершается: вся обстановка жизни Ольги в последнее время в сочетании с «воспитательской» деятельностью Соловьева приводит к закономерному результату. Слово Ольге:

— Проходя мимо комиссионного магазина, Соловьев спросил меня: «Сможешь открыть сумку?» Я сказала, что попробую. В комиссионном женщина смотрела дорогие туфли, и Соловьев подумал, что у нее много денег. Он заслонил меня, и я открыла сумку...

Вот и все. Через две недели после своего семнадцатилетия Оля совершила повторное преступление, еще находясь под следствием по предыдущему делу. Такое не часто встречается даже у взрослых, закоренелых преступников. А для правосудия это вообще, скажем прямо, грубый брак в работе: преступнику в полном смысле слова предоставили возможность совершить новое преступление! Следствие наконец зашевелилось, уголовное дело было передано из

милиции в прокуратуру, и следователь М. В. Волкова немедленно арестовала Ольгу. Предстояло помочь ей начать жизнь сначала.

Жизнь сначала… Это не просто фраза, потому что М. В. Волкова первая из встретившихся Ольге юристов главное внимание уделила не формальной процедуре следствия, а *личности* девушки, задала наконец ей вопросы, до которых не доходили руки у тех, кто вел дело раньше, «разговорила» Ольгу, помогла ей понять, в какую яму она скатилась, объяснила, как из нее выбираться. И как это на первый взгляд ни странно, исключительность, жестокость избранной следователем меры пресечения — содержание под стражей — оторвала наконец Ольгу от ее дружков, заставило остановиться, глубоко задуматься над своим стремительным падением.

…Здесь мы неизбежно сталкиваемся с рядом новых проблем и, в частности, с вопросом: что такое, почему одним делом занимаются столько разных государственных органов, почему у них разный подход к нему? Есть закон: уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних подследственны прокуратуре. Поэтому, хотя милиция и возбуждает подавляющее большинство этих дел, она точно знает: доводить их до конца ей

не придется, это сделает прокуратура. И невольно возникает соответствующее отношение к таким делам. Это одна потеря. Но есть и другая, еще более важная. Как известно, вся тяжесть работы с «трудными» подростками лежит на милиции. Именно детские комнаты милиции берут на учет и воспитывают ребят, совершивших свои первые правонарушения. Именно работники милиции, как правило, давно знакомы с ними, изучили их, намечают и проводят в жизнь необходимые конкретные меры перевоспитания конкретных Петь, Вась, Оль. Зачастую «детские работники», как их принято называть в милиции, отлично знают не только лицо, но и душу своих воспитанников. Однако как только совершено преступление, дело о нем расследует прокуратура, которая знакома с подростком в основном по справке милиции, и требуемое законом выяснение следователем прокуратуры *личности* обвиняемого во многих случаях приобретает формальный характер.

На наш взгляд, это парадоксальное положение можно поправить организацией специализированной службы борьбы с детской преступностью — в одних руках, с едиными правилами, с одной стратегией.

Но вернемся к Ольге Костиной. Осознав нако-

нец всю глубину своего падения, отрезвев от угара соловьевской компании, девушка раскаялась по-настоящему, поняла всю мерзость положения, в котором очутилась. И, раскаявшись, беспощадно осудила себя. Без тени «наигрывания», сразу повзрослев на несколько лет, в своем последнем слове на суде она сказала глухо:

— Я презираю сейчас Соловьева, а себя считаю ничтожеством… Я недостойна быть комсомолкой. Судите меня по всей строгости…

Это искренне. Этому можно верить.

Суд вынес свой приговор. Приговор, направленный не только к наказанию Ольги, но и к закреплению того нравственного перелома, который в ней наступил, к надежному, коренному перевоспитанию ее.

К сожалению, за рамками приговора осталась семья Ольги. Семья, на которой лежит немалая доля ответственности. Ответственности, которая не наступила. И не столько потому, что закон требует ее не слишком настойчиво. Скорее потому, что даже этот, довольно мягкий закон не был применен.

Мы уже говорили о том, что значительная часть несовершеннолетних правонарушителей происходит из семей, где родители пьянствуют,

совершают преступления, скандалят между собою и с детьми, порождая взаимное презрение. Но есть еще одна, меньшая (хотя количественно и немалая) группа семей, чье «благополучие» взращивает безнравственность подростков своими весьма специфическими методами. Вот случай, который нам кажется характерным.

В октябре 1967 года над братьями Анисимовыми повисла серьезная угроза. Пункт проката музыкальных инструментов обвинял старшего, Александра, двадцати двух лет, в присвоении дорогого прокатного аккордеона. Комиссионный магазин № 29 изобличал младшего, Евгения, семнадцати лет, в попытке продать этот аккордеон. Вопреки очевидности, братья в один голос говорили, что не видели проклятого аккордеона и в глаза. Однако объяснить, как попали в пункт проката и в комиссионный магазин их паспорта, не могли. Братья переживали тревожные времена. Но уголовный розыск на то и поставлен, чтобы правого защитить, а виновного найти. Нашли: по украденным паспортам Анисимовых операцию «Аккордеон» осуществил одноклассник младшего Анисимова — Николай Коваленко. Хороший ученик, сын приличных родителей.

На первом допросе Коваленко заявил: «Мне

оскорбительны ваши вопросы. Не сомневаюсь в том, что справедливость и законность восторжествуют». На следующий день Коваленко, опознанный работниками проката и изобличенный почерковедческой экспертизой, признался в совершенном преступлении и объяснил его мотивы: «Вырученные деньги я хотел истратить для поездки в Сочи… Я люблю ходить в рестораны, мне нравится хороший джаз и вообще весь этот вечный праздник на курорте…» Чисто юридически — все.

Но следователя, как и нас, поразил удивительный цинизм и негодяйски точный расчет подростка: совершив хищение, он не просто замел следы, а прицельно навел подозрение на своего товарища и его брата.

И еще одно заинтересовало следователя: в преступлении Коваленко не просматривалось ни одной из хрестоматийных причин «детской» преступности. Не было дурного влияния улицы и сомнительных дружков. Не было безнадзорности и безотцовщины. Никак вроде бы нельзя назвать неблагополучной семью Коваленко (его отец — человек серьезный, непьющий, достойный, занимающий ответственный пост). В чем же дело? Неужели прав Ломброзо с его теорией

биологической заданности преступности?

Но милиция не верит в теории Ломброзо. Поэтому нам придется пройти по пути следствия, цитируя некоторые документы.

А. П. Коваленко, отец Николая: «Я всегда старался научить сына хорошему, привить ему веру в мои моральные идеалы».

В. С. Коваленко, мать Николая: «Мы говорили Коле, чтобы он дружил с хорошими ребятами, детьми приличных родителей, которых мы знаем».

На вопрос следователя, она же: «В походы с одноклассниками мы его не пускали, потому что без присмотра дети могут натворить бог знает что...»

«...Да, был случай, когда я не пустила Колю на день рождения к его товарищу, потому что отец этого мальчика работает у моего мужа, и это могло быть неправильно истолковано...»

Она же: «...Да, Коля знал, что мой муж в виде благодарности выдал льготную путевку учительнице математики, которая занималась с Колей вне школы...»

Она же: «...Без нас Коля рестораны не посещал... Во всяком случае, мне об этом неизвестно...»

«...Мы готовы незамедлительно возместить

стоимость аккордеона, чтобы покончить с этой историей… Я не думаю, чтобы Анисимовы были в претензии к Коле, ведь Женя такой добрый мальчик, а Коля просто сделал глупость…»

П. К. Синельников, шофер А. П. Коваленко: «…В плохую погоду я отвозил Колю в школу и встречал его, так как мать боялась, что он простудится… Нет, товарищей он с собой в машину не сажал…»

Н. Д. Хворостина, домработница: «Александр Петрович — человек строгий. Коля его уважал, боялся… Нет, отец на Колю не ругался, он с ним вообще мало разговаривал…»

Юра Сергуненко, товарищ, одноклассник Николая: «…Об отце Коли я ничего не скажу, потому что, когда он бывал дома, мы к Коле ходить не могли…»

Из рапорта лейтенанта милиции Торопова: «…Во время предварительной беседы несовершеннолетний Коваленко заявил: „Вы что, не знаете, кто мой отец? Подождите, вы еще приползете ко мне извиняться…“»

Сам Николай Коваленко, уже изобличенный и начинающий осознавать некие новые для себя нравственные истины: «…С детства я слышал дома: „С сильным не борись…“, „Твоя хата — с краю“, „Закон — что дышло…“, „Кто смел — тот

и съел…“…В общем, я думаю, этот паршивый фольклор из меня будет годами вытрясаться…»

Благополучная семья? Не пьют, не курят, не сквернословят, воровать и хулиганить сына не учат. Тихая семья.

Да, тихая. Долгие годы она аккумулирует в себе многое дурное, что так медленно уходит из нашей жизни, мещанскую мораль, стремление ухватить лакомый кусочек, отгородиться от других каменной стеной. И по капле, по крупице растворяет это дурное в неустоявшемся сознании мальчишки, воспитывая пренебрежение к филармонии и космосу, но прививая восхищение ресторанным джазом и «вечным праздником» курорта. А заодно создает моральную базу для совершения преступления. Вы помните, Александр Петрович Коваленко, о «моральных идеалах»? Сын довел их до абсолюта и материализовал.

Бытует мнение, что есть еще одна категория «трудных» ребят — по шведскому выражению, «с ключом на шее», чьи родители чрезмерно заняты на работе и в силу этого не уделяют детям достаточного внимания. Однако, обратившись к статистике, мы не нашли ему подтверждения. Оказалось, что в семьях работающих родителей дети совершают преступления ничуть не чаще,

чем в семьях неработающих. Значит, не в этом дело. По-видимому, главное все-таки — в *умении* воспитывать своих детей. И это обстоятельство резко выражено статистически: в семьях культурных, образованных людей, вообще людей, живущих содержательно, гораздо меньше малолетних преступников. Это влечет за собой закономерный вывод: необходимость всемерного расширения работы с родителями «трудных» ребят, повышение их культурного, в первую очередь — педагогического, уровня.

В этом смысле чрезвычайный интерес представляет исследование учеными культурного уровня самих преступников. Крупный советский ученый в области судебной статистики профессор Сергей Сергеевич Остроумов писал, что низкий культурный и образовательный уровень играет важнейшую роль в совершении преступлений. Так, уголовная статистика определяет, что среди преступников доля лиц с высшим образованием не достигает и одного процента, а среди убийц — еле превышает *ноль* процентов; опросы преступников позволили установить, что более *пятидесяти* процентов их не вели *никогда* общественной работы, не читали *ничего*, не ходили в театры и так далее.

Эти данные о взрослых преступниках относятся и к несовершеннолетним не в меньшей, если не в большей мере. Более того, почти *все* подростки-правонарушители, которых опрашивали мы, категорически заявили, что *никогда* не вели *никакой* общественной работы, мало или совсем ничего не читали, не посещали театров. Средний уровень их культурных и общественных интересов достаточно выразительно определил в своем письме к нам семнадцатилетний Владимир Рыков, осужденный к лишению свободы за грабеж (сохраняем орфографию письма): «Скука в моей жизни роли не играла. Я читал книги и ходил в театр, знаю такие вещи: „Танец маленьких лебедей“ в Большом, в Малом — „Фома Гордей“, в Дворце съездов — „Чау-чау-сан“. Еще знаю „Векон Доброжелон“, „Фантомас“ две серии, и книги „Сказки“, „Стихи“, „Рассказы“ и „Три мушкетера“. Общественной нагрузки я никакой не нес. Я даже не был принят в октябрята, не говоря о комсомоле. Правда, общественные организации оказывали на меня влияние, но я на это не обращал внимания…»

Вот он — вопрос вопросов: какой должна быть общественная работа, чтобы парень не мог «не обращать на нее внимания»?

В последние годы важные шаги в этом направлении предпринял комсомол. В некоторых городах — Ленинграде, Киеве, Риге и других — для подростков были организованы клубы по интересам, военно-спортивные лагеря, налажены туристские базы, короче, сделано все, чтобы вовлечь «трудных» в полезную и интересную для них самих деятельность. «Не обратить внимания» на такую общественную работу подросток никак не мог — он просто стал ее участником, и результаты не замедлили сказаться: кривая правонарушений несовершеннолетних сначала неохотно, а потом все быстрее поползла вниз.

Ничего удивительного и необыкновенного в этом нет — ведь каждая, без изъятий, человеческая личность наделена элементарным интересом *хотя бы к чему-нибудь*. Поэтому смысл общественной работы, видимо, и состоит в том, чтобы этот интерес выявить и удовлетворить его. И когда работа с ребятами вообще и с неустойчивыми в частности идет по пути развития их собственных интересов, она неизбежно приносит свои добрые плоды.

Поэтому бытующее иногда представление о том, что культура подростка и его родителей — их личное дело, в корне неправильно и

вредно. Невежество, бескультурье — большое общественное зло, порождающее, в частности, преступность и взрослых, и детей. Бесспорно, что наше общество создает все условия, принимает все меры к повышению культурного уровня советских людей. Этой благородной цели служат гигантские, неисчислимые средства: система народного образования, пресса, издательства, научные учреждения, театры, кино, музеи, клубы, народные университеты. В этих условиях задача приобщения к образованию и культуре «трудных» ребят и их родителей представляется вполне реальной. От общественности, от всех, кто причастен к работе с подростками, требуется лишь одно: гигантские всесоюзные масштабы всеобщего обучения, всеобщей культуры упростить, сфокусировать, довести до личности одного маленького *конкретного* Вовы и его родителей и именно их приобщение к образованию и культуре почувствовать своим нравственным долгом…

Заканчивая рассказ об Ольге Костиной, мы хотели бы сказать еще несколько слов о взрослых. О тех взрослых, которые находятся рядом с несовершеннолетними правонарушителями. О которых мы уже не раз говорили, о «заступниках», отож-

дествляющих судебный приговор подростку с тюрьмой, а не с перевоспитанием его.

«…Я претензий к *Ольге Костиной* не имею, так как сделала она это несознательно, — заявила в суде потерпевшая Бекнарбекова. — Виноваты родители — в том, что не занимались ее воспитанием, и те, кто вовлек ее в преступную жизнь. Я — *педагог*, и мне больно видеть Костину перед судом… Я ей прощаю…»

Не правда ли, какая благородная и великодушная позиция? Ведь обидели, обокрали женщину, а она прощает! Украденный рубль, правда, вернули, но все-таки моральная травма… Один не совсем «корректный» вопрос к вам, товарищ Бекнарбекова: вы полагаете, Ольга знала, что у вас в сумке рубль? Или, может быть, видя, что вы собираетесь сделать дорогую покупку, рассчитывала на большее? И как бы отнеслись вы к Ольге, вытащи она не рубль, а все ваши сбережения, добытые нелегким трудом? И не кажется ли вам, что с нравственной точки зрения безразлично, сколько украсть — один рубль или тысячу? И наконец, товарищ педагог, можно ли одним легким словом *прощать* то, что изживается лишь в результате длительных и серьезных *педагогических усилий*?

Нет, товарищи взрослые, речь здесь не о пустяковых детских проступках, мы не имеем права *прощать*, потому что, когда наши дети совершают преступление, слово «простить» означает равнодушное «наплевать». Потому что «простить» ребенка в преступлении — это значит бросить его в беде…

«Что ты, не мужчина, что ли?»

А сейчас поговорим об одном из самых массовых факторов преступности вообще и преступности несовершеннолетних в особенности — о пьянстве. Мы уже касались этого вопроса в разных конкретных случаях, рассказанных в предыдущих главах. Но проблема эта настолько серьезна, настолько значительна, что о ней надо говорить особо.

Поведение некоторых взрослых людей зачастую приводит подростков к преступлению. Да, не удивляйтесь. Правда, разными путями. Мещанским отвратительным презрением к оступившемуся. Свинским равнодушием к судьбе подростка. Тупым непониманием того, что ребенку нельзя показывать дурных примеров, что он, как губка, впитывает их. Но самое страшное, самое пагубное — это вовлечение подростка в пьянство. И не только с точки зрения морально-этической. Потому что *пьянство закономерно ведет подростка на скамью подсудимых*. Вот что написал один из воспитанников колонии для несовершеннолетних, осужденный к лишению свободы за тяжкое преступление: «Пить я начи-

нал со взрослыми, на ихние же деньги, так как сам я еще не работал. Когда я с этими друзьями повелся, то мне некогда стало учить уроки, и занимались мы чем попало. Потом я стал еще больше пить, остался на второй год. И наконец, с дружками, с какими пил, сделал преступление. Если бы я был один, никогда бы не было такого, ведь предыдущие годы были хорошие, я был тихеньким. И сейчас мне очень обидно, что столько лет я копил хорошую характеристику, а за какой-то год я ее испортил, и главную роль, конечно, сыграли у меня взрослые дружки…» В этой истории, как в капле воды, отражается типичная картина совращения несовершеннолетнего парнишки взрослыми пьянчугами, происходит ли это дома или на работе.

Вот еще, пожалуйста.

«До окончания восьми классов я вообще не пил водку, — пишет нам Николай Б., семнадцати лет. — А когда пошел в завод токарем, там я начал пить, так как мужики часто пили водку и начали предлагать мне. Они сильно много пили водки и меня заставляли пить. *„Что ты, — говорят, — не мужчина, что ли? Бери, пей“*. Ну, я и пил. Но в душе понимал, что до добра не доведет…» Николай прав, до добра это его не довело: сильно

опьянев однажды, он совершил бессмысленное преступление и осужден к лишению свободы.

Все эти истории трагичны в своем однообразии, все они свидетельствуют об одном и том же — раз подросток начал пить, значит только чудо может избавить его от знакомства с юстицией. Рассказ другого нашего собеседника, Лени Г., семнадцати лет: «...Первый раз я выпил с друзьями, когда получил первую стипендию в автошколе. Курс я закончил хорошо, но уже, так сказать, узнал вкус спиртных напитков. В восьмом классе у меня стало больше друзей, выпивать стали чаще. Если бывали деньги, то я их тратил только на спиртное, то же делали и мои друзья. Кончилось тем, что мы все, обманув родителей, направились вроде бы в школу, а на самом деле устроили пьянку в общежитии и, выйдя на улицу, избили и порезали двух посторонних людей. Вот и все».

Самое отвратительное, самое противоестественное в этих похожих драмах — это то, что очень часто взрослые, приучающие подростков к выпивке, — не кто иные, как их родители. Вот что бесхитростно поведал Алексей О., семнадцати лет:

«Мать свою я очень люблю. Ну а отец — скажу прямо: он мне не по душе. Да и не только мне.

Часто приходил пьяный и, несмотря на время, устраивал дебош — ругался с мамой и „гонял“ соседей. Я думаю, его никто не уважал. Если когда он и приносил получку, то отдавал мне и наказывал: „Смотри, не говори матери, а то никуда не возьму с собой и ничего не дам“.

…Когда он меня брал с собой покататься — он работал шофером, — то обязательно поил пивом или вином. Я не отказывался: пиво мне нравится… В деньгах я затруднения не знал — отец давал. В моей жизни деньги большую роль сыграли. На них ведь можно все купить. Я и покупал — водку. Да и преступление-то свое я совершил по пьянке. Вот и судите сами — виноват ли отец в том, что я нахожусь в заключении?..»

Это яркий пример — и их немало — прямого совращения детей отцами. В большинстве же случаев такое совращение происходит не прямо, а косвенно, так сказать, личным примером. Сергей Д., 1959 года рождения, осужденный за хулиганство и грабеж, рассказал, что пример отца вовлек его в пьянство, которое закономерно привело к преступлению:

«Отец мой пил запоями. И все эти запои кончались обычно семейным разладом. Конечно, и я, глядя на него, тоже стал выпивать, сначала

тайком, а потом и домой приходил выпимши. Отец ругался, говорил, что вот, мол, воспитал сыночка. Днем я был занят, работал, занимался гитарой, книгами, кино. Только по вечерам было туго, читать не хотелось, и я выходил на улицу и ходил без всякой цели с такими же, как я. С ними и выпивали, а потом избили прохожих и ограбили подростка…»

К «воспитательной работе» таких отцов немедленно и закономерно присоединяются уличные забулдыги — пьянка, она компании требует. И тогда все вместе эти факторы сливаются уже в один общий процесс, губительный для подростка. Один наш «корреспондент», воспитанник колонии, осужденный за тяжкое преступление, так описал этот процесс:

«…Отец любил выпивать, бывало, неделями тянет, пока не заболеет. Пьяный — он спокойный, хороший, я *уважал его, пьяного*. А так он относился ко мне хладнокровно, попадало от него частенько и за что, и ни за что. Поэтому чем дальше, тем отношения становились хуже: я и дома старался поменьше бывать. Тогда сразу нашлись взрослые ребята, друзья, они пили и курили, ну и я тянулся за ними… Уроки учить стало некогда, остался на второй год и стал еще больше пить. Вот

пьяный и совершил преступление. А отец отнесся тоже хладнокровно, я, говорит, так и знал, что туда попадешь, там тебя научат волю любить...»

Эти примеры можно было бы приводить еще и еще, потому что они отражают печальную закономерность: среди подростков-правонарушителей большинство сбилось с правильного пути под влиянием пьянства. И — главная, статистически выверенная закономерность: подавляющее большинство «пьющих» подростков стали такими в результате непосредственного влияния взрослых членов семьи или соседей. И здесь снова и снова надо говорить об активности нашей общественности, на глазах которой живут такие опасные семьи, где дети растут в атмосфере пьянства взрослых и повседневно приучаются к мысли, что выпивка — это более или менее нормальное состояние взрослого человека. А самим так хочется поскорее стать взрослыми, и наиболее близкие атрибуты этой «взрослости» — сигарета и бутылка! Парадоксальность этой ситуации заключается в том, что таких вот порочных семей совсем не так уж много, как может показаться из всего сказанного, — не надо забывать, что мы описываем узкий, исключительный, нехарактерный для нашей жизни закоулок общества, где

гнездятся пороки, порождающие преступность. А общественность наша — многочисленная и могущественная сила, наделенная, помимо всего прочего, значительными юридическими возможностями. И в частности, если бы домовая общественность чуть поменьше занималась квартирными склоками между двумя сварливыми, но в остальном вполне благополучными семьями (вообще-то, к сожалению, нередки случаи, и о них немало писала наша пресса, когда чисто обывательский интерес домкома и других общественных организаций к подробностям квартирных склок расширяет и поднимает последние на незаслуженную высоту, заслоняя другие, безусловно более важные, общественные дела), — так вот, если бы за счет подобных дел общественность лучше и внимательнее занималась пьянствующими семьями, в которых растут дети, — случалось бы гораздо меньше драм, подобных тем, которые мы описали. А ведь зачастую получается так, что живет семья в отдельной квартире, тихо пьянствует, соседей не трогает, ни с кем до поры не скандалит, — ну и хорошо, общественность уже в такую семью вникать не станет, хотя прекрасно знает и то, что в семье пьют, и то, что в этой пьяной атмосфере растут

дети. Вот и получается, что воспитание ребенка в семье остается ее сугубо личным делом. И что из этого подчас выходит — мы уже видели. А ведь та же общественность дома, общественность по месту работы пьяницы, школа, наконец, где учатся дети пьяницы, вправе пригласить его и сказать: «Послушай, почтеннейший, напоминаем, что у тебя растет ребенок и что его воспитание — это дело всего нашего общества, а не только твое личное. И что своим примером — помимо прочих аспектов пьянства — ты губишь ребенка. И не пора ли тебе взяться за ум самому, не то мы силой закона принудим тебя к этому?» И взять такую семью под неослабный контроль, уделить детям максимум внимания. Именно для того мы и приводили причинную цепочку: «пьянствующая семья — пьющий подросток — преступление несовершеннолетнего», чтобы наглядно показать те, выражаясь медицинским языком, «отдаленные результаты», к которым приводит внешне безобидное, порой вполне «пристойное» пьянство за закрытой квартирной дверью. Чтобы привлечь к этим фактам обостренное, взволнованное внимание общественности, обладающей, повторяем, вполне достаточным моральным авторитетом и практическими возможностями,

чтобы разорвать порочную цепочку, вырвать детей из обстановки, реально приводящей к беде. Это вполне в наших возможностях, и убедительное тому свидетельство — практика десятков и сотен коллективов общественности, где пьяниц окружают атмосферой всеобщего презрения и нетерпимости, где детей активно вырывают из-под дурных влияний путем терпеливой воспитательной работы, а если нужно — то и прямым принуждением «неподдающихся»...

Предоставим слово инспектору детской комнаты милиции П. В. Посадиной.

— Чтобы покончить с правонарушениями подростков, — рассказывает Прасковья Васильевна, — нам приходится заниматься не только самими подростками, но и так называемыми «неблагополучными семьями» — такими, в которых родители своим аморальным поведением отрицательно влияют на детей. Мы считаем исключительно важным своевременно вмешаться в жизнь такой семьи, предотвратить распад ее, вернуть ей, хотя бы ради детей, утраченное моральное здоровье. Все такие семьи в нашем районе — на учете. В отдельных семьях разложение родителей зашло довольно далеко, в большинстве — болезнь только развивается,

и мы верим, что своевременное вмешательство общественности поможет им всем. Вообще-то, опыт убеждает, что в здоровой семье растут и воспитываются хорошие дети. Там же, где родители пьянствуют, где между ними складываются ненормальные отношения, где они не выполняют свой родительский долг, — они теряют у детей авторитет и уже не могут — даже при желании — положительно воздействовать на них. Больше того, дети в этих семьях быстро воспринимают все плохое и зачастую становятся на путь совершения правонарушений.

Прасковья Васильевна взяла один из «тяжелых» случаев — семью З. Особенно печальным было то, что причиной разлада в семье стала мать десятилетней Наташи и двенадцатилетнего Кости — Елена Ивановна. Она много пила, допускала аморальные поступки. В конце концов пристрастился к спиртному и отец — Петр Сергеевич. Ссоры, взаимные оскорбления, пьянка стали в этом доме нормой. И хотя можно представить, что творилось в семье, внешне — для соседей — супруги вели себя достаточно тихо, и прямого повода заглянуть повнимательнее в их отдельную квартиру у общественности, казалось, не было.

Однако люди приметили, что Наташа и Костя без надзора болтаются до позднего вечера во дворе, плохо, неряшливо одеты. В школе обратили внимание на то, что дети стали хуже учиться, не выполняли домашних заданий. Наконец ситуация прояснилась — на вопрос классного руководителя, почему Костя не сделал уроки, мальчик ответил прямо:

— Пьют у нас отец с матерью. Каждый день почти пьют… А потом ругаются, скандалят — уроки невозможно делать. Или на улицу гонят, отец говорит — чтобы нас с Наташкой не портить… — Помолчал, глядя в пол, сумрачно, по-взрослому добавил: — И питания нет…

И школа, и общественность дома восприняли беду ребят, как свою собственную. Супругов З. пригласили на заседание совета общественности при детской комнате милиции. Совет потребовал от нерадивых родителей в корне изменить свое поведение и предупредил о том, что обеспечит строгий контроль за дальнейшим воспитанием детей. Одновременно поведение З. было обсуждено на заседании комиссии по работе с детьми при домоуправлении. Пристыженные и, казалось, всерьез задумавшиеся о своей жизни родители дали слово, что прекратят пьянство и будут пра-

вильно воспитывать детей.

Прошло некоторое время, и окружающие с горечью увидели уже знакомую картину: беспризорные голодные дети снова оказались «выдворенными» на улицу — родители вернулись к пьянству и склокам. Разговоры общественников с З. явно не меняли положения: Петр Сергеевич смущенно, а Елена Ивановна с наглостью — находили для каждого случая какие-то «объяснения», сводившиеся в конечном итоге к туманным рассуждениям насчет того, что «жизнь — сложная штука...» и так далее. Вызванная в детскую комнату милиции, Елена Ивановна дошла до того, что во всем обвинила... детей! Они, мол, неудачные у нее, непослушные, тупые — из-за этого и склоки в доме... Собравшиеся в тот вечер активисты, люди, казалось бы, этой женщине посторонние — а в действительности близкие и доброжелательные, оторвавшиеся ради ее детей от своих собственных важных дел и забот, — заставили выслушать Елену Ивановну немало хотя и суровых, но справедливых слов.

К сожалению, ни самые добрые и разумные советы, ни официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения, объявленное З., не помогли и на сей раз. Поутих-

нув сначала, пьянство и скандалы за закрытой дверью квартиры З. вскоре вспыхнули с новой силой; дети продолжали оставаться в отравленной аморальной обстановке.

Но ни общественность, ни детская комната милиции оружия не сложили. Детская комната совместно с председателем комиссии по работе с детьми при домоуправлении и родительским комитетом школы обратились в товарищеский суд по месту жительства З. с целью принять более решительные меры воздействия на этих опустившихся людей. Были приглашены представители цехового комитета профсоюза с предприятия, где работали З., на заседание товарищеского суда пришли учителя Наташи и Кости, соседи З. по дому, многие жители района.

По-видимому, их гневные и справедливые слова, прозвучавшие на заседании, атмосфера всеобщего осуждения подействовали, наконец, на пьяниц, забывших в алкогольном дурмане и себя, и своих детей; определенную роль, конечно, сыграло и решение товарищеского суда о том, что если З. не исправятся, перед народным судом будет возбуждено ходатайство о лишении их родительских прав. Во всяком случае после товарищеского суда поведение З. стало наконец

улучшаться. Свою роль, безусловно, сыграло и то обстоятельство, что цеховой комитет профсоюза выделил для шефства над семьей группу лучших производственников.

Постоянно ощущая, наряду с моральным осуждением, общественное воздействие, практическую помощь и поддержку, З. перестали пьянствовать, в семье постепенно воцарился покой. Елена Ивановна и Петр Сергеевич стали уделять внимание детям, заботиться о них, словом — превратились в нормальных людей. Через год после описываемых событий семья З. перестала быть «неблагополучной» и, как сказано в протоколе, подписанном П. В. Посадиной, «не представляя дальнейшей опасности неправильного воспитания детей, с учета в детской комнате милиции *снимается*».

История З. весьма наглядно демонстрирует, что иногда — особенно в запущенных случаях — одними лишь беседами и «проработками» не удается положительно повлиять на «неблагополучную» семью. Вот тогда-то особенно необходима вдумчивая, разнообразная, подчас очень кропотливая профилактическая работа с применением целого комплекса мер общественного воздействия. Эта работа, требующая прежде

всего *энтузиазма*, вознаграждает сторицей — в общество возвращаются не только дети, но и их родители.

Вовлечение подростков в пьянство взрослыми дядями и тетями — проблема, как мы уже отмечали, огромная, важная. Многосторонняя. И вот на этих разных сторонах мы и хотели бы остановиться. Необходимость этого очевидна — слишком большое количество преступлений совершается либо в пьяном виде, либо на почве пьянства, и закрывать глаза на значение «зеленого змия» в судьбах тысяч и тысяч ребят было бы недопустимой ошибкой.

Вот история ленинградского парня Виктора М., семнадцати лет, осужденного за хулиганство.

«22 августа у нас на заводе был аванс, — рассказал нам Виктор. — Мы всегда в этот день складывались на выпивку. Но тогда не получилось: кто не хотел пить, кому некогда было. Я купил четвертинку, выпил дома. Потом поехал в Выборгский район, еще выпил с друзьями. Напился. Приехал домой и стал скандалить с матерью. Избил ее, ударил бабушку, оскорбил соседку...» Заметьте, пожалуйста, что в психологии подростка уже сложился стереотип: выпивка в день аванса — явление *обязательное*, как будто у него

заключен договор с ликеро-водочным заводом. Но, поскольку не удалось сложиться с товарищами по работе, парень чувствует себя обязанным купить четвертинку и выпить ее хотя бы дома. Ну а дальше уже само начинает катиться… Интересуемся происхождением такого отношения к выпивке. Виктор словоохотливо рассказывает: «У нас дома пьянка — обычное дело. Отец пил часто, избивал мать. Если же они с матерью ходили в гости либо гости приезжали к нам, то они напивались *оба, мать не отставала от отца в выпивке*, и начинались скандалы и драки».

С присущей его возрасту наивностью парень старается «выгородить» отца, которого он, по-видимому, любит: «Отец ни при чем, что я начал выпивать. Он ушел из дому, когда мне было десять лет. И я свернул с хорошего пути: не хотелось жить с матерью, мы скандалили, я стал убегать из дома, подружился со взрослыми ребятами. Они-то и сыграли свою роль в выпивке — с ними мне пришлось регулярно выпивать: то они меня угощали, то я их, а чаще складывались…» Парень еще не понимает, что «друзья» лишь практически завершили работу, проделанную его родителями, которые внедрили в сознание мальчика аксиому: выпивка — это праздничное удовольствие, и к

нему надо стремиться изо всех сил даже в будни. Отвечая на наш вопрос, интересно ли ему жилось, Виктор сказал: «Скучать мне хоть и приходилось, но редко. Потому что, когда мне было очень скучно и грустно, — я напивался…» Пожалуйста, уже два достоинства выпивки: во-первых, выпивка — это праздник; во-вторых, лекарство от скуки. Вот и устроил он себе праздник, излечился от скуки, а потом избил мать и сел в тюрьму.

Еще одна печальная история мальчишки с жизнью, искалеченной водкой. Ее рассказал нам в подробном письме семнадцатилетний Виталий И., отбывающий наказание за грабеж. Парень вырос в прекрасной рабочей семье. Его отец, первоклассный токарь, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, воспитал трех ребят. Старший и младший — хорошие полноценные люди, а вот со средним, Виталием, не повезло. «Сначала у меня все было хорошо, — пишет Виталий. — Но примерно с шестого-седьмого класса у меня появились уличные дружки. Они приучали меня к выпивке. Стал плохо учиться, остался на второй год. Родители меня всячески старались вытащить, но у них ничего не получалось, мне с дружками на улице было интереснее. Наконец они устроили меня в судостроительное училище.

И мне там понравилось: профессия интересная. Все стало налаживаться — ни прогулов, ни даже троек. Но однажды я встретил знакомого — старого вокзального вора Вальку. Он пригласил меня в кафе, угощал водкой и закуской и говорил, что меня очень уважает. Мне это понравилось. А он приглашал меня снова, и я опять стал прогуливать, и опять все завертелось по-старому. Мне что́ во всем этом нравилось: во-первых, когда выпиваешь, то чувствуешь себя очень смелым и умным. А во-вторых, когда я бывал в училище, то чувствовал себя „королем“ — мог ударить любого и знал, что сдачи никто не даст, потому что понимают — за меня всегда заступятся. Ну, вот и стал я ездить к Вальке. Но не всегда же ему угощать — стали нужны деньги. Я начал воровать авторучки, а потом и кое-что покрупнее. Мне нравилось, что ребята меня уважали за ловкость. Я себя проявил на таком деле: однажды меня арестовали — попался парень, которого я просил продать ворованные часы. Часы были такие же, как те, что мне подарила мать. Улучив момент, когда следователь вышел, я достал из ящика его стола ворованные часы и быстренько подменил их на свои. Когда он вернулся, я стал ему доказывать, что просил парня продать мои собственные

часы. Следователь меня отпустил, велел, чтобы я принес паспорт на часы. Я назавтра принес его, и мне вернули часы. Все ребята были мною восхищены, и я гордился этим.

Я теперь-то понимаю, что на работе и дома мне хотели только добра, когда я прогуливал, бригадир даже приезжал ко мне домой, но все было бесполезно. Штрафовали родителей, что они плохо смотрят за мной, но это тоже было бесполезно и даже неправильно, потому что — чем они виноваты: пошлют меня на два часа за покупками, а я уже натворю чего-нибудь… Вот так и пил и гулял, и один раз мы по пьянке отняли у подростка часы и тут же продали их за бутылку. Два дня я скрывался, но все же меня разыскали и арестовали. Теперь-то я уже давно трезвый, все время здесь, в колонии. И понял, как опозорил отца, у него ведь орден за труд, и какой сам был дурак — чем гордился, ведь все это ни гроша не стоит, когда на белом свете столько много интересного».

Да, примеров того, как в одурманенной водкой мальчишеской голове смещаются нормальные понятия и представления, слишком много. Слишком часто случается, что ложный героизм, фальшивая горделивость, возникшие на фоне пьянства и поддерживаемые рукой опытного

совратителя (взять хотя бы того же Вальку), замещают настоящие человеческие качества — честь, отвагу, сообразительность, от природы свойственные молодежи. И тогда возникает заколдованная цепь: «пьянство — преступление». В самом деле: напился парень — и уже представляет себя самым умным, самым ловким, самым сильным. Он уже пренебрегает обычными людьми, и ценным ему представляется лишь мнение его собутыльников: ему хочется покрасоваться перед ними, продемонстрировать свою исключительность. Тут уже хороши все средства — и в пьяном кураже мальчишка начинает топтать даже то, что ему было когда-то дорого. Идут в ход нецензурная брань, потом кулаки, а если под рукой оказывается что-нибудь похуже — нож, например, — то и нож. Совершается внешне бессмысленное преступление — хулиганство.

Или: угостили подростка водкой. Он выпил, захмелел. Ему хочется ответить на угощение. А иногда и себе «добавить». Но денег нет. И парень совершает кражу или грабеж (вот как в последнем случае — сорвали с руки прохожего часы и продали их тут же за бутылку). Иногда цепь на этом заканчивается. Но часто она имеет продолжение: украл — напился — снова стал

хулиганить. Такое встречается, к сожалению, сплошь и рядом.

Есть и еще один страшный аспект в пьянстве подростков и в возникающих вслед за этим криминальных ситуациях. Зачастую преступниками становятся хорошие, неиспорченные ребята. Ребята, которые назавтра не могут разобраться в своем страшном похмелье, понять, что они наделали накануне, как это все произошло. Об одном из таких случаев мы хотим рассказать.

Телефонограмма была лаконичной: «Горбольница сообщает, что „скорая“ доставила Круглова Александра Сергеевича, восемнадцати лет. Диагноз: резаная рана в области 12-го грудного позвонка. Помещен в III хирургическое отделение».

Как всегда в таких случаях, к потерпевшему выехал следователь. Когда врачи разрешили, чертежник Саша Круглов рассказал:

«В начале десятого вечера я шел из бассейна. Около метро увидел трех ребят шестнадцати-семнадцати лет. Они были нетрезвые. Один из них мне крикнул: „Эй, ты! Дай двадцать копеек!“ Я ему ответил: „Я каждому прохожему денег давать не могу“. Он меня догнал, схватил за рукав и со словами: „Ты знаешь, кто мы есть?!“ — ударил

меня по пояснице. Я почувствовал, что из места удара потекло что-то теплое, и догадался, что это кровь… Парень на вид лет шестнадцать-семнадцать, роста среднего, волосы русые, лицо симпатичное…»

«Преступник с места происшествия скрылся…» — было сказано в милицейской сводке о нападении на Круглова. И уголовный розыск начал его поиск. Усилия были предприняты чрезвычайные, потому что преступление отличалось исключительной дерзостью — удар ножом в начале вечера в таком людном месте! Вскоре появились кое-какие данные. Оказывается, в этот вечер на площадке около бассейна внимание прохожих привлек один парень: русый, ростом 170–172 сантиметра, с симпатичным лицом. Этот парень был пьяный, куражился, приставал к людям и размахивал ножом. Потом приятели увели его.

Стали искать дебошира, перебирая одного «симпатичного» парня за другим. Но «кандидаты» не подходили, потому что из всех попавших в поле зрения милиции никто не имел заметной привычки — размахивать на улицах ножом. Поиск затягивался…

Забегая немного вперед, скажем, что розыск

преступника осложнился одним немаловажным обстоятельством: как выяснилось впоследствии, преступник *сам не помнил о том, что он ударил человека ножом*!

Проведя трудную и кропотливую работу, следствие вышло наконец на свидетелей, которые прямо назвали фамилию парня с ножом: Рубанов Володя. У него и впрямь лицо было симпатичное.

Общественность отозвалась о Володе самым положительным образом, отметив, что «каких-либо проступков, хулиганства с его стороны никогда не замечала».

«Треугольник» завода, где работал Володя: «Дисциплинирован, исполнителен, успешно справляется с производственными заданиями, активно участвует в общественной жизни, комсомолец».

Классная руководительница из школы, где он раньше учился: «Отличный парень, разумный, дисциплинированный, с хорошими задатками, хотя иногда слишком мягкий, несобранный».

А Володя прямо сказал следователю: «В тот вечер я был очень пьян и ничего не помню, что со мной случилось…» На юридическом языке такое заявление означает *непризнание* себя виновным,

и поиск продолжается, тем более что и мать Володи подтвердила: «В этот вечер ребята привели Володю смертельно пьяного, так что мне пришлось самой раздеть его и уложить в постель». Свидетель Ш. показал, что парня ударил ножом именно Володя Рубанов. И дополнил, что с ним были два других подростка — Турин и Николаев. Свидетель привел и дальнейшие подробности: «После удара ножом Турин и Николаев повели Владимира под руки домой, и Турин пытался отнять у него нож, но тот размахивал этим ножом и кричал, что кого-нибудь зарежет. И если даже попадется милиционер, то он его зарежет...»

Допросили Николаева и Турина. Они подтвердили эти факты. Турин даже уточнил кое-что: «Нам не хватало на водку двадцать копеек, и мы сговорились взять их у кого-либо. После случая у метро мы повели Володьку домой. По пути он потребовал у постороннего мужчины двадцать копеек, а когда тот отказал, пытался избить его, но мы удержали».

На опознании потерпевший Круглов без колебаний узнал Владимира. Так завершился первый этап следствия.

Вскоре Владимиру Рубанову предъявили обвинение в разбойном нападении. Допрошенный в

качестве обвиняемого, он рассказал:

— В этот день после работы я был дома. В шесть часов ко мне пришли ребята и принесли бутылку водки. Выпили ее и пошли гулять. Проходя мимо магазина, решили «добавить», взяли еще бутылку и без закуски выпили водку в подъезде. Почему-то показалось мало. Пошли в магазин, взяли и распили еще одну бутылку водки. Погуляли. Я помню, что хотел пойти к бассейну. Но что было потом, я уже ничего не помню…

…На следующий день Турин мне сказал, что я порезал ножом кого-то… И другие ребята говорили, что на том месте зарезали парня. И я подумал, что, может быть, это сделал я… Считаю, что мои товарищи рассказывают все как было, и ударил я этого парня ножом — с их слов — за то, что он не дал мне двадцать копеек…

На этом детективная часть истории закончилась, и после выполнения необходимых формальностей Рубанов был предан суду. Рассмотрев дело, народный суд признал его действия особо дерзким хулиганством. При этом суд подчеркнул, что совершение преступления в нетрезвом виде он считает *отягчающим обстоятельством*. И приговорил Рубанова к лишению свободы сроком на три года с направлением в воспитательно-тру-

довую колонию.

Как же случилось, что шестнадцатилетний рабочий паренек, дисциплинированный комсомолец, трудолюбивый радиомонтажник, послушный сын, в прошлом хороший ученик в какие-то считаные часы своей жизни потерял человеческий облик, озверел, напал с ножом на такого же рабочего парня, как и он сам, напал и чуть не убил его? Ответ на этот вопрос предельно ясен: водка превратила человека в дикое животное, отняла у него разум. Но в свою очередь возникает следующий закономерный вопрос: как же хороший вроде парень докатился до пьянки, да еще такой свинской?

Ответ на этот вопрос мы находим в показаниях матери Володи:

«Володя учился хорошо. Но после восьмого класса он пошел работать в связи с тяжелым материальным положением, которое сложилось из-за того, что его отец — алкоголик. Я не могу оправдывать сына, если он виноват, но… он ничего еще хорошего в жизни не видел. Я всегда мечтала создать хорошую семью, но не удалось, и виной всему — отец. Его пьянство отразилось и на мне, и на детях…» А сам Володя Рубанов добавляет, что водку стал пить по-настоящему

на заводе, с одним взрослым слесарем, фамилию которого он явно постеснялся назвать. Вот и вернулось все к тому, о чем мы уже говорили раньше: внешне благополучная семья с отцом-алкоголиком, снова одиозная фигура взрослого «друга» на производстве, показавшего реальную дорогу к выпивке. А в итоге — мальчишка, которого обстоятельства исподволь подготовили к пьянке, еще не умеющий толком пить, наглотавшийся водки, как отравы, и совершивший в беспамятстве бессмысленное преступление, а теперь несущий всю полноту ответственности за него. Хотя, не скроем своего отношения к этому, мы с большим душевным удовлетворением увидели бы на скамье подсудимых рядом с Владимиром и его отца, и безвестного слесаря, взрослого «друга» с производства…

Ну а сам Владимир? Как нам кажется, нелегкую задачу он задал народному суду. В самом деле — и случай с ним не рядовой, и преступление его тяжко. Как быть, какое назначить наказание, соразмерное его преступлению, но не чрезмерное с учетом его личности? Ведь на воле парень находится не только под плохим влиянием. Его окружает здоровый коллектив на производстве, хорошая мать, на него способна влиять комсо-

мольская организация. Да и сам он, до тех пор пока не схватился за бутылку, был совсем не плохим парнем. Не сломает ли его суровое наказание, не возобладает ли в наказании элемент кары над воспитательным фактором? Думается, выдержит парень, тем более что задача, стоящая перед нынешними воспитателями Володи, сводится к одному: навсегда отучить его от выпивки. И с учетом тех глубоких нравственных потрясений, которые он испытал в процессе следствия и суда, эта задача представляется нам вполне выполнимой, и притом в срок, может быть, меньший, чем тот, который ему назначен судом. Ведь в соответствии с законодательством Володя, доказав, что он твердо стал на путь исправления, имеет все возможности вернуться домой досрочно.

В этой связи вспоминается разговор с воспитанником трудовой колонии Геной Барановым. «Выпивать я начал недавно, — говорит он, — и пил не часто и понемногу». Такая позиция, между прочим, характерна для подавляющего большинства подростков-правонарушителей, с которыми мы разговаривали или переписывались. Да и не удивительно это, ведь они — еще совсем зеленая поросль, молодые деревца, которые тяжкий недуг просто не успел поразить органически. Они — не

потерянные алкоголики, а только «кандидаты» в них, и преступления свои совершают под временным дурманом. Тем легче с этим недугом бороться, для этого есть наилучшая почва — их молодость и относительная неиспорченность. Невольно сравниваешь их с настоящими алкоголиками и чувствуешь принципиальную разницу. Например, среди алкоголиков-рецидивистов было проведено обследование — им предлагали лечение от алкоголизма. Поразительно, но лишь 2,8 процента алкоголиков выразили желание лечиться от своего недуга, остальные предпочли остаться в его мутной глубине (данные доктора юридических наук М. А. Ефимова).

Алкоголизм, пьянство… Как далеко заводит людей этот отвратительный порок! Не станем говорить об искалеченных жизнях, о разрушенных семьях, растоптанных надеждах, заплеванных идеалах… В рамках этой книги речь идет о преступлении. И нам кажется, что нигде алкоголизм, пьянство не проявляется с такой разрушительной силой, как именно в этой сфере. Мы уже много говорили о тесной причинной связи между пьянством и преступлением. Сейчас же ограничимся одной цифрой: по данным прокуратуры Москвы, *семьдесят процентов судимых — семь человек из*

десяти — совершили преступление в пьяном виде! Комментарии излишни.

Наши государственные и общественные организации, пресса ведут систематическую, ни на один день не затихающую борьбу против пьянства, законодательство вводит все новые и новые ограничения и санкции против него. Борьба эта не носит характера временной кампании — а существенных результатов до последнего времени не было. В чем же дело? Неужели пьянство так глубоко укоренилось в отсталых элементах нашего общества, что никакими силами его невозможно вытравить? Очевидно, к этому вопросу надо было подойти с другой стороны. Исследования ученых и наблюдения практиков показали, что корень зла, помимо субъективных факторов и «деятельности» конкретных пьющих элементов, затаился… на дне водочной бутылки. Да-да! До принятия недавних решений партии и правительства о борьбе с пьянством одна из главных причин его заключалась в широчайшей доступности водки. Нам, быть может, возразят, что соответствующими постановлениями продажа водки подросткам давно запрещена. Так-то оно так, конечно, да только не часто нам приходилось видеть, чтобы подростку отказали в

бутылке, потому что он несовершеннолетний. Причина — не только пресловутая безответственность работников прилавка; сам подросток нынче рослый пошел, басистый, часто усатый. Что же, у каждого паспорт спрашивать, что ли? Вот и нарушали постановления, хотя иногда, может быть, и неумышленно.

Разумеется, разрешить эту проблему голыми административными мерами было невозможно. Поэтому постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» изложило конкретную программу *решительного* наступления на это социальное зло путем *широкого комплексного* использования политических и экономических, культурно-воспитательных и правовых средств.

Принятые Президиумами Верховных Советов союзных республик во исполнение этого постановления указы особо подчеркивают ответственность взрослых за вовлечение подростков в пьянство. Новый закон сурово карает совратителей — не только за систематическое спаивание подростка, но даже за однократное доведение несовершеннолетнего *до состояния опьянения*: наряду с административной предусмотрена *уголовная ответственность* виновных.

«Прекратите портить наших ребят...»

Жили два друга. Работали они вместе, в цехе № 7 одного и того же завода. Конечно, это была не та дружба, что из песни — «третье мое плечо». Но и не совсем случайная. На базе общих интересов возникла дружба. Вернее, в результате большого влияния одного друга на другого. Младший друг очень считался со старшим. Да и не удивительно: старшему — Гордеенко — было двадцать семь лет. Младшему — Полякову — шестнадцать. Дружба у них была хоть и крепкая, но не слишком давняя. Это и понятно — немного раньше Гордеенко на работу ходил, а Поляков — в детский сад.

Теперь же их объединял общий интерес — водка.

В один прекрасный зимний день друзья решили в очередной раз выпить. Старший друг угостил младшего водкой. Ну и сам угостился, конечно. Выпитая водка не утолила интереса Гордеенко. Правда, больше не было денег. Но выход из положения нашелся: Гордеенко посоветовал Полякову одолжить у знакомых. Мальчишка охотно послушался. И нашел кредитора. Взрослый с пониманием и сочувствием отнесся к неутолен-

ному интересу уже подвыпившего подростка и дал ему денег на водку.

Заветная бутылка в кармане. Выпивать решили по-солидному — за домашним столом. Пришли к Полякову. Туда же, на огонек, заглянул третий друг — пятнадцатилетний школьник Свиридов. Этот день он тоже не зря прожил: за пазухой у него оттопыривалась украденная в школьной раздевалке меховая шапка соученицы.

Сели за стол, выпили. Немного закусили — «взрослые» дети и инфантильный дядя. Теплая дружеская вечеринка. Потом Поляков похвастался своими производственными успехами. Оказывается, пока они бездумно проживали день жизни быстротекущей, он трудился в поте лица своего. Он изготовил… финку. Сверхплановое изделие понравилось друзьям. После товарищеского ужина состоялись аттракционы. По очереди метали финку в стену: втыкалась что надо!

Но время позднее, пора и честь знать. И Гордеенко просит проводить его домой.

На свежем ветерке неутолимый гордеенковский интерес вспыхнул с новой силой.

— Слушай, — озаренно сказал он вдруг Свиридову. — Давай продадим твою шапку, ну, какую сегодня украл. Зато выпьем!

Полякову эта идея тоже понравилась. Но Свиридов — совсем ненадежный друг — заупрямился.

— Не, — сказал Свиридов. — Не желаю… А ежели вам обязательно нужна шапка, то вон она идет!

Оглянулись: отличная новенькая меховая шапка «шла» по улице. Как раз то, что нужно! Правда, она была на голове у какого-то парня. Но это уже несущественно. Старший друг одобрительно кивнул, и подростки помчались к прохожему. Миг — и шапка уже в руках Полякова, и он торжествующе возвращается к Гордеенко.

Парню, однако, не хотелось расставаться с новой шапкой. Он подошел к компании и жалобно сказал: «Ребята, отдайте…» Тогда у Полякова в руке выразительно блеснула финка. Бывший хозяин шапки приуныл, но «аргумент» Полякова был неотразим, и потерпевшему ничего не оставалось, как пойти в милицию…

А Гордеенко, наоборот, повеселел, оживился. Он объяснил Полякову, кому продать шапку и сколько за нее надо взять. Старший друг, он ведь жизненный опыт не враз накопил! Младший, резвоногий, помчался на завод и разыскал там очень хорошего взрослого человека. Отзывчивого, душевного, который не пожалел отдать пьяному

подростку за срочно продающуюся шапку целый червонец. О происхождении шапки он не гадал: что он, прокурор, что ли? И размышлять — куда пойдут сейчас его деньги — тоже не стал…

И вот уже следствие, потом — суд и — тюрьма…

И — горестное недоумение: разве любая, даже самая лучшая шапка стоит тюрьмы? Шапка — не стоит. А если бы парень не отдал шапку? Ведь у пьяного Полякова в руке была финка, и ему очень хотелось ее попробовать «на деле»…

Что бы случилось тогда?..

В этой истории грабеж «пророс» как будто бы без хулиганства. Значит, у преступления были другие корни. Попробуем разобраться — какие.

Во-первых, познакомимся поближе с обвиняемыми. Шестиклассник Свиридов характеризовал себя сам:

— У меня в первом полугодии *шесть* двоек. Причина: я не хожу на занятия, не готовлю уроки, мне *не хочется учиться*…

Володя Свиридов — «заслуженный», дважды второгодник. Школа на его «художества» ответила своеобразно: за кражу шапки из раздевалки директор объявил ему *выговор с занесением в личное дело*. Здорово — не какой-нибудь парши-

венький рядовой выговоришко, а «с занесением»! Это — за кражу. Интересно, а какое в школьном арсенале нашлось бы взыскание за грабеж, на который Свиридов пошел через несколько часов после кражи? В письме школы следователю сказано, что его родители «школой не интересуются». В какой мере школа интересуется родителями Свиридова — в документе стыдливо умалчивается.

— Как же мог ты, школьник, мальчишка, пить водку? — возмущенно спросили Свиридова в суде.

— А я не только пью. Я и курю, — горделиво ответил школьник.

Характеристика Полякова лаконична: в недавнем прошлом закоренелый двоечник, второгодник, он с трудом «дотянул» 6-й класс. Еще когда учился в школе, начал пьянствовать, воровал авторучки у своих товарищей. Наконец попался на краже пальто из раздевалки. По малолетству судить его не стали — передали на попечение районной Комиссии по делам несовершеннолетних. Казалось бы, теперь, когда Поляков уже в полной мере проявил определенные антиобщественные склонности, надо заняться им всерьез и вплотную, глаз с него не спускать, поставить под контроль каждый его шаг — ведь это наш

мальчишка, и он на наших глазах катится по наклонной плоскости.

Но мальчишку с поразительным равнодушием предоставили самому себе. А поскольку природа не терпит пустоты, у него тотчас нашелся «воспитатель» — Гордеенко.

Трудоустроенный на завод, Поляков за короткий срок (с мая по октябрь) ухитрился получить *четыре* взыскания за грубые нарушения дисциплины, в том числе одно — за изготовление *финского ножа*. Заводская общественность, Комиссия по делам несовершеннолетних, где же вы? Подросток, который пьет, лодырничает, ворует, прогуливает, изготовил финку! Зачем, как вы думаете?

Нет, все сохраняют полное спокойствие. Финку отобрали? Отобрали. Выговор за нее объявили? Объявили. А что парню ваш выговор, как говорится, «до лампочки» — не важно. Не помешал выговор Полякову изготовить новую финку и выйти с нею — как и следовало ожидать — «на большую дорогу».

Не случайно на рабочем собрании в цехе, где работали Поляков и Гордеенко, работница Белова со всей болью материнского сердца говорила:

«В наш коллектив приходит молодежь! При-

ходит учиться делу. А мы ее портим! Любители выпивки втягивают ребят в свою компанию, а старые кадровые рабочие смотрят на них — как бы посторонние. Делает парень нож, а мы — отвернемся. Выпил, пришел пьяный на работу — простим. А результаты плохие получаются... И мы обязаны потребовать от тех наших рабочих, любителей поучить молодежь выпивке, анекдотам и кой-каким другим развлечениям: прекратите портить наших ребят! Будьте им действительно старшими товарищами!..»

Вопрос о роли старшего в преступлении возник и на суде. Гордеенко, помимо обвинения в грабеже, был привлечен также к ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность. Во время слушания дела Гордеенко представлял события так, будто он выступал у своих друзей чуть ли не «младшим партнером». Надо сказать, что до суда это ему неплохо удавалось: в процессе предварительного следствия Поляков был под стражей, а Гордеенко разгуливал на свободе.

В судебном заседании между адвокатом и прокурором произошел примечательный диалог.

АДВОКАТ. Вы неправильно понимаете статью Уголовного кодекса: вовлечение в преступную

деятельность надо понимать как вовлечение в преступный мир…

ПРОКУРОР. У нас нет какого-то абстрактного «преступного мира». Совершение одного конкретного преступления уже образует *преступную деятельность*.

Была когда-то пословица: «Не тот вор, что убил, а тот, что зло породил…» Не совсем верно — тот, что «убил», тоже «вор». Но очень страшно, когда зло, творимое подростками, порождают взрослые.

Взрослые… Обидно и глупо, когда взрослые люди, призванные самой жизнью учить детей добру и делу, поступают наперекор законам природы и человеческого общества — учат их плохому или поощряют его. К сожалению, это проявляется не только в пьянстве: бывает, когда взрослые поощряют подростков не только в том, *что ведет* к преступлению, но и в *самом* преступлении. Хотя, как правило, это начинается с пьянства, и оно же служит прямой причиной последующего преступления. Листаем следующее дело.

«…Дело было вечером — часов этак в десять… Делать было нечего. А так — скука. Взяли мы с Володькой бутылочку этой… которая сорок градусов в тени, махнули. Повторили. Захмелели.

И пошли гулять. Глядим — детский сад. А возле него — сарай. Володька говорит: давай посмотрим? Я говорю — давай. Взяли лом, сковырнули замок с двери сарая. Заходим. Смотрим, стоит стиральная машина. Володька говорит: возьмем? Я говорю — возьмем. А сами пьяные, конечно. Ну, это, берем машину, дверь закрываем, выходим на улицу. Володька говорит: к тетке свезем. Ладно. Останавливаем такси, грузим, едем. Приехали. Поднялись к тетке, спрашиваем: возьмешь стиралку? Она говорит: а откуда машина? Володька сказал — друг, мол, один продает. За пятнадцать рублей. Тогда машина тетке понравилась, и она говорит: беру. Дала деньги. Тут сразу ее муж говорит: спрыснуть, мол, надо обновку. Взял он у нас три рубля, сбегал за бутылкой. Вот мы все посидели, выпили. И ушли. И снова в этот детский сад приезжаем. А там других вещей навалом: холодильник, швейная машина, кофейные чашки, еще чего-то. Ну, это, мы, конечно, пьяные были. Взяли все, на улицу вынесли, такси поймали. Конечно, к Володькиной тетке привозим, принимайте, мол, товар. Муж теткин, само собой, с нами вышел, помог вещи перетаскать наверх, в квартиру. Тут уж тетка не спрашивала, откуда вещи. За холодильник, говорит, тридцать рублей вам

дам, а кофейные чашки и швейная машинка мне без надобности. Хотя, мол, не возражаю, если надо — пусть постоят. Да. Ну а муж ее, когда выпил с нами, больше ничего говорить не стал, поздно уже было, часов двенадцать. Он оделся и ушел. Посты проверять. Он это, ну, по части наружной охраны работает. Ну и мы поехали, а потом нас, конечно, арестовали. Пьяные были, вот в чем все дело-то. А так бы чужого не взяли, не-ет…»

Автор этой судебной исповеди — Юра Раздоров, семнадцати лет, образование 9 классов. И все в этой исповеди правда: и то, что вместе со своим приятелем Владимиром Котомкиным они обокрали детский сад, и то, что оба были пьяные. Разве что подход к последнему обстоятельству у нас с ним разный: он напирает на то, что «конечно, был пьяный», и надеется, что это расценят как смягчающее его вину обстоятельство; а мы видим в его пьянстве одну из основных *причин* преступления и обстоятельство, отягчающее вину, — ведь привел он себя в скотское состояние сам, по доброй воле! Не будем здесь останавливаться на подробном анализе всех видимых *причин* преступления Раздорова и Котомкина: они весьма типичны и сходны с причинами, которые мы ранее уже рассматривали. Скажем

лишь бегло, что ученик десятого класса Раздоров ни учиться, ни работать не хотел, а когда его трудоустроили, самовольно ушел из автобазы. «Я не работаю, — говорит Раздоров, — потому что работа автослесаря мне не нравится». Администрация автобазы тоже, видимо, не слишком сильно за него держалась, потому что сразу же направила в Комиссию по делам несовершеннолетних запрос на разрешение уволить Раздорова (увольнять подростков без разрешения комиссии нельзя). Комиссия в свою очередь проявила к парню «живейший интерес» — за несколько месяцев не удосужилась даже ответить автобазе на ее запрос, не говоря уже о том, что никто не поинтересовался самим Раздоровым, хотя он и состоял на учете в детской комнате милиции. Что касается общественности по месту жительства ребят, то в отношении Раздорова ЖЭК сообщил, что жалоб на него нет, а в отношении Котомкина высказался домком: «Домком сообщает, что Котомкин в домкоме репрессиям не подвергался». Вот и все. Комментарии излишни.

Разговор пойдет о другом — еще об одной, не менее важной, чем пьянство, причине преступления — о взрослых, которые фактически привели двух подростков на скамью подсудимых. Кто

они, эти взрослые? Володина тетка Галкина и ее фактический муж Евтехов.

Могут возразить: позвольте, скажут, ведь к первому эпизоду преступления ребят они не имели отношения? Ведь ребята сначала украли стиральную машину, а только потом привезли ее к Галкиной? И она их не подговаривала совершить эту кражу и даже вроде попыталась установить, чья машина? Чисто внешне это так. Ну а если копнуть чуть-чуть поглубже? Прежде всего, давайте подумаем: если бы Котомкин не был заранее уверен, что тетка польстится на «удачную» покупку, стал бы он со своим дружком в десять часов вечера воровать такую громоздкую вещь, как стиральная машина? И без всяких лишних рассуждений и разговоров хватать такси и тащить эту вещь прямо к тетке? Думается, что всякий непредубежденный человек ответит категорически: нет! Факты свидетельствуют о том, что ребята действовали безошибочно: свезли краденое к нужному скупщику. В самом деле, единственное, что всерьез интересовало Галкину, — это цена краденой вещи. И цена оказалась сходной — всего пятнадцать рублей за дорогую машину. Увидев такую выгодную ситуацию, муж Галкиной — работник отдела охраны Евтехов

— горячо советует жене воспользоваться ею. У него были и свои «резоны»: в доме появится стиральная машина, а с ребят, «на радостях», можно тут же сорвать на бутылку. Он так и поступает — берет у ребят трешку и бежит за водкой, а потом распивает ее с подростками. Потом, пошатываясь, идет проверять посты (посты по охране государственного и общественного имущества!), а возвратясь домой, помогает воришкам притащить в свою квартиру остальные краденые вещи. Так безответственность взрослых, подогретая алчностью, подтолкнула ребят к окончательному падению.

Началось следствие. Воров, конечно, сразу же нашли: уголовный розыск хорошо работает. На первом же допросе выяснилось, куда сбыли краденое. И, разобравшись с ребятами, принялись за скупщиков. Те начали выворачиваться. Галкина для начала принесла из парикмахерской, где она работает, положительную характеристику на клочке бумаги с бельевой меткой вместо штампа. Потом объяснила, будто не знала, что вещи краденые. Особенно из второго «завоза». «Я, — говорит Галкина, — не возражала, чтобы остальные вещи постояли у меня. А что они ворованные — я этого знать не знала...» Ей вторит Евтехов, и еще

стыдливо поясняет, что выпивал с ребятами, не подозревая, что они несовершеннолетние. Как будто с парнем семнадцати лет и одиннадцати месяцев нельзя выпивать, а ровно через месяц — пожалуйста!

Следователь спрашивает Галкину — не поинтересовалась ли она у своей сестры (матери Володи) о происхождении вещей. «Что вы! — восклицает Галкина. — Я хоть и проходила мимо дома сестры, но к ней не заходила и о вещах не рассказывала…» Тогда мать Володи возмущенно изобличает Галкину: она дважды была у них дома, но ничего ей не сказала. Припертая к стене, Галкина признается: «Да, я все-таки пришла к ней и рассказала. Сестра заплакала. Почему она заплакала — я не знаю…» И снова ложь, на сей раз смысловая: да, пришла, рассказала. Но уже *после* того, как Володя был арестован. Все сказанное относится и к Евтехову.

Ну, вот вроде картина и прояснилась: поздно вечером приезжают к Галкиной два пьяных подростка, привозят ни много ни мало стиральную машину. Продают ее за бесценок, выпивают с Евтеховым, уезжают и… через два часа, уже ночью, привозят еще кучу вещей: кофейный сервиз (56 чашек), швейную машину, холодильник…

И снова сделка: добрая тетка согласна купить холодильник за тридцатку. А в порядке вознаграждения ребятам подержит у себя на дому остальное. И вполне «удовлетворительное» объяснение: есть у мальчишек некий мифический исключительно хозяйственный, домовитый друг, который по ночам продает все это добро…

Даже самый ограниченный человек, самый дикий обыватель понял бы, что за вещи привезли и срочно распродают под покровом ночи ребята. А родная тетка и ее муж делают вид, что все нормально, обычное дело…

Поскольку моральная сторона вопроса здесь очевидна и в объяснениях не нуждается, остановимся на стороне юридической.

Об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность мы уже говорили. Но есть в Уголовном кодексе РСФСР еще и статья 203-я. Она предусматривает уголовное наказание за приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем. Есть и еще одна статья — 189-я. Она говорит об укрывательстве преступлений. В действиях Галкиной и Евтехова безусловно имеются признаки преступлений, предусмотренных обеими статьями: с одной стороны, они приобрели заведомо (а какое же еще?)

похищенное имущество; с другой стороны, то, что они «укрыли» в своей квартире остальную часть ворованного. К сожалению, следствие и суд не дали надлежащей оценки действиям этой супружеской четы. Еще на стадии следствия было признано, что хотя действия Галкиной и Евтехова «формально» подпадают под статью 189-ю, но привлекать их к уголовной ответственности по ряду причин «нецелесообразно». Евтехов, оказывается, тоже «не думал и не знал, что племянник привез краденые вещи…». И в возбуждении уголовного дела против них было отказано. Хотя и приняли странное решение: «Сообщить о недостойном поведении Евтехова по месту работы для принятия мер дисциплинарного порядка». (Спрашивается — если Евтехов «не думал и не знал», тогда почему его поведение — «недостойное»?) Пусть нас поймут правильно — мы не ставим здесь вопроса о строгом уголовном наказании Евтехова и Галкиной, это исключительная компетенция суда, тем более что Евтехова, как недостойного доверия, уволили с работы. Мы ставим вопрос о том, что в результате принятых следствием решений не только осталось безнаказанным преступление, но — и это самое важное — безнравственное поведение взрослых людей

не получило ни моральной оценки, ни соответствующего этому случаю широкого осуждения.

А сейчас нам бы хотелось показать еще одну сторону вечной проблемы «взрослые и дети». Правда, с несколько неожиданной стороны, хотя и очень типичной. Случаи, описанные ниже, к счастью, встречаются редко.

Лейтенант Яновский рассеянно смотрел в окно машины, улыбался каким-то своим мыслям, покусывал молодую нежную травинку.

— Ты знаешь, Тимошин, — сказал он, — я ночью из-за шума спать не мог.

Оперативник удивленно взглянул на него:

— Какого шума? Тихо, по-моему, было…

Яновский засмеялся:

— Стареешь, друг! Слух слабеет. Сегодня ночью на деревьях почки лопались! Смотри, все листья распустились…

Тимошин сказал:

— А я сроду не слыхал, как почки лопаются. Вот ты скажи мне, почему листья всегда ночью распускаются?

Яновский пожал плечами:

— Природа — как сильные люди: щедра, но застенчива…

Шофер патрульной милицейской машины усмехнулся и уже открыл рот, но Яновский вдруг сказал:

— Ну-ка, друг, притормози. Не нравится мне…

По обочине дороги в Раздольный шел, сильно шатаясь, парнишка с ружьем.

Машина встала на обочине, и Яновский спрыгнул на дорогу:

— Эй, паренек, подойди-ка сюда!

Парень обернулся, красными глазами посмотрел на Яновского, о чем-то думая. Лейтенант полагал, что их разделяет только пять метров. Он не знал, что между ними еще два ствола центрального боя. Поэтому он думал, что надо просто пройти эти пять шагов и спросить: «Ты почему пьяный? И почему с ружьем?..»

Вот он и сделал шаг вперед. «Брось ружье…» — фраза осталась незаконченной. Парень прыгнул через кювет и выстрелил в лейтенанта из ружья, навскидку, в упор, из обоих стволов.

Прижав ладони к животу, Яновский смотрел, как между пальцами струйками бьет кровь, потом сказал:

— Это моя кровь…

И громадное удивление было в его голосе, потому что немыслимо было в такое яркое весеннее

утро пролить кровь, когда только накануне ночью распустились листья и в воздухе волнами перекатывался тяжелый сладкий аромат тополиного меда.

Все кружилось перед глазами, и маячило где-то рядом бледное, круглое лицо Тимошина, и голос его доносился издалека:

— Ну, потерпи еще немного, еще немного. Мы тебя перенесем сейчас в машину…

Яновский задыхался и говорил поэтому медленно, хрипло:

— Передайте по рации сообщение в горотдел, вызовите опергруппу. Сами садитесь в машину и преследуйте на ней парня. Он далеко уйти не мог.

— А ты? Ты-то как же?

Яновский слабо улыбнулся:

— Ты ведь мне все равно не поможешь. Пришлют «скорую помощь». А вы — за ним быстрее езжайте. Выполняй.

Разбрасывая колесами грязь и прошлогодние бурые листья, «газик» рванулся в лес.

Когда примчалась опергруппа, Яновский был еще в сознании. Он сказал начальнику уголовного розыска Логинову:

— Его надо взять немедленно. А то он кого-ни-

будь еще убьет…

Обнимая лейтенанта за плечи, Логинов улыбнулся:

— Ты, самое главное, не волнуйся. Теперь держись. А уж мы-то его возьмем. Только через мой труп уйдет… — Врачу «скорой помощи» сказал: — Сделайте, что можете. Лейтенант должен жить во что бы то ни стало, двадцать восемь лет парню.

И побежал догонять ушедших вперед оперативников.

— Ребята, цепью через овраг! — крикнул он и оглянулся на отъезжавшую с Яновским санитарную машину. Он не знал, что его лицо уже пляшет в прицеле ружья убийцы. Грохнул выстрел, и Логинов, пробежав по инерции несколько шагов, упал. Пуля попала прямо в голову.

Тимошин, подняв его пистолет, бросился в кусты. Из леса доносились выстрелы — методично отстреливаясь, убийца уходил от погони, в чащу…

На другой день 17-летний бандит Алексей Семин был арестован.

…Семья Семиных в деревне ничем не выделялась: нормальные, спокойные люди, муж и жена и маленький сын — Лешка. Родители трудились, мальчишка подрастал, пошел в школу. И тут

семейный лад Семиных дал трещину: начались споры, ссоры, скандалы. Что такое — остыла супружеская любовь? Нехватки в доме? Муж пьянствует или жена безобразничает? Ничего подобного. Разлад в семью — как это ни странно! — внес Лешка. Парень оказался «трудным», упрямый, ленивый, вороватый. Отцу не по душе были эти его «достоинства», и он в меру своих, более чем скромных, педагогических познаний старался исправить сына: совестил его, объяснял, уговаривал, наказывал. Отцу помогали: школа привлекала его для совместного принятия мер к сыну — поведение парня обсуждалось родительским комитетом школы и педсоветом. Вызывали Лешку, увещевали, грозились наказать и на совете старейшин при сельсовете. Ничего не помогало: парень продолжал хулиганить, лодырничать, курить. Понемногу пристрастился к выпивке, воровал по мелочи. Измученный педсовет *вынужден был* снизить восьмикласснику Семину Алексею оценку по поведению. Педсовет записывает в свой протокол: «Ученик *плохо* ведет себя, дерзит учителям, бьет соучеников, курит и ломает школьное имущество, учебой не интересуется…»

Со сниженной оценкой по поведению Семин

окончил 8-й класс. А ссоры в семье все продолжались. Соседи Семиных в один голос заявили впоследствии на допросах:

«Частые скандалы в их доме бывали из-за того, что отец наказывал хулигана и воришку — сына, а мать яростно заступалась за него».

Характерно, что когда следователь допрашивал Семина-отца, он, согнутый мучительным стыдом и ужасом происшедшего, сказал откровенно и честно:

«Сколько я ни старался на него повлиять, ничего не помогало. А сын лодырничал, озорничал, курил, выпивал, потом и воровать стал по мелочам…»

Действительно, случаи воровства знало все село. Кроме матери Алексея.

— Я таких случаев не знаю, не помню, — заявила она, слепая в своей материнской неуемной любви, слепая настолько, что «забыла» самый последний, свежий случай, когда Алексей, уведя со двора знакомого лошадь, поехал на ней кататься.

Поскольку животное не развивало, видимо, той скорости, которая требовалась вору, он беспощадно, изуверски избил лошадку, а потом *выколол ей глаза*! Об этом с возмущением говорит вся

деревня, а мать — «забыла». Некоторые читатели воскликнут, вероятно: «Да он ненормальный, он садист, такая жестокость несвойственна человеку!» Правильно. Ненормальный. Наша мораль не может назвать «нормальным» садиста и убийцу. И все же юриспруденция — наука точная.

«У Семина ясное сознание, он полностью во всем ориентируется. На вопросы отвечает охотно, хотя и требует к себе особого подхода. О преступлении рассказывает подробно, даже рисуется при этом, хочет показать себя „бывалым“. Легкомыслен» — так специалисты характеризовали Семина в период следствия.

Не задумываясь о том, *кого* она вырастила в безмерном, мы бы сказали *животном* родительском эгоизме, мать Семина пытается выгородить убийцу-сына. Для этого она использует свой убогий правовой арсенал, полагая, что раз «парень был выпимши, значит не так уж сильно виноват…».

«В праздник, — показывает она на допросе, — я налила Алексею полстакана водки, он выпил, взял отцово ружье и пошел…»

Сын ее более правдив:

«Мать дала мне самогону» (а не водки, как «скромно» показала мать). «Я выпил два граненых стакана» (а не «скромные» материнские

«полстакана»).

Мать «жалела» сыночка всегда, защищая его от «отца-изверга», «извергов»-учителей и всех прочих «извергов», хотевших сделать ее сына человеком. «Пожалела» она его и в утро рокового дня — дня, когда он стал убийцей. «Пожалела» по-своему, по-дикому: налила самогона!

События развивались. Семин-отец был недоволен сыном: определившись после восьмого класса в школу киномехаников, Алексей проболтался там год, сбежал оттуда, вернулся домой и бездельничал. За это отец наказал его: «Нечего тебе шататься по улицам, сиди дома и думай — что дальше делать будешь!»

Вот и сидел он, и думал, пока… пока его мама не «пожалела». Тут события стали развиваться стремительно.

Предоставляем слово самому Алексею:

«…После выпивки меня взяло зло на отца, что он меня никуда на праздники не пускал. И я решил *убить его*…

…Я взял его ружье и патроны и пошел в обход кладбища, где в это время находился отец. В обход — это чтобы меня народ не видел…»

Здесь-то, по дороге в обход кладбища, и произошла драма, в ходе которой работники милиции

своими телами заслонили Семина-отца от пули его пьяного, озверевшего в своей злобной идиотской ненависти сына.

«В Яновского я не целился, — эпически сообщал на следствии Алексей Семин. — Но он за мной погнался, поэтому я решил его *попугать* и выстрелил по очереди из обоих стволов…

…Потом появился Логинов. Он гнался за мной. Я вскинул ружье, выстрелил по нему, он упал…

Потом я заметил, что кто-то гонится за мной в гражданской одежде. Я выстрелил и в него…»

Все просто, буднично.

Хладнокровно, обдуманно, без аффектации и какой бы то ни было истеричности выродок, чье сознание было изуродовано фанатичной матерью, а темперамент разогрет самогоном, —

шел убивать отца;

тяжело ранил представителя закона, который хотел ему в этом помешать;

хладнокровно убил еще одного человека;

стрелял в третьего…

Суд по достоинству воздал бандиту.

Но ставить точку на этом нам кажется преждевременным. Мы бы хотели сказать несколько слов о моральной и юридической соотносимости ответственности родителей за преступления

их детей. Советским законом провозглашен принцип ответственности за конкретную вину. Родственники преступника свободны от правового преследования за его действия. Это, несомненно, демократическое и гуманное положение. Однако также несомненно, что весь смысл нашего законодательства, все нравственные традиции нашего общества несовместимы с моральной безответственностью тех людей, что подчас в значительной мере виновны как воспитатели в безобразных поступках и преступлениях своих детей.

Разговаривая с родителями несовершеннолетних преступников, мы сплошь да рядом слышали от них: «Мы их этому не учили...», «Мы их воровать не посылали...», «Мы их не просили хулиганить...».

Это чистая правда. В подавляющем большинстве случаев — не учили, не просили, не посылали. И все-таки воровали, хулиганили, убивали. И многие родители готовы объяснить поведение своих детей чем угодно: дурным влиянием улицы, плохим воспитанием школы, недобрыми дружками. Чем угодно, только бы это оправдывало поведение их ребенка, только бы освобождало от личной ответственности. И уж совсем им не

приходит в голову, что они сами тоже виновны.

Стремление избавить от заслуженной кары свое бесценное чадо иногда переходит все мыслимые пределы, все нравственные рубежи и устои, превращаясь если не юридически, то морально в соучастие.

Десятки трудящихся обратились в адрес одного нарсуда. Они требовали суровой кары Богатову, семнадцатилетнему пьяному подонку, убившему с неслыханной жестокостью студентку. По самому характеру содеянного, будь в Богатове хоть крупица человеческого, он должен был бы наложить на себя руки.

Но его мать обратилась в суд со следующим заявлением:

«Парень всегда был хороший, вежливый. Геннадий оступился *(оступился?!)* один раз в жизни, не ломайте ему судьбу, не приговаривайте к тюрьме — я беру его на свои поруки, и больше он ничего подобного не повторит».

Даже нас, обязанных в силу взятой на себя исследовательской задачи быть бесстрастными летописцами, охватила ярость при чтении этого, с позволения сказать, «документа». Какая же наглость, какой безмерный цинизм, какое животное слепое чувство должно было водить рукой мате-

ри убийцы, когда за страшную безвинную смерть хорошей, серьезной, незнакомой ей девушки она просила просто пожурить ее сыночка, «не ломать жизнь» бандиту, пьянице и садисту.

Она, наверное, не учила своего сына убивать. Но она и не научила его такому обязательному, такому простому и естественному, как сама природа, принципу — убивать нельзя. И когда он все-таки убил, то она и кары не захотела принять. Нет за ней вины, и за сыном нет — вот и весь закон ее совести. Хотя говорить о совести человека, для которого зверское убийство означает «он впервые оступился», — просто глупо.

«Ведь если бы Геннадий был действительно плохой мальчик!..» — горестно вздыхает мать.

А в самом деле: что же он должен был совершить, чтобы стать действительно плохим мальчиком — с ее точки зрения?..

Вот так мы и подошли постепенно к той грани, за которой начинается для нормальных людей мрачный мир непонятного, нелогичного, нечеловечного. Мир, где растоптаны представления о всех нравственных ценностях и о самой высшей из них, неповторимой, необратимой — человеческой жизни. Нормальный человек способен понять большинство обычных преступлений: от

кражи и внешне безмотивного хулиганства до грабежа и разбоя, представляющих в практике, как правило, сплав из этих, более простых элементов. Но убийство, вероятно, именно в силу своей окончательности, необратимости последствий, с трудом укладывается в сознании людей и кажется чем-то чуть ли не сверхъестественным, делом рук каких-то иных существ, нелюдей. Образно говоря, так оно и есть, хотя анализ преступности показывает, что нелюди эти — не таинственные пришельцы извне, наоборот, они рождаются, воспитываются рядом с нами, чтобы однажды взорваться своим смертоносным содержимым, развившимся на почве нездоровых инстинктов, уродливого склада личности, отсутствия социального воспитания.

Конечно, эта мрачная тема в тягость и нам, авторам, и читателям. Тем более что речь идет о несовершеннолетних. Однако в рамках задач, которые мы перед собой поставили, обойти этот вопрос невозможно, особенно если учесть, что мы считаем: большинство преступлений, а опасных и тяжких — в особенности, уходит своими корнями в проблему преступности несовершеннолетних. И любая попытка разобраться в закономерностях этих процессов, найти объективные

формы их выражения, их признаки и способы выявления будущих тяжких преступников на менее опасных стадиях их деятельности, — служит на пользу общественному благу, а значит, необходима.

Современный западный мир, в особенности США, захлестнула за последнее десятилетие волна особо опасной преступности, среди которой видное место занимает преступность несовершеннолетних. Отдельные группы этих преступлений обусловлены различными факторами — от политической преступности до тех самых, внешне безмотивных преступлений, о которых мы начали говорить выше. Причем характерной предпосылкой развития последней группы преступлений является резкий рост преступности политической. В самом деле, перейдя на современном этапе своего развития к прямому насилию в политической жизни, к разрешению политических вопросов не устаревшими, «консервативными» методами, а прямой силой огнестрельного оружия, капиталистическое общество вызвало к жизни мрачные силы преступности в своих недрах, породило кровавые преступления, не связанные с какими-либо прагматическими формулировками. Достаточно

сказать, что после роковых выстрелов в Далласе, оборвавших жизнь президента США Джона Кеннеди 22 ноября 1963 года, произошла целая серия бессмысленных кровавых убийств, совершенных вне пределов разумной оценки умысла преступников. Так, признанный вменяемым студент Чарли Уитмен, предварительно зарезав свою жену и мать, взобрался с винтовкой на небоскреб в городе Остине (штат Техас) и за короткий срок перестрелял сорок девять человек, из которых пятнадцать умерли. Некий Спек зверски убил в Чикаго восемь девушек-медсестер. Молодые парни Смит и Хикок без всякого смысла и необходимости вырезали целую семью простого фермера в Холкомбе. Чарльз Старкветтер с 15-летней подружкой разъезжали по всей Америке и ради «удовольствия убийства» перестреляли много людей. И так далее — список кровавых преступлений можно продолжать без конца.

Мир не остается равнодушным — эти преступления находят сотни своих исследователей, пытающихся разобраться в их причинах и истоках. Наиболее здравомыслящие приходят к некоторым основным выводам: уитмены, хикоки, спеки, старкветтеры — возникают в обществе, где господствует никак и ничем не ограниченный

культ абсолютного насилия. Хотя и не основным, но важным фактором является свободная, открытая продажа всех видов оружия. Главное же — освобождение человека в рамках современной буржуазной идеологии от понятий «честь», «совесть», «ценность и абсолютность человеческой жизни», они превращаются в нечто старомодное, безнадежно устаревшее, презренное. И на фоне этого бесконечного цинизма, освободившись от извечных гуманистических представлений о добре и зле, отдельные, запутавшиеся во всех этих сложных категориях люди начинают приучаться к мысли о своей исключительности, о ничтожности всего остального мира, вынуждающего тем не менее их, «исключительных», к пресному повседневному существованию. И тогда — то ли как стихийный протест против такого принуждения, то ли как способ получения острых ощущений от кровопролития — раздаются выстрелы, пускаются в ход ножи, гибнут ни в чем не повинные люди, обычно даже не знакомые со своими убийцами…

Наше общество в силу своей идеологии, в силу принципиально иных условий развития и существования личности подобных преступлений практически не знает. Да, и у нас случаются особо тяжкие преступления. Но преступление

не состоит из одной лишь объективной картины происшедшего. Не менее важную роль в его оценке играет и личность преступника. Преступника, возникшего *вопреки* всем социальным условиям нашего общества, его идеологии и нравственности. Преступника, взрастившего в себе бесчеловечность, жестокость, неуважение к людям — *вопреки* нашей морали, исповедующей гуманизм, дружелюбие, бескорыстие и взаимное уважение. Социальные взгляды этих выродков, противопоставленные нашему обществу, настолько укоренились в их психике, настолько въелись в сознание, что практически превратились в мировоззрение, своего рода жизненную философию. Буржуазные социологи и криминалисты в таких случаях отстаивают всевозможные вариации биологических концепций — смысл их в конечном итоге сводится к тому, что такие закоренелые преступники несут в себе «генетический заряд» преступности. Иллюстрируя эти взгляды, судья Рагунатх в индийском кинофильме «Бродяга» отстаивает позицию наиболее реакционных представителей правосудия, утверждающих: «Сын порядочного человека будет порядочным человеком; сын вора будет вором».

Наша правовая наука придерживается прин-

ципиально иных взглядов: человек есть продукт воспитания, дурной человек есть продукт дурного воспитания — включая в понятие воспитания весь комплекс личных, семейных, бытовых и других факторов, оказавших влияние на формирование человеческой личности. К сожалению, приходится констатировать, что, как и всякое большое дело, воспитание людей в духе уважения к законам имеет свои потери: отдельные граждане еще становятся преступниками, а некоторая, хотя и совсем небольшая, их часть — закоренелыми, трудноисправимыми преступниками, само пребывание которых на свободе представляет для общества повседневную, ежеминутную опасность. В одном из специальных журналов мы столкнулись с описанием любопытного факта. Некий Журавлев за многочисленные кражи был осужден к лишению свободы. Даже находясь в местах лишения свободы, он продолжал совершать преступления, в результате чего отбыл в общей сложности около пятнадцати лет. Наконец, пробил долгожданный час освобождения. Журавлева вызвали в канцелярию, вручили ему документы, 25 рублей на первые дни, пожелали успехов в дальнейшей честной жизни, и — Журавлев вышел за ворота колонии.

Говорят, что в этот момент он даже прослезился. Вместе с ним на свободу вышел его товарищ. К сожалению, обоим не повезло: поезд отправлялся только через несколько часов. Решили «отметить» освобождение и основательно выпили. А когда товарищ захмелел, Журавлев залез к нему в карман, вытащил заработанные в колонии деньги и… направился в вокзальный буфет пропивать их. Здесь его арестовали и вскоре возвратили в ту же колонию…

Вот и спрашивается: что это, как не тяжелейшая закоренелость в преступлении? Ведь это даже не психология обычного рецидивиста, который, отбыв назначенное ему наказание, «гуляет» на воле, постепенно забывая о тюрьме, колонии. В памяти его медленно стираются воспитательные пассажи, и, наконец, оказавшись в, так сказать, провоцирующей обстановке, он совершает новое преступление. А тут все еще было свежо, еще лежал в кармане колонистский паек, еще виднелись невдалеке стены колонии!.. Видимо, здесь мы сталкиваемся с психологией преступника, считающего правонарушения — нормой своего поведения, правилом, наконец, достойным и похвальным образом жизни. И видимо, единственным применимым здесь методом

может быть рецепт из басни Крылова: «…нужно власть употребить». Да, употребить власть — насильственно отнять у такого преступника возможность проводить в жизнь его антиобщественную «философию».

Но сущность нашей мысли заключается в том, что такими вот закоренелыми преступниками не рождаются, не становятся в один день — этому предшествует длительный процесс накопления антиобщественных навыков, взглядов, тенденций, процесс движения от плохого к худшему. Как и всякий другой социальный процесс, он подвержен колебаниям, разным сдвигам, изменениям, ускорению и замедлению — все зависит от качества и значительности влияющих на него факторов. Бывает, что на какой-то стадии, попав в поле зрения сил, способных положительно влиять на него, процесс этот затормаживается, замедляется, останавливается, поворачивает вспять. Это случается достаточно часто. Но, к сожалению, бывают случаи, когда этот процесс, раз начавшись и не встречая противодействия, идет с нарастающей силой и приводит, наконец, к катастрофе — общество получает трудноисправимого человека. Некоторые из важнейших отрицательных факторов этого процесса мы уже

рассмотрели в предыдущих главах — плохая семья, дурной пример старших, равнодушие отдельных общественных организаций, недостаточная, иногда просто плохая работа некоторых должностных лиц.

Теперь нам предстоит познакомиться еще с одним серьезным фактором. Это — фактор своевременного раскрытия преступлений и наказания. Существует интересная психологическая деталь: преступник оценивает свое преступление не только «первично», с точки зрения тех целей, которых он хотел достичь. Происходит еще то, что в технике называется обратной связью: если преступление раскрыто и за него назначено наказание — преступник переоценивает его уже с точки зрения органов следствия и правосудия. А именно — насколько преступление было продумано и как осуществлено; в какой мере оно имело смысл для исполнителя — уже не с позиции предвкушаемой «бутылки», а под углом зрения полученных вместо нее трех лет лишения свободы; наконец, с позиций безнадежно и непременно рушащейся в современных условиях «романтики» блатной жизни и пребывания в местах заключения, неизменно оборачивающейся душевной болью, внутренним унижением,

позором и всеобщим осуждением. В свете этого ясно, каким важным *воспитательным* фактором является своевременное раскрытие преступлений, все больше и больше создающее атмосферу безнадежности вокруг самой идеи преступности. Ведь это не пропагандистский лозунг, а реальный и давно свершившийся факт, что в нашей стране нет больше организованной преступности, так называемого «преступного мира». Громадная заслуга в ликвидации его принадлежит нашей милиции и органам прокуратуры, которые главную свою задачу видят не просто в раскрытии преступлений, но в *своевременном, быстром* раскрытии их. Вместе с тем в отдельных случаях, по вине нерадивых работников, горячие следы преступления остывают, раскрытие его становится проблематичным, а иногда и безнадежным. Вот эти-то случаи помогают создать иллюзию безнаказанности, позволяют преступнику «набраться опыта», делают его дерзким и наглым, способствуют эскалации преступлений…

Большинство подростков, осужденных за различные преступления, видят в своей прежней безнаказанности одну из важнейших причин, приведших их на скамью подсудимых. «У меня и раньше были нарушения, — пишет нам Сергей

Пестряков, шестнадцати с половиной лет. — Сначала я на улице избил мужчину, и даже велось уголовное дело, но потом оно было закрыто. Три раза я был в вытрезвителе, задерживался милицией за драки на улице и другие поступки. Но за все за это меня только обсуждали на цеховом собрании...» А Юрий Кононов, семнадцати лет, пишет: «Почему не остановили меня раньше? Тогда бы не пришлось па́риться в колонии...»

Само собою разумеется, что «остановить» прежде всего должен был себя сам Кононов. Но безнаказанность сыграла в его судьбе не последнюю роль.

А теперь, проанализировав вместе с вами достаточно яркие, но вполне *типичные* уголовные дела, мы можем сделать следующие основные выводы.

Подавляющее большинство этих преступлений можно было предвидеть и предотвратить. Мы говорим об этом во всеуслышание, мы пытаемся показать, как формируется будущий преступник, мы должны посоветоваться, как остановить его, как обезвредить его раньше, чем он прольет кровь.

Преступление подростка не является каким-то непознаваемым и неуправляемым процессом,

скрытым в биологических глубинах личности; напротив, в подавляющем большинстве случаев — это результат неправильного воспитания, усугубленного безразличием, а иногда и недобросовестностью *отдельных лиц*, которым в силу их общественного или служебного положения надлежит заниматься социальным воспитанием детей.

В той же степени сказанное относится и к родителям.

Не случайно новая Конституция СССР, принятая в 1977 году, говоря о правах граждан СССР, подчеркивает «особую заботу о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием» (статья 42), а в области социального развития и культуры провозглашает «единую систему народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности» (статья 25).

В этих замечательных условиях подавляющее большинство наших детей получает нормальное воспитание. Перешагнув грань совершенно-

летия, они становятся достойными членами социалистического общества. К великому сожалению — не все дети. К величайшему сожалению — некоторые подростки, пусть и немногие, отклоняются от правильного пути, становятся правонарушителями. Процесс этот — процесс превращения подростка в преступника — вполне доступен изучению, контролю и регулированию, и только от добросовестности и энтузиазма *всех взрослых*, окружающих детей, зависит их правильное человеческое воспитание, а в отношении оступившихся — своевременное и окончательное исправление. Тогда не станет чекановых и малаховых, бычковых и поляковых. Не будет рубановых, семиных — их остановят раньше, чем они обагрят руки кровью. Не будет — если *каждый взрослый*, оказавшийся рядом с заблудшим ребенком, отнесется к нему как *к своей собственной тяжкой беде*, если будет ощущать свою *ответственность* перед ним и перед всем обществом за то, чтобы вывести подростка на свет. Во введении в новую Конституцию СССР сказано, что наша страна — это «общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все

более благоприятные условия для всестороннего развития личности». Внести свой личный вклад в этот грандиозный процесс — важнейшая и благороднейшая гражданская обязанность каждого из нас, и она всем нам по силам.